

ФФ

5 95

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Журнал "Приключения, фантастика":

Комплекты 1991, 1992, 1993 гг. – по 10 тыс.р.

Комплект 1994 – 30 тыс.р.

1995 номера 1,2,3 – по 8 тыс.р.

Библ. прикл. и фантастики "Метагалактика":

Компл. 1993 – 10 тыс.р. Компл. 1994г. – 30 тыс.р.

1995 г. книги 1,2,3 – по 8 тыс.р.

Библиотека мистики и ужаса "Галактика":

Компл. 1993 – 10 тыс.р. 1994 книги 1,4,5,6 – по 8 тыс.р.

1995 г. книги 1,2,3 – по 8 тыс.р.

Тома серии "Приключения, фантастика":

Прокол. Бродяга. Бойня. Сатанинское зелье. Измена.

Западня. Чудовище – каждый по 8 тыс.р.

ТАЛИСМАН-ОБЕРЕГ от сглаза и порчи -10 тыс.

(защищает от энергетического вампиризма)

Классификатор инопл. пришельцев – 8 тыс.р.

(подробное описание НЛО и инопланетян)

Прорицания в 2 книгах – 5 тыс.р.

(предсказаны все события до 2000 года)

Мордоворот. Повесть о рекитирах – 5 тыс.р.**Одержимые дьяволом.** Ужасы. – 5 тыс.р.**Красный карлик Эрот.** повесть ужасов – 5 тыс.р.**ПФ-измерение.** Любовные приключения – 5 тыс.р.**Дорогами богов.** Подлинная история Русского Народа.

12 тысячелетий. Истор. исследование – 15 тыс.р.

Ежемесячник аномалий "Голос Вселенной".

Номера 7-8,9-10,11-12, 1,2,3,4,5,6 – по 5 тыс.р.

Собрание сочинений Юрия Петухова в 8 томах.

Твердый переплет, по 700 стр. каждый том.

Высылаются 1,2,3,6 тома + абонемент. Полный

выпуск собрания – до конца 1996 г. – 45 тыс.р.

Для получения заказа необходимо отправить почтовый

перевод на адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40,

Петухову Ю.Д. Отправка сразу по получении п/п.

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

qп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

**Литературно-
художественный
журнал**

5 95

rutracker.org
новое имя для torrents.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар

30 Jun 11

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Петухов "Вторжение из Ада. Уход". Фантастический роман.....	4
А. Самойлов "Проклятое место"	238

Художник Алексей Филиппов

© Журнал "Приключения, фантастика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Розничная цена свободная.

**Учредитель, издатель, гл. редактор -
Петухов Юрий Дмитриевич**

Рег.номер - 309

Подписано в печать 5.08.1995 г. Формат 84x108/32.

Объем 9 п.л. Печать офсетная. Бумага типогр. 2.

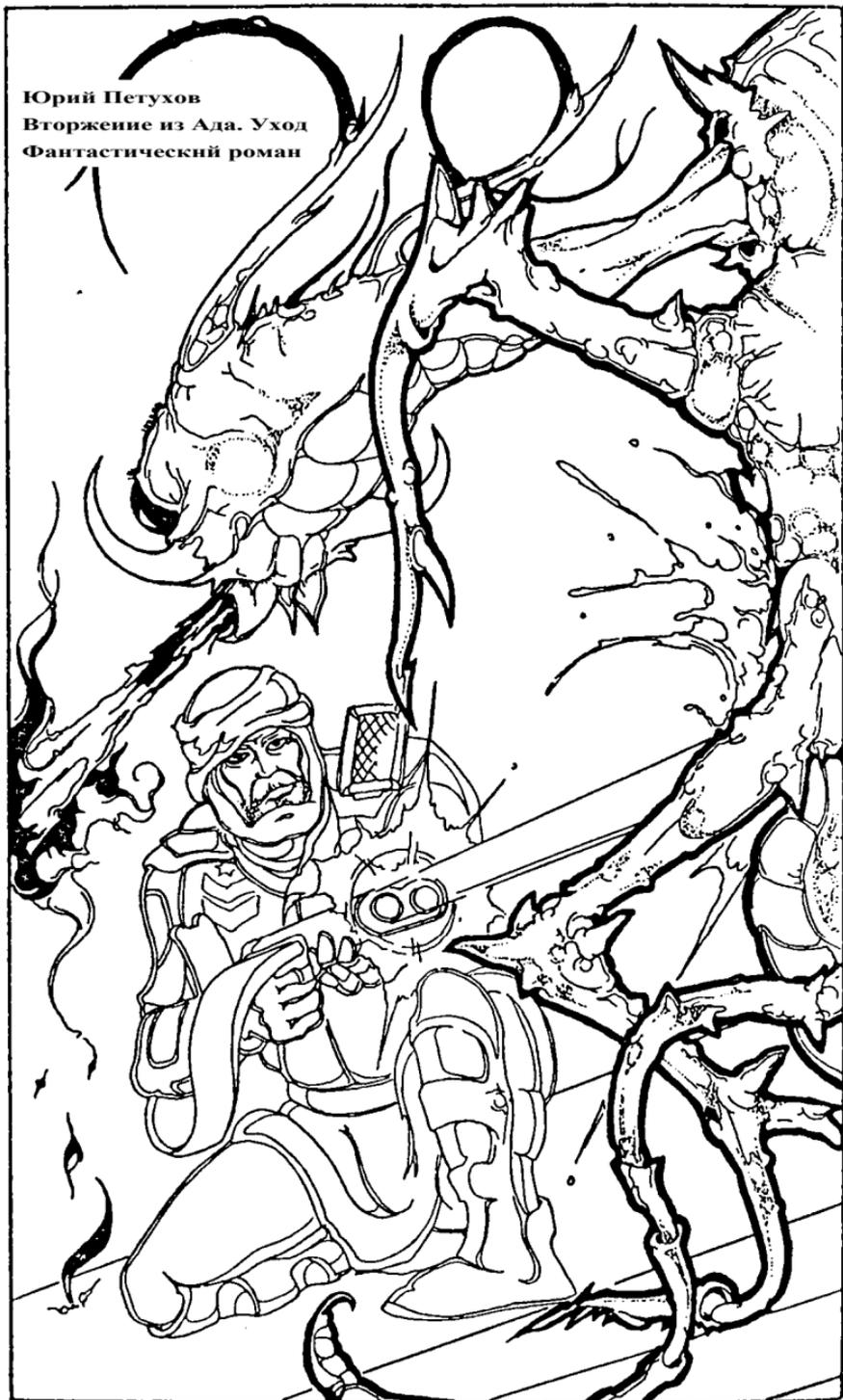
Тираж 27 тыс. экз. Заказ - 1293

**Издательство "Метагалактика" ЛР 060423.
111123, Москва, 2-я Владимирская, а/я 40.**

ГМП "Первая Образцовая типография"
Государственного комитета по печати РФ
113054, Москва ул. Валовая, 28

Индекс 70956

Юрий Петухов
Вторжение из Ада. Уход
Фантастический роман

Юрий Петухов

Вторжение из Ада. Уход.

Фантастический роман

Не было на Земле «золотого века», не было райских кущ и эдемов, молочных рек и кисельных берегов. Тяжко и кроваво ползла по трупам людским мачеха История. Хроники и мемуары пишут выжившие, победившие, уцелевшие... и потому прошлое смотрится не столь уж и печальным, даже приветливо-добрым, светлым и теплым. Эх, если бы летописи вели погибшие и растерзанные, если бы воспоминания писали замученные и истребленные – миллионы, сотни миллионов, миллиарды неживших! Если бы мы их глазами увидели океаны крови, пепелища, ликующие рожи убийц, занесенные над ними мечи и палицы, направленные в их груди стволы, если бы услышали их ушами предсмертные вопли, визги, хрипы, зная, что через минуту, секунду, миг будем сами хрипеть, умирая, покидая навсегда этот страшный и жестокий мир! Никогда бы не родились легенды о «золотых временах». Мачеха История, убивая слабых и неудачливых, растерявшихся и замешкавшихся, идет рука об руку с сильными, беспощадными, нахрапистыми и жестокими победителями. И они платят ей за это ластивыми и выспренными словесами хроник, летописей и воспоминаний. Не было на Земле «золотого века». Не было. Нет. И не будет. Ибо порождено человечество Богом – началом здоровым и созидающим. А погублено дьяволом – силами гниения, вырождения и разрушения. В адскую пропасть катится род людской, не желая оглянуться в падении, задуматься, раскаяться и вернуться к Богу. Обречен род людской. И потому тешит себя в смертном угаре баснями о былых «добрых временах» и грядущих «кущах райских». В дурмане дьявольском пребывает, подобно охмуренному зельями наркотическими или потерявшему разум. И нет спасения!

Заложено Богом было от века – не пускать в мир сей порченных дьяволом, гниющих телесно и духовно с рождения, родившихся выродившимися. Забирал их Бог к себе, не давая умножать зло и спасая души их. Но пошел человек против Бога, науськиваемый дьяволом, и против Воли Всевышней, против самой природы естества своего, в гордыню превеликую впад, обрел безумство выхаживать не допу-

щенных к долгой жизни, не допущенных к продлению рода – выхаживать вырождающихся. И умножилось число их, и стали порождать они подобных себе – и пришел в мир земной дьявол вырождения, и воцарился над миром этим князем. И обрели вырождающиеся и несущие гниение в мир силы большие, чем здоровые, ибо цепче цеплялись за жизнь, за место в ней, ибо вся жизнь их была не созиданием и творением, а свирепой и нещадной борьбой за выживание среди чуждых им, и стали сильнее их, приспособленной, хитрее, злее, мстительней, злобней – на их плечах вполз владыка мира разрушения и смерти в мир живых, их руками и их нечистой волей установил в мире этом законы свои. И встали выродившиеся над невыродившимися, нечистые над чистыми, выгнившие изнутри над сохранившимися душу, черные над светлыми, проклятые над благословенными. И пришло время извергов. И тщетно мучили себя вопросами созданные по Образу и Подобию, искали ответов на неустроение свое, на горе, раздоры, смерти, несправедливости и боли – тщетно, ибо не ведали, что рожденные под Богом, оказались во власти извергов-выродков, слуг дьявола, царствующих в мире этом. Все смешалось под небесами земными и в черных пропастях Вселенной. Все помутилось в пресветлом царстве, задуманном пресветлым, но изначально погружающемся во мрак адский. И повсюду был враг рода людского – и извне, и внутри его, в самом нем, ибо идущий против Бога оказывается в лапах дьявола, каждый получает по делам своим. И пытались немногие и отчаянные в кровавом месиве мачехи Истории подать голос, образумить гибнущее человечество, пресечь вырождение, окоротить извергов-выродков, очистить род вырождающийся... но страшна их участь была и гибельна, ибо под Богом они шли открыто и честно, говоря одну правду святую, взывая к совести, чести, разуму. Но били их подлю, чернили, клеветали на них, убивали из-за угла, губили чужими руками братьев их, бросали их в черное болото беспамятства или мазали дегтем обильно и гнусно. Беспощадны есть выродки! Беспощаден и подл князь мира сего! Ненавидимо им и ими все живое, здоровое, творящее. Но особо ненавистен силам зла видящий их, не пребывающий в их черном дурмане, ненавистен посланец Бога на земле. Исполчаются на такого всеми легионами своими, тьмами извергов. И обречены благословенные изначально пред незримо-лютыми силами. Неравен бой. Но куда есть они во Вселенной – есть надежда у рода людского, ибо верят верящие, что придет нора и вложит Господь Бог в десницу благословенных Свой Карающий Меч!

Наследный император Умаганги, беглый каторжник-рецидивист карлик Цай ван Дау, прежде чем наткнуться на незримую стену, вы-

тянул вперед свою руку, трехпалую и уродливую, будто узрел энергетический барьер. Пальцы остудило и обожгло одновременно. Хрустальный лед! Он сразу вспомнил проклятую Гиргею и этот сатанинский, иновселенский хрустальный лед – толщи непонятных, коварных полей, переплетения прозрачных силовых линий... Будто и не покидал планеты-каторги! А может, и впрямь не покидал?

Острая привычная боль пронзила виски, молотом ударила в лоб, выдавив из незаживающей раны каплю черной холодной крови. Цай скривился, сморщился, застонал. Защитные поля всегда плохо на него действовали. Да и, собственно, проверка эта пустая, ненужная, он знал и без нее, что шестиметровый бронезабор окружен энергетическими барьерами. И черт с ним! Никто и не собирается лезть через забор, все заборы на свете существуют только для идиотов и тупарей. Они проникнут в форт иным путем.

Цай уныло побрел вдоль незримой стены. Он был одинок и беззащитен. Над его головой в черной пустоте не висела собственная капсула, не хранила от неожиданностей – он не миллиардер Дил Бронкс, он беглец, жертва, за ним охотятся со всех сторон... и когда-нибудь его обязательно настигнут. Да, настигнут и заставят держать ответ. Он больше не выдержит пыток! У карлика Цая ван Дау был свой расчет идти по рискованной тропке рука об руку с Иваном. Он пришел к русскому сознательно. Вместе с ним он или победит – и тогда станет недостижимым для всех этих паучьих синдикатов и прочих гипербанд, недоступен для спецслужб земных и вселенских, – или проиграет, ничего не потеряв, все одно – преступлений за ним столько, что с лихвой хватит на десятерых висельников.

Только вчера Цай перерезал глотку третьему серому стражу Синдиката. Они разыскали его и здесь. Еще бы не разыскать! Но они не собирались «мочить» строптивого беглеца, если б собирались – давно бы спровадили на тот свет. Значит, он им все еще нужен. А может, они позапутались совсем, и немудрено, такой кавардак по всему миру, все будто белены объелись... позавчера семеро бандюг, из амнистированных, прямо в центре пригорода, в скверике Процветания и Свободы, распяли двух копов вверх ногами на одном корявом дубе – зевак собралось тыщи с полторы – галдели, хихикали, визжали, советы давали, какая-то бабка в минишортах и фиолетовой майке зароптала было, так ее саму чуть не придавили. Цай стоял за поникшей осиной и дрожал. В те минуты ему хотелось обратно, на Гиргею.

Чертова Исполнительная Комиссия! Не обойдешь ее, не объедешь! Цай завидовал Гуту Хлодрику и Кеше. Да только ведь не поменяешься уже ролями и местами. Теперь вся надежда на Хука Образину и красавчика Армана, если они не оплошают и не дрогнут, вызовут

огонь на себя, никакая бронированная стена хоть до небес, никакие силовые поля не спасут эту проклятую Комиссию! Цай провел рукой по груди – черный кубик был на месте, в потайном кармашке, это хорошо. Бронксова десятка уже торчит в сверхзвуковых безынерционных бронеходах, они не подведут. Но почему...

Цай ван Дау отошел к деревьям, подальше от стены, уселся в траву и щелкнул черным птичьим коготком по браслету инфоблока, навел бесцветный пучок на ближайший куст. Изображение получилось каким-то непривычным, расплывчатым и дрожащим. Косматый и нагловатый информатор в желтом балахоне с красным бантом на плече вещал осипшим тенорком и суетливо поводил глазками, будто подмигивая или намекая на что-то:

– ...два взрыва и яркая вспышка. Мы не располагаем видеоматериалами и приносим наши глубочайшие извинения почтеннейшей публике за качество передач! Впервые за сто пятнадцать лет прервана связь с Космоцентром Видеоинформа, оттуда идут по всем каналам развлекательные программы, сериалы и общеобразовательные циклы, односторонняя связь, на запросы с Земли и других планет ближайших систем ответов не поступает Одну минуточку! – информатор прервал свой суетливый щебет, побагровел, скорчил кислую мину.

А Цай сидел, внутренне сжавшись, все еще ожидая чего-то главного, основного. Он хорошо понимал ньюэнглиш, но речь информатора была насыщена новенькими и модненькими словечками, которые гасили смысл и сводили все к шуточкам да хохмочкам. Всю эту жеманную и перемигивающуюся дегенеративную сволочь давно пора было гнать из информслужб, да только ни у кого такой власти не было. Цай ждал главного. А ему вбивали в глаза и мозг гнусные рожи каких-то влиятельных негодяев, высказывающих свое мнение, потом из марева и тумана выявилось некое «официальное лицо» и попросило «почтенную публику» не волноваться, мол, все в норме и будет еще лучше. Будет! Непременно будет, согласился с ним по-своему карлик Цай. И опять засипел лохматый, желтый ублюдок – теперь его одутловато-моложавая бабья харя переমেжалась с мутными картинками каких-то взрывов, аварий и туманов в Европе.

– Качество чрезвычайно плохое, друзья мои, паршивое качество! Мы не может понять, что там с нашими парнями в Европе, или они разучились вести репортажи, мать их! Но творится, прямо скажем, что-то неладное и веселенькое! – Лохматого будто смело очередной вспышкой, изображение стало еще хуже – что-то клубилось, накатывало, клокотало в

мареве и мраке, прореживаясь желтыми молниями и разрывами. У Цая остро и нестерпимо защемило сердце – это Гуг! неужели началось?! но сигнал? где же сигнал, его не было!

Прямо над головой, метрах в двадцати с ревом пронеслась шестерка полицейских дисколетов. Такого раньше не бывало. Они действуют по особому режиму. Это начало! И это конец! Цая затрясло крупной рваной дрожью. Где же Дил? Он уже хотел включить внутреннюю связь.

Но на фоне беспечных зеленых кустов вновь расцвела харя информатора. Она была еще гнуснее и гаже чем прежде.

– Мы только что получили сообщение из России! – чуть не визжал выродок. – Это невероятно! На подступах к Москве, всего в семи километрах от города неожиданно вернувшейся с Дериза особой гвардейской бригадой... э-э, Семибратова, черт бы побрал эти русские имена...

– Тебя бы черт побрал, подонка! – с неожиданной злостью прошипел Цай. И потянулся к ретрансу.

– ...бригадой Семибратова уничтожена спецдивизия «Летний гром»! Это невозможно! Русские опять сошли с ума! Десять тысяч отборных бойцов-суперменов! Цвет Русской армии! Полторы тысячи бронеходов типа «черный смерч»! Восемьсот внепространственных батарей подавления «ураган-211»! Сорок восемь боевых армейских капсул на орбите! Две тысячи сигма-штурмовиков! Это мощь, способная сокрушить целую галактику! И она уничтожена в считанные минуты! я ничего не понимаю... смотрите!

Харя исчезла и на ее месте посреди бескрайнего серого поля черными дырами застыли восемь обожженных, залитых расплавленной броней котлованов. Цай не выдержал, отвернулся. Теперь он все понимал, оставалось лишь выполнить то, что надлежало выполнить по программе. Но еще немного, еще хоть чуть-чуть, он все ждал.

А желто-лохматый тарашил свои воровато-подмигивающие глазища и вещал:

– Но главный вопрос – зачем спецдивизия министерства обороны выдвинулась на Москву? Зачем она шла на столицу?! Мы даем связь с Пентагоном... одну минуточку. Вы готовы, сэр?

– Да, это очевидно! – изможденно худой тип в фуражке дергал кадыком. – Это переворот. Или удавшийся. Или неудавшийся и подавленный. Силы обороны Мирового Сообщества приведены в полную боеготовность и вам всем нечего опасаться, мы выполним с честью свой воинский долг. Нас больше беспокоит обстановка в Европе. Нарушена связь. И мы не можем понять, чем там заняты наши коллеги?! Если это

очередные, не согласованные с нами маневры.., – тип замялся, снова задергал кадыком. Потом неожиданно и прямо, по-солдатски рубанул: – Нам опять втрое урезали ассигнования! Армия разваливается! И с нас еще чего-то спрашивают?!

Он тут же исчез. И снова засуетился, замельтешил желтый выродок.

Ну хватит! Цай отключил инфоблок. Все ясно. Но почему молчит Иван?! И почему он обо всем узнает из вторых рук, от этих ублюдков. Где Дил Бронкс?!

– Дил! – закричал он по внутренней. – Ты слышишь меня?!

– Слышу, – надменно отозвался довольный Бронкс. Он явно обо всем давно знал, но тешил свое самолюбие, ждал, пока его попросят.

– Ты готов?!

– А ты разве не видал шестерку в небе?

– Полиция?!

– Это мои ребята! Остальные пошли на бронеходах. Еще двенадцать по черным нитям. Теперь дело за нами. Не робеешь?!

– Но сигнала не было!

– И не будет. Начинай!

Дил Бронкс отключился. Да и что он мог еще сказать, все давным-давно было сказано-пересказано, теперь пришла пора дело делать. Рука с черным ледяным кубиком вздрогнула. Сейчас! Еще миг! Еще один только миг, предчувствие не должно обмануть.

И прорвало! Будто черный, незримый заслон в мозгу прорвало:

– ...чишь?! Почему молчишь?!

– Есть связь! – выдохнул Цай. – Я слышу! Иван!!!

Голос у Ивана был усталый, хриплый и тихий.

– Начинай, Цай! Мы сорвали план! Начинай немедленно! Все объяснения потом!

– погоди! Один миг! Где Кеша?! Где Гуг?! – выпалил карлик на одном дыхании.

– Кеша взял Космоцентр. Он наш! Гуг в мясорубке. Не тяни! С Богом!

Цай хотел спросить про «Летний гром» и про Семибратова, но Иван уже вырубился. Да, со связью что-то случилось не только у служб информа и Пентагона. Ну да ладно! Ну да плевать!

Он разжал ладонь перед самыми глазами – ретранс был весь в черной холодной крови, в его крови, он и не заметил, как поранил руку. Теперь все чувства, все сомнения и нежно-

сти долой! Теперь только точный расчет и спокойствие. И да помогут ему все силы Вселенной и Невселенной! Да, даже дозврывники, если он им еще интересен! Он не имеет права промахнуться! Не имеет!

Туда! В самый центр!! В мозг Мозга!!!

Его швырнуло в мрак, перевернуло, ударило о нечто невидимое, и еще раз! и еще! там были барьеры даже для ретранса! но он прошибал их! прошибал своим кодированным, сжатым в пучок дельта-частиц телом. Он не терял сознания... или это только казалось, он ничего не понимал, ничего не видел, ничего не слышал. Он пришел в себя, сильно ударившись о чью-то голову, ударившись затылком. И только потом Цай обрел зрение и слух. Даже не обернувшись, он вонзил сигма-скальпель в сидящего, почувствовал как обмякло тело – и тогда он привстал, дал телу сползти на пол. Но не посмотрел на него. Жаль, конечно, парня, он просто дежурил на своем посту – на самом ответственном и важном посту в Западном полушарии, но ничего не поделаешь, он сидел именно в том кресле, в котором должен был сидеть сейчас наследный император и беглый каторжник, сидеть во имя спасения всего человечества и самого себя.

– Попал! – прошептал Цай, еще не до конца поверив в случившееся.

Кресло, в котором он замер недвижимой мумией, стояло в шарообразной крохотной ячейке с плоским, ребристым, не предназначенным для ходьбы полом. Труп человека в сиреновом комбинезоне занимал половину этого пола. Ни дверей, ни люков не было видно. Зато прямо сверху спускалась огромная, матово-черная сфера, мыслесфера. Она заблокирована, тут и гадать нечего. Но Цай и не такие секреты разгадывал, он не сомневался в себе. Главное, чтобы Хук с Арманом не оплошали, да Дил Бронкс не подвел... да чтоб смена этому парнишке не заявила, когда она должна быть, ведь не сидит же он здесь сутками?

Цай думал о множестве вещей. Но одновременно его нечеловеческий мозг делал свое дело – проникал в тайну тайн самого ядра Исполнительной Комиссии. Чудовищного Монстра, обитавшего на Западном Полушарии и почти в половине освоенной Вселенной, можно было взять только изнутри, рубить головы снаружи этому исполинскому тысячеглавому Змею было бесполезно.

– Мы с тобой преступники, Иван, – устало выдавил Глеб Сизов и сдавил виски своими огромными, жилистыми ручищами.

– Знаю, – тихо согласился Иван.

Он сидел прямо на столе, свесив ноги, уставившись глазами в одну точку на зеленом ковре.

– Десять тысяч наших... наших парней! Нам никогда не простят этого. Никогда! Я сам себе не прощу! – Глеб заскрежетал зубами в бессилии.

– У нас не было выбора. Они шли на Москву!

– Все равно!

Иван понимал, что спорить бесполезно. Уничтожать спецдивизию нельзя было. И не уничтожать, когда она получила приказ, тоже нельзя. Такие соединения выполняют приказ. Или погибают. Там не разбираются, кто прав, а кто виноват. И из-за этого муторней вдвойне. Тысячи русских парней! И всех восемью ударами. Одним бригадным залпом. Они и думать не могли, что свое же, российскийское соединение, такие же по сути братки, обрушатся сверху, с чистого русского неба... точнее, с околоземных высот. Они даже не выставили гиперзащиты! От кого?! И все до единого полегли. Прав Глеб, ох как прав. Но и он, Иван, тоже прав. Их надо было остановить. Они не выполнили его, Правителя, приказа, они отказались от переговоров – через час-полтора после выступления они бы вырезали, выбили, вытравили и выжгли всех из Кремля, не разбирая, кто за кого, они бы превратили в неживую пустыню весь Китайгород и половину Белого города, а в случае сильного отпора они просто-напросто разнесли бы по камушкам, в пыль и сам Кремль с его соборами и дворцами, с колокольнями и звонницами, с золотыми куполами и величавыми двуглавыми орлами. Иван прекрасно знал, что такое придворная, привилегированная беспощадная и нерассуждающая спецдивизия «Летний гром». Нет, он не преступник! Он воин! И встал на путь войны он не за себя. На этом пути надо побеждать. Или умирать. Прожигая мирную и успокаивающую зелень ковра полыхнуло вдруг перед глазами его золото доспехов, будто в малой хрусталинке отразилось все небесное воинство. И погасло разом.

Иван отвел глаза. Встряхнул головой. Посмотрел на Правителя подлинного, избранного много-много лет назад, целую эпоху, – того привязали для надежности к одному из кресел, и он обмяк, растерял всю свою надменность, сник, а теперь и вовсе провалился в забвение и тихо посапывал. Пускай спит, еще пригодится.

Иван встал. Подошел ближе к Глебу.

– Ну, хватит нюни распускать, – сказал тихо, с нажимом.

Сизов отвернулся.

И тут же запульсировало желтым со стены, прямо над панелью. Иван кивнул – экран внешней связи включился трех-

метровым зеркалом. Разгоряченная и растрепанная Светлана глядела прямо в глаза.

– Ты слышишь меня?!

– Да, – ответил Иван. Он уже и позабыл, что послал ее в комитет, столько прошло времени.

– Тут все в порядке, – быстро затараторила она, – семерых положили на месте, двести шестнадцать в приемники на обработку... а остальные нас ждали, давно ждали.

– Ждали и молчали, – просипел Иван, – вот всегда так у нас в России.

– Ты о чем? – не поняла или не расслышала Светлана.

– Да так, – оборвал ее Иван. – Дай мне нового председателя!

Светлана скривила губы, но исчезла с экрана. И тут же на нем высветилось округлое и спокойное лицо Игоря Рогова, нового председателя комитета безопасности Великой России. Он был абсолютно не похож на своего брата, на Артема Рогова, который так бестолково погиб в Осевом измерении.

Иван прервал обычный протокольный доклад-представление.

– У нас нет времени на церемонию, – сказал он, – я вам верю и надеюсь на вас. Действовать по расписанию Особого положения, обо всех неожиданностях докладывать мне или генералу Сизову. Ясно?!

– Так точно, – последовал уставной ответ. И тут же из-за Рогова в упор, прямо глаза в глаза, на Ивана уставилась Светлана – до нее только теперь дошло, что Иван-то в своем собственном обличии, что это его тело, его лицо, его глаза, а не старика Правителя! Она была явно ошеломлена.

И Иван понял ее удивление, понял ее оторопь. Он еще тверже сжал губы, всмотрелся в Рогова. Тот как ни в чем не бывало смотрел на нового Правителя. Он все видел. Он все понимал. И не только понимал. Спецслужбы еще три часа назад докладывали – границы на замке, но всей стране и на внепланетарных территориях идут внезапные повальные захваты, аресты резидентуры, агентуры, обыски... Новый действовал решительно и умело, он чистил конюшни за прежнего, подобно Гераклу, а значит, второго «Летнего грома» не будет, это уже хорошо. Света права, они все видели, все знали, они ждали.

Он одобряюще улыбнулся, чуть кивнул и заглянул обоим в глаза – как своим, близким, верным людям. Светлану пора бы и вернуть. Но пусть немного отвлечется, пусть поработает – после Осевого это не во вред.

– Ну, давайте, с Богом!

Рогов жестом остановил его.

– Есть еще новость, только получили.

– Что там?

– Арестован комдив Сунский.

– Кто-о-о?! – Иван от неожиданности чуть не потерял голоса.

Глеб Сизов подскочил к экрану, вскинул руки со сжатыми кулаками, будто собираясь ударить. Только Правитель не проснулся, он, наверное, видел добрые и благие сны.

– Командующий дивизией «Летний гром» генерал-полковник Михаил Сунский. Его взяли двадцать минут назад на седьмой внешней орбите.

– Он жив?!

– Жив и здоров, малость напуган...

– Но ведь вся дивизия полегла, вся до последнего бойца! Вы что-то путаете! Немедленно выяснить и устранить ошибку! – Иван был взбешен.

Но Рогов смотрел столь же спокойно. Он явно был уверен, он не ошибался.

– Получив приказ от министра обороны...

– Бывшего министра! – резко вставил Глеб.

– Так точно, от бывшего министра обороны, комдив Сунский немедленно довел его до комсостава дивизии со своей добавкой: приказ безоговорочный, не подлежащий коррективам. После этого немедленно выбыл в Москву на консультацию.

– А взяли на седьмой орбите?!

– Да, он просто сбежал, послал свою гвардию на смерть, на неминуемую смерть, – коротко и просто пояснил Рогов.

– Немедленно ко мне! – приказал Иван. – Через пять минут этот гад должен быть здесь!

И отключил связь.

– Ну-у, гнида-а, – тихо протянул Глеб. – Этакого в Русской Армии еще не бывало!

Иван положил ему руку на плечо. Он знал, что бывало всякое. Но теперь не время ворошить историю. Теперь надо быть сильным и справедливым. И быстрым. Да, он не палач. Он воин. Но именно поэтому он не имеет права прощать. Не имеет!

– Как там со вторым слоем охраны? – поинтересовался он у Сизова.

– Полный порядок, – доложил командир альфа-корпуса, – только четыре бойца оказали сопротивление. Их устранили. Две трети слоя отправили на отдых с дальнейшим распределением по подмосковным частям особого назначения. Парни

нормальные, надежные. В Москве все тихо. Подавлено двенадцать очагов сопротивления. Уничтожен совместный батальон...

– Ох уж эти мне совместные батальоны! – Иван не выдержал. Ему никогда не нравились игры и забавы штатских недорослей, не имевших представления о воинских делах, им только совместные учения да маневры подавай – то с общеевропейцами, то со штатниками! Забав себе ищут, рушат армию! Вот и батальоны завели... паши у них, ихние у нас, комедия! а может, и кое-что посерьезнее, наверняка серьезнее, ежели на дыбки встали!

– Все подобные подразделения расформировать, разоружить и выслать за пределы России! – потребовал он.

– Уже сделано, – Глеб Сизов немного обиделся, это стало заметно по его потускневшему лицу. Он профессионал, ему не надо разжевывать, Иван мог бы и потактичнее себя вести.

– Хорошо! Что дальше?

– Еще накрыли четыре подземных притона, в каждом до семи тысяч каких-то оборотов, я никогда не встречал подобных выродков... – тут Глеб немного растерялся.

– Сатанисты?!

– Похоже, они. Но вся эта мишура – только прикрытие, Иван. Там горы оружия, там аппаратура, все виды связи, там система...

– Наши работают с ними?

– Работают.

– Всех, кто взят с оружием – к стенке. Остальных на рудники! Безжалостно! Беспощадно! Ньюни не распускать! Воспитательной работой будем потом заниматься! Кто еще прибыл на Землю?

– Четыре наших флота уже стоят за Трансплутоном. Остальные идут к Земле. Кроме системно-оборонительных. Восемь дивизионов планетарного боя заняли базы под Москвой... Все идет по Особому плану. Сбоев нет. Смещено семь командующих армиями и флотами. Трое восстановлены... не разобрались. Остальные под арестом. Маршал Тихоренко после смещения покончил с жизнью. Генералы Симанович, Зеленский и Тиго расстреляны за попытку невыполнения приказа и переход со своими соединениями под временное командование Силами Федерации...

Иван горько усмехнулся. Предатели? Наемники?! Или тоже не разобрались?! Сейчас не имеет значения.

– Этот еще в боксе?

– Кто? – не понял Сизов.

– Бывший предкомитета?

– Да.

Иван зажмурился. Ох, нелегко даются такие решения, нелегко. В бою и сече легче. Но он обязан это сделать. Обязан! Ради тех, кто не предал, ради России, ради всех русских, всех россиян, всех землян. Иди, и да будь благословен! Нельзя отступать. Теперь он не игрушка в чужих руках, не бродяга, не странник, теперь он воин. Пред глазами встало лицо сельского священника, тихого, скромного батюшки, погибшего по его вине – они так долго спорили в те зимние и осенние вечера, пытались убедить, переубедить друг друга, но так и не переубедили, оставаясь в одной вере и в одной мысли – единомышленниками. Он бы понял его, понял, несмотря на свою чистоту, почти святость. И они бы поняли! Они, сгоревшие в том белом, страшном пламени, сгоревшие медленно, привязанные к поручням своего же космолета, привязанные и обреченные на смерть нелюдями. Он слышал их последние слова. Не тогда, не в младенчестве. Он услышал их позже. Не мстить, не преумножать зла на Земле и во Вселенной, его и так много... Но сейчас они бы поняли его. И благословили. Ибо приходит час, когда зла становится столько, что оно бьет фонтаном, хлещет через край. Приходит час, когда нелюдей надо наказывать.

Резкие слова вырвали его из полузабытья.

– Комдив Сунский доставлен. Вести?

Иван посмотрел на Глеба. И тихо, почти не разжимая губ, выдавил:

– Нет, не надо. – Потом добавил еще тише и еще жестче: – Вывести обоих. Туда, под окна, чтобы я видел. И повесить!

Бывшего председателя комитета, поникшего, измученного и бледного, выволокли из кабинета. Охрана и бойцы спецкорпуса уже давно поняли, что приказы здесь не обсуждаются, что это война, что мирные времена давно прошли... и будут ли когда-нибудь вновь?

Глеб Сизов бросился к Ивану. Подбородок у него подрагивал.

– Должен быть суд, трибунал. Ты не имеешь права, Иван! – зашептал он с болью и надрывом.

– Имею! Мы теперь с тобой и суд, и трибунал. Да, Глеб, это война, это не маневры и игрища. И это только самое начало очень большой и страшной войны. Дай команду, чтобы все снимали. Люди должны знать правду не только о своих героях, понял? И сегодня же в эфир!

– Они откажутся...

– Кто?!

– Телевизионщики, дикторы, операторы.

– Слабонервных и мразь предательскую гнать поганой метлой! Правда, Глеб, страшна! Но люди должны ее знать! Понял? Должны!!!

Он неторопливо подошел к окну, присел на подоконник.

Когда командир альфа-корпуса покинул огромный правительственный кабинет, Ивану стало грустно. Он не мог понять, что с ним происходит. Вроде все так удачно складывается, все так хорошо идет. А тревога не убывает. Будто не он одерживает верх. Тревога и тяжесть в душе, почти ужас, черный, безысходный ужас будто это его ведут сейчас на эшафот... да какой там, к черту, эшафот, просто ведут вешать на первом же дереве, на первом столбе. Почему так?! Связь! Вот почему! Он потерял связь! Они почти не откликаются. Что-то случилось! И Гуг молчит. И Цай с Дилом Бронксом. Кеша держит Космоцентр цепко, твердо. Но и он то появляется, то пропадает. Это как в бетонном колодце – глухо, тихо, безнадежно. Нет, о какой еще безнадежности сокрушаться. Все нормально! Все даже слишком хорошо... слишком?!

– К вам генерал-майор Семибратов, – прозвучало извне.

– Впустите!

Иван никогда прежде не видал командира Особой гвардейской бригады, но почему-то представлял его здоровенным, широкоплечим мужчиной с выпученными глазницами и громовым голосом. Но в кабинет вошел выстрой семенящей походкой совсем невысокий, худенький человек с фигурой довольно-таки хлипкого подростка, серыми маленькими глазками и пшеничными густыми усами. Вошел, приложил руку к форменной фуражке.

Иван остановил его.

– Я все знаю, – сказал он, пожимая крепкую сухую руку. – Спасибо вам, Василий Мироныч, большое спасибо! Орден бы вам... да, сами понимаете, это все не сейчас, потом.

– Какие там ордена! – отмахнулся Семибратов. – Своих бить – наград не носить, а душу заливать до могилы.

– Так было надо.

– Это мы понимаем, ежели б не надо, бить бы не стали. Все равно камень вот здесь! – Он постучал себя по груди. – Две сотни душ загубили! Ироды мы и душегубы!

– Как – две сотни?! – бросил с порога вернувшийся Сизов. Он все слышал.

– А очень просто, – пояснил Семибратов, – весь, почитай, командный состав угробили. Двое из них – мои знакомцы старые, по Гадре и Деригону. вот так-то!

– Но ведь в дивизии десять тыщ?! – опять не понял Сизов.

Иван тоже стоял, полураскрыв рот, пуча глаза на бригадного.

– Андроидов мне не жаль, чего нелюдей жалеть. Новых наделают! Да ты что, не знал, что ли? – Он уставился на Сизова, будто тот его чем-то очень удивил. – Не слыхал, небось, что этот-то, бывший наш министр-то, недоверчивый такой, еще перед моей экспедицией заменил парнишечек на андроидов? Я про него давно знал, он нашему люду расейскому ох как не доверял, а это ж спецдивизия, почитай что, личная, придворная! Даже две трети офицеров на нелюдей сменил, так ему надежней казалось... вот тебе и показало! Боевой заряд не разбирает, кто там, всех в одну могилку кладет!

Глеб отгирал со лба испарину. Краски возвращались на его бледное чело. Ивана весть порадовала, но не слишком. Двести душ тоже не шутка, есть грех, никуда не денешься. Но был бы еще больший грех, страшный, черный, неискупимый, коли б эти спецандроиды снесли купола, башни, зубчатые стены, саму Москву, а с ней и Россию, и все прочее.

– Может, остановить, пока не поздно?

– Нет, Глеб!

Иван снова подошел к окну. Махнул рукой Семибратову. Тот приблизился.

Две грубые петли раскачивались на одной могучей ветви под порывами утреннего ветерка. Человек пятнадцать зевак топтались поодаль, их никто не гнал. Четверо охранников делали дело сноровисто, но неумело. Парни знали, кого вешают – таких сто раз мало сунуть в петлю, смущало лишь присутствие двух операторов – дело доброе, да присловье можно дать нехорошее. Иван будто чувствовал состояние этих ребят. Но отступить не мог.

Семибратов смущенно разглаживал усы. Ему тоже было неловко. Но старые времена оставались позади, он это хорошо понимал, теперь прошло время безнаказанности, теперь пришла пора отвечать за содеянное, а отвечать надо, это по справедливости, это по-Божески.

Иван поймал вопрошающий взгляд оттуда, снизу.

И махнул рукой.

И будто услышал вдруг, как жалобно закрипела могучая ветвь, застонала под тяжестью двух повисших на ней тел, заплакала, зарыдала своим древесным тихим плачем. И ему стало жаль это старое, вековое дерево, по которому прежде лазили резвые и безгрешные детишки, и на котором висела теперь эта грязная, отвратительная, гнущая к земле нелюдь.

Два бронехода на лету превратились в ослепительно белые шаровые молнии, полыхнули чередой разрывов и исчезли в белесой дымке. Еще два! Гуг ударил кулаком по ковanej панели. Выругался.

Народец у Гуга Хлодрика подобрался лихой и гиб он почему зря. За полутора суток почти треть головорезов вышли из строя. Но главного они добились – разгромили вдрызг все станции слежения в Европе и над ней, все основные узлы связи. Семь баз противокосмической обороны были в его руках – только сунься кто! Еще четыре базы – в норвежских скалах, под Барселоной, на Крите и Гидрополисе отчаянно сопротивлялись, их не удалось застичь врасплох.

Никто не понимал, что же происходит – ведь не было нападений ни с Запада, ни с Востока, ни из Космоса, ни из внепространственных структур. Координационный Совет с перепугу позалезал в подземные бункера, отрезанный ото всего мира, обескураженный и беспомощный. Полиция и прочие надзирательно-карательные Подразделения разбежались по домам и убежищам после Первых ударов Гуговой армады. Ошеломленный и обалдевший народ в панике и отупении громил магазины, сводил счета с обидчиками или должниками – когда-то еще придется! В два дня вся Европа превратилась в горящий, зудящий, безумный растревоженный муравейник.

Бились насмерть три армейских части. Отбивали все натиски, ждали подмоги. Откуда?! Гуг твердо знал, никто им помочь не будет. В России – Иван со товарищи. Всеамериканский спрут наверняка похотливо и плотноядно потирает свои щупальца, он влезет в дело, когда обескровленная, выдохшаяся Объединенная Европа изнемогшей жертвой ляжет у его ног. Нет, им не помогут, надежды лишь юношей питают. Но там не юноши, там солдаты.

– Сигурда ко мне! – взревел Гуг-Игунфельд Буйный, вставая со своего ажурно-чугунного, огромного трона.

– Сигурд в бою! – спокойно доложил дежурный – однорукий бритый малый лет пятидесяти, закованный в кольчугу и увешанный оружием. Он восседал в пластиковом кресле прямо за спиной карлика-андроида с огромной полупрозрачной головой. Тот отслеживал показания шести внешних локаторов на двенадцати экранах, контролировал решения управляющего «мозга». Если бы спецслужбы Объединенной Европы не погрязли в корыстолюбии, лени и свойственной таковым службам гордыне, они бы давно покончили с Гугом и его армадой – достаточно было шарahnуть глубинным зарядом в его логово, уничтожить центр управления вместе с заурядным

штабным «мозгом» и всей его службой. Но кто мог предположить, что начнется эдакое?! Во всем Мироздании были только три силы, которые смогли бы одолеть Объединенную Европу. Это Великая Россия, Всеамериканские Штаты и Синдикат. Но никому не нужно было нападать на нее, все и так превосходно ладили друг с другом, даже откровенно гангстерский, мафиозно-бандитский вселенский картель, содержащий свою гигантскую армию с сотнями боевых капсул, тысячами штурмовых бронеходов, десятками внепространственных звездолетов и миллионами бойцов, не стал бы резать курицу, несущую золотые яйца, гангстеры прекрасно уживались с властями и различить, кто где, было просто невозможно. Конечно, Синдикат мог бы вступить за Европу, отстоять отлаженный и привычный аппарат устоявшейся власти – этого Гуг боялся больше всего – но не сразу, Синдикат будет разбираться, искать свою пользу, он на рожон не полезет, по крайней мере, в ближайшие три дня, наверняка там уже подумывают, как и в Штатах, чуть выждать и уж навсегда, цепко и крепко прикрыть Европу своей ладонью. Умники!

– Сигурда ко мне, дьявол вас побери! Немедленно!

Гуг еле удержался, чтоб не врезать дежурному промеж глаз. Распустились, понимаешь! Рассуждать смеют! Гуг знал – чуть ослабишь удавку на глотках этих бестий, сожрут с потрохами. Он рвал и метал, грозил и пугал, скрипел зубами и метал молнии глазами. Но внутренне он был спокоен и доволен. Эти зажавшиеся, обленившиеся свиньи не могли противостоят ему, не знавшему покоя и отдыха, закаленному в борьбе и страданиях. Они сами ложились наземь и задирали лапки вверх. Лондон, Париж, Мадрид, Рим сдались после первого натиска бронеходов, выбросили белые флаги, а ведь в налет шли один против тысячи, против десяти тысяч... они просто обабились тут на Земле, изнежились, все настоящему боевые части на Аранайе, на дальних подступах, в глубоком поиске и геизации, на заставах и границах... а здесь дерьмо, здесь жандармы и стукачи, им бы невинных хватать и в каторгу пихать, это они мастера, воевать они не могут и не хотят, боятся. Гуг терзался и ликовал одновременно. А бой шел над самой его головой – на подступах к Бонну. Берлинские цитадели пока не трогали, там рядом граница Великой России, там свои сложности... А вот «дно» Гуга подвело, да и чего было ожидать ото всей этой сволочи – вместо того, чтобы накрывать сатанинские притоны, всеевропейская воровская и бездомная мразь ринулась громить лавки. Ну и плевать!

Гуг в который раз уселся перед армейским всепроникающим передатчиком. Они услышат каждое его слово, и может, поменьше будет смертей, хоть немного поменьше! Он не пил уже третий день. И от этого глотка совсем охрипла, голос утратил громовость, стал тусклым. Но Гуг старался на совесть.

– Ребятки! Братки! – орал он в микрофон. – Это говорю я, Гуг-Игунфельд Хлодрик Буйный! Все вы знаете меня! Да, да, с вами опять говорит легендарный вояка, десантник-смертник, про которого вы читали в учебниках еще в школе, про которого вы смотрели фильмы... Вы узнаете меня?! За всю мою паршивую жизнь я не соврал ни разу! Слышите, ребятки, ни разу! Я не совру и сейчас, вы знаете. Кончайте эту хреновень и идите к нам. Мы не бандиты! Мы не террористы! Мы спасаем вас, Европу, мир, Землю. Эти подлые свиньи, которых вы защищаете, предали всех нас, и вы знаете об этом, они вас убивают, а не мы! Вы герои, вы бойцы, вы воины. А они гниды и иуды поганые! Уже пять дивизий перешло на нашу сторону, я клянусь вам, это правда! Мы очистим Европу от нечисти! Вы знаете меня! И весь десантный корпус знает меня! Мою глотку не могли заткнуть ни тюрьмами, ни пытками, ни каторгами! Поэтому вы и верите мне, поэтому вся наша десантная братва, что поблизости к Земле, сбегается к нам. Прекращайте огонь! Нам тяжело и совестно убивать братьев! Четыреста семьдесят городов Европы признали нас и прекратили сопротивление... И не думайте, что эти выродки, эти суки пришлют вам подмогу, они наполовину разоружили вас, они услали все боевые соединения к черту на рога, они развалили и разграбили все базы по всей Вселенной. Но пришел для них час возмездия! С нами Бог, братки! А от них отказался даже сам дьявол, они уже в заднице! И они хотят забить туда и вас! Не надо бросать оружия! Не надо! Просто переходите к нам! Мы вам верим, потому что вы такие же как мы – простые, честные и смелые парни! Нам незачем убивать друг друга!

– Я пришел! Зачем звал?! – донеслось из-за спины. Гуг обернулся.

– Это был Сигурд – черный, прокопченный, в разодранном полусакафе и с кровавым синяком под глазом. Его и впрямь вытащили из какого-то рукопашного боя. Сигурд был взвинчен и зол. Он уже и помнить не помнил о своем былом предательстве. Но Гуг его сразу охладил.

– Хватит геройствовать, мой мальчик! – процедил он резко и безоговорочно. – Хватит! Вся эта буза уже кончается, и ты мне нужен живым!

– Там гибнут наши! Пачками! – закричал Сигурд, встряхивая свалявшимися и почерневшими от запекшейся крови, но местами еще белыми кудрями. – Они опомнились. Они уперлись! И мы не можем их подавить!

– Не возьмем силой, возьмем измором! – отрезал Гуг. – У них почти нет серьезного оружия, мы упредили их! И сомнем, рано или поздно сомнем!

Сигурд сплюнул на мраморные плиты кровью, утерся. Он никак не мог отдышаться.

– Я не брошу людей! Там отборные части бундесвера, понимаешь?! Больше таких в Европе нет. И если мы не выйдем их сейчас, они устоят и пойдут на нас. Ты не уговоришь их, Гуг, им плевать на твои байки!

– Молчать!!!

Гуг неожиданно резко для его грузного тела выбросил вперед кулак – и огромный распаленный викинг, юный Сигурд полетел наземь, дважды перевернулся через спину и голову, уже пошел на третий, но с размаху наткнулся на стену, замер на миг и сполз вниз, на плиты. Он был ошеломлен и ошарашен. Но он не потерял сознания. Полулежал и бессмысленно-восхищенно смотрел на Гуга Буйного.

Тот быстро подошел к лежащему, встряхнул за плечо.

– Ну ладно, вставай, малыш! Прости, не рассчитал удара, не думал, что ты такой хлипкий. – Гуг Хлодрик улыбался примиряюще, но улыбка была невеселой. Он готовил Сигурда на свое место, мало ли что случится, все смертны... но не под стеклом же его хранить, все-таки не принцесса на горошинке. – Поднимайся давай, хватит отдыхать! Черт с тобою, пошли вверх. Я хочу сам поглядеть!

Гуг повернул голову и сурово уставился на дежурного в кольчуге. Тот все понял. Операция должна идти и без шефа, без главнокомандующего. Ничего, «мозг» вытянет командование тремя сотнями ударных группировок и просто отрядов по всей Европе, вытянет. Главное, чтоб сами там, на местах, не начудили от лихости и вольности, по удали да бесшабашности – легко завести ребяток, а остановить будет ох как непросто! Для надежности Гуг погрозил корявым красным пальцем, напоминающим издали огромную волосатую морковину. Палец был некрасив. Как и сам Гуг-Игунфельд – могуч, огромен, матер, умен, смел до безумия, неукротим и буен... но некрасив. Им с Ливой Стрекозой хватало одной ее красоты на двоих. Но Лива еще спала – спала долгим, беспробудным, а, может, и вечным сном. Каждые полчаса Гуг себя ловил на том, что мысленно и безответно заглядывает в ее глаза, бездонные, синие, колдовские. Он утопал в них, но всегда успе-

вал выдернуть себя наружу, в явь... так и свихнуться было недолго.

– Ладно, пошли!

– А скафандр?!

Гуг хлопнул себя по бокам обеими ладонями – броня полускафа отозвалась тугим, еле слышным звоном.

– И этот сойдет, не в таких переделках бывали! – Он вдруг с сомнением поглядел на свой биопротез, нога поскрипывала, могла подвести.

Они нырнули в шахту подъемника – шахта была обманкой, прошли в боковое ответвление. Пневмокапсула за секунды перебросила обоих на двенадцать миль восточнее, пошла вверх – полтора километра до запасного ангара. Там стоял личный Гугов бронеход. Не было у него раньше такого, да перед самой ссорой Дил Бронкс расщедрился, приобрел, не ради приятеля, а для дела.

– Слышишь? – поинтересовался Сигурд, потирая ушибленную челюсть.

– Чего-то слышится родное... – промычал Гуг.

Отсюда до места боев было тридцать с лишним километров, но грохот, свист, визг, лязг пробивались в ангар.

– Во выбрали местечко на свою голову! – скаламбурил Гуг. – Нет, чтоб где-нибудь под Миланом или Веной!

Гуг старался не думать, что там творится сейчас в России, что в Штатах. Он знал точно одно – Космоцентр заглох, значит, он захвачен, значит, Иван работает, все остальное неважно, связи нет и, похоже, не будет. Они выиграют время, а это главное... В глубинах души жил тихий, но постоянный страх – рано или поздно эти тоже начнут, сейчас еще не бой, еще только подготовки к бою, бой будет позже! Но хватит об этом! Пусть у Ивана голова болит обо всей Вселенной, а он будет свою работу работать!

– Залезай! – прорычал он недовольно.

Сигурд вдавил литое тело в мембрану люка. И пропал в нем.

Гуг еще раз окинул взором бронеход, это здоровенное и громоздкое, неповоротливое на вид чудовище с массивным трехметровым шаром-головой, утопленной в семилепестном обтекаемом жучьем туловище. Двенадцать суставчато-упругих ферралоговых лап пружинисто удерживали многотонное тело. Из пазов мрачно выблискивали титановольфрамные не-сокрушимые траки. Бронеход мог ползать, летать, прыгать, ходить, катиться с легкостью воздушного шарика, накачанного водородом, но при этом был нашпигован таким количеством ракет, снарядов, излучателей, бомб и прочего добра, что

глядеть на него было страшновато. Бронеход был несокрушим. Но ежели попадал в перекрестие четверного базового боя, сгорал в долю мига. Такого боя не выдерживало ничто из созданного землянами. Но по всей Европе стояло только девять подобных боевых установок, называли их ласково и нежно – «Дыхание ночи». И дыхание это было смертным.

– Ну что, готов?

Гуг спросил машинально. Он прекрасно видел, как Сигурд замер в почти непрозрачном шаре. Шарик этот был катапультирующимся креслом с мыследачиками, боевым креслом управления. Второе такое же висело в полуметре. Гуг с трудом втиснулся в шар. И сразу ощутил успокоение и ясность ума – срабатывали психоотводы. «Готовность?» – мысленно спросил он. «Полная, боевая» – мерно отозвалось внутри черепа.

– Сперва поглядим, чего там делается, – предупредил Гуг Сигурда и повел бронеход к выходу.

Керамические створки-ворота ангара убрались. И они плавным и мощным прыжком выскочили наружу. На две-три секунды застыли на поверхности, пружиня всеми двенадцатью конечностями, и тут же резко, набирая скорость, пошли вверх, за облака. Гуг даже не успел разглядеть сквозь прозрачную обшивку-броню – какой там снаружи денек, солнечный ли, пасмурный. Только одинокая ветла под налетевшим ветром махнула им на прощание своей зеленой гривой, и все пропало, лишь муть белизны по бокам да волокна клубящегося пара.

Гуг включил локатор – пространство сразу же обрело хрустальную прозрачность. Теперь, с высоты сорока трех миль они видели ясно и четко всю картину боя, точнее, огромного и сумбурно-сумасшедшего сражения. Гуг даже не понял сразу, почему это внизу царит такая кутерьма бестолковая, крошечный бедлам.

Но Сигурд оказался сообразительней.

– Они верили тебе, – недоуменно прошептал он, – чудеса, да и только!

– Кто?! – спросил Гуг.

Ответа не дождался. Тут и без ответа все становилось ясным. Там внизу с восьми сторон одновременно, сменяя друг друга в стремительных налетах и отходах, извергая океаны огня, тучи снарядов, бомб, гранат, ракет, снопы излучений, смертные языки бушующей плазмы, бросались на опорную планетарную базу германского легиона вооруженных сил Объединенной Европы десятки Штурмовых и десантных бронеходов. За исключением трех-четырех обугленно-издыряв-

ленных машин-ветеранов, с которыми Гуг начинал дело, почти все они были отбиты в ходе боев.

База держалась чудом, ее спасала двухметровая титановольфрамовая оболочка и километровый слой грунта. Она выбрасывала наверх, под плавающие бронекупола оборонительного рубежа один батальон за другим. Гуг все это предвидел – итальянские, французские, испанские и прочие легионы Европы сдавались после первого десятка уничтоженных наемников. Но бундесвер стоял насмерть. Германцы дрались лихо, спокойно и умело. Лишь один полк – три батальона на армейских самоходках, вырвавшись из-под куполов, выкинули «белые» сигналы-буи и резко ушли вправо на восемь километров. Именно их и имел ввиду Сигурд, именно они поддались на крик Гуговой души, не желавшей лишних смертей. И именно их, ожесточенно и сосредоточенно, обстреливала база. Полк поначалу молчал, полагая, что за ним последуют другие, но потом стал огрызаться, отвечать снарядам на снаряд. Все смешалось. Все перепуталось. Все превратилось в беснующийся и кромешный ад. Локаторы позволяли видеть картину боя ясно и четко, но для простого, невооруженного глаза сражение было покрыто непроницаемым мраком дымящихся, крутящихся, сатанинских клубов перемешанных газов, пыли, огня, дымов, песка, глины, крови и испарившихся вместе с машинами тел.

Гуг шершавой ладонью утер мокрый лоб, поглядел на Сигурда изнизу, из-под клочковатых и кустистых бровей.

– Заварили мы кашу, мать их под ребра! – процедил он.

Сигурд кивнул. Он не понял смысла слов, он рвался туда, в бой. И Гуг все видел, его трудно было обмануть. Только одной лихостью и азартом не возьмешь, в бою расчет нужен, сноровка да навык.

– Да прикройте же вы «белых»! – заорал он по внутренней на командный пункт. – Их же перебьют всех. Живо, мать вашу!!!

Он знал, что «мозг» сейчас работает верно, он отслеживает возможность уловки, военной хитрости бундесвера, ведь перебежчики могут, воспользовавшись доверием и простодушием Гуговой армады, ударить в спину, кто их знает. Надо еще проверить, как но ним бьют с базы... Нет, били смертным огнем, без обману. Значит, он не ошибался.

– Слушай мою команду! – пуще прежнего взъярился Гуг Хлодрик. – Всеми силами западного и северного флангов подавить левый рубеж! Смять его к чертовой матери!!!

Понастоящему надо было наладить связь с Иваном. Раз он взял Космоцентр, стало быть, у него есть ударные соединения

там, наверху. Один хороший глубинный заряд с внешней орбиты, боевой заряд направленного действия – и с базой было бы покончено, несколько тысяч бундесверовцев разом бы отравились по разнарядке, кто в рай, кто в ад, а расплавленная и испарившаяся броня их рубежей выпала бы где-нибудь за сотни километров тяжелым дождичком. Но связи нету, это вопервых. А во-вторых, такой удар означал бы дело нехорошее и опасное пока, военное вторжение в Объединенную, чтоб она сгорела, Европу! Вторжение в эту прогнившую и выродившуюся помойку! Нет, надо самим добывать гадов. Самим!

– Как я буду нашим в глаза глядеть?! – неожиданно спросил Сигурд. – Зачем ты это сделал?! Лучше б меня прибили раньше...

– Заткнись, щенок! – Гут пресек недовольство в зародыше, пресек в очередной раз. Он не имел права рисковать.

Но он рискнул.

Бронеход, послушный воле человека, взмыл еще выше, пронесся сквозь мрачные вихри бесшумной молнией. И камнем пошел вниз. Первые три слоя защиты они прорезали как нож масло. На четвертом изрядно трянуло. А пятый стал подобным бетонной стене – от удара Гуг чуть не вылетел из кресла-шара. Сигурд рассек лоб во втором месте, прямо над переносицей. Датчики оповещения замигали тревожно-багровыми огоньками серьезные повреждения носовой части и внешних стабилизаторов, отказ правого гравиноса... все произошло в долю секунды, но бронеход сам среагировал – долбанул вперед и вниз таким залпом, что Гуга с Сигурдом в их шарах залило из аварийных систем спасительными, гасящими удар маслами, еще немного и катапульты сработали бы на выброс вне воли и желания экипажа.

– Ты спятил, босс! – еле слышно прохрипел юный викинг. Он был на грани обморока, сознание то угасало, то прояснялось.

– Нет, сынок, – ласково и мягко прошептал Гуг, – я еще не совсем спятил. – И тут же добавил резко, отрывисто: – Пора!

Второй, усиленный боевой залп бронехода, вырвавшийся снарядоракетами из сорока девяти жерл и излучателей, мгновенно ушел вниз, подобный тысяче молний, которым суждено сойтись в одной крохотной, но нужной, слабой точке с прицельно лазерным боем.

В тот же миг Гуг вывернул машину из смертного, безумного пикирования, из ускоренного всеми двигателями падения, увел ее резко вправо, стелясь над изуродованной, изрытой землей и искореженными, уродливо вывернутыми наизнанку, рваными краями бронированных бункеров. Он успел

блокировать катапульты, и от этого их крутануло, шибануло, долбануло еще троекратно, залило хлопьями и маслами уже по всем внутренностям шаровидной головы, утонувшей в брюхе машины.

– Я готов... – прошептал Сигурд, отключаясь, выпадая из мира осязаемого.

– Не знаю как ты, мальчик, – в полубреду отозвался Гуг Хлодрик Буйный, космодесантник-смертник экстра класса, беглый каторжник, вырвавшийся из гиргейского ада наперебор всем смертям и самой судьбе, добрый и малость грустный, стареющий не по возрасту северный богатырь, – не знаю как ты, а они-то уж, точно, готовы!

Лихой маневр выбросил штурмовик из перекрестия четверного базового боя. Но в полумиле за кормой так прогрохотало, так ударило, что он еще долго летел кубарем, будто брошенный исполином и бешено вращающийся в воздухе пляжный камень-голыш.

Сигурд пришел в себя от сумасшедшего надрывного хохота. И он вовремя успел перехватить управление, выровнять машину. Теперь их забросило в зону обстрела перебежчиков, которых по-прежнему долбили отовсюду – одни, наказывая за предательство и бегство, другие – не доверяя, но инерции. Даже локаторы, искореженные, поврежденные, но не выведенные из действия, не могли передать всего ужаса, безумия и вакханалии чудовищного и беспорядочного боя. Клубы черной и огненно-желтой гари пронизывали ослепительные молнии всех цветов радуг, разрывы тысяч мин-прозрачников, висящих неуловимыми убийцами повсюду, озаряли непроницаемый мрак мраком ослепительно-багряным и еще более непроглядываемым... и только черные контуры сотрясающихся от адского напряжения штурмовиков все шли и шли вперед, на цель, и тут же взмывали над ней или выворачивали в сторону – то были счастливики, уцелевшие. Кому не повезло сгорали в последнем падении и проливались огненным дождем на обороняющихся. Сила нашла на силу. Жизнь на жизнь. Смерть на смерть. Так могли биться только настоящие солдаты, подлинные воины, которые не знают пощады и не умеют сдаваться.

А Гуг хохотал.

Сигурд понял сразу – босс сошел с ума, не вынес накала боя, не выдюжил перегрузки, так бывает, так всегда бывает: десантники или погибают или сходят с ума, бойцы не умирают в постелях и не пишут мемуаров.

Сигурд попытался взять на себя мыслеуправление бронеходом, взять полностью. Но, не получилось. Гуг сопротивлял-

ся, его воля была базальтовой твердости – даже пребывая за гранью рассудка, он не выпускал вожжей из рук. И приходил в себя. Да, приходил!

– Погоди, малыш, – сипел он. И тут же давал распоряжение в центр: – Усилить натиск! все коробки одним броском! на левый рубеж!!! ну давайте же, дьявол вас заберите!! Вперед! Мы пробили защиту! Вперед, ребята!! Это победа!!!

Они поднимались все выше, Сигурд знал для чего – нужен еще один заход, последний. А может, и не нужен уже, бреши пробиты, теперь справятся и без них... А Гуг все продолжал хохотать, но теперь тихо, внутренне, в непомерном напряжении рвущихся из него невыразимых сил. Нет, он не был безумен. Он ликовал. Теперь германский легион не могло спасти ничто на свете. А следовательно, Европа в их руках! Невозможное становилось явью! Они не просто брали верх, они его уже взяли, они прошли ад сражения, чтобы победить и выжить. Выжить?!

Бронеход успел выпустить последний, сокрушительный залп в цель, когда две сигма-торпеды пробили его корму, разорвались океаном смерти. Ни бортовой «мозг», ни тем более, Гуг с Сигурдом не успели ничего ни увидеть, ни понять. Подброшенные в мрачно-клубящиеся выси вместе с прочими кусками и обломками машины, они зависли на какое-то время на дороге в небеса, в рай, но грехи их оказались, судя по всему, слишком весомы – и они полетели вниз, на грешную землю, превращенную ими в самую преисподнюю.

Человек падал медленно, раскорячив руки и ноги, будто не падал, а тонул в вязком и прозрачном океане. Арман-Жофруа дер Крузербильд-Дзухмантовский, сидевший на титано-пластиковой крыше полицейского скар-джипа, не видел, с какого этажа выбросили беднягу, то ли с триста двадцатого, из-под самой золоченой крыши, то ли просто с трехсотого. Не первый и не последний! Народишко вошел во вкус, в охотку, его теперь не скоро остановишь!

Крузя страдал душою и телом. Телу все еще хотелось живительного вливания, душе не хотелось видеть всей этой гнусной мерзости.

– А ну-у, взяли-и-и!!! – взревел синемордый ополоумевший негр снизу. И уцепился за крыло джипа.

Негр был пьян, обколот, обкурен и дебилен с рождения, его красные джинсы вымокли в липкой коричневой дряни из ближайшей лавочки, а руки были покрыты толстым слоем жирных мух – наверное, он вымазал их медом или джемом во время погрома.

– Давай, давай! – завопила на тысячи полуживотных голов толпа и навалилась на ненавистную летающе-скользящую повозку с желтой шестигранной звездой. – Переворачивай их, сук поганых! Дави! Бей!

Крузя еле успел ухватиться за ажурные выверты высоченного фонаря, сработанного халтурно и грубо под старину. Повис. Он лицезрел торжество беснующегося люда, крушащего все подряд, пьяного, озверевшего, сатанеющего от вседозволенности и возможности пограбить всласть. Это было море, нет, целый океан багровых, бледных, желтых, белых, черных, розовых и синюшных рож, выпученных глаз, оскаленных ртов и воздетых, растопыренно-алчных рук. Ликование мешалось с беснованием и предсмертными воплями задавленных, избиваемых, терзаемых.

Но не всем удавалось вдоволь насладиться свободой.

Очередной выброшенный из высотного нутра небоскреба рухнул прямо на синемордого дебила в красных штанах, в миг превратив его в гряду еще шевелящегося липко-парного мяса, а заодно ломая шею хлипкому желтолицему парнишечке-панамцу и калеча прочих соседей заводилы-негра. Это и ут-вердило в мысли мнительного Крузю.

– Расступись, гниды! – выкрикнул он истошно. И сиганул с фонаря вниз, на головы.

Под его ногами что-то хрустнуло, треснуло, хрипнуло, упало. В бока ударили сразу с трех сторон. Он не остался в долгу, всадил нож в ближнего своего. Тут же выдернул. И дал волю локтям.

– Поубиваю, гады-ы!!! – завопил он.

Кричать было бесполезно. Эта дикая и алчная толпа рвалась к крупным магазинам, к банкам, к закрытым ювелирным лавкам, музеям, еще оставшимся в этом прогнившем городе.

Нью-Йорк встал на дыбы и ходил ходуном. Население его пресытилось разбоем по супермаркетам и забегаловкам, ларькам и магазинчикам – все это было давно перевернуто, взломано, разбито, растащено, разграблено, развалено, разорено и раскрадено. Но хмельной и пьянящий азарт гнал толпу на крупную, обороняющуюся дичь. И это надо было видеть. Где-то там, в недрах еще неразгромленных зданий и витрин таились сверкающие множеством граней бриллианты, сапфиры, изумруды, агаты, тускло поблескивали груды всемогущего золота, лежали тугие и бессчетные пачки хрупких новеньких ассигнаций, стояли бесценные кубки и изваяния, висели картины, стоящие больше межзвездных лайнеров... и все это можно было достать, взять, унести! Закона не было! Власти тоже! Возможность получить все сразу, завладеть несметны-

ми сокровищами, дающими рай на земле, сводила с ума. Город разом разделился на жалкие тысячные, сотенные кучки обороняющих, защищающих свое и не свое нажитое, и на прочих, на сорок семь миллионов рвущихся в рай. Да, это надо было видеть!

Если бы Арман-Жофруа, проторчавший всю жизнь на иных планетах и на орбите, знал, что дело обернется эдаким вселенским бедламом, он никогда бы не взялся за него. Крузю просто тошнило от этой гнуси и гадости.

Разбой и разгул длились вот уже третий день, непрерывающимся кошмаром. Полиция сразу же, почуяв, что пахнет жареным и можно получить сполна за все дела, испарилась, пропала, попряталась, только скинутые форменки, разодранные в раже толпой – больше ничего за исключением, разумеется, двух-трех замешкавшихся и растерзанных копов, про которых в таком людском водовороте и поминать грех. Частная охрана еще держалась. Кое-где. Но и ее сметали. Толпа гнала саму себя, подобно муравьям, гасящим огонь и засыпающим реки своими телами. Толпа не щадила никого, в том числе и тех, из кого состояла, кто был ее плотью и кровью, ее мясом. Толпа была жестока и беспощадна, тысячелика и безглаза, безудержна и скоро на расправу. Никто в одиночку не осмелился бы на такое. Но все вместе... Крузю хорошо помнил, как и Иван с Дилом говорили чего-то про отвлекающие маневры и прочее, про их особую и нужную роль принимающих огонь на себя. Но они ничего не говорили про то, что будет так хреново, так погано и подло. Родиться человеком, жить среди людей, пускай и далеко от них, верить, жалеть их, любить... и вдруг узреть их без грима, без белил и румян – дикими, алчными, похотливыми скотами, хуже скотов, ибо ни одна скотина не ведет себя так, подобно "раскрепощенному и свободному" человеку, рвущему глотку собрату, созданному по Образу и Подобию. Нет, это невозможно!

– Пусти-ите-е!!! Я сама-а-а!!!

Крузю вздернул голову, не забывая бить локтями и кулаками направо и налево, продираясь к переулку. Чуть левее, на балконе второго этажа три разгоряченных типа в драных рубахах насильовали тощую девицу лет четырнадцати, насильовали, беспрестанно избивая ее, ломая руки и ноги, выдавливая глаза, выдирая волосы и рыча, хохоча, визжа.

– Жи-и-ть! Я хочу...

Крик оборвался лопнувшей струной, оборвался с перехваченным или сломанным горлом. Крузю рванулся сильнее, подмял под себя жирного мужика в оранжевом пиджаке на голом теле, оттолкнулся. С его широкой спины вскарабкался

на плечи сразу двух парней, лягнул их, чтоб не цеплялись за ноги, полосанул ножом, ухватился за край балкона, рывком выбросил могучее тело на перила.

– Не надо! – раззявил пасть ближний.

И упал с проломленным виском.

Второму, вихрастому ражему парню лет тридцати пяти, Крузя свернул голову – одним взмахом руки, профессионально, так он расправлялся с нугагами за тридцать световых лет от Земли, в созвездии Бурбона. Свирепых и подлых нугагов не было жалко. Этим тоже. Но там у Крузи были крепкие нервы, там он работал. А здесь он сорвался, разнюнился.

Третьего он тихо, не обращая внимания на вопли и мельтешащие кулаки, положил спиной на перила. Выждал, увидел дикий, животный страх в глазах, а потом легким движением переломил хребет.

Кем они были раньше? Клерками в конторах? Или мелкими делегами-предпринимателями? А может, продавцами или массажистами... плевать. Теперь они трупы. И эта тоже – труп. Крузя перешагнул через изуродованное девичье тело, вышиб ногой дверь и вошел в комнату. Так он быстрее выберется из сумасшедшего дома, из этого безумного мира.

В комнатенке, убогой и грязной, в которой наверняка жила эта дрянная девчонка, стоял большой засаленный диван. Крузя плюхнулся на него. Прикрыл глаза. Надо немного расслабиться, сюда никто не полезет, здесь уже нечего брать.

Три дня назад, почти три дня, их было всего ничего – он, полтора десятка надежных ребят из «длинных ножей» – у десантной лихой братии везде кореша сыщутся. Свои, родимые, братки, с которыми на серьезные дела хаживали, – да вокруг шушеры с полтысячи, за каждым еще малость – желающих хоть и невеликий, но срой куш сорвать. Арман-Жофруа, постаревший и расплывшийся, больной и усталый, даже прикинуть не мог, сколько решатся, а кто в кусты сбежит. А оказалось, только искорку поднеси. Полыхнуло вон как! До сих пор полыхает.

В комнату ударило гарью – небоскреб напротив горел. Черные клубы валили в небо. Крузя поморщился, не разжимая век. Долго не засидишься, запросто сгореть можно, в самом прямом смысле.

А ведь они начали с крох – вырубили сети по шести кварталам. Побили витрины. Сами и не совались никуда, ничего не брали, наказ был строгий – кто сорвется, на нож поставят, а ребятки закон уважали. Начало лихое было и забавное. Но Иван с Дилом все верно рассчитали, во что вылилось-то! Уже армейские части к Нью-Йорку подтягивают. Скоро и правых

и виноватых, всех подряд пачками мочить начнут. Хорошо, ежели пачками, а то ведь могут и газами травить, у этих парнишек в камуфляже дело не задержится: дан приказ – пускаем газ! Нет, надо бежать, рвать когти... Крузя и сам не заметил, пообщавшись с «длинными ножами», как усвоил их говор.

А еще Иван говорил, мол, святое дело делать будем, нужное, очистительное и спасительное, иначе не просто все сдохнет на Земле и в окрестностях, но и погублены будут – то есть, душ своих бессмертных лишатся... Бессмертных душ?! Крузя чуть на ноги не вскочил. Да разве у этих скотов, у этих гадов-нелюдей есть души? Бессмертные?! Не-е-ет!!! У гнид, мокриц, червей и тараканов нет душ, и погубить их нельзя! Их надо просто травить! Отравой! Газами! Вот и пришел к тому, с чего начал. К газам. Стало быть, ничего иного человек и не заслуживает, как существо низкое, грязное, жадное, трусливое, жестокое и подлое. И нечего себя винить, были б ангелы, да что там ангелы, были б люди простые, нормальные, не дали б себя завести, нормальный, он грабить и насиловать не пойдет... а это скоты! Жирные, лощеные, холеные, балованные, изнеженные, алчные скоты. Лучше было помереть в запое, помереть на орбите, на старом заправщике, сдохнуть от беспробудного пьянства... чем прозреть?!

Крузя встал. Плюнул под ноги.

На балкон, в окно, в дверь лезли визжащие, оружие, хрипящие хари. Так, снаружи, рушился прямо на головы и спины горящий домина. Рушился огненными, полыхающими балками, стенами, обивками и обшивками, всей той дрянью, о которой Крузя не имел ни малейшего представления. Вой стоял там вселенский – безумолчный и страшный.

Ну что ж, они получают то, чего заслужили.

Он выломал дверь. Разбросал с десяток прущих на него скотов. И прямо из окна лестничной клетки выпрыгнул наружу, в загаженный, замусоренный двор.

Два наполненных кровью близкопосаженных глаза смотрели прямо на Ивана мутным звериным взглядом. Еще два недоверчиво и злобно щурились с висков, высматривали невесть что, то ли жертву, то ли опасность. Вместо носа поднималась и опадала при шумном дыхании толстая морщинистая перепонка. Но самое неприятное впечатление производил безвольный полуоткрытый рот с вислыми серыми губами и неровным рядом проглядывающих желтых зубов – это были даже не зубы, а зубища, такие могли быть только у животного... Впрочем, не человек же это! да, уже не человек!

Иван коснулся пальцами бронестекла – и оно тут же вздрогнуло от удара, ответного удара. Чудовищный трехметровый и четырехглазый монстр с такой силой саданул своей волосатой лапищей, что запросто мог бы сбить с копыт шестиногого исполинского зангезейского быка, не то что Ивана.

– Лучше их не дразнить, – тихо посоветовал служитель.

– Нервные?

Лысоватый и невзрачный старичок угодливо заулыбался, закивал торопливо, но не ответил, видно, и впрямь считая, что слово – серебро, а молчание – золото.

– Ну и чего там про него прописано? – поинтересовался Иван.

Служитель быстренько набрал код на своем ручном пульتيшке. И прямо на стекле ячейки вычернилось четкими буквами: «Коротеев Александр Артурович, 2420 года рождения, родственников не имеет, поступил в октябре 2468 года с диагнозом локальная парамнезия после возвращения из Дальнего Поиска...»

– Сволочи! – сорвался Иван. – И нашего брата не жалеют!

– Не жалели, – поправила его Светлана, – теперь все будет по-другому.

Она была бледной, кончики пальцев подрагивали. Но Светлана не отворачивалась, она пристально вглядывалась в обитателя каждой ячейки это жуткого подземного паноптикума... нет, не паноптикум! это совсем иное заведение, и недаром Иван выкроил полчаса, оставил все на Глеба Сизова, чтобы заглянуть в тайные лаборатории генетических фабрик, недаром! такого Светлана не видывала ни в Системе, ни в Осевом... там что, там призраки. А здесь звериная, невыносимая явь, кошмары наяву!

«...перестройка тела и мозга начата в мае 2469 года, завершена в сентябре 2477-го». Черная вязь исчезла, будто ее и не было.

А служитель добавил:

– Один из первых, неудачных образцов. Мы... они сохранили его для истории, как музейный экспонат. Отработанная же модель зверочеловека не превышает двух метров ростом и практически не отличается внешне от обычных человекоособей, но по силе и ярости значительно превосходит данный образец, а кроме того обладает исключительной послушностью и исполнительностью. Пройдемте, я вам покажу его.

– Нет уж, – не согласился Иван, – поглядим всех по порядку, у меня нет времени возвращаться к пройденному.

– Воля ваша, – покорно согласился старичок.

Следующая ячейка была заполнена мутным желтоватым газом. И сидел в ней за стеклом какой-то скелет, обтянутый синей нечеловечьей кожей. Огромные базедовые белки выпирали из-под надбровий голого черепа. Зрачки, напротив, были крохотные – черно-красные точки.

Светлана не выдержала застывшего и лютого взгляда, отвела глаза.

– Эта особь может работать в любой атмосфере и без таковой. Сейчас она сидит в ядовитой метановой смеси, такая смесь даже при малой концентрации способна отравить...

Ивану не надо было рассказывать про ядовитые смеси и метановые атмосферы, он вволю наглолся всякой дрянью в Дальнем Поиске. До сих пор при воспоминании о Сиреновом Болоте – огромном метаногазоновом океане Тругазанды, семнадцатой планеты созвездия Двойной Гаги, его бросало в озноб. Он еле выплыл тогда из этого сжиженного ада... Конечно, там здорово пригодился бы такой малый, такой неприхотливый и работающий скелет. Но всегда остается это проклятое «но»!

– Он сам пошел на генную перестройку? – спросил Иван.

– Вы шутите, – служитель испуганно-снисходительно улыбнулся и тут же заморгал, понимая, что допустил неопозволительную вольность. – Нет! Разумеется, нет. Кто же пойдет на такое добровольно?!

– Сволочи! – повторил Иван суше и злее.

В следующей ячейке сидел восьмирукий и восьмипалый бледный голован. Ничего кроме жалости и брезгливости он не вызывал. Голован с потухшими очами и полупрозрачным брюшком предназначался для управления какими-то процессами на каких-то шахтах. Иван не стал вникать. А у Светланы выкатилась из левого глаза крохотная хрустальная слезинка – в ней несчастное существо отразилось еще более жалким и нелепым... отразилось, и тут же скатилось вниз, в небытие.

Еще шесть ячеек были заполнены водой разных оттенков и обитали в них русалкообразные, чешуйчатохвостые и плавникастые нелюди с человеческими головами и руками. Они таранились из-за стекла, вглядываясь выпученными рачьими глазищами в лица непрошенных гостей, пускали пузыри, будто хотели сказать что-то. Их руки с длинными водянисто-прозрачными пальцами вызывали ужас. А бледностью тел эти рыбчеловеки были подобны мертвецам.

– Они разумны? – спросил Иван.

– Да, – коротко ответил служитель. И тут же добавил: – Но если они проявляют животную непокорность, возмездие следует немедленно. Генетика генетикой, но под черепа им кое-

чего вживляют для надежности. Внутренние системы психометрии и контроля корректируют поведение сами, так что не извольте беспокоиться, все эти создания, как бы страшны и неприглядны они ни были, находятся на службе у человечества.

– Корректируют... – в задумчивости повторил Иван.

Служитель говорил шаблонами, так его обучили, так запрограммировали. Создания! Не люди, а создания! Что ж, в чем-то он прав, это, конечно, уже не люди. Но в то же время они – пока еще и люди, раз полностью не утратили разума и осознания себя личностями. Страшный сон! И он ничего не знал про это. Ничего! Нет, вранье, не надо оправдываться – генная инженерия штукавина старинная и общеизвестная, перестроечная инженерия и биомоделирование тоже невесть какие тайны... но не до таких же кошмаров доходить! Не до таких? Наука не знает границ и пределов. Экспериментаторов не остановишь, так ему говорили там, в Системе, и в Пристанище, так говорил Сихан Раджикрави, когда Иван знал его Первозургом, так говорили другие, посвященные... посвященные?! владельцы жизни и мира?! нет, выродки! так говорили все эти выродки, им нужно было какое-то оправдание, какая-то красивая цель, прикрытая красивыми словами – и поэтому они говорили именно так! Но почему все это здесь?! В Великой России?! Здесь, всего лишь в полутора верстах от Золотых Куполов, почти под Святынями Русскими?!

Час назад Иван узнал от очнувшегося Правителя про существование этих тайных лабораторий, про шесть огромных подземных «перестроечных» фабрик – три на Севере и три за Уралом. Каждая могла вырастить за восемь лет начального цикла по восемь миллионов зверолодей и «перестроить» из уже существующих «человекоособей» всемеро больше. Никогда и нигде Иван не встречал сообщений об этой чудовищной индустрии – ни в инфопрессе, ни в видеоинформах. Ни один из его многих друзей и знакомых, работавших в самых секретных отраслях, никогда не рассказывал об этих экспериментах, превратившихся в отлаженный технологический процесс, в конвейер, не везде еще запущенный, но полностью готовый к запуску. Подготовленный в считанные годы! Эти монстры зверочеловеческой индустрии проектировались, закладывались и строились в обход всех Советов, всех контролирующих органов. Народ, огромный многомиллиардный народ ничтошеньки не знал про них! Невероятно!

Лететь на заводы не было никакой возможности, но спуститься в московскую подземную лабораторию, в сердце «перестроечной» системы Иван счел необходимым. Отложил

важные дела, передоверил управление Глебу. И спустился вниз – всего на полтора километра, чуть ниже той спецпсихбольницы, в которую его бросили на верную смерть. Правда, бронированная тайная психушка была заложена в конце двадцатого века, а лаборатория «перестройки» не так уж давно – лет пятнадцать назад. Но судя по всему, кто-то работал в этом направлении и раньше, да еще как работал!

Лаборатория, по сути, была огромным научно-исследовательским институтом с опытным и предсерийным производством – двухсотметровый в диаметре шар с двенадцатью трубопереходами от огромному «бублику»-кольцу, поделенному на сто восемьдесят сегментов-камер с сотнями ячей и биоинкубаторов. Все обойти было невозможно. Но главное пропустить Иван не имел права Пристанище! Голову сверлила одна пронзительная мысль. Он не желал верить Авварону, не желал верить прочей нечисти Пристанища, само естество его не могло принять их страшной и открытой лжи: «Земля – это лишь часть Пристанища, малая часть...» Не могло этого быть, и все тут! Но ведь было? Но ведь есть! Так, вот так, именно так – Пристанище закладывалось не в тридцатом веке, а значительно раньше, и Первозург говорил об этом. Что? Он намекал, будто слуги Пристанища всегда были на Земле, всегда работали на Черное Благо... нет, бред! Черное Благо появилось значительно позже, это просто секта, колоссальная секта-спрут... и говорил про все про это не Сихан, а Авварон Зурр бан-Тург, проклятый и подлый оборотень в Шестом Воплощении какого-то Семирожденного Ога! Земля часть Пристанища? Земля – часть, или, точнее, капля непомерного, черного Океана Зла? Нет! Земля – это свеча во мраке Вселенной! Свеча Господа Бога?! Так ли? Черная свеча. Почерневшая от творимого на ней зла... Прав Авварон, прав гнусный негодяй и подлец! И не прав. Ему хочется, чтобы было так, он все делает для того, чтобы было так. Но так еще не стало! Да, так пока не стало!

– Иван! Тебе плохо?! – заволновалась Света, потянула за рукав. – Ты совсем белый!

– Нет, мне хорошо, – тихо ответил Иван. – Мне очень хорошо.

Он хотел добавить, что ему очень хорошо по одной причине лишь – он больше не странник. Он воин! Он не даст заморочить себя, сбить с толку, запутать! Он не позволит бесам вселиться в себя и вновь бросить в пропасть блужданий, сомнений, мрака. Они роятся роем. Они пришли но его душу. Но он воин. Воин!

– Здесь просто плохой воздух, – робко вставил служитель.

– Да, – Иван улыбнулся, – дух тут витает нечистый.

Старичок потупился. Голова его затряслась, руки, старческие и немощные, задрожали. Сто шестьдесят четыре немалый возраст. Осталось совсем немного, от силы пять, может, десять лет. Капля, малюсенькая капелька жизни. Но своя. Другой уже не будет. Удержать бы в трепещущем, больном сердце хоть эту... Страшные дела! Черные! Он простой служитель. Он ничего такого не делал, он как надзиратель в тюрьме, как библиотекарь в книгохранилище, как служитель в зоопарке... Зоопарк?! Зверчеловеческая тюрьма. Страшно. Могут не простить.

– И этот тоже... – Света не договорила.

Во мраке зеленеющей темной воды, на мшистом дне застыло в мерном шевелении нечто давящее, ужасное – бугристая огромная голова с двумя мутными глазами-бельмами, болезненно-кровавый клюв и полтора десятка толстых, изгибающихся отростков по три-четыре метра. Щупальца. Осьминожки щупальца! Они свивались в клубки, вытягивались, липли к бронестеклу бледно-розовыми присосками, змеились и безвольно опали. Зрелище было неприятное, невыносимое, ибо в бельмах глаз угадывался человеческий ум.

– Да-да, и он разумен, – поспешно пояснил служитель, – но не извольте беспокоиться, он нисколько не опасен, полностью управляем. Применяется на огромных глубинах для самых разнообразных целей. Да-да, такой может в одиночку разбалансировать и уничтожить довольно-таки солидную базу в самых глубоководных впадинах...

Даже на Гиргее, мысленно добавил Иван. Туда бы его – во мрак, под восьмидесятикилометровую толщу свинцовых вод! В памяти мелькнули бешенно вращающиеся сфероиды, черные тени, неуклюжие и стремительные донники, бледные щупальца... Нет, на проклятой подводной каторге Гиргеи не могло быть таких человеко-осьминогов, не могло! Ему показалось. Только вот глаза-бельма? Но разве все глаза упомнишь! Они преследуют его давно. Давно и повсюду. Эти черные тени, призраки тьмы и мрака. Нет, показалось. Гиргея слишком далеко. Слишком!

– И как этого... как его звали? – пролепетала Светлана.

– Одну минуточку! – служитель засуетился, шелкнул и затараторил вслух: – Ванюков Егорий Алкаменович, сорок второго года рождения, русский, не женат, детей не имеет, отец неизвестен, мать погибла в экскурсионно-игровом круизе одиннадцать лет назад, в районе Крутой Горки, это созвездие...

– Знаем! – осек его Иван. – Профессия?!

– Хмы-мм, безработный, – облегченно выпалил старичок.

– Обратная трансформация возможна?

Служитель развел руками.

– Ну, ладно, – Иван вновь встретился взглядом с чудищем многоруким, только бельма колыхнулись во мраке вод. – Ладно, Егорий Ванюков, прощай!

И отвернулся.

Светлана будто замороженная прилипла к бронестеклу. Но она ничего не видела в эти минуты. Лишь ползущий живой и призрачный туман Осевого стоял перед ее внутренним взором. Да, она видела их всех – всех! – там, в Осевом. Значит, они погибли? Значит, они гибнут?! Значит, это не призраки, не чудища, не фантомы, а пусть и странные, не похожие на людские, но все же души искореженных, «перестроенных», невозможных людей? Зверолюдей?! Они умирают тут, на Земле, и на других страшных планетах Мироздания, чтобы обрести заключение в Осевом, обрести свободу страшных призрачных пут?! Как понять?! Как разобраться?! Но не это главное, не это... главное в том, что она и сама немного такая... какая?! Светлана в отчаянии и ужасе стиснула обеими ладонями виски, застонала.

Чудовищно-жуткий Егорий протянул к ней два толстых и мягких щупальца, розовые присоски вдавились в невидимое бронестекло. Бельма приоткрылись и се обожгло взглядом бледных зрачков, мерцающих посреди кроваво-пучащихся сосудами огромных глаз.

– Не-е-ет!!! – закричала она. И отпрянула.

– Пойдем! – Иван грубо рванул ее за руку. Не время впадать в истерику. Ныне иные времена. – Пойдем, Света!

Одновременно он врубил внутреннюю. «Глеб?! Ты слышишь меня?» Отозвалось через миг: «Да! Здесь полный порядок! Мы контролируем ситуацию в стране. Что-то непонятное творится в Европе и Штатах!»

– Все понятно! – вслух сказал Иван и усмехнулся, отключая связь. Все очень даже понятно. Они там ждали его сигнала. И не дождались. И не дождутся! Это им для встряски – нечего чужим умом жить, пора давить все эти комплексы. Он их подтолкнул, научил, дал в руки их собственную силу, их ум, их волю и их честь. Чего ж еще?! Вот коли б он их вел будто беспомощных младенцев за ручку, сейчас ничего «непонятного в Европе и Штатах» не творилось бы. Но сигнал еще будет. Обязательно будет! Слава Богу, началось!

– Вот что, ребята, – Иван обернулся к охранникам, двум офицерам Глебова альфа-корпуса, – вы мне живенько доставьте сюда Правителя.

– Прямо сюда? – переспросил один, рыжеватый, с большим кривым шрамом на скуле.

Иван недовольно поглядел на вопрошающего – на приказ следует отвечать «есть!» и бодро выполнять его, а не дискуссии разводить. Но потом сообразил, что в холодных и сырых коридорах-траншеях, где и присесть негде, обессиленный и перепуганный, обезноживший Правитель, бывший Правитель, будет мерзкой и грязной ношей для этих в общем-то ни в чем не провинившихся парней.

– Давайте-ка, лучше в шарик, там удобнее будет.

– Есть! – рыжеватый испарился, будто его и не было.

Прямо за подводным диверсантом-работником сидели в прозрачных клетях три пернатых зверчеловека. Отличались они лишь количеством крыл: у первого таковых была лишь пара, у второго две, а у третьего – все три.

– Ух ты, прямо серафим шестикрылый, – прошептал под нос Иван. – Да еще с руками. И не тяжело им тут, в неволе?!

– Испытывали в полете, – доложил служитель, – по всем параметрам значительно превосходят естественных крылатых, природных. Тут, конечно, тесновато. Выпускать неположено. В серийное производство должны пойти по спецприказу... пока что такого не было, – старичок виновато развел руками.

А Иван смотрел на нижние конечности этих птицелюдей. Когда-то давным-давно, трех лет еще не минуло, ему довелось побывать в когтях у птичек на Хархане, тогда он был один над огромным, безбрежным океаном. И он навсегда запомнил лапы ящеров, их когти. Но эти были не хуже и не слабее – мощные, изогнутые, костистые и когтистые. Птицелюди. Или звероптицы разумные. Не разберешь. А спросишь у служителя, он опять начнет твердить, что дескать, абсолютно послушные. Ясное дело, для того и выращивали, для того и «перестраивали», чтоб были покорными и исполнительными рабами. За такие дела надо... К расстрелу. Всех этих экспериментаторов к расстрелу. А руководство и идеологов – на виселицы!

Морды у птицелюдей были грустные, затравленные. Именно морды, не лица. У них не было клювов их заменяли костистые наросты, идущие прямо из-под глаз. А в глаза и глядеть не хотелось – отчаяние и страх, боль и неосознанные надежды.

– Они помнят о себе?

– Нет. Почти не помнят, очень смутно, – рассыпался в услужливом блеянии старичок. – Они просто тоскуют. Всегда. Так и заложено. Только на время выполнения задания прихо-

дит облегчение – это было придумано гениально. – Старичок забылся, чуть не зашелся в своем восторге. Но тут же спохватился, едва не умерев со страху. – Я хотел сказать, все это очень бесчеловечно, я всегда был против, но кто меня послушает, старого пенька?!

Ивану было плевать на этого человечка, на эту тень человека. Он не понимал и не хотел понимать его страхов и сомнений. Он думал о другом – если эти гады, эти «исследователи» способны вернуть человеческий облик своим жертвам, они будут жить, ничего не поделаешь, они проживут до тех пор, пока не возвратят к людской жизни последнего из зверюлюдей, но коли нет – им не жить! не жить! таких нельзя миловать! таким нельзя прощать! вот они-то и есть выродки! они и есть нелюди! Четверых шустриков из местной администрации, пытавшихся преградить им путь, уже пустили в распыл, и слава Богу. Но с остальными придется повременить. Но только с научным персоналом, только с ними. Главарей-администраторов – в петлю! И никаких розовых слюней! никаких глебовых слез! Виноват, сукин ты сын, отвечай! Только так. Только так!

– Я не могу больше, – просипела в ухо Светлана. – Давай уйдем?!

– Нет! – отрезал Иван. – Мы обязаны это видеть. Понимаешь, обязаны! Иначе все повторится.

За стеклами ячей обитал сам ужас. Люди-змеи извивались на мраморных полах, пытались вползти по стенам, растопыривали крохотные лапки с человеческими пальцами, скалили клювастые рты... и падали вниз, в мокроту и нечистоты. Шестипалые рептилии с человечесьим мозгом и нечеловечьим страданием в плачущих прищуренных глазах разевали клыкасто-зубастые пасти. Уродливые насекомые с мягкими брюшками и в поблескивающем хитине плели паутины, бились о стекла, царапали его когтями, коготками, лапами, лапками, хоботками и жвалами... и смотрели, смотрели, смотрели – жгли всепонимающими выпуклыми глазами.

Светлана была в полуобморочном состоянии и уже жалела, что увязалась за Иваном. Да, в Осевом было погано, совсем плохо и гадко. Но там было знание, твердое и четкое – это мир нежити, этого нет. А здесь все живое, все настоящее, каждое из этих омерзительнейших и кошмарнейших насекомых имеет свое имя, свою фамилию. Их всех родили матери, родили обычные людские матери, родили на пытки, «перестройку» и мучения. Невыносимо!

Дряблое тело шестнадцатипалого паука вывалилось из сетей паутины, распласталось на грязном мраморе. Жвалы по-

дергивались будто от боли, из-под них сочилась черная сукровица. Тонкие, членистые конечности конвульсивно били по стеклу, стенам, полу.

– Как его зовут? – Светлана встряхнула старичка за плечо, затормошила. – Как зовут этого мученика?!

– Сейчас, сейчас! – запричитал тот. – Погодите же... Это – Сухолеева Марина Николаевна, шестьдесят третьего года рождения, с детства сирота, родители погибли при геизации Зенгоны. Она в полной памяти. Чувствует себя нормально. Пригодна для первичной проходки на планетах Левого Рукава метагалактики Гона.

– Мои тоже погибли, – тихо, бессознательно вставил Иван, – оба. Давно. Я тоже сирота. Я тоже мог быть здесь.

– Хватит! – заорала вдруг Светлана. – Хватит! Убейте ее! – Она схватила старичка за горло, встряхнула, сдавила. – Убейте ее немедленно! Сейчас же! Хватит ее мучить! Или я задушу тебя, гадина!

Старик хрипел, зеленел на глазах, отчаянно вращал глазами, но ничего не мог поделать.

– Убей!!!

Иван силой оторвал Светлану от несчастного. Но она рвалась к нему, тянула к горлу свои тонкие руки... Так было! Он вздрогнул. Да, в Осевом уже было так. Она оборачивалась упырем, она вонзала в него, Ивана, свои когти и зубы, она тянула лапы к его горлу, а он из последних сил удерживал их, он не мог справиться с потусторонней силой, нечеловечьей силой. Нет, это видения, это призраки, это бред! А здесь все взаправду. Она убьет его. Убьет.

– Все! Все-е! – выдохнул старикашка. Его дряблая, трясущаяся рука раздавила какое-то невзрачное стеклышко на ручном крохотном пультике, нажата малюсенькую кнопочку... и судороги, конвульсии прекратились, черная кровь хлынула из страшного насекомого рта некогда сироты Марины Сухолеевой, студенистое тело расплзлось неживой застывающей материей по полу, потухли и остекленели глаза.

Светлана замерла. Закрыла лицо руками.

– Что я наделала, – пролепетала она в тихом выдохе. Иван уставился на старичка.

– Их можно всех так?! – спросил он.

– Да, – служитель склонил голову.

– Ладно, пойдемте дальше, – Иван обернулся к жене, – а ты можешь подниматься вверх. Уходи!

– Нет! – она вцепилась в его плечо.

Иван молча страхнул ее. Но гнать от себя не стал. Истерика прошла, пусть остается. Они обязательно должны все видеть, все знать.

Следующий сегмент «бублика», больше сорока ячей, был отведен под гибриды людей с инопланетными монстрами. Иван прошел этот отрезок жуткого пути быстро, почти не глядя влево, за стекла. Изощрению выродков-садистов не было границ. А он верил тогда! Он открывал, покорял, осваивал эти планеты! Он шел впереди, мерз, горел, получал ранения, умирал и вновь воскресал, чтобы идти вперед, работать для людей, дарить им все новые и новые миры. А за его спиной, здесь на Земле – не в проклятом Пристанище, не в Системе – творилась эта жуть, эта мерзость и эта подлость! В невысказанных миллионах световых лет от Земли светили ему Золотые Купола Несокрушимого Храма, грели его душу, не давали ей погибнуть. А совсем рядом, почти под ними дьявол правил свой сатанинский бал. Как же так? Иди, и да будь благословен? Борись со злом вдалеке от зла земного?! Как понять это?! Прочь! Прочь!! Прочь сомнения!!! Это снова бесы вьются вокруг его души. Надо их гнать. Все было верно! Все было не зря! Ему надо было пройти сквозь все круги ада, Системы и Пристанища! Надо, чтобы понять дела и горести земные. И он понял. И он стал Воином. Иди, и да будь благословен! Развеивая мрак и темень, встали перед внутренним взором полки в золотых доспехах. Он один из них. Да, он один из них!

– А это еще что?!

Старичок сгорбился и прикрыл рукой горло, будто его вновь собирались душить.

– Тут у нас, как говорили, мозговой отдел. Коррекция и наращивание мозговых объемов. Этим повезло.

В трех метрах от Ивана, за двойным бронестеклом на широком низком кресле сидело что-то невообразимое. Огромная бесформенная голова размером с письменный стол удерживалась на мягких высоких подставках. Она пульсировала, будто именно в ней билось сердце. Глаза Иван сразу и не заметил, они располагались в самом низу головы и были прикрыты веками. Прямо из-под глаз вниз шла безвольно висящая тонкая шейка и под ней – хилое бледное туловище годовалого младенца.

Тельце казалось неживым, только нижние лапки, совсем не похожие на ножки малыша, чуть подрагивали, не доставая синюшными пальцами пола.

– По уровню интеллекта и быстродействию этот мозг почти не уступает среднему «мозгу» пассажирского космолайне-

ра, – с гордостью, будто именно он был создателем данного чуда, доложил служителю. – Но есть и более совершенные образцы. Пройдемте.

Несколько ячеек с головастыми уродами они миновали, остановились у крайней в сегменте. Всю ее от мраморного пола и почти до сферического потолка заполняло что-то аморфное, неопределенное, студенистое. Временами по студню пробегали конвульсивные волны и начинали мерцать изнутри зеленоватые огоньки, наплывать из просвечивающих глубин пульсирующие свечения. Все это уже совсем не походило не только на человека, но и просто на живое существо.

– Сверхмозг! – отрапортовал старичок. – Вполне может конкурировать с «большим мозгом» любого объединения штабов. Один недостаток – недолговечность, средняя продолжительность работоспособной жизни – четыре года, потом он начинает постепенно отмирать.

– И сколько ж таких вы сменили здесь? – спросил Иван глухо.

– Да, это не первый, – неопределенно ответил служитель. Развел руками и добавил: – Наука требует жертв.

– Вот мы и принесем ей эти жертвы, – пригрозил Иван, – чтобы поставить точку.

Старичок привалился к бронестеклу. Ноги у него подогнулись, челюсть отвалилась. Нет, не дадут дожить, не дадут протянуть последние годки, пришел и его черед.

Иван все видел, по он не стал успокаивать служителя, пускай потрясется от страха, пускай помучается, авось, поймет, как себя чувствовали бедолаги, попавшие в лапы изуверов-«перестройщиков». Себя, наверное, эти сволочи не «перестраивали», берегли. Неожиданная мысль взбудоражила Ивана – а что если собрать экспериментаторскую шатию-братию да самих обратить в эдаких монстров и чудищ, чтоб на своей шкуре ощутили... нет, нет! нельзя уподобляться выродкам и жить по их законам! надо их просто стрелять! надо их вешать! всех до единого! надо обязательно прервать цепочку безнаказанности и безответственности, иначе все впустую, иначе все начнется снова, даже если они выстоят, даже если они победят. Ведь так было. Так было в те давние, древние, почти мифические времена XX-го века. Тогда Великая Россия нашла в себе силы избавиться от выродков, сбросить их ярмо со своего хребта. Да, тогда изуверы-нелюди, пившие живую кровь людскую, жиревшие на этой крови, убивавшие и терзавшие Россию, ответили за свои преступления – очистительный перелом тысячелетий: исход из мрачного, черного, трагического Второго от Рождества Христова в светлое и великое тысяче-

летие Третье, конец Эпохи Смут и начало Возрождения. Да, тогда изверги рода человеческого, покусившиеся на Великий Народ, на Великую Державу, погрузившие ее во мрак безысходного отчаяния и страха, в пучину братоубийственных войн и хаоса, в липкие сети нищеты, голода, безработицы, всеобщего отчуждения, взаимной ненависти, вражды, в бездну смерти и вымирания, эти кровавые палачи получили по заслугам – ибо сказано было Всевышним: «Не по словам вашим судимы будете, а по делам вашим!» И пришло тогда на Земле судное время: и казнили убийц, вешали вешателей, расстреливали расстрельщиков – по делам их. И прерывалась тогда цепь безнаказанности, и начинали осознавать несознающие, что за горе и страх, за разор и предательство отвечать придется, неминуемо отвечать своей головой, и невозможно уже стало прикрывать свои преступления, корысть свою и ненависть к люду лживыми вывесками и красивыми словесами, ибо не по словам стали судить извергов-выродков, не по лозунгам и намерениям – благими намерениями выслана дорога в ад. В ад! Туда и дорога! Через виселицы! Через трибуналы! В преисподнюю! Ибо отец выродков, ставящих опыты на народах своих и чужих, не Бог, а дьявол. От него изошли – к нему и вернуться должны! Не спасало палачей-изуверов ни бегство в края чужедалия, ни сокровища награбленные, ни покаяния лживые... отвечали все. По заслугам! Иван горько скривился, все... да, видно, не все! Ибо великодушные победившего народа не знало границ – и ускользали иные, укрывались, избегали заслуженного наказания. Да, их было очень мало, совсем немного, но они, эти выродки, выжили – и пустили новые побеги, наплодили себе подобных... И вот они! Опять у власти! Втихую проползли – ужами, змеями, гадюками. Проползли! И вновь готовили погибель Державе... Нет, есть все же справедливость на белом свете! есть Бог! иначе бы по-другому обернулось. Иди, и да будь благословен! Будто под сводами Храма пророкотало под черепной коробкой у Ивана. Иди! И не сворачивай с благого пути своего!

Служитель оправился, пересилил страх.

А из студня за стеклом вдруг выплыл будто из глубин трясущейся жижи, прорвался сквозь тонкую прозрачно-влажную кожицу рыбий бессмысленный глаз. И уставился на Ивана изучающе и холодно.

– Пойдем отсюда! – снова потянула за рукав Светлана.

– Пойдем, – согласился Иван.

Оставалась последняя ячейка в замыкающем сегменте. Там, как говорил служитель, должна сидеть более совершенная модель зверчеловека. Надо взглянуть. Потом побеседо-

вать с бывшим Правителем, тот уже в "шарике" дожидается. И наверх! Хватит нервы терзать и душу рвать!

Ячейка была обычная, лишь свет озарявший ее изнутри, был приглушенной, тусклее. Зверочеловек сидел на пластиковом буром валике без ножек и спинки, сидел спиной, сгорбившись и повесив голову. После всех мыслимых и немыслимых гибридов, чудищ и человекообразных звероящеров да пульсирующих голов он смотрелся бледненько, подстать своей тусклой и невзрачной камере. Одно лишь неприятно задело Ивана – существо было одето в десантный комбинезон, старый, потертый, какой носил и сам Иван, комбинезон очень удобный, но нелепый здесь, в жутком подземелье.

– Большой? – спросил он у старичка.

– Не-ет, – протянул тот, – больших не держим. Тоскует, небось, или задремал просто. Сейчас мы его взбудрим!

Он навел свой пультик прямо на спину. И зверочеловек в комбинезоне вдруг напрягся, одеревенел. А потом резко обернулся. Лицо его, поросшее густой и короткой рыжей щетиной почти до самых глаз, было искажено злобой, светло-серые глаза излучали ненависть.

– Что это?! – прохрипела Светлана. И уткнулась Ивану в плечо.

Тот и сам оторопел. Вот так встреча! За бронестеклом, в полутемной ячейке, выраженный в десантный комбинезон и щерящийся от злобы, налитой осязаемой, зримой звериной силой и мощью, раздавшийся в плечах и кости, заматеревший и страшный, сидел он сам – Иван! Служитель переводил испуганный взгляд с морды зверочеловека на Иваново лицо, И наоборот, бледнел все больше, но ничего не понимал. Сходство было разительным, страшным и, явно, не случайным.

– Гады-ы!!! – еле слышно просипел Иван.

И теперь он все вспомнил. Теперь он все понял. Головоногий. Центрифуга, плаха-распятие. Так было в Системе. Так было на Земле, после Осевого. И янтарно-рыжий болигонский кентавр, похитивший прекрасную землянку с седыми тугими косами – это на фреске. Старик у столика из черного иргизейского гранита. Старик еще тогда жаловался на жизнь, тосковал по России, из которой его предки выехали двести лет назад, а ему, якобы, снились березки да древние избушки... Старик, открывший ему глаза, поведавший часть правды о выродках и всем прочем, старик, думавший... нет, точно знавший, что Иван не жилец, и потому разоткровенничавшийся с ним. А сам он был весь опутан шлангами и проводами, и плаха уже начинала нагреваться, раскручивалась, и он уже знал, что с ним будет. Он был перед дверью в небытие. Дверь от-

крывалась, его толкали туда. Да, именно во второй раз. Потому что в первый раз, еще в Системе, на плахе-центрифуге с него сдирали шкуру негуманоида, возвращали человеческий вид. А во второй, после Осевого, после черных экранов и черной дыры он попал на Землю, на такую же плаху, они начали его воплощать, начали «перестраивать» – в зверчеловека! Он все помнил. Такое невозможно забыть. Ивана будто молнией прошибло. Пристанище! Здесь повсюду отблески, отсветы Пристанища! Везде идет воплощение. Это непостижимо, но это так. Страшный, гнетущий мир воплощений и перевоплощений, мир прозрачных червей с просвечивающими мозгами, червей в телах ящеров и леших, оборотней и птиц, мир вурдалаков, воплощенных из небытия в бытие злым гением вырожденков... Пристанище везде! И Земля лишь часть Пристанища! Нет! В это нельзя верить. Но вот же – сидит перед ним доказательство. Он сам, ставший зверчеловеком. Нет! Не он, Первозург тогда спас его, в последние секунды вытащил с плахи, вырвал из провала в небытие, захлопнул дверь без выхода. Но он клонировал его, без этого нельзя было уйти из подземных дворцов подземной Антарктики. Нельзя! Его клон перестроили в зверчеловека, лишили воли, памяти, лишили своего «я». Нет, он никогда не должен был встретиться с ним. Но почему никогда?

Иван сдавил пальцами переносицу. Ему было больно. Он не ждал такой встречи.

Светлана не знала подробностей. Но она все поняла. И она молчала. Сейчас не было нужды в лишних словах. И лучше всего уйти, уйти как можно быстрее отсюда, немедленно! Но она уже не решалась тянуть его наверх.

А зверчеловек стоял, прижавшись лбом к бронестеклу, сжав до посинения кулаки. Крутые желваки перекатывались по его скулам, ноздри были широко раскрыты, верхняя губа, щетинистая и бесцветная, подрагивала, обнажая ряд ровных желтых зубов и два мощных клыка. Да, это был не человек, это был зверь. Но с человеческим мозгом, с остатками нейтральной памяти, со смутными картинками канувшего в лету прошлого. И он тоже узнал Ивана. Узнал, и сразу возненавидел.

Служитель стоял ни жив, ни мертв. Теперь и до него начинал доходить весь ужас встречи. Старичок, немощный и дряхлый, терял последние надежды. И зачем только он привел их сюда, зачем?! Но откуда он мог знать... Нет, ему уже не дадут дожить, дотянуть эти пять лет, хотя бы три, два года, пусть один, пусть месяц, неделю, пусть... нет, не дадут!

– Я могу убить его, – пролепетал он в отчаянии, – хотите?! Я могу убить его! – Тоненькая бледная ручонка с пультиком начала подниматься.

– Вон! – закричал Иван. – Убирайся прочь с глаз моих! Служителя будто ветром сдуло.

А они остались. Оба. Смотрящие друг другу в глаза. Человек и его зверообразная копия, страшный и могучий двойник. Сатанинское отражение, обезьяна дьявола. И в мозгу мерно гудело: «Человек хуже бабуинов и слизней. Люди – это худшее, из того, что породила Вселенная. Это раковая опухоль Космоса! Но придут врачи, врачи извне, и немного подлечат нашу Вселенную. Они вырежут эту опухоль. А мы... мы лишь ассистенты, мы их земной медперсонал, мы подготавливаем все для операции, для настоящих хирургов. Они придут. Они уже идут. Слышишь их шаги?!»

Иван резко обернулся. Всего на миг.

Но он узрел след проплывшей в хрустально чистом воздухе гиргейской гадины. Они здесь! Они повсюду! Кроваво-красные глаза ретрансляторов. Огромные клыки. Плотно облизывающиеся языки. Это не врачи, не хирурги. Но это их глаза. Они все видят. Они уже идут сюда. А он расслабился, он бросил все на Глеба, на Гуга, на карлика Цая, измученного, несчастного, полуживого карлика Цая...

Наследный император и беглый каторжник сидел в мыслекресле и корчился от боли. Его хилое, болезненное, исстрадавшееся тело прожигало, пробивало, пронизывало какими-то непрекращающимися и очень болезненными разрядами. Это была пытка! А ведь всего несколько минут назад половину мира он держал в своих цепких трехпалых руках.

Да, ему удалось разгадать все шифры, все секреты и тайны центрального пульта. Он раскодировал мыслеуправитель Исполнительной Комиссии. Он сразу узрел, услышал и понял все. В мгновение ока он увидел прямо внутри своего мозга, безо всяких экранов, полыхающий Нью-Йорк – его расстреливали с воздуха десятки боевых бронеходов армейских частей быстрого реагирования. Восстание подавляли безжалостно и беспощадно, не считаясь с миллионами горящих живьем, пробиваемых свинцом, прожигаемых смертоносными лучами людей – Крузя сработал, подлец, ничего поручить ему нельзя! – машинально отметил Цай. Но внутреннее зрение показывало пожарища и погромы иных городов и городишек: все бушевало, кипело, сходило с ума в Чикаго, Лос-Анджелесе, Гаргонге – суперполисе, раскинувшемся на ста тысячах квадратных миль и пожравшем сотни городков, поселков и пустырей,

трясло в ужасе и озлоблении весь Юг, острова. Под бронированным колпаком тихо и настороженно притаился Комиссариат Синклита Мирового Сообщества, затихла Антарктида и все восемьсот тысяч окологемных станций-баз. Напряглись будто перед прыжком на жертву в тринадцати планетарных супербункерах Наземные авиационно-сухопутные силы, все полтора миллиона живых головорезов и еще четыре – обученных и запрограммированных на войну андроидов... Штаты были в полнейшей сумятице, в дичайшей растерянности, никто, явно, не понимал – что же, черт возьми, происходит!

«Всем оставаться на местах!» – приказал Цай.

Приказы, исходящие из самого ядра, из «мозга» Исполнительной Комиссии, обжалованию и обсуждению не подлежат, это известно сызмальства каждому оболтусу-школьнику, тем более воякам и спецслужбам. Сказано ОТТУДА. Значит, сидеть да помалкивать, да руку у форменной кепочки держать, выполнять приказ.

«Никаких передислокаций! Никаких ответных мер! Все идет по плану!»

Цай ван Дау торжествовал. Он их обхитрил. Он успел. Теперь надо лишь дать разгореться смуте по всему Сообществу, а потом бросить спецслужбы на армию, армию на полицию и федеральное бюро, а чтобы поставить точку, срочно вызвать космоспецназ и «погасить» наземных стражей порядка, включая армейских, объявив их мятежными силами, которые возглавляет хунта, стремящаяся к захвату власти. Силы космического базирования, точнее, их неперевооруженные остатки, живо сведут старые счеты с наземниками, только дай законный формальный повод, а тем более приказ. Как по маслу! Так и должно быть! Потом можно и Гуга поддержать, и Иванову победу закрепить. Лиха беда начало.

Только бы Дил Бронкс со своими парнями не оплошал! Цай отключился от глобальных событий, теперь важнее было отслеживать заваруху внутри форта. Здесь обязательно должна быть блокировка. Если Дил затынет дело, они рано или поздно распознают его и замкнут. Это конец! Это крышка!

– Дил! Дил, мать твою, ты слышишь меня?! – захрипел Цай по внутренней.

– Отвяжись, – сипло отозвалось извне, – не до тебя!

Цай все видел. Мыслекресло было просто чудом. Он видел, как ползли по «черным нитям» Диловы ребятишки, ползли к самому сердцу форта, если они доберутся нормально, с внутренним кольцом охраны будет покончено. А снаружи творилось нечто несусветное. Бронеходы Дила громили бронированный форт Видсток. Они уже разнесли в щепы, в пыль

весь пригород Нью-Вашингтона, выжгли вокруг форта «кольцо безопасности» в семь миль поперечником. И теперь рвались внутрь. Боевая десантная капсула прикрывала нападающих сверху. Она висела черным застывшим солнцем в поднебесьи и срезала все движущееся, все вылетающее из форта, все – снаряды, ракеты, дисколеты, малые охранные бронеходы, андроидов на гравилетах. Без нее Дил Бронкс уже лишился бы половины своих штурмовиков и двух третей братьев.

– Давай! Давай, черный дьявол! – мысленно подбадривал его Цай.

Рукопашные бои шли в четырех коридорах, ведущих внутрь. Страшные бои, не на жизнь, а на смерть. Цай смотрел, все видел, но не завидовал этим парням. Драться с андроидами в ближнем бою?! Андроидам почти не больно, они не шадят себя. А сил у них в два раза больше. Но Диловы ребята пробьются! Обязательно пробьются!

Все видел Цай. Все знал. И работал – рассылал десятки приказов, распоряжений, тормозил прытких, тормозил робких и неуверенных. Он успел отвести армейские силы от пылающего Нью-Йорка, остановил бойню. И собирался уже поднимать спецгруппировку морской пехоты – в это время как раз из «черных нитей» выскочило сразу шестеро, они были в сотне метров от него, они давили растерянную охрану... – и вдруг прямо в голове промерцало зеленым: «Вариант 0-11! Вариант 0-11! Полное переключение управления на Север!» И перед глазами высветились четкие контуры Антарктиды. Цай еще успел подумать, что Антарктида это вовсе не Север, что это Юг! Но его уже начало трясти, бить и прожигать. Он мгновенно ослеп, оглох, онемел... Во мраке и давящей тишине, сквозь лютую боль он четко осознал – сработала не ведомая ему защитная система! Она распознала чужака, несмотря на разгаданные им шифры, распознала, отключила и перевела управление Исполнительной Комиссии на дублирующий пульт, наверное туда – подо льды Антарктики! Это был полный проигрыш! Теперь все впустую! Зря гибнут парни, зря рвется сюда неунывающий Дил Бронкс, зря висит в поднебесьи черное солнце капсулы.

Он врубил внутреннюю. Заорал, что было мочи:

– Дил! Отбой!! Отход!!! Немедленно уходите!!! Но никто его не услышал.

Цай бился в судорогах, бился в страшной ловушке, в тюрьме, из которой нет выхода, в бронированной мышеловке отключенного и никому уже ненужного, брошенного форта Видсток.

Хук Образина отшатнулся от зеркальной стены, будто его кипятком ошпарили. Сотни раз он допивался до белой горячки. Но еще ни разу не выдывал такой гнусной хари. Неужели совсем дошел?! А ведь когда-то, в Школе Десанта и космо-спецназа, его звали Хуком Красавчиком. Тогда он был молод и хорош собой, все встречные-поперечные девицы заглядывались на него – смуглый, светловолосый, ясноглазый... Нет, надо еще разок взглядеться, это бред какой-то!

Хук осторожно подошел к стене.

С расстояния трех метров она, как и следовало зеркалу, отражала его подлинный облик – изможденный, тощий, страшный, кожа зеленая, щеки провалились, нос рыбьей костью торчит вперед, подбородок тоже, но не костью, а рукоятью ятагана, седые короткие лохмы топорщатся вздохмаченными перьями, будто у испуганной полуоблысевшей от дряхлости курицы, в глазах туман и мука... ничего не попишешь, таким он стал, но это все нормально, куда ни шло! А вот... он приблизился еще на метр. Изображение начало тускнеть, двоиться. Еще полшага... и вместо изможденного лица на Хука глядела отраженная от зеркальной поверхности гнусная и уродливая харя. Такая ни в одном запое не привидится! Хук дернулся было назад. Но усилием воли сдержался, пересилил страх и отвращение, взгляделся. Эдакому отражению мог позавидовать сам сатана! Харя была болотно-зеленого, мертвенного цвета, в обрамлении густой седой шерсти. Кривой, змеящийся рот шел от уха до уха, сами уши были козлиными, поросшими рыжим пухом, вместо носа торчало свиное рыло, но не пяточком, а свисающим морщинистым хоботом с ноздрями. Застывшие, остекленевшие глаза были мертвы и ничего не выражали – черные прозрачные камни в обрамлении желтушных белков. Огромные надбровные дуги нависали над этими глазищами, переходя в невероятно морщинистый лоб. С крохотного и тоже морщинистого подбородка свисала редкая рыжая борода. Но самым страшным в отражении были рога – короткие, кривые и острые рога, торчавшие прямо над ушами.

Хук осторожно и с опаской провел потной ладонью по собственному лбу, потом по всей голове. Никаких рогов у него не было. Значит, мерещится! Значит, опять накатила горячка! Но ведь он уже давным-давно не употребляет, ни капли! Ни-ни! Неужто так бывает?! Это же черт знает что!

– Докатился, едрена вошь! – прохрипел он под нос. И сдвинулся чуть левее, просто нога затекла. И увидел еще харю. Похлеще первой – жирную и лохмобровую. Глазища у этой хари стекленели столь же мертво, что и у первой. Теперь

Хук вообще ничего не понимал, не мог же он отражаться двумя дьявольскими харями сразу?!

Он отскочил на три метра и саданул из ручного лучемета самым малым разрядом.

– Получай, гады!

Зеркало запотело, побагровело на секунду-другую. Но выдержало. Хук заглянул в него – хари торчали на своем месте. Теперь он видел и третью, четвертую, пятую... их было не перечесть. И не были они никаким отражением. Эти гады просто торчали за стеклом мертвыми, застывшими статуями.

– Все одно побью! – прошипел Хук.

Отбежал на двадцать шагов и вlepил на полную. Обратной струей газов его самого швырнуло на пол, ударило о противоположную стену, так шибануло, что он не сразу пришел в себя.

– Живой, что ли?! Чего дрыхнешь?!

Муга Муравей, мосластый паренек из шайки Легавого, тряс его за плечо.

Хук тряхнул головой, прогнал муть из глаз. Встал.

– А чего тут было-то? – спросил Муга. – Гранатой, что ль, шарахнули?!

Хук ткнул Мугу прикладом в бок. Показал стволом наверх.

– Вали на место! Тут все нормально!

А когда Муравей убежал, процедил про себя:

– Разберемся еще!

Хук был недоволен. Более того, он был зол и хмур. Они уже перевернули вверх дном три дюжины черных притонов, облазили сотни километров подземелий. А выгнать наверх удалось лишь тысячи с две этих долбанных сатанистов-оборотов! Хорошо там Ивану у себя в России планы разрабатывать да сроки назначать, командовать хорошо и вольготно! Мол, давай, Хук, шуруй, подсуепись, да так, чтоб все это отродье довести до белого каления и вышвырнуть прямо на поверхность, под ножи и дубины мародеров и бандюг – этого, мать его, «восставшего мирного населения», которое грабит и громит лавки и банки, насилует друг дружку, режет в лоскуты, заливается всяким дерьмом по самое горло, колется на дармовщинку, обкуривается и снова – грабит, режет, стреляет, громит! Иван говорил, мол, отвлекающие маневры, дескать, Крузя с «длинными ножами» малины взбаламутит, шухер подымет, народишко распалит, эти пидермоты из подземелий на народишко налезут, власти всех разом усмирять да калечить начнут... в такой бузе Цай с Дилом Синклит за горлышко и

возьмут. Ага, взяли, как бы не так! Хорошо рассуждать да стрелочки на планах и картах рисовать!

Еще совсем недавно, какие-то месяцы, недели назад они с Крузей и Кешей по притонам Черного Блага такой шорох наводили, что дым коромыслом стоял. Но это подготовка шла. А как за дело браться, так и притоны попустели! Где они, сатанисты эти поганые?! Где она, эта мразь чокнутая?! Неужто порядочными стали, повылазили наверх и на работу в белых сорочках ходят... хрена! Там вообще сейчас никто ни на какую работу не ходит, там сейчас гулеванье идет! Нет, лучше и впрямь на заправщике было с Крузей на пару сидеть да стаканить, самогонкой заливаться! Или дело делать.

А тут дела нет. Дело было в Дублине. Хук вспомнил свою прекрасную Афродиту. И прослезился. Сволочь она была, паскудина, стервозина и сука. Но все же своя, родная. Зря ее Арман так строго, не по-людски это. Правда, и она не по-людски, чуть не погубила Хука, чуть не сгноила в помойном баке... но все равно жаль. Арман, он же Крузя, все рассказал Хуку по совести и начистоту: как наказал хахалей Афродитиных, как повесил ее саму на простынях да выставил в окошко на обозрение, проституткам местным на увеселение, а прочим в назидание. Жалко ее... да сама ведь себе дорогу проложила, сама себе подлянку подкинула. Хук горестно вздохнул, вытер ладонью холодный пот со лба. Он не помнил, как его вытащили из бака, как в бот к Дилу Бронксу сунули, как выхаживать начали. Ежели б не братва десантная, не Крузя с Дилом да не Ваня с Гугом, глодали бы его косточки псы бездомные. Он им по гроб жизни обязан!

Но ведь не лбом же теперь биться о пустые стены!

Хук крепко выматерился. И еще разок саданул в зеркала.

Ну их!

Наверху его ждал сам Легавый, толстый коротышка с усами аля-мехико, серпом к подбородку, и все тот же Муга Муравей, бестолковый, но дотошный. В ногах у них извивался лохматый хмырь с шестиконечными наколками на щеках, один из этих испарившихся пидермотов-сатанистов.

– Чего разлегся, тварь!

Хук с ходу саданул кованным сапогом прямо под ребра хмырю.

Муга вздернул его, поставил на тощие, обтянутые черной кожей ножки. Ткнул прикладом в живот и заорал благим матом:

– Сми-ирна-а-а!!!

Хмырь вытянулся как мог. И тут же получил от Легавого по зубам. Одновременно прозвучал вопрос:

– Где вся ваша сволочь? Отвечай!

– В богадельни подались, – ехидно пробубнил хмырь, выплевывая выбитый зуб.

– Пристрели его! – холодно приказал Муравью Хук. Муга поволок хмыря к провалу в нижние этажи – будет лететь как в бездонную могилу, как в преисподнюю.

– Не-е-ет! – завопил вдруг резанной свиной хмырь. – Не на-а-адо!!!

– Говори! – коротко бросил Хук в минутном раздумьи.

– Я все... я все скажу!

Хмырь упал на колени, пополз к Хуку, принялся вылизывать запыленные сапоги. На него было противно глядеть. Но дело превыше всего.

– Они их увели!

– Куда?

– Еще ниже.

– Там никого нет! Ты врешь, гнида!

– Есть!

– Нет!!!

– Есть! – хмырь рыдал, бился лбом о каменные плиты. Ему, видно, больше нравилось вести беседы, ползая на брюхе. – Они все там! С ними чего-то сделали. Их усыпили... а может, убили! Я не знаю... я видел только, один сбегал, весь волосатый, с когтями, но я его узнал, он всегда ходил на мессы, его чуть в жертву не принесли, еще год назад было, а щас с рогами, маленькими такими, и волосатый!

Хук насторожился. Дернул затвором.

– Говори, падла! Все говори!

– Больше не знаю! Ничего не знаю!

Коротышка Легавый вклинился, поглаживая ус коротким жирным пальцем:

– Тут дело нечистое.

Хук кивнул. И достал парализатор, не из лучемета же бить этого червя!

– Мне страшно, – пролепетала Светлана. – Не смотри на него, не надо!

Иван не шевельнулся. Он не мог оторваться от этих пронзительных глаз. Своих собственных глаз. Зверочеловек глядел, не мигая. Это было страшно. Это наводило оцепенение. Иван знал, стоит ему сейчас обернуться... и он увидит ее, страшную патлатую ведьму, злобную фурию, дух планеты Навей и Пристанища, Алену, свою постаревшую, страшную, ненавидящую его смертной ненавистью Алену, в которую вселилось нечто безысходное и черное. Он не мог обернуться,

хотя в ушах у него звучало ее страшное проклятие. Он не мог обернуться, потому что рядом стояла Света, его жена... Много раз Иван порывался рассказать ей все про планету Навей, про Аленку, но она всегда останавливала его – что было, то было, быльем поросло, – она не хотела слушать, ничего не хотела слушать. А теперь вовсе было не время, не место. Но это страшное заклятье. Да! Оно всегда с ним, оно черной печатью сковывает его душу, и никакие благословения не могут освободить от него! И эти пронизывающие глаза! Может, зря он прогнал старичка-служителя, может, и впрямь надо было избавиться от страшного двойника?! Кто знает. Совершенная модель! И таких будет много, очень много. Может, уже есть. И не с его лицом, не с его памятью, других, по очень много. И они будут убивать своих братьев, губить ту страну, что их породила и выкормила, губить Землю, у них нет своей воли, они во власти вырожденков-нелюдей... Нет, это все в прошлом. Их власть в России пала. Скоро она падет по всей Земле, а там и по всей Федерации, ни на одной самой крохотной планетенке, ни на одном самом замухрышистом астероиде ее не останется.

– Ты слышишь меня? – прошептал Иван. Зверочеловек не ответил.

– Ты понимаешь меня?! – заорал Иван во всю глотку, прикладывая к стеклу.

Двойник отпрянул. И чуть кивнул. Что это было – случайное движение? Или знак?!

– Все! Хватит!

Иван схватил Светлану за руку. Поташил за собой – туда, в «шарик». Недоумевающий и молчаливый охранник быстро пошел за ними. Стук его кованых полусапог глухо прокатывался по округлым коридорам эхом, тонул в пористых стенах, рассыпался, гас и снова нарождался из полумрака и тишины.

Правитель уже сидел в сером пенолитовом кресле, рука его была прикована наручем к подлокотнику. Рыжеватый парень со шрамом стоял за спиной у него, дожидаясь.

– Оставьте нас, – попросил Иван.

За эти короткие и бесконечно длинные дни он узнал все, или почти все, тайны великого и огромного государства, постиг скрытые механизмы, движущие Федерацией. Что мог сказать нового этот кособокий и хромоватый человечиска? Почти ничего... разве что, пожаловаться па свою незавидную участь. Правителя можно было с полным основанием расстрелять или повесить, подобно прочим предателям, причем еще вчера, позавчера – он заслужил тысячекратного повешения за свою измену, подлость, двурушничество. А еще пого-

варивают: на тропе не бывает изменников! Бывает! Еще как бывает. Врет поговорка. Правда, самого главного, основного так и не удалось выяснить – не удалось выйти на связь, прямую связь с Системой, с Пристанищем, со всеми теми силами зла, на которых работали и Правитель, и комитетчик, и министр обороны, и многие другие иуды. Связь была односторонней. И почти сразу после переворота она оборвалась. Наступило зловещее молчание.

ОНИ поняли, что случилось!

Правитель, взъерошенный и смурной, глядел на Ивана исподлобья, глядел с ненавистью и страхом, и чего было в его взгляде больше, не разберешь.

– Взяли верх, молодой человек, – процедил он с ехидцей, – радуетесь, торжествуете?! Одолели немощного старика!

Иван не стал вдаваться в разъяснения.

– Что все это значит?! – сурово спросил он, чуть поведя головой назад, туда, где в ячейках томились жертвы.

– Что это? – переспросил Правитель, шевеля бровями и глядя на вопрошающего будто на несмышленного мальчика. – Это прогресс, мой юный друг! Это восхождение к совершенству! От питекантропуса к человеку идеальному, многовариантному, к хому суперсапиенсу, юноша, вот что это!

От подобной наглости Иван опешил.

– Но вы спрашивали их самих, – робко начал он, постепенно преодолевая и свою неожиданную робость и нахальство этого старца, – вы спрашивали этих несчастных, хотят ли они вашего совершенства, желают ли они быть сверхчуждыми?!

Правитель скосил глаза и тихохонько заклекотал, заперхал, сразу даже непонятно было, смех это или кашель.

– А господь бог, мой юный друг, а сам создатель – спрашивал ли он согласия у тех безмозглых обезьян, которых он направленными порциями жесткого излучения превращал в первых людей, в Адама и Еву?!

– Вы не боги!

– Мы выше богов! Мы сильнее и всемогущественней! – торжествующе прошипел старец.

– Не надо кощунствовать! – Иван ударил ладонью по столу. – Не трогайте Создателя своими грязными лапами! Вы не боги, вы садисты, вы изверги-вивисекторы, вот кто вы!

Теперь Правитель засмеялся явственней, громче, злораднее. Он вовсе не собирался сдаваться, брать на себя вину и каяться. У него явно было свое мнение, отличное от мнения Ивана.

– Вы слишком молоды! Вы не знаете жизни! – с нажимом, глядя прямо в глаза, будто пытаясь заворожить и подчинить себе, принялся вещать он. – Вы что-то там вякали раньше про выроdkов, было дело, не качайте головой, я все помню. Вы, юноша, имели ввиду таких как я, вы обвиняли властимущих и близких к ним... да, это правда, мы вырождаемся, мы сами изживаем себя, деградируя все больше. Конец наш страшен и незавиден, сама Вселенная, сама Природа Мироздания не терпят нас, не желают терпеть, изживают нас, обрекая на дегенерацию и вымирание, это так. Но у нас есть ум! Есть сила! И есть воля! Мы не уйдем сами! Ибо вырождаясь и падая в бездну тьмы, мы столь же стремительно обретаем разум, недоступный вам всем, мы умнее, становимся изощреннее и изворотливее, да-да, не бойтесь этих слов, в жизни выживают не сильные и открытые, а хитрые и изворотливые, даже если они выроdkи. Вы поняли только половину правды, ту половину, что про нас – сильных, умных, изворотливых выроdkов, собравших всю власть во Вселенной в свои руки. Но вы не знаете другой половины... А она в том, что и вы все, жалкие людишки, все человечество вырождаетесь столь же стремительно и необратимо! Вы летите в пропасть вместе с нами. Но не замечаете этого. Уже семь веков идет процесс неостановимой дегенерации – матери-выроdkи порождают детишек-выроdkов, больных, с испорченной наследственностью, дебильных или с рождения запойных! Они плодят уродов, которые в свою очередь будут плодить уродов и уродиц! Вот так, молодой человек! И знаете, почему это происходит? Что вы молчите? – Правитель сделал выжидательную паузу, весь скосбочился, скривился, довольно ослабился, казалось, он вот-вот с несдержимым злорадством завизжит – тонюсенько и противно. Но он не визжал, а лишь хихикал да потирал руки. Голос его был чистым сахарным сиропом. – А потому, юноша, что людишки – это жалкие, слабовольные, похотливые и ленивые животные. Они не могут отказать себе в желаниях чисто скотских, они беспрестанно ублажают себя – сладостями, бездельем, развлечениями, спиртным, наркотиками, куревом, одеждой, меняя ее безо всякой необходимости, даже спортом, которым занимаются от пресыщения и во вред себе, они пичкают этим же своих больных детишек, делают их еще более больными, а потом лечат, калеча окончательно. Естественного, здорового отбора нет уже сотни лет... сколько было человек на место в вашу десантную школу?

– Двести семьдесят, – нехотя отозвался Иван. Он сидел в напряжении, не прикасаясь спиной к спинке кресла. Правитель-негодяй говорил все верно, это была чистая правда – че-

ловечество вырождалось. Но чего-то не хватало в этой связке, тут одной логикой и даже математическим анализом не возьмешь, нужно еще что-то. Что?!

– Вот видите! И все равно не добрали человек сорок?

– Сорок семь человек, – подтвердил Иван.

– Даже сорок семь. И вы, юноша, знаете почему.

– Если ты еще раз назовешь меня юношей... – начал закипать Иван.

Но бывший Правитель осек его.

– Не буду, ладно, – выдал он. – Но и грозить нечего! Что так, что эдак – все равно мне не жить, я в добренькие сказочки не верю! Но продолжим. Не добрали, потому что здоровых парнишек оказалось меньше, чем мест в Школе. Это было двадцать восемь лет назад, нет, почти тридцать. А сейчас недобор еще больше... вы все вырождаетесь. Вы все выродки. И мы выродки. Но мы – умные, хитрые, волевые. А вы – безвольные, похотливые и тупые. Вы – выродки вдвойне. Вот в этом и заключается вторая половина правды – одной большой Правды на всех!

– Ты служишь дьяволу! – мрачно изрек Иван.

– Плевать кому, – отрезал Правитель. – Если все будет идти дальше точно так же, через четыреста лет Вселенная превратится в огромный сумасшедший дом для убогодочных и совершенно недееспособных дебилов!

– Вы сдохнете раньше!

– Пусть! – согласился Правитель. – Но выродки-дебилы, никем и ничем не управляемые, ибо они просто физически и умственно не способны к этому, будут крушить все повсюду, будут отравлять все вокруг себя, гадить, ломать, убивать до тех пор, пока не захлебнутся в собственном дерьме. Этого вы хотите, молодой человек?!

Иван промолчал. Еще не хватало ему покорно кивать головой, соглашаться с подлецом и негодяем. Да будь он хоть трижды прав, это еще не вся правда. На то они и бесы, чтобы влезть в душу, заставить доверчивого поверить им, охмурить его, закружить, превратить в бесноватого. Слуги дьявола! Они лопочут, лопочут что-то постоянно, все про прогресс, про благие дела... а сами ждут пришествия своего черного мессии. Бесы!

Правитель злорадствовал. Он видел замешательство собеседника. И он был счастлив. Да, ничто не спасет его от смерти. Но он умрет победителем! И никто не сможет опровергнуть его. Пусть так получилось, пусть, но он будет перед лицом небытия смеяться и плевать в рожи этим червям, этим

слизням. А пройдет время, и они станут такими же как он, они уже сейчас его наследники, только они не знают об этом.

Правитель внутренне торжествовал, да и почти не скрывал этого.

– Мы спасали человечество, понимаете?! Да-да! Это такие как я и мои предшественники, мои коллеги подавали утопающему руку. Новые расы! Приспособленные! Сильные! Умные! Они должны были пережить погибающее, вырождающееся человечество, придти ему на смену. А значит, и само человечество не погибло бы. Они, наши первенцы, стали бы связующим звеном между вырождающимся миром и миром новым, миром сверхчеловеков!

– А потом придут пауки. Черные пауки! – вставил Иван.

Правитель сразу сник, побелел.

– Откуда вы знаете?! – воскликнул он.

– А вы – откуда? – вопросом на вопрос ответил Иван. Он его поймал. Этот негодяй знал про подземные инкубаторы.

– Я вообще много чего знаю, – тут же воспрял Правитель, – вам нет смысла избавляться от меня. Второй такой кладезь мудрости, хе-хе, и знаний вы еще не скоро отыщете!

– Мы пьем из своих источников.

– Не торопитесь, молодой человек, всех ждет могила, и не думайте, что хуже меня злодеев земля не рождала. То, что вы лицезрели – еще цветочки. Мне тут, в России, не давали развернуться, все тайком да тишком. А вот мои коллеги – уважаемые, кстати говоря, люди, и в Европе и на Западе ни с птичками, ни с рыбками почти и не баловались. Глядите!

Правитель левой рукой вытащил из внутреннего кармана пиджака черный шарик, сдавил его узловатыми пальцами прямо над пластиконовым серым столом – и из шарика словно неполная рассыпающаяся колода карт развернулись в пространство белые квадратики, темнеющие и сереющие на воздухе, голографии!

Иван протянул руку, поднес карточки ближе. Таких отвратных рож он не видывал ни на одной планете Вселенной. С голографий смотрели на него натуральные черти с рогами, но не те, карикатурные, каких обычно показывали в фильмах и рисовали в книгах, а страшные, пугающие, отвратительно-естественные. Иван отбросил квадратики.

– И это тоже новая раса?! – спросил он, пересиливая омерзение.

– Вы еще узнаете, что это такое! – кривое лицо старика скривилось больше, злорадная улыбка перекосила его. – Земной материал. Внеземная генетика. Превосходная работа специалистов.

– Это они придут нам на смену?

– И они тоже.

– Не совестно вам, порождая и выпуская в свет такую нечисть, сравнивать себя с Творцом, с Создателем?!

– Совесть – химера, молодой человек. А сатаноиды и дьяволоиды, выращенные на Западе нашими коллегами, реальность. Более того, наше будущее! Смена вех, понимаете ли. Какая разница вырождающимся дебилам, кому поклоняться – богу или дьяволу? Поверьте, всем этим миллиардам ублюдков по всей Вселенной абсолютно все равно! Тем более...

– Что – тем более?!

– Им не так долго осталось, молодой человек. Скоро начнется! – зловеще протянул Правитель, снова заглядывая в глаза завораживающим взглядом Авварона Зурр бан-Турга.

– Когда?!

– Точной даты никто не знает. Но скоро!

– Ты не доживешь до этого часа, паскудина! – Иван встал.

Правитель посерел, помрачнел. Но нашел в себе силы выдавить мрачно:

– Убьешь меня – сам сдохнешь! Прощения тебе не будет, они не умеют прощать.

– Кто это о н и ?!

– О н и ! Ты сам все знаешь! Ты был там! Смирись! – Правитель говорил почти угрожающе. – Смирись и исполняй их волю. Иного пути нет. Они ценят верных и нужных. А мы с тобой им нужны!

– Мы с тобой?! – повторил Иван.

– Да, именно мы, ты и я, – зачастил Правитель, полагая, что почти добился своего, что перед натиском неумолимой логики и самой обычной целесообразности этот выскочка сдался, понял, что бесполезно трепыхаться, юродствовать, корчить из себя дон-кихота, спасителя и защитника человечества. – Мы будем еще долго жить, поверь. Даже когда наши бранные тела откажут нам служить, о н и воплотят нас в другие, и мы будем вечными и всемогущими, понимаешь?! Это бессмертие! Это власть! Это могущество!

Нет, это просто Пристанище, именно оно. Авварон был прав. И Первозург был прав. О н и уже давно здесь. И Вторжение уже давно началось. А он чего-то ждет и рассуждает, он ведет себя как слизняк, а не как воин. Лети в форточку, комаришка, лети! Спасай свою жалкую шкуру! Мечись! Кланяйся! Испрашивай воплощения и бессмертия – и ты получишь его. Да, этот негодяй, этот бывший правитель прав по своему. Иван встал, посмотрел на рыжеватого охранника со шрамом. Тот вытянулся, встал по стойке смирно. И когда он

успел войти? Почему он здесь?! И Светлана сидит. Все ждут, что он скажет, что сделает. Они сами вошли? И они слышали обрывок беседы? Нет, не слышали. Заслон щелкнул уже после того, как он встал. Ну и быстрые же они, ну и шустрые... нет, просто они волнуются за него. А он попусту растрчивает время. Пристанище! Да, пришла пора – Земля стала частью Пристанища. И с этим надо кончать.

– Ты не дождешься власти, – тихо проговорил Иван, – ты не получишь бессмертия. – Обернулся к охранникам. – Бросьте его туда, к самому первому, четырехглазому. Пусть его жертва решает его судьбу.

– Выродки! Вы сами все выродки!!! – заорал в бессильном бешенстве Правитель. Слюна полетела с его губ, глаза разом стали безумными, выпученными.

– Не надо, Иван, – тихо вступилась за старца Светлана.

– Если он чист перед Богом, этот зверь не тронет его. Пойдем!

Иван быстрым напряженным шагом пошел к трубопереходу. Он должен был видеть своими глазами конец Правителя... а может, и не конец? Правильнее было судить его, оповестить весь народ о страшных злодеяниях этого чудовища, а потом казнить публично, в назидание прочим нелюдям. Но справедливее именно это решение, пусть «неудачный образец» потолкует малость с тем, кто благословил на зверства его мучителей-истязателей. Народ поймет. Народ увидит в записи. Так надо.

Оба охранника из альфа-корпуса, бегом, волоча тщедушное тело по пористым коврам, обгоняя Ивана и Светлану, спешили к ячейке четырехглазого верхним этажом-переходом, им был нужен люк.

– Ну что, приятель, что, Александр Артурович Коротеев, припоминаешь меня? – вполголоса спросил Иван, прикасаясь ладонью к бронестеклу.

Монстр обнажил внушительные клыки, все четыре глаза налились кровью. Но на этот раз он сдержался, не стал размахивать своими пудовыми лапами.

Соображает! Иван скрестил руки на груди. Вне всякого сомнения, он разумен. Но врал старикашка, не новую расу тут выращивали, может, те самые, с рогами – новая и есть, а этим предназначалась участь рабов, убийц, тяглового скота, надсмотрщиков, диверсантов... разве это новые хозяева Вселенной? Нет! Это несчастные жертвы, гипертрофированные выродки, а не создания Божьи. Они не приживутся в Мироздании. Они по замыслу палачей-экспериментаторов должны

были сделать свое грязное дело, подобно чернорабочим, и уйти – уйти навсегда.

Створ люка в высоченном потолке съехал в сторону. И на гибком пластиковом шланге, затянутом под мышками, стал медленно спускаться вниз кособокий, взъерошенный, перепуганный и дико машущий руками и ногами бывший правитель.

– Гуманисты, мать их! Иван скривился. Вместо того, чтобы просто сбросить гнусного ублюдка вниз, они устраивают ему прямо-таки сошествие с небес.

Но еще больше Ивана удивил четырехглазый. Этот огромный, трехметровый громила, способный разорвать на две половины хомозавра с Ирзига, вдруг прижался спиной к стене, опустил на корточки, прикрылся обеими ручищами. И тоскливо заверещал. Он помнил, он знал этого тщедушного кособокого старца... и он трепетал перед ним даже сейчас, когда тот был беспоощен и жалок.

– Это действительно полное вырождение! – прошипел Иван, почти не разжимая губ.

Они все парализованы, и не только эти несчастные за стеклами, все! Мерзкие и мелкие прозрачные черви с просвечивающимися розовыми мозжечками, ввевшиеся под кожу, в загривки, в мозг многомиллионных титанов, правят ими и на Востоке и на Западе. Мало того, что правят! Не червями, а исполинскими, грозными и всевластными удавами видятся они каждому и всем. Это и впрямь вырождение. Это конец... Иван потрянул головой. Бред! Он опять чуть не попал под их ворожбу. Сейчас. Еще немного! И этот зверюга опамятуется, выдавит из себя ужас. Вот – он уже начал приподниматься, встает, встает...

Четырехглазый и на самом деле приходил в себя. Он уже стоял на своих толстых искривленных ногах-лапах. Нависал над бывшим правителем мохнатым колоссом.

– Не сметь! Раб!! – истошно завизжал обезумевший от страха старикашка. Затопал ногами, воздел сжатые кулаки чуть не к самой морде монстра. Визжание было нестерпимо: – Не сме-е-е-ть! Сгною-ю-ю!!!

Четырехглазый даже отшатнулся на миг, прикрылся ладонью, обернулся и поглядел со звериной тревогой на людей за бронестеклом. Те молчали, не отрывали глаз от него. И тогда, невозможная оцепенение кролика перед удавом, четырехглазый медленно, невероятно медленно поднес ладонь к лицу визжащего и бессильного властителя, ткнул ею прямо в лоб – старик повалился, забился в судороге... и вдруг начал обеими руками рвать воротник рубахи, царапать горло, захрипел, дернулся раза три пуще прежнего и затих – изломанной, ско-

собоченно-уродливой, гадкой, выброшенной за ненадобностью на помойку куклой.

Светлана отвернулась.

Иван беззвучно выругал себя – он виноват, устроил, понимаешь, дешевый спектакль с плаксивым финалом. И этот хорош, жертва называется, еще зверочеловек, монстр!

Четырехглазый, брезгливо подергивая кончиками когтистых пальцев, отодвинулся, отошел, привалился снова к противоположной стене и уткнул морду в колени, лохматые и острые. Чувствовалось, что ему не по себе.

– Падаль убрать! – жестко приказал Иван.

– Куда? – переспросил встревоженно рыжеватый. Он стоял наверху, прямо за черным барьерчиком круговой площадки.

– В мусорные отстойники, ему место там!

Он подхватил Светлану под руку. Пора наверх. И так загуляли слишком. Он не обязан сам возиться со всей этой мерзостью и падалью, со всеми этими негодяями, работавшими на чужих. Не его дело! Его дело спасти страну! Землю! Вселенную!

Светлана чуть придержала. Шепнула на ухо:

– А как же с тем?

Перед Иваном сразу загорелись яростным, ненавидящим огнем серые, ясные глаза – его собственные и одновременно чужие. Сердце сжалось.

– Никак! – ответил он.

Дил Бронкс застонал и пришел в себя. Голова была чугузная, боль пронизывала ее со всех сторон. Рук и ног он не чувствовал. Зато огромный, распухший до невозможности язык слушался. Дил провел им под верхней губой – сухой и шершавой. Так и есть, двух зубов не хватает. Выбили, гады! Вместе с бриллиантом выбили! Он снова застонал.

Они погибли!

Сколько раз он предупреждал, что затея бредовая. Сколько раз молил выслушать его и понять. Нет, они уговорили его, они впрягли его в свою упряжку и бросили в самое пекло. Да, именно в самое пекло!

Дил напряг левую руку, дернулся – что-то чуть слышно звякнуло. Приковали! Он рванулся всем телом, пренебрегая невыносимой болью. Бестолку! И руки и ноги прикованы. Под спиной бетонная плита, шершавая и холодная. Это провал! Это смерть!

А где же капсула? Почему она не спасла его?!

От бессилия и отчаяния он заскрипел остатками зубов, стискивая их, не жалея, давя в крошку – все равно больше не пригодятся! Это надо же – он, везунчик, здоровяк, богатей-миллиардер, баловень судьбы, у которого было все, чего ни пожелаешь... а теперь прикованный пленник, полутруп, избитый, истерзанный, искалеченный. Зачем он вляпался в это дерьмо! Дил застонал с непередаваемой тоской.

Капсулы не было. Это ясно. Значит, никто его не защищает, значит, никто его не будет защищать и спасать. Он брошен! Его кинули на милость врагу... нет, даже и не врагу, какой там враг, он в ловушке у властей, и они раздавят его безжалостно и спокойно, равнодушным катком наказания за преступления. Да, уж он-то не попадет под амнистию!

Дил Бронкс тихо, приглушенно, надрывно зарыдал. Горячие слезы ползли по щекам. Лучше бы его убили во время прорыва, в бою!

А как лихо они начали. Как дружно ударили по форту с семи сторон, перерезая все отходы! За четыре минуты до начала атаки он вывел капсулу с ближней орбиты, опустил над фортом. Это было чудо! Никогда прежде Дил Бронкс не видел снизу, как работает боевая десантная машина. Обычно он сам сидел внутри капсулы или бота, сам шел на штурм, сам подавлял сопротивление, зависнув в атмосфере планеты.

Это надо было пережить! Капсула первым делом выжгла всю внешнюю охрану, и андроидов, и людей – прицельно-лазерные, тончайшие лучи, невидимые глазу, пронзили полторы тысячи охранников по всему форту. Без крика, без шума, без пisku – раз, и нету! Дил сидел в дисколете за полкилометра от Форума, там был его пункт управления. Но он все видел – капсула передавала изображение, цифры... Ей самой было нелегко, при проходе вниз, в подоблачные слои пришлось срезать по шести горизонталям семнадцать защитных спутников-автоматов, работенка нудная и кропотливая. С четырьмя полицейскими шлюпами-гравилетами она управилась быстрее и проще, сожгла на подлете вместе со всеми потрохами... Да, это было красивое зрелище! Но никто не знал, как пришлось потрудиться, попотеть самому Дилу Бронксу, ведь это он месяцем раньше почти две недели корпел над блокировочными системами боевой десантной капсулы. Ей, как и прочим серьезным машинам, не полагалось приближаться к Земле – в «большой мозг» были заложены такие барьеры, что ни объедешь, ни обскачешь! Боевая капсула могла работать исключительно в Дальнем Поиске, и исключительно против неземной техники и неземных существ. Они с Иваном не первый раз лезли под запретную планку, нарушали законы. Еще

прежде, когда тот шел на проклятую Гиргею на другой машине, Дил перестраивал ее, подрезал малость шоры и отпускал узду. Только за это обоих могли навечно упрятать в каторгу! Но им было ради чего рисковать. И они рискнули.

После первого беззвучного удара все двери, люки, створы, ворота и окна форма Видсток мгновенно позакрывались – чего-чего, а брони тут хватало. Капсула начала резать форт словно консервную банку, одновременно с семи сторон – «гуляющим лучом». Сама она висела всего лишь в двух километрах над Исполнительной Комиссией и над титановольфрамовыми шахтами. Вся ярость и мощь защитного шквала была брошена на нее.

И тогда Дил послал на штурм первые пять бронеходов.

– Ребятки! Мы их давим! – орал он в восторге. – Навались!

Но мысленно он не переставал ругать этого умника Цая ван Дау, коротышку Цая. Ведь они вызывали огонь на себя ради этого щедедушного уродца, чтобы тот мог добраться до «мозга» и заставить его поработать на них.

С ближайшей базы в Наксе поднялись было в воздух две эскадрильи подавления. Но тут же и пролились вниз, на взлетные полосы, огненным дождем. Капсула держала под колпаком всю округу на полтысячи миль, с ней шутки плохие.

А Дил хихикал себе под нос и скалил огромные белые зубы – только бриллиант сверкал всеми гранями. Он вспомнил, как брал обратную сторону Изаки. Это было двенадцать с половиной лет назад, если ему не изменяла память. Там пришлось похлеще. Там в двенадцати десятимильных кратерах сидели и поджидали его двенадцать эскадр зеленых угонов. Разведка ошиблась всего в десять раз, вместо шести боевых угонских крейсеров на Изаке их оказалось шестьдесят. И на помощь звать он не имел права. Он вообще не имел нрава выходить в эфир, ведь официально Земля не вела ни с кем войн и ни на кого не нападала. Операцию надо было провести тихо и назидательно. Это был ад! Дил выбросил троих своих спутников на все три стороны в трех боевых ботах. А сам ненормальным и заносчивым Давидом бросился навстречу кошмарным угонским голиафам. Но ему повезло, недаром говорят, что дуракам везет и что смелость города берет. Три бота уничтожили восемь звездолетов этих «мирных» бандитов. Остальные пятьдесят два взял на себя Дил, а точнее, его боевая десантная капсула. Он сжег сорок семь кораблей, выпустил весь боеприпас капсулы, включая и неприкосновенный. Он был на грани гибели. Но оставшиеся пять крейсеров в панике бежали, хотя им хватило бы одного дружного залпа. Гут три недели пьянствовал и клялся, что больше на такие дела не

пойдет, у него была своя работенка – Дальний Поиск и начальная геизация. А эти шустрые штабные лепили из него ястреба. Нет! Ни за что!

Тогда капсулы были не чета нынешним – и послабей и попроще. А эти только в страшном сне присниться могут. Одним словом, Дил глядел на работу своей боевой подруги да радовался. Пока пора не пришла.

А пришла пора, сел в шестой бронеход. Да рванул на встречу судьбине.

В продырявленный форт они ворвались сразу, с первого залета. Второй слой брони пришлось прожигать самим, туда излучатели капсулы не доставали. Это с ума можно было сойти – столько усилий, чтобы вскрыть старую консервную банку в пригороде Нью-Вашингтона, столько времени и столько жизней! А этот карапуз, небось, уже внутри сидит – живехонький да целехонький! Дил хохотал, скалил зубы, а потом начинал кусать толстую губу. Они туг дохнут под шквальным огнем, а этот лилипут править ими будет, герой, понимаешь!

Третий слой прожгли с огромным трудом, с потерями – четыре бронехода обломками валялись на керамических палубах форта. Четыре трупа из десяти штурмующих на машинах. А сколько прочих?! И все равно – не страшно, не смертельно, ведь они берут верх, они почти у цели, они оттянули на себя все силы обороны! Сейчас этот уродливый малыш дотянется до рычага, он им всем даст... а не даст, так и без него справимся!

– Черт побери!

Дил успел выругаться, прежде чем его вышвырнуло из бронехода. Катапульта сработала, иначе гореть бы под несокрушимой броней.

В боевом полном скафе можно выпадать и из бронехода и с четырехсотого этажа небоскреба к дьяволу в зубы. Он лишь немного ополоумел, потерял ориентацию. Но тут же вскочил на ноги, выпустил из локтевых каналов скафа парочку малых сигмаметов и припустился вперед, благо, что гидравлика работала отменно.

– А ну расступись, братва! – орал во всю глотку Неунывающий Дил, хотя никто ему и не заступал дороги.

Он с налету ворвался во внутренние отсеки. Сжег с десяток андроидов – будут помнить лихого десантника-смертника, таких навряд ли выдывали. Дил знал, что нерасплавленные мозги андроидов в вольфрамовом коконе вставляли в новые тела, ежели, конечно, эти мозги выдерживали. Ну и пусть помнят, может, с кем из них придется еще разок встретиться!

Он рвался вперед разъяренным львом.

И только потом заметил, что позади прет свой бронеход, поддерживает атаку. Дил замешкался на миг, сбил какого-то малого в черных доспехах внутренней охраны, успел отпрыгнуть... но так и не решился, куда ему сейчас – в проем, вперед, или сначала в бронеход, а потом уж вперед. В этот миг нерешительности в него и шарахнула шаровая мина. От удара Дил взлетел к переборкам, метров на сорок.

Когда он упал на палубу, бронеход только кормой сверкал. Вот тут-то и понеслась всю рукопашная. Минут сорок он молотил кулаками направо и налево, прыгал, обрушивался всем телом на вертухаев, бил их ногами и валил ручным парализатором... Он совсем позабыл, что его дело – руководить прорывом. Неунывающий Дил Бронкс, скрупулезный и педантичный в исследованиях и быту, терял голову на поле боя, это за ним давненько водилось. Он легко входил в раж, в боевой азарт, за это и получал часто нахлобучки от командования. Но так было прежде... а теперь.

Теперь ничего не изменилось. Дил катался по палубе, подпрыгивал, бросался один на четверых, мелькал повсюду черной молнией. С ним ничего не могли поделывать выдрессированные наемники и запрограммированные андроиды. Они и знать не знали, что такое «черный шлем» – секретное боевое искусство космодесанта. Но они познавали его с получаемыми ударами, травмами или переломленными хребтами. Церемониться было некогда. Чтобы пробиться в самое нутро, хватало именно этих сорока минут.

Они победили! Они прорвались!

– Ур-р-а-а!!! – орал Дил Бронкс. И уже мечтал о своей русской баньке на Дубль-Биге-4.

Сорви-головы, что ползли по «черным нитям», опередили основную группу прорыва всего на несколько минут и перемолотили треть внутренней охраны. Форт был в руках нападавших. Оставалось деликатно постучать согнутым мизинчиком в бронированную дверцу этому наследнику инопланетной короны, этому малышу, и вынести его на руках под овации ревущих от восторга и счастья парней. Они победили! И они выжили!

– Эй ты, император хренов, выходи! – вопил Дил Бронкс, откинув забрало внешнего шлема и сверкая бриллиантом. Его черное как сажа лицо блестело будто напояженное. – Вылезай, чертов бездельник! Мы уже пришли, а ты все спишь в своей каморке! Цай, мать твою, ты слышишь меня!!!

Дил не знал, что карлик Цай ван Дау корчился тогда от дичайшей боли и молил только об одном, о смерти. Откуда он мог знать!

А потом разом померк свет.

И они затаились, все одиннадцать выживших и захвативших форт.

И вдалеке с тяжелым гудом и лязгом опустились вниз бронированные стены.

И из невидимых отверстий потек удушающе-сладкий, пьянящий сонный газ. Они влипли как щенки, как несмышлениши-сосунки!

Теперь Дил знал, отчего так болит голова – не от побоев и истязаний, хотя все было, было с лихвой, а от этого поганого сонного газа – мечты всех наркотов и дармоедов.

Он снова застонал, на этот раз надрывно и яростно. Все пошло прахом. Что теперь будет с Таёкой?! Она сойдет с ума на станции, она не переживет этого безумия!

Свет вспыхнул подобно разорвавшейся гранате – ослепляя и причиняя острую боль, Дил зажмурился, прохрипел спекшимися губами:

– Полегче, ублюдки!

И тут же получил страшный удар в скулу – будто еще одна граната разорвалась, но уже внутри черепа. Одновременно он почувствовал, как плита поднимается, вместе с ним. Теперь он не лежал на шершавом и холодном бетоне, а висел, прикованный за руки и за ноги короткими цепями к выступающим из плиты кольцам.

Получив еще один удар, в другую скулу, Дил чуть приоткрыл глаза, сощурился. Прямо перед ним стоял двухметровый бугай с обвисшим животом и волосатыми кулаками. Бугай был в голубой форменке с золотистыми галунами и нашивками – госполиция, не частная охрана. Его покачивало из стороны в сторону, наверное, успел снять стресс после заварухи, поднабрался! Дил снова закрыл глаза. Плевать на них на уродов поганых!

– Прочухивайся, сволочь! – крикнул в лицо бугай. И врезал прямым в нос.

Дила чуть не вывернуло наизнанку от боли и злобы. Боль он умел терпеть, еще в Школе научили отключаться, а вот обиду терпеть не собирался – разве так положено обращаться с пленными?! Ну, гады, придет время – за все ответите! Битье вернуло ему бодрость духа и веру в то, что еще не все кончено.

– Вот гляжу я на тебя, черная харя, – процедил бугай, сквозь пьяную икоту, – и ни хрена не понимаю! Ну ладно, вся эта шваль по городам, грабят, хапают, упиваются, набивают карманы дармовым хабаром... понять можно человекoв! Полюдики их понимаю и даже оправдать могу! Перед соблазном

хрен устоишь! А какого дьявола ваша шобла лезла сюда? Чего тут брать-то?! Тут брать не хрена! Тут ни золота, ни денег, ни жратвы, ни выпивки! Тут даже банка нету во всем форте! Не-е, я таких не уважаю!

Бугай трижды приложился кулаками к Диловым ребрам, да так, что только хруст стоял. Потом от души смазал по челюсти. Потер ушибленную руку. Сплюнул.

– А ты знаешь, харя черная, – продолжил он воспитательную беседу, – знаешь, паскудина, что четверста наших ребят тут полегло, не считая нежить андрюидную! На-ка вот получи за них! – Еще один прямой обрушился разбитый в кровь нос Дила. – Мне плевать, падла! Может, им в раю получше будет, чем в этой дыре поганой. Но ты, черномазый, понимаешь, что из-за вашей дурной шоблы форт прикрыли! А нас коленом под зад, оставшихся – так и сказали: валите, мол, на хрен без подъемных и содержания, да еще спасибо скажите, что по уставу вас за разгильдяйство и потачку врагу на кичу не впихнули... А куда мне валить, паскудина?!

Дил уже не слышал, чего там бубнил бугай. Все в ушах и в голове гудело от ударов. Глаза залило кровью, и он не видел света белого – только молнии да рассыпающиеся звезды при ударах. Бугай-полисмен, вертухай поганый бил на совесть и от души. Его можно было понять. Да только Дил Бронкс уже не был в состоянии этого сделать. В его горячей башке молотом колотило: «прикрыли! прикрыли! значит, все зря! они перевели управление Исполнительной Комиссии на дублирующую базу, в дубль-форт! прикрыли! прикрыли!»

Он понимал лишь одно.

И когда бугай выдохся, Дил процедил ему прямо в рожу:

– Дурак ты! Все вы дураки! Вот когда начнется по-настоящему, все поймешь!

– Чего начнется? – не понял бугай.

– Война. Большая война! И ребята ваши не в раю, в аду они парятся, недоумки! Но теперь поздно.

– Да ладно тебе!

Бугай опустил уже занесенную ручищу, не стал бить. Он ни черта не понял про войну, может, черный просто рехнулся? А вдруг не рехнулся?!

– Будет страшная война! – зловеще прохрипел Дил Бронкс. И уронил голову на грудь.

Глеб Сизов подошел к столу и молча уставился на усталого от бессонницы и круглосуточной нервотрепки Ивана.

– Чего там еще? – недовольно спросил тот.

– К тебе один тип рвется. Не наш. Говорит, из Европы пробился. Быть того не может, все границы на запоре, поля – до стратосферы и выше. А может, не врет. Но странный малый, уголовный какой-то.

– Сами не могли разобраться?!

– Только ты нужен. Хотели сначала пихнуть в мнемоскоп, да он орет, что ты признаешь... Гляди! – Глеб щелкнул пультом и на степе, на мягко вспыхнувшем экране появился крупоплечий парень лет тридцати, с длинными светлыми, почти седыми волосами, в полускафе с искореженными ребрами жесткости и рваным металлом. Был он растрепан, взбудоражен, зол. Левая рука на перевязи, лицо исцарапано, будто битый час его драли бешеные кошки... и все же его можно было признать.

– Сигурд, – прошептал Иван. – Давай его сюда!

Юный викинг ворвался в кабинет Правителя, сильно прихрамывая и пытаясь вырвать локоть из цепкой клешни не отстающего ни на вершок охранника.

– Почему нет связи?! – закричал он с ходу.

– Почему нет связи, Сигурд? – спокойно переспросил Иван, не вставая из кресла, даже не приподнимаясь. И добавил: – Здраваться надо сначала. А потом вопросы задавать!

В голове завертелось: что-то случилось с Гугом! почему этот парень бросил все и прорвался сюда, сквозь закрытые границы? связи и впрямь нет, но общая обстановка известна, Европа почти прекратила сопротивление, Запад пока не вмешивается. Синклит выжидает, плетет свои сети.

– Здравствуй, Иван! – выдал через силу викинг.

– Здравствуй, Сигурд, – отозвался Иван. – Что с Гугом?

– Буйный разбился вдребезги. Мы вместе были в бронеходе. Штурмовали базу бундесвера... Нам ударили в спину! Я подобрал его в воронке, на нем живого места не было.

– Он умер?

– Нет! Он успел просипеть, что хочет лежать рядом с Ливой, ты помнишь ее. Он сказал, где. У нас не было регенераторов, да и что от них толку, Гуг превратился в месиво из переломанных костей и разорванного мяса. Мы сунули его в анабиокамеру, на самый полный. Мы превратили его в кусок хрусталия...

– Хрустальный лед, – в задумчивости прошептал Иван.

– Чего?! – не понял Сигурд.

– Ничего, это я так.

– Я сам законопатил его в саркофаг. Сам переправил туда, в эту пору, к Стрекозе, к Ливадии Бэкфайер-Лонг... и замуровал там. Они лежат рядом, Иван. Но никто не сможет его вы-

тянуть на белый свет, если его разморозить, никто! Это готовый труп!

– Спокойно! – Иван встал, подошел к Сигурду, похлопал по спине.

Тот дернулся, скривил лицо – видно, и спина у него была повреждена. Крепкий малый – взорваться вместе с бронеходом, рухнуть с приличной высоты и отделаться переломами да царапинами! Как это могло случиться?

Сигурд словно мысли читал.

– Они обдурили нас! – быстро проговорил он. – Они вывели полк управляемых андроидов под «белым флагом». И сами наполовину раздолбали его. Мы думали своих бьют, живых... А потом нам в спину!

– Всякое бывает, – машинально откликнулся Иван. У него до сих пор холодело на сердце при воспоминании о «Летнем громе».

Жаль старину Гуга! На этот раз он крепко влип. Проклятый Параданг. Его здорово подставили тогда, принудили взять грех на душу. После Параданга Гуг-Игунфельд Хлодрик Буйный искал смерти – повсюду: и на Земле, и во Вселенной, не было ему равного по лихости и бесстрашию, плакал по нему Интерпол, Европол, каратели всех стран и народов, тюрьмы и лагеря, каторги и зоны, особенно Гиргейские подводные рудники. Гуг искал смерти. И он нашел ее. Теперь он рядом со своей возлюбленной. Иван с силой сдавил виски, зажмурился. Но жизнь продолжается. Надо бить до конца. Иначе он будет в ответе за все. За все!

– Чего еще там? – пробурчал он Сигурду.

– Гуг готовил меня на смену...

– Я знаю.

– Мы подавили все базы. Европа наша. А связи нет! Я не знаю, что делать дальше. Люди растерялись... думали вволю погулять, свести счеты с фараонами и прочим дерьмом. А их за шкуру – назад! в конуру! Люди обижаются. И боятся! Запад вот-вот пойдет «порядок восстанавливать»!

– У них у самих дерьма по уши, – спокойно ответил Иван, – там все полыхает: и Север, и Юг, не дай Бог! – Он чуть помолчал, а потом прибавил еще спокойнее: – Но война будет. Большая, страшная война. Не бойся, приятель. Пока Гуг не встанет на ноги, ты будешь заправлять в Европе. И связь наладим, и спецов на каждую базу дадим. Техники-то много покрутили? Осталось хоть что-то?

– Навалом, – коротко ответил Сигурд. Он начинал успокаиваться, этот русский умел вселять веру и надежду. Может, и впрямь Гуг встанет. Все еще наладится.

– Крежениа давненько встречал? – будто ненароком поинтересовался Иван, приглашая сесть в кресло.

– Угу, дважды наступал на хвост, дважды на мушке держал. Но Седой очень скользкий, уходит, гад!

– Это мы знаем, что скользкий. Только достать все одно надо. Ладно, это между делом. А сейчас послушаем, чего там в мире творится. – Иван повернул голову: – Начальника оперативного штаба ко мне!

Штаб располагался рядом, за стеной. Работа там кипела – когда того требовали обстоятельства в России умели работать на славу, не щадя живота своего, не за деньги и награды, а ради Отечества. Последние сутки Иван ловил себя не раз на мысли, что отойди он сейчас в сторонку, на «заслуженный отдых», и все равно дело будет делаться, да еще как. Нет, хороший, добрый народ в России! А сволочи и дерьма всякого не так уж и много, совсем мало. Дерьмо оно всегда наверх всплывает, в глаза бросается да дух портит. А почистишь малость – океан родниковой чистой воды, один лучше другого, свои, Русские, за мать-Россию жизни положат. Иван, начиная страшное и рискованное дело, даже не ожидал, что за ним пойдут с такой охоткой, будут ночей не спать, здоровья не щадить – видно, не у одного у него глаза есть, видели, знали, чувствовали, кто не душой и умом, тот селезенкой, нутром чуял тленье измены. Теперь поднялись. Три части дурные всего-то и пришлось прихлопнуть помимо «Летнего грома». Остальные его «на ура» приняли. «Перевооружались», молча утирая слезы, проклиная тупые и предательские верха. Расформировывались, кляня «недальновидных политиков», а попросту говоря, всю эту агентуру Мирового Сообщества, всю сволочь иудину. Ждали, кто первым голос подаст. В России всегда так было – терпения хватало, чего-чего, а уж жила у русского мужика крепкая да выносливая, побаивались сгоряча дров наломать, может, чего не поняли, может, наверху виднее... но кляли! поносили! чуяли измену! И встали за сказавшего слово Правды. Вся Русь необъятная от океана до океана, безмерная и огромная, разбросанная землями своими по Вселенной, воспряла, не позволила себя добить. Вовремя! Иван готов был бежать в Храм, ставить свечи, падать на колени и биться лбом – вовремя!!! Если б не решился, протянул полгода, три месяца, месяц – труба! крышка! оружие и техника остались бы только у тех, кто работает на Сообщество, на Систему, на Пристанище, на Синдикат, на Восьмое Небо и Черное Благо. Да! Его вело само Провидение! И народ российский понял это. Практически все базы нечисти и подполья разгромлены, очищены, обезврежены. Сотни тысяч охмуренных, почти

миллионы, оружия горы, наркотики, генераторы подавления, зомби-передатчики, чего только не изъяли, монбланы! эвересты! Готовилось нечто невообразимое... ну да ладно, это позади, почти позади! Теперь о Земле надо думать. О Федерации!

Начальник штаба вошел быстрой походкой. Остановился перед огромным столом.

– Доложите обстановку, пожалуйста, – попросил Иван. – На Земле, в Солнечной системе и Федерации в целом.

Сигурд сидел ошеломленный и подавленный размахом, порядком и деловитостью. Там, у него, в Объединенной Европе царили кавардак, разброд и бестолковость. Братва лихо брала на штык крепости, на большее ее не хватало.

Худошавый, высоченный и бритоголовый начштаба, протер черным платком сверкающий затылок. И приступил к делу.

– На двадцать три двадцать, число сегодняшнее, – начштаба машинально сверился по наручным дедовским часам, – положение следующее. Все властные центральные и местные структуры Великой России, включая се околосолячные и инопланетарные земли, все базы, армии, флоты, флотилии, звездные эскадры и прочие подразделения находятся под полным контролем Комитета Национального Спасения, одобряют его действия и принимают самые решительные меры к немедленному восстановлению и наращиванию оборонного потенциала. Последний очаг сопротивления уничтожен сегодня в двадцать два ноль-ноль...

– Где? – прервал доклад Иван. И сурово поглядел на Глеба, тот ничего не говорил про «подавление очага».

Бритоголовый включил экран объемного видения. Ткнул световой указкой в пульсирующе-приближающуюся карту.

– Левый рукав галактики Соленая Падь, планета Круглая – планета Ульфага, Вторая Основная база Одиннадцатой эскадры. Тридцать девять световых лет от Солнца...

– Не надо деталей, – встрял Иван, – они получили шифровку из Космоцентра?!

– Так точно. Проверено – они получили ваш приказ по прямой правительственной и дубль-шифровку Космоцентра.

– И что?!

– Отказались выполнять. Причины неясны. Ультиматум истекал в двадцать один двадцать.

Иван скривился.

– И вам понадобилось всего сорок минут, чтобы уничтожить базу эскадры? Чего же стоит эта база, ежели она себя защитить не может?!

Бритоголовый с сомнением поглядел на исцарапанного молодца, развалившегося в кресле – он явно не был допущен к особо важным делам.

Но Иван махнул рукой, мол, продолжайте.

– Было применено секретное оружие экзот-Х. База выброшена из Вселенной. Выглядело это так, – начштаба снова указал в сторону экрана.

Циклопическое сооружение, висящее в черноте меж двумя планетами, будто поплыло назад, уменьшаясь. Не было ни пальбы, ни взрывов, ни вспышек. Но появилась вдруг едва заметная глазу голубенькая сфера – будто невообразимо огромный мыльный пузырь надули вокруг базы-спутника, ощерившегося тысячами боевых ракет. Пузырь стал сжиматься, стремительно съезживаясь. База съезживалась вместе с ним. Кончилось все тем, что пузырь превратился в точку и пропал. Во мраке поблескивали далекие звезды, синела изъеденным боком Круглая.

– И все? – тихо спросил Сигурд.

– Нам пришлось пойти на это, – твердо отрезал начштаба, будто заранее не принимая обвинений нового Правителя и всех прочих в жестокости и скоропалительности действий. – В экстренных нештатных ситуациях любая искра может загореться в пожар, который уже невозможно потушить.

– Он правильно поступил! – довершил Глеб Сизов. – На местах не любят слабую власть – коли тонкая кишка, не берись за дело!

– Сколько людей погибло? – гнул свое Иван.

– Сто восемьдесят человек, весь офицерский корпус. Рядовой и сержантский состав расформирован за восемнадцать суток до уничтожения базы...

Плевать! Иван замотал головой. Плевать на этих «бунтарей», они знали на что шли, не выполняя его приказ, приказ Правителя Великой России, они все принимали присягу, и все скопом изменили ей. Не в дезертирах дело.

Он ударил кулаком по столу.

– Через неделю база должна быть восстановлена! Мы не имеем права оголять этот участок, ясно?!

Бритоголовый поглядел на Сизова. Глеб призадумался. База будет восстановлена. Ничего не поделаешь. Уже объявлен дополнительный призыв – всех запасников, всех до единого надо поднимать. Хорошо, ежели их хватит, хорошо, коли молодежь и штатских штафинок не придется обучать с нуля. Дело серьезное! Глеб приглушенно вздохнул.

– Продолжайте! Про чистки, проверки и замены командующих не надо, только основное, только главное.

– Есть, главное, – начштаба дал объемное изображение земного шара, рассеченного кривой и уродливой синей полосой на две половины. – Африка и внероссийская Азия блюдут нейтралитет, все восемь объединений прислали подтверждения своей дружбы и благорасположения к Великой России. Наши объекты планетарного базирования на их территориях тому порукой. Проникновения спецслужб и подразделений Всеамериканских Штатов и передислокации воинских частей из Объединенной Европы в упомянутых регионах не отмечено. Арктика полностью в наших руках. Австралия отозвала своих представителей из Российского отделения Совета Федерации. Вооруженные силы Австралии приведены в повышенную боевую готовность. Опасности не представляют, так как полностью блокированы с орбитальных баз. На европейском театре возможные объекты угрозы национальным интересам Земли и Федерации нейтрализованы местными отрядами самообороны...

– Теперь это называется «местные отряды самообороны»!
– Иван хлопнул Сигурда по колену и рассмеялся.

Бритоголовый не понял юмора.

– Ну, а как еще назвать этих бандюг, я не знаю... если бы вы видели прямые передачи, поглядели бы на их рожи, извиняюсь за выражение, но иначе не скажешь. Это ж головорезы какие-то! Сброд! Что вы мне, прикажите их регулярными частями записать?!

Сигурд вскочил на ноги, побагровел и готов был броситься на бритоголового. Из глаз юного викинга, по разодранным щекам текли слезы обиды.

Иван не дал случиться ненужному.

– Ну хватит! – выкрикнул он. – Хватит тут эмоций! Рожей, видишь ли, не вышли! А когда надо всю Землю спасать, когда человечество надо из пропасти адской вытаскивать, почему те, у кого рожи благонамеренные и с обмундировкой все в порядке, по кустам да щелям забились?! Почему братьев гробят, а выродков грудью прикрывают?! Чтоб я больше не слышал про бандюг и сброд, про головорезов и рожи! Это такие парни как он, – Иван кивнул на Сигурда, – и другие головорезы, понимаешь, на смерть шли, в огонь бросались... И-ех, горько ведь это и страшно! Понимаете, страшно – на Земле, чтоб ее спасти да вылечить, никого кроме ее отверженных сынков не нашлось! Все порядочные и законопослушные сидели да выжидали! – Иван снова дернул Сигурда. – Сколько ваших полегло?

Тот только рукой махнул.

– Они счет не вели, – пояснил за него Иван. – А не было б их, ты сейчас тысячи наших парней гнал бы на бастионы бундесвера, понял?!

Бритоголовый сжал губы. Но не обиделся. Только вдруг сказал мрачно:

– Еще погоним.

На минуту в огромном кабинете воцарилась тишина. Каждый знал, что до конца далеко, что сейчас только затишье перед боем. В самом дальнем углу неожиданно и громко всхлипнула Светлана. Ее серый комбинезон был разорван на плече и грубым броским швом сварен – метка после драки в комитете. Светлана своим бабьим сердцем чуяла большую грозу. И все другие, каждый по-своему, ощущали ее приближение.

– Я дальше пойду, – первым опомнился начштаба. – Штаты молчат. Но ситуация крайне напряженная: все крупные города охвачены волной насилия, грабежей, разбоев, местные и центральные власти практически ничего не предпринимают для подавления беспорядков. Попытка захвата управления Исполнительной Комиссии предотвращена. Форт Видсток выключен из альфа-структуры. Управление переведено в подконтинентальную Антарктику...

– Сорвалось! – неожиданно зло выдохнул Иван. – Успели! Точно в Антарктику?!

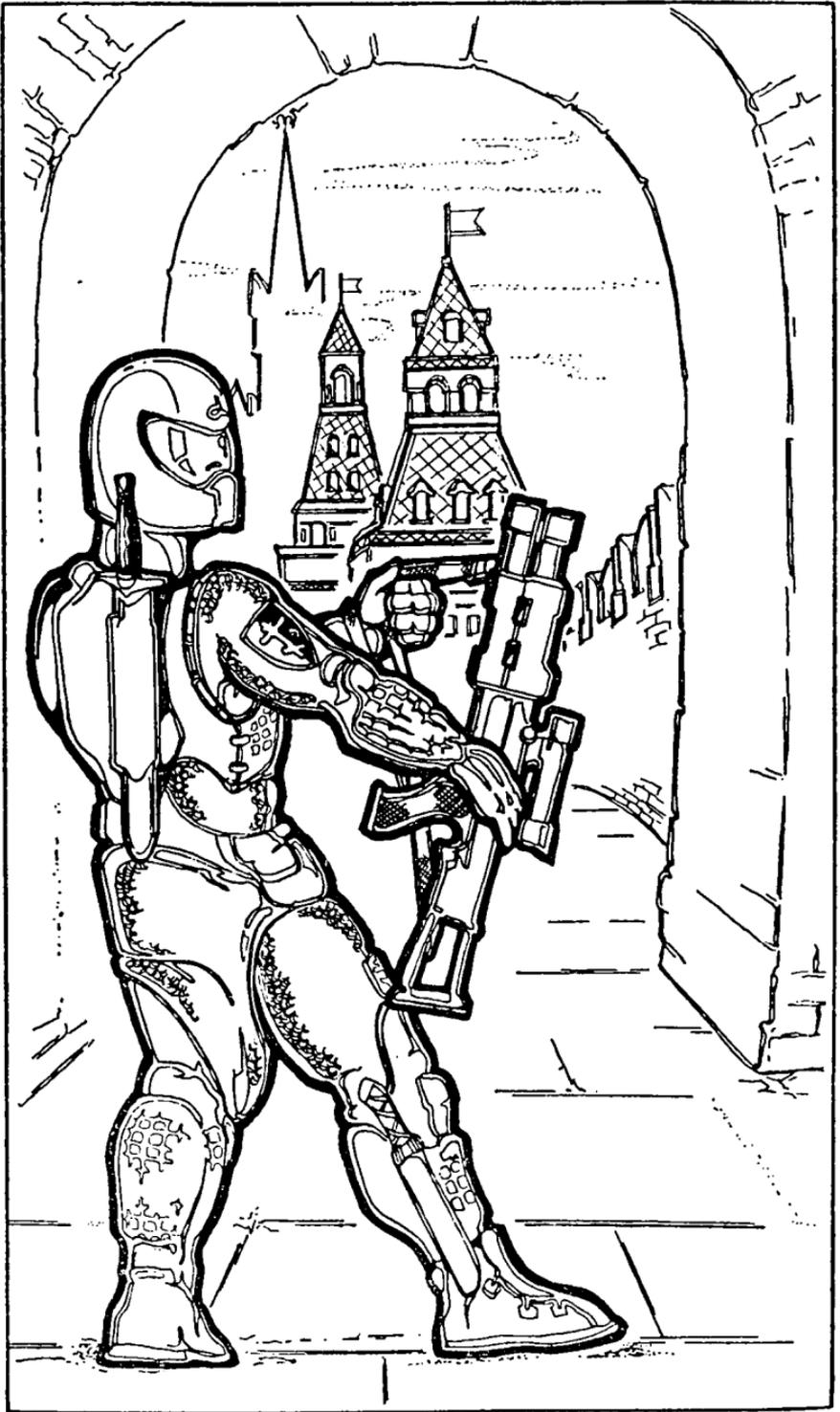
– Да, именно туда.

– Это Синклит! Они берут власть на себя. Впервые открыто берут всю власть!!!

Иван не думал сейчас ни о жуткой участи друга и братка Дила Бронкса, о черной судьбине карлика Цяя, Армана-Жофруа и Хука Образины. Он думал о другом – теперь не избежать столкновения. Серьезного и кровопролитного. Переворот не удался. Сорвалось. Это он и раньше знал. Но были еще отходные пути и запасные варианты. А теперь, после того, как «серьезные», это Тайное Мировое правительство, взяли власть в свои лапы, войны не миновать. Выродков не удалось придавить с наскоку, разом. И теперь они будут драться до последнего землянина. Что ж, и к этому надо было быть готовым.

– Дальше! – приказал Иван.

– Дальше, как стало известно, Сообщество ведет себя непонятно – готовит три мобильных группировки в Околосолнечном пространстве, – начштаба указал координаты на голокарте, – и одновременно продолжает расформировывать и перевооружать все без исключения крупные соединения, ба-

зирующиеся в радиусе светового года и далее, включая окраинные форпосты и десантно-боевые базы Дальнего Поиска.

– Сколько флотов и эскадр переброслено к Земле?! – не выдержал Иван, его интересовало сейчас именно это.

– Нисколько, – невозмутимо ответил бритоголовый и снова вытер черным платком блестящий потный затылок. – Зафиксирован уход с двух наземных и четырех пространственных космодромов шести суперзвездолетов типа «Синее пламя», все они ушли в две «дыры» сразу за Трансплутоном. Поспешность ухода наводит на мысли.

– Бегство? – спросил Глеб Сизов.

– Не исключено.

Начальник штаба еще долго расписывал обстановку на Земле и в прочих местах Вселенной. Иван почти не слушал его. Пока все ясно. Пока тихо. Один этап они выдержали. Похоже, Запад не собирается начинать первым. И это понятно, время играет на них, на выроdkов – они ждут, каждый день, каждый час ждут. Им уже плевать, что народ все подряд крушит, даже наоборот, им это на руку. Но почему только три группировки и только у Земли?! Может, Глеб прав, и главари Синклита сбежали? Тогда за каким дьяволом им было переводить управление в Антарктику, в эти подземные дворцы-лабиринты?! Иван вспомнил, как он с мордобоем, пальбой, матом и руганью, будто ополоумевший, круша все направо и налево, пробивался сквозь проклятые лабиринты, с уровня на уровень, с этажа на этаж. Он тогда придавил круглолицего выроdkа в комнате с гиргейскими гадинами и хрустальным полом... думал, что придавил, а на самом деле Первозург сумел перебраться в издыхающее тело, вышиб из него дух круглолицего и занял тело сам, да в придачу сумел восстановить перебитые хрящи и позвонки. Шустрый этот Первозург старичок! А те еще шустрее и ловчее, целый город для себя подо льдами да под толщей материка выстроили, свезли половину сокровищ мира туда, обустроились на долгие века... да не тут-то было! А ведь его, Ивана, могли прихлопнуть еще тогда, как комарика, не нашедшего своей форточки – запросто! без усилий! Он уходил от них волей случая. А может, и не случая?! Иди, и да будь благословен! Иван вспомнил растерянное лицо толстяка, у которого в кармане лежал переходник... вспомнил пустыню, в которой его выбросило из внепространственной щели. Африка! Там сейчас тихо. Пока тихо. Что ж, поживем – увидим!

– Достаточно, – прервал он бритоголового. Тот развел руками, остановился на полуслове.

– В Европу перебросить восемнадцать дивизий планетарного базирования, бригаду Семибратова и четыре дивизиона лучевого подавления. Пси-генераторы, над территориями, контролируруемыми нами, отключить. Границы закрыть намертво. За прочность «колпака» отвечаете вы лично! Всем частям и соединениям обеспечить полную энерговооруженность, ясно? По уставу военного времени. Европу, Африку и Азию мы берем под полную свою защиту. Местные режимы не менять. Народ не будоражить, привлекать добровольцев – нам нужны миллионы людей, отсеивать агентуру...

– Вот это уже не моя забота, – обиженно проворчал под нос начальник штаба. – Не жандармы-с!

Иван услышал.

– Не ваша! – поправился он. Но добавил: – А коли попадется и вам, к примеру, враг – к стенке без разговоров, ясно? Провокаторов, паникеров, диверсантов, шпионов стрелять на месте! Порядок в Европе обеспечивает он! – Иван кивнул на Сигурда.

Такова воля... Гуга. Он чуть было не подумал – покойного Гуга, но вовремя осекся. Гуг еще жив. Он выживет!

– Обеспечить бесперебойную связь! Немедленно!

– Связь была уничтожена преднамеренно.

– Кто посмел?!

– Спецслужбы Объединенной Европы.

– Точнее!

– Департамент госбезопасности.

– Отдел?

– Отдел эвакуации.

Иван с недоверием покачал головой.

– Неужто они заранее предусматривали эвакуацию?! Не может быть!

– Они многое предусматривали. И, к сожалению, кое-что, о чем мы сейчас не имеем понятия. Но это епархия комитетчиков, увольте! – бритоголовый отошел на два шага к стене, полагая, что он выполнил свою задачу.

Иван возрился на Глеба. Тот вытащил галоблок.

– У меня только основное, на крайний случай.

– Давай!

– В России четырнадцать резидентов – все выявлены, все уничтожены. Агентура выбита начисто. В Европе – руководители основных служб: Сэм Дюли, Арон Исхак, Роджер Сеговия... – в воздухе появлялись и пропадали лица, фигуры, глаза, носы – быстро, почти мгновенно сменяя друг друга. Это нужно было Сигурду. Иван не верил, что все «эвакуировались», разрушив инфраструктуры, уничтожив архивы, взо-

рвав, образно и прямо говоря, мосты. Так не бывает! Всегда кто-нибудь да остается.

И он не ошибся.

– Стой!

Будто джин, выпущенный из сказочной бутылки, вознесшийся над коврами, стульями, столом, застыло чуть склоненное, увеличенное галопроектором одутловатое лицо с уродливым шрамом, идущим через бровь, щеку, нижнюю губу. Короткие седые волосы. Равнодушные чуть прищуренные глаза...

– Крежень! – прошептал Иван.

– Это же Седой! – заорал, срываясь с места Сигурд. – Полковник Департамента госбезопасности, начальник седьмого отдела Говард-Иегуда бен Буковски, он же Крежень, он же Петр Мансурия, он же Аваз Баграмов, он же Седой, Порченный, Игрок...

– Он же сучий потрох! – не сдержался Сигурд. – Это он Гуга подставил, падла! Все поверили. Буйному чуть башку не отвернули! Я все равно достану его!

Иван точно помнил, как в лос-анджелесском притоне, на самом дне, в поганой и полутемной каморке, куда они провалились благодаря системе сквозных лифтов, припертый к стене и перепуганный Крежень сознался, что работает на Восьмое Небо. Соврал? Нет! Гуг бы его за одно словечко лжи живехонько бы спровадил на тот свет, недаром он ему капсулку в глотку всадил, Крежень был в маразме. Значит, эта паскудина, этот пижон с зеркальцами и перстеньками, работал на всех, кто хорошо платил? Но господь?! Как они могли держать такого приметного типа – его шрам раз увидит кто, даже склеротик, так на всю жизнь! Вот тебе и Говард Буковски! Даже имени подлинного не скрывал. А промежду прочим, Европа продала проклятую планетенку Гиргею со всем ее поганым, изъеденным нутром именно Восьмому Небу! Так на кого тут сработал Крежень? Гиргея – это триллионные прибыли! Шустрые разбойнички запустили свои щупальца повсюду... но плевать на них! они не нуждаются в стукачах и соглядатаях, они получают всю информацию напрямую, от дозврывников... всю, да значит, не всю – лишняя тайна, лишний секретик и знание расклада никогда не помешают. Крежень знал системы связи, их внутренней, не доступной для других связи. Неужто он?! И впрямь, как выражается несдержанный Сигурд, сучий он потрох! Навредил и снова сбежал!

– Возьмите этого на заметку, – приказал Иван. И подумал, может, его в живых давным-давно нету, Европа горит, от подошвы Италии до Дублина, от Бонна до Мадрида, неужто

среди тысяч смертей, среди сотен тысяч тонн выпущенного во все стороны металла не нашлось самой малой смертушки для одного прохвоста, крохотного осколочка для одного негодяя! Нет, Крежень скользкий. Он будет вредить до конца. Надо с ним построже. – А как обнаружите – устранить!

Сигурд недовольно уставился на Ивана.

– Крежень мой, – процедил он еле слышно, не для чужих ушей.

– Конечно, твой, – спокойно согласился Иван. И тут же ударил викинга по плечу. – Пора! Возвращайся к себе. С двенадцати ноль-ноль у вас вводится комендантское правление, соединения уже на месте. Но ты со своими парнями остаешься в полной воле, – Иван шутиливо погрозил пальцем, – и под моим прямым началом. Не давай людям слишком разгуляться, направляй на добрые дела... вот так-то, Сигурд. Только не расслабляйся, передышка будет недолгой. Ну а выживем сами, там и Гуга поднимем! Иди! Бронеход получишь у Глеба. Граница для тебя открыта. Связь будет...

Иван замолчал. Но не прошло и мгновения, как у Сигурда в голове зазвучал его голос: «Надеюсь, ты меня слышишь? Вот так-то, дружок, мы умеем работать!»

Иван встал. Протянул руку.

Сигурд пожал ее молча. Только сейчас усталость и боль навалились на него в полную силу. Но раскисать не время. Он потрянул своими белыми, почти седыми кудрями. И быстро вышел из кабинета.

– Забыли все про нас, Харушка ты мой лохматенький, – бубнил Кеша себе под нос, – потому что люди мы маленькие и никому не нужные. Сделали порученное дело, и все, свободны, гуляй на все четыре стороны!

Хар поглядел на Булыгина мутными рыбьими глазами. Он не понимал шуток и иносказаний, какие же они свободные? и на какие еще четыре стороны им гулять?!

– Не врубился? – пожалел его Кеша. – Э-э, глупый ты! А все потому что оборотень... и, э-э, басурманин, вот ты кто!

Они сидели в самой плохой и тесной конурке-каюте исполинского Космоцентра Видеоинформа. И грустили. Каждый по-своему. Хару хотелось домой, на родную и милую Гиргею, к властительнице своей Фриаде, под крылышко, чтоб зависнуть в темной и тяжелой воде, распустить плавники – и наслаждаться одиночеством, растворяться в океане мрака. Кеша грустил по погибшим ребятам, ругал себя – почему опять выжил, будто кашей какой-то бессмертный. Иван ему сказал прямо, мол, если бы не ты, лежать нам всем во сырой

земле, вся эта шобла информаторов взбудоражила б всю Вселенную, подняла б на нас наших же братьев, приемы этой шоблы бесовской давно известны. Но теперь им окорот!

Кеша держал Космоцентр в своей железной руке.

На подмогу им для пушей верности сразу после захвата прибыло два армейских полка на двух крейсерах. Два полка! И все под его началом! А брали эту громадину горсткой. Два отделения. И два полка! Ничего, будут знать ветерана Аранайской войны! Ветеранством своим и подвигами на Аранайе Иннокентий Булыгин между делом раза три похвастался. Но про каторжное прошлое помалкивал – зачем ребятку пугать, для них в каторге одни злыдни да убийцы сидят, они другой жизни не видали. Ребятки хорошие, тихие, душевные, даром, что в альфа-корпусе служат да солдатскую лямку тянут на крейсерах.

– Нет, забыли про нас, и не перечь мне! – завел Кеша свою старую песнь.

А унылый оборотень подтянул ему протяжным и занудным воем. Никто в мире не слыхивал как воют зангезейские борзые, но, должно быть, так и воют – Хара был мастак на перевоплощения. И у Хара имелось чутье.

– Скоро будет опять, – завершил он полувоем и зевнул, совсем по-собачьи, раздирая пасть и щуря глаза.

– Чего это? – осведомился Кеша для уточнения.

– Много стрельбы, много шума, много крови! – выдал оборотень.

– Ты мне брось это! – рассерчал Кеша. – Отстреляли уже, хватит!

– Все ваши биться будут. Все!

– Пророк хренов! – Кеша отвернулся от Хара. Но он тоже чуял нутром – грядут дела непростые.

Сразу после боя, после прорыва капитан Серега помер. Сердце не выдержало напряжения и прямого попадания – осколок его надвое рассек. Кеша лил горькие слезы, матерился, грозил страшно. Но ни одного из охранников и армейских, защищавших Космоцентр, не тронул. Эти грудью шли на смерть, думали, за правду и свободу стоят. Они, кто еще не понял, чего случилось и чего готовилось, поймут еще, свой брат, хоть и с миру по нитке, российских маловато. Они сейчас отмокают после парилки. А потом отмываться будут, грехи с души своей смывать службой верной.

А вот доходягу с бугристой головой и нервными ручонками, того, что в сказочном хрустальном тереме-аквариуме сидел и заправлял местной шоблой, Кеша в расход пустил. Своей волей и властью. Не стал дожидаться Ивановых посланни-

ков и его самого – народ русский, уж кто-кто, а Кеша знал, отходчивый да душевный, все простят извергам да с миром восвоеси отпустят. Нетушки! Кому в аду гореть, пусть поспешит, не хрена на пенсию надеяться! А для кучи, за компанию собрал Иннокентий Булыгин при доброй поддержке выживших альфовцев по всему Видеоинформу два десятка самых ретивых и гнусных говорунов-подлецов, лжецов-сволочей, что науськивали брата на брата да на кого-то работали все время: то на Синклит, то на Восьмое Небо, то на Синдикат с Черным Благом, желчь свою изливали, словом людей губили, особенно служивую братву на Аранайе. Взял, собрал – да туда же и отправил с бугристоголовым, в преисподнюю. Было за что! На Аранайе только опамятуются братки солдатики от зверств диких и наскоков разных кланов со всех сторон, только кровь и слезы утрут да вперед пойдут, так сразу истерика на всю Вселенную – каратели «мирных жителей» истязают! прочь руки от свободолюбивых кланов!! вон с независимой Аранайи!!! И до того вопят и психуют, что ополоумевшие правители да одуревшие от визга генералы очередные «переговоры» начинают. Кланов оружие получают, перегруппируются, тысячи трупов накосят... и все по-новой! Ох, как зол был ветеран Иннокентий Булыгин на сволоту продажную, на нелюдей живых, на эти вещающие со всех экранов поганые головы. Три ранения из-за них получил, чудом живой остался. А братков потерял по вине их, и не счесть сколько! Теперь ответили. Так по справедливости. Других на смерть обрекаешь, сдохни и сам. Ох и визжали «правдолюбцы»! Ох и ползали в ногах, пыль и сажу с сапог слизывая! Да только врагу потакать – головы не сносить. Кеша был опытным, дошлым. Это вам и за Серегу и за тыщи других!

Как обратную связь со всеми кроме Москвы вырубил, так к Кеше с Земли уже три комиссии прилетали, и все с Запада, со Штатов. Он всех приветил. Всех разместил по апартаментам, только без ключей. Пусть отдохнут до особых распоряжений. Космоцентр работал круглосуточно по сотням тысяч программ – на все Мироздание освоенное – да все скользь, все не напрямую, а как-то вокруг да около, будто ничего не произошло на Земле. Этого Кеша не любил. Но такая была установка. Не спешить! Не дергаться! Установка понятная и жизненная.

Вот Кеша с Харом и не дергались.

Только на душах у них было муторно.

Вспоминая про душу, Кеша смотрел на оборотня с сомнением, есть ли душа у него?

– Надо было тебя, басурмана, перед вылетом сводить в храм, окрестить! – высказал наболевшее ветеран. И тут же расстроился: – Да ведь тебя и в храм-то никто не пустит, даже на порог. И-эх, зангезейская, твою мать, борзая!

В каюту постучали, дверца раскрылась, и на пороге застыл армейский подполковник в подшлемнике и полускафе.

– Почему без докладаходишь?! – осерчал Кеша.

– Нечего докладывать, – угрюмо пробормотал комполка, не очень-то довольный, что над ним поставили невесть кого, явно не кадрового офицера, – все по-прежнему.

– Ну а чего тогда влезаешь? Чего покой командования нарушаешь?!

– Виноват, – процедил полковник. В его голосе прозвучала ехидца. – Бойцы без дела сидеть не должны. Надо учебу организовать, маневры...

– Вот и организовывай, только чтоб без муштры, – разрешил Булыгин добродушно, – скоро им будут маневры!

– Имеются сведения?

– Ни хрена не имеется. Но толковище будет. Отдохнуть перед разборочкой не помешало бы мальчикам... и, правда твоя, расслабляться нельзя. Ты давай-ка, еще разок прощупай каждую дыру, каждый ход в этой горгоне чертовой, не верю, что всех гадов переловили, не верю!

– Чего так?! – обидчиво спросил комполка.

– А гады – они живучие, – житейски мудро ответил Кеша. И вдруг резко встал, отпихнул оборотня ногой. – Действуй, генерал!

– Подполковник... – поправил было комполка.

Но Кеша сказал, как отрубил:

– Будешь генералом!

И пристально посмотрел в глаза оборотню. Всего минуту назад, когда бравый командир уже был здесь, в глазах этих мутных и рыбьих, высветилась вдруг тревога – острая, нестерпимая. Хар что-то чувствовал, что-то неладное, грозящее, страшное – Кеша знал по опыту.

Теперь нельзя было терять ни минуты.

– Внимание! Всем слушать меня! Всем слушать меня! – захрипел он по командной связи, прямо в серую горошину микропередатчика, вживленного в биоворот полускафа. – Всем сотрудникам Космоцентра оставаться на своих местах до особого распоряжения! Повторяю приказ коменданта Космоцентра – всем сотрудникам оставаться на своих местах до особого распоряжения! За невыполнение приказа – расстрел на месте! Повторяю – расстрел!

Сейчас во всех студиях, во всех каютах, рубках, техмастерских, залах, переходах, коридорах, спальных отсеках и даже в сортирах, многократно повторенный, звучал его голос, его приказ. И никто не имел права сдвинуться с места, даже если приказ застал его на бегу к начальству, в ванной или столовой. Тысячи обитателей колоссальной космической станции, превышающей по своим размерам десяток крупнейших городов, замерли, остановились, присели, встревожено замолкли – они знали, приказ будет выполняться строго и безоговорочно, так уж поставлено ныне, дергаться и качать права бесполезно.

А Иннокентий Булыгин тем временем вещал на более узкий круг – спецназу, армейским, охранным службам, всем тем, кто обязан был хоть сдохнуть, но обеспечить сохранность и работоспособность Космоцентра в новых условиях.

– Немедленно проверить объект, по сантиметру, по верху! Изнутри и снаружи! Привлечь техперсонал под строжайшим контролем! Обшарить каждый угол! Никаких поблажек! Все, вызывающее подозрение, немедленно дезактивировать! Устранить! Уничтожить на безопасном расстоянии! всех подозрительных лиц срочно сюда! – Кеша бубнил будто автомат, железо звенело в его голосе, аж связки дрожали натянутыми стальными струнами. Но закончил он отчески, проникновенно: – Ребятушки, братки! Не подкачайте! Сейчас только от нас самих будет зависеть, дождемся мы очередного отпуска и встречи с ненаглядной, или взлетим все к чертовой матери на этой пузатой лоханке. Вы меня поняли, я знаю. Ну, давайте, ребятки, вперед!

Закончив, он уже схватил было Хара за его красивый, подаренный Таёкой ошейник, и хотел тоже бежать на поиски. Но одумался, присел.

– Нам с тобой, Харушка, не по чину!

Оборотень завыл, пряча грустные глаза. Чуть он чуял неладное, но ищейкой не был, какой от него прок. А Кеша думал, надо ли будоражить Землю, теревить Кремль. Наведешь попусту панику, самому стыдно потом будет. Нет, нужно обождать. И нечего суетиться, нечего квохтать как дурная курица и крылами хлопать.

Иннокентию Булыгину, ветерану и беглому каторжнику-рецидивисту, было нелегко. Он ждал. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Он слишком хорошо помнил, что дозривники не даром чудо сотворили – такие благодетельством не занимаются, богадельни для сырых и убогих не строят, они ему смерть отвели не даром, и отпустили на волюшке погулять не за просто так. Барьеры! Он, хошь-не-хошь, обязан си-

гать через барьеры смертные, лезть на рожон. Ну ладно, с этим-то ясно – он себя не бережет, работает на совесть, отработывает добро нелюдям. Но вот ведь твари, не сказали – сколько сигать-то? умолчали – когда его черед придет? вот так и живи под занесенным топором, жди, когда сорвется да по шее рубанет! В ожидании неладного жить плоховато. Они с Иваном помнят все, не обдуришь, слышали напрямую от этих сволочей, живших до Большого Взрыва, чтоб их еще разок взорвало! У Кеша в ушах загудело, забубнило: «Мы забираем тех, кто обречен на неминуемую смерть – попавших в страшные катастрофы, умирающих от старости и неизлечимых болезней, мы можем вытащить смертника из-под пули, которая уже летит в его грудь... но мы берем только прошедших двенадцать барьеров смерти! А ты прошел семнадцать!» Еще бы, Кеша усмехнулся – попадешь на Аранайю, жить захочешь – все двадцать пройдешь! И тут же насупились, неправда это, большеинство его дружков гибло сразу, высунулся разок – и срезало башку долой! «Ты почти идеальный материал для нашей цивилизации». Идеальный? Материал?! После ухода из ядра Гиргеи Кеша прошел три или четыре барьера, стал еще «идеальней»! При штурме этой проклятушей Медузы Горгоны, загляделся малость в ее смертно-завораживающие глазница, и чуть не перекинулся, бой был страшный, смертный бой. Да только опять удалось перепрыгнуть барьерчик! Эх, Серега, Серега! Что ж ты, парень, так славно дрался, так геройски шел к цели, а под самый конец оплошал, словил осколочек? Неидеальный ты, стало быть, материал! И братки твои, погибшие за Россию, за мир весь, за меня кощера, тоже неидеальные? Кеша заскрипел зубами от боли сердечной. Но ведь не прятался же он от пуль и огня излучений, шел напролом. Неужто и впрямь дозривники берегут?! Он растегнул ворот, отвернул край нижней рубахи, вытащил крестик нательный, поглядел на него в раздумий. Нет, это Бог бережет! И нечего душу рвать, и так изорванная да исколотая, живого местечка негу! Вон ведь, Ивану они сказали, что иссяк он полностью, выдохся до предела, что ни одного смертного барьера ни в жисть не преодолет, от первой же пули ляжет, от первой же заразы загнется, в первом бою голову потеряет... А он прет без светофоров, будто за ним лекарь бегаёт с канистрой живой воды, ни хрена не боится и всем рога сшибает... Кеша совсем запутался. Но грусть-печаль отпустила его. Эти сволочи не от Бога. А Ивана Бог бережет, тут дело ясное! Но только ведь на Бога-то надейся, но и сам не плошай! Иван ушел от них. Его, Кешу, они раздвоили, душу его напололам поделили и тело грешное. Но он их обдурил. Надолго ли?!

А Медуза Горгона – исполинская голова Космоцентра Видеоинформа, висела чудовищным спрутом во мраке Вселенной, висела, раскинув во все стороны свои змеящиеся толстые и неимоверно длинные волосы. На десятки тысяч километров вытянулись в черном и молчаливом океане Космоса всевидящие, всеслышащие и наполненные ядом змеи – ядом целебным в добрых руках и смертным, ворожащим в руках нелюдей. Стоило лишь раз узреть эту вселенскую голову с шевелящимися волосами-змеями, чтобы никогда уже во всей жизни своей не избавиться от мрачного и навязчивого видения, возвращаясь к нему во сне и наяву. Страшна ты, богиня-дьяволица, мать мрака и ужаса! Дик твой цепенящий взгляд! Но создана ты не чудовищами Хаоса и не гневом всемогущих жителей Олимпа, а мелкими, беспомощными, суетливыми и беспечными пылинками земными – человеками, людьми. И всеильна ты над ними и подвластна им.

Недобрая весть прорвалась неожиданно.

– Комендант, слышите меня? – хрипел один из «альфы». – Капитана убили! Вы слышите меня?!

– Слышу, сынок, слышу! – заорал Кеша. – Давай обзор!

Он настроился на ближний экран, приглушил звук, все еще не веря услышанному. Из двух отделений штурмовавших Космоцентр, осталось всего семеро парней. Причем, двоих, искалеченных донельзя, отправили на Землю. Еще у троих были серьезные ранения, но они наотрез отказались покинуть строй. Капитана звали Олегом, Кеша не признавал никаких фамилий – Олег и точка! Все они в сынки годились ему. Все были парни что надо. Олегу во время штурма пробило колено, две пули сидели в плече, их блокировали до госпитализации, да еще здорово обожгло лицо и голову, волос вовсе не осталось. Но капитан ни в какую не хотел на Землю, отшучивался – будет отпуск, заодно и подлечится, мол. Вот и подлечился.

Три бойца в десантных полускафах тащили тело. Кеша сразу просек – мертвое тело, у него был наметанный глаз. Он не слышал невнятных объяснений. Он видел сам – прямо по горлу шла черная полоса, резанули сигма-скальпелем, резанули под открытое забрало! Сукины дети, пижоны! Вот до чего доводит пижонство – на операцию нороят без шлемов или щитки долой. Эх, Олег, Олег! Где такого парня второго отыщешь?! Сам себя подставил! Лежать бы тебе на поправке, жирок набирать да коленку лечить, нет, полез на свой барьер... да не перелез! Эх вы, черти поганые, эдакого парня порезать! Кеша отвернулся от экрана. Он сам послал его на смерть, сам. Панику навел! Но ведь не зря, значит, есть кто-то на станции,

шалит понемногу... и дай Бог, коли у него только сигма-скальпель имеется!

– Почему не задержали?! – выкрикнул он в ярости. – Где этот гад?!

Все трое молчали, не знали, чего отвечать-то. Потом один, тупя глаза, процедил:

– Из-под земли достанем.

– И не простим! – добавил второй.

Теперь Олега не оживишь, глотка перерезана от уха до уха, не ножичком, но саблей вострой. После скальпеля рана иная, черная и страшная. Мир его праху, отвоевался.

– Оставьте! – приказал Кеша. – В морозильник без вас положат.

– Мы своих не бросаем, – огрызнулся кареглазый боец с промятым носом.

– Поговори еще у меня, сынок! – осек его Булыгин. – Живо искать! Ни секунды задержки! И чтоб по двое, по трое. Выполнять приказ!

Хар завыл в голос. Это была плохая примета. Вообще оборотень плошал, почти не разговаривал, наверное, терял навык. Но сейчас не до него.

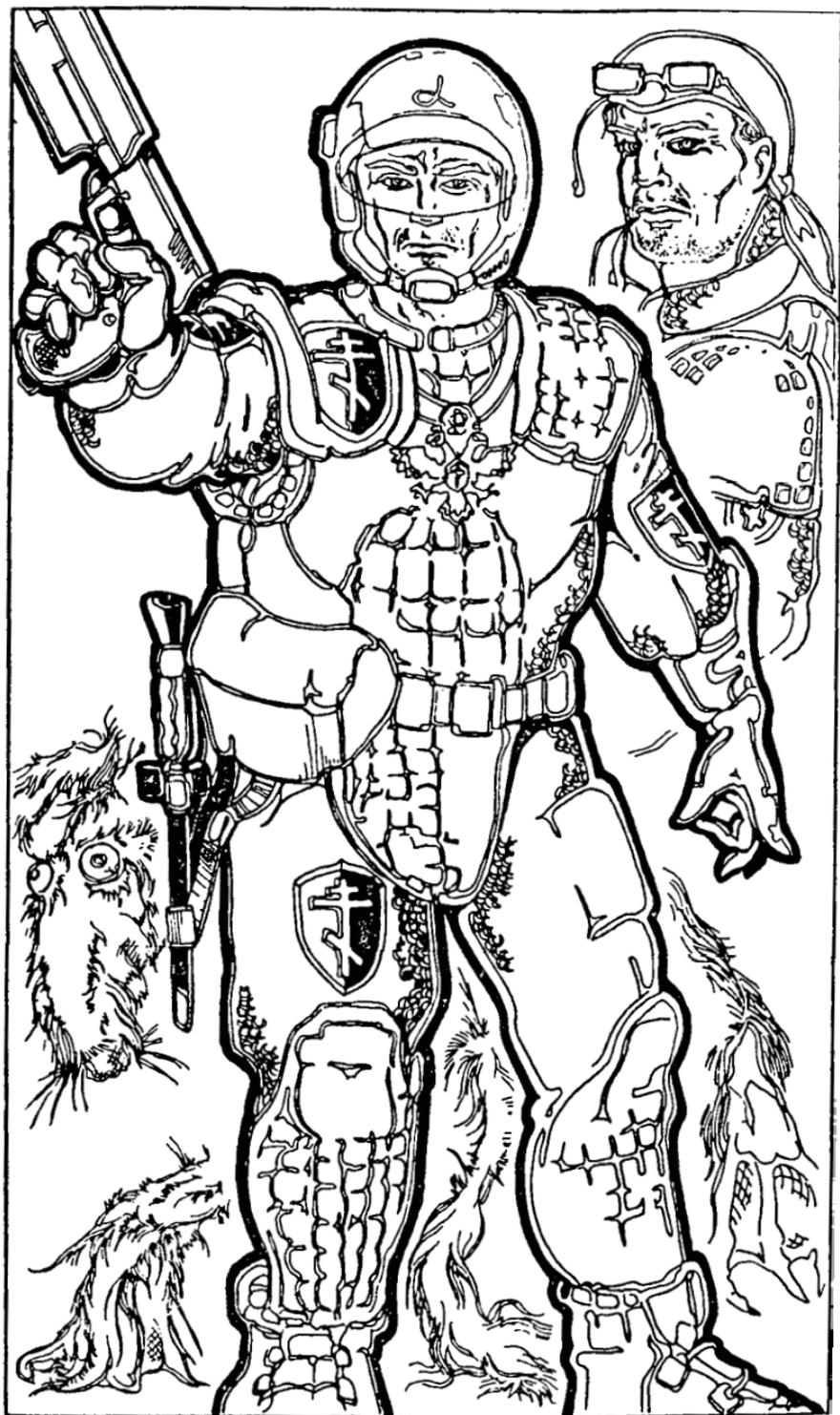
Кеша нервно сжимал и разжимал свои черные биопротезы. Его подновили в свое время, заменили оторванные кисти. Как давно это было. Аранайские дикари свирепы и жестоки, у них нет такого понятия – милосердие. Лучше в их лапы не попадать. Они звали его Железная Рука. Они боялись и уважали его. И все равно они были злые и подлые. И этот не лучше. Но никуда он не уйдет! Все пространство вокруг Космоцентра просматривается и прощупывается. Доиграется, гад, рано или поздно.

Кеша вытащил из клапана свой сигма-скальпель. Пригляделся. Оружие старое, доброе, запрещенное. На каждом должен стоять тройной номер, прямо на рукояти. Но здесь номера не было. Сигма-скальпель Кешин сработали на подпольной фабрике, большие умельцы – такую штуку запросто не смастеришь, это тебе не лучемер и не бронебой. Он сунул скальпель обратно.

Нет, надо все же связаться с Кремлем. Дело неладное. Пахнет жареным. И очень сильно пахнет!

Кеша ударил себя по бронированным коленям. Встал.

Но в эту минуту дверца снова распахнулась без оповещения и даже без стука. На этот раз грубоватый комполка был растрепан, красен и взвинчен. В руках у него покачивался огромный армейский бронебой.

– Какого дьявола?! – заорал Кеша. – Разжалую, к едрене фене!

– Сказано было, сюда! – процедил комполка, смахивая пот тыльной стороной ладони, – вот сюда и доставили, значит. В соответствии с приказом! И не надо орать!

– Что-о-о?! – Кеша побелел.

Но тут же белизна сменилась пунцовым багрянцем, а лоб стал мокрым как у комполка. Хар вскочил на лапы, натужно, совсем по-собачьи зарычал. Шерсть у него на загровке встала дыбом. И немудрено.

Комполка освободил проход.

За спиной его, на пороге, связанный и избитый, стоял... Говард Буковски, он же Седой, он же Крежень.

– Вот это встреча, – протянул Кеша, – не ожида-ал! Было видно, что он и впрямь растерян.

– Это было при задержанном, – комполка протянул на мясистой ладони черный, инкрустированный иргизейским панцирным агатом, сложенный сигма-скальпель. – Так же при нем был парализатор ближнего боя и нательный плоский луче-мет типа «дзетта». Что прикажете делать с задержанным?!

– Что-что... – Кеша не мог оторвать взгляда от гнусной рожи Седого, шрама на ней не было, успел сделать-таки пластическую операцию, шельмец! Вот это подарочек для всех! Кеша даже растерялся. Но руку протянутую пожал, предвременно бросив оружие, лежавшее на ладони, прямо в потертое креслице. – Молодец, генерал, даже не ожидал от тебя!

– Подполковник я по званию, – поправил его комполка.

– Ты со мною не спорь – сказано генерал, значит, генерал, завтра тебе бумага со штемпелем будет и погоны новые. А пока благодарность объявляю от лица командования и Комитета Национального Спасения!

– Служу Великой России! – новоявленный генерал вытянулся.

– Все мы ей служим, – машинально заметил Кеша. – А этого оставь, разберемся. Поиска не прекращать... тут уж извини, не до отдыха, покуда все не обыщем на боковую нельзя. Ну иди, генерал!

Пока шли разговоры, Хар, вцепившись зубами в поясной ремень задержанного, оттащил его в самый угол. Сел рядом и обнажил острые клыки. Была б его воля – перегрыз бы глотку беглецу, и дело с концом. Но у людей какая-то своя логика – странная и непонятная.

Кеша долго молча глядел на Креженя. Потом спросил в лоб:

– Ну и как же, стервец, ты от нас ушел в прошлый раз? Поделись опытом!

– Как в тот, так и в этот раз уйду! – нагло ответил Седой и заулыбался своей странной улыбкой.

Иннокентий Булыгин и оборотень Хар хорошо помнили, что посадили они Крежени в каменный мешок, из которого выход был один – в бункер, где таилась до поры до времени вся честная компания. А он сбежал. Значит, у него был переходник. Значит, он сбежит и теперь, коли не принять меры. Уже бы сбежал, да, видно, связанные руки мешают, видно, ждет, когда его одного оставят, чтобы изловчиться и...

– А ну, Харушка, разоблачи-ка этого стервеца!

Оборотень понял все как надо. Он вцепился зубищами в прокладку ворота, рванул раз, другой – комбинезон был крепким, не поддавался.

– А мы вот этим ножичком попробуем! – Кеша достал сигма-скальпель, тот самый, каким убили капитана, который был при Седом. Установил регулятор глубины надреза на полсантиметра, достаточно будет. Успокоил затрясшегося вдруг Крежени. – Не бойсь, пока что до конца резать не станем!

И полосанул крест накрест, чтоб жгутов не задеть, коими были руки скручены, полосанул по груди. Крежень взвыл. А Хар, вцепившись в лоскуты, в три приема содрал комбинезон, точнее, его остатки, содрал вместе со всем, что под ним было. И остался Говард Буковски в одних жгутах – волосатый, кривоногий с обвисшим животом, весь в шрамах – на лице-то свел, а на теле остались, пожалел себя, а может, просто времени не было.

– Ты вот чего, Хар. Возьми рваньё это да пошарь по кармашкам, может, там чего упрятано?

Оборотень, забыв, что он четвероногая зангезейская борзая, встал на задние лапы свои, передними поднял разодранный комбинезон. Минуты две ковырялся, выгребал всякую мелочь: стимуляторы, антигравы-горошинки, какие-то датчики и приборчики, все мелкие, для спецработ предназначенные, вытащил и зеркальце в золоченой витой рамочке, три перстня с подозрительными вставками... Но переходника среди обнаруженного не было.

– Куда ж ты его девал, стервец? – удивился Кеша. Внешне он был совершенно спокоен. Но внутренне – готов изрезать гада в лоскуты – за одного только Олега изрезать, не помяная старых грехов. – Куда ж ты его засунул? Может, в задницу себе запихал?!

Крежень мрачно кривил губы. Молчал. В прошлый раз ему было похуже. В прошлый раз Гут Хлодрик держал его как на аркане, только дернись – сразу сдохнешь, от одной только мысли, одного желания горло начинало сдавливать, в глазах темнело. Сейчас полегче. Ничего, он уйдет от этих лопухов, снова уйдет! А без русского, без главаря и его слова, ничего они ему не сделают, не посмеют! Улыбка была злорадная и настороженная одновременно.

А Кеша думал о своем – надо бить! бить смертным боем, иначе не признается! да и душу отвести! Только ведь душу отведешь, нервишкам дашь волю, а этот сукин сын опять уйдет. Лучше с Иваном связаться. Пускай разбирается. А пока он разберется, тут чего-нибудь эдакое содеется, что лучше б и сразу придушить подлеца. Нет, Кеша не был пригоден для тайного сыска, в прошлый раз тоже его зря послали – к Реброву, к предателю поганому, потому так и кончилось, что сожрали Толика рыбки клыкастые, а послали бы мастера заплечных дел, из этого иуды можно было б столько полезного выбить, столько разузнать... Кеша тяжело вздохнул. Да, он был создан для открытого боя во чистом полюшке, чтоб грудью в грудь, челом в чело. С увертливым Креженем так не повоюешь!

В густой шерсти на груди связанного что-то блеснуло. Кеша не понял – неужто сподобился нечестивец, неужто свет веры Христовой его осиял?!

– Да никак это крест у тебя? – изумился он вслух. – Это кто б мог помыслить, что такой паскудник и гаденыш в Бога верует! Крежень, да ты ли это?!

– Не юродствуй и не богохульствуй, – ответил Говард Буковски неприязненно. – Жизнь можешь отнять, а веру – нет, не тобой дана, не тебе и лишать. С крестом жил! С крестом и умру под пытками вашими!

– Ух ты, великомученик нашелся, едрена-матрена! – не выдержал Булыгин. – А ну перекрестись, нехристь поганый!

– Сперва руки развяжи!

– Еще чего!

– Тогда нечего изгаляться!

– Не буду, ладно, уговорил. Буду пытать тебя, пока сам всю правду не выложишь. Сам напрозорчил, что сдохнешь под пытками. Только без креста. Нечего тут комедию ломать, в черта ты веришь, а не в Бога. Чего это глазенки забегали, а?!

Кеша пристально уставился на Крежена, прямо на грудь, на просвечивающий в черно-седых лохмах довольно-таки внушительный крест.

– А ну-ка, Харушка, сыми с этого ирода то, чего ему носить не пристало. Сыми!

Оборотень снова встал на задние лапы, вытянул вперед передние – с длинными и тонкими, почти человеческими пальцами.

И в этот миг Крежень захрипел, подогнул колени, упал на пол, закрутился, согнулся калачом – он явно пытался дотянуться до груди – то подбородком, то коленом, то и тем и другим сразу. Все это произошло настолько быстро, что Кеша не сразу понял, в чем дело.

– Припадочный, что ли?! – заорал он. В один прыжок подлетел к крутящемуся на полу голому человеку, наотмашь врезал сапогом в челюсть, потом под ребра. Склонился, уцепился за болтающийся у плеча крест, рванул на себя, обрывая прочную серебряную цепочку. Отпрынул. – Мы тебя вылечим, стервец! Поганец!

Крежень замер на полу раздавленной, полудохлой жабой.

А Кеша уже снова сидел в своем потертом креслице и рассматривал на ладони трофей. Оборотень Хар заглядывал через плечо.

Крест был явно липовый – толстый, полый внутри. Нажмешь на него, вдавишь в грудь – и окажешься совсем в другом месте. Да, вне всякого сомнения это был переходник ограниченного, очень ограниченного действия. Но Креженю, чтобы улизнуть опять, хватило бы и такого.

– Ну что с этим поганцем теперь делать? – спросил Кеша у оборотня.

Тот ответил с ходу:

– Отдайте нам. На Гиргею!

– Ух ты, разбежался! Вы из него плодить мелких креженят начнете, чтоб потом, после бойни, оставшихся людешек извести на нет, верно?

Хар отвернулся, зевнул.

– Я его лучше ребяткам из альфа-корпуса отдам. Эй, падаль, ты слышишь меня.

Седой приподнялся, сел, скрючился. Он был раздавлен, он превратился за несколько минут из усмехающегося наглеца в трясущееся и отупевшее от страха животное. И все же с каким-то надрывом, в отчаянии труса, обреченного и не подлежащего прощению, он промычал срывающимся тонким голосом:

– Сдохнете! Все равно все вы сдохнете!

– Вот это уже интересней!

Кеша снова сжал в кулаке сигма-скальпель.

– А ну выкладывай, чего знаешь!

Новый министр обороны генерал-полковник Сергей Голодов сразу пришелся Ивану по душе. Спокойный, собранный, малость лысоватый и полноватый, он имел открытое лицо армейского служаки-трудяги, не исхитрившегося еще и не изловчившегося в лабиринтах штабных коридоров. Со старым и сравнивать нечего. Прежнего Иван вспоминал с содроганием и невольно прикрывал глаза. Тогда он был на грани, даже за ней, выкарабкался чудом. Ничего, это урок на будущее – с врагом надо без церемоний, на то он и враг.

А с другом... С другом иногда не легче, а даже сложнее.

– Нет, не могу, рука не поднимается на такое, – снова твердил свое Голодов, – вы Верховный Главнокомандующий, вам решать – будет приказ, найдутся и исполнители. Возможно.

– Вы понимаете, что вы говорите? – спросил Иван.

– Бывают случаи, когда приказы обсуждаются, – министр привстал, подошел к себе объемный глобус с вздымающимися горами, синими морями, белыми льдами и даже прозрачно-синеватым флером атмосферы. Глобус висел над полом на антиграве, висел двухметровым шаром-геоидом.

Указательный палец министра пробил стратосферу, нижние слои атмосферы, уткнулся в белое ледяное пятно, в самый Южный полюс. – Мы не можем нанести сюда глубинный удар такой мощности. Где гарантия, что вся вода растопленных льдов уйдет в воронку?! А если она хлынет на материки? Австралию затопит мгновенно. Половина Африки не успеет даже высунуть носа из окон! Южная Америка накроется моментально. Это только от избытков воды. А сам удар?! Вы думаете, что все города и городишки на Земле рассчитаны на двенадцатибалльные землетрясения? Нет! Там же не одни выродки живут, кроме баз противника есть и кое-что иное... Я не могу!

Иван понимал, что задача непростая. Но бить надо было именно одним ударом. И только глубинным. С расстояния не менее четырехсот километров. Иначе ни подантарктический дворец, ни подземные инкубаторы не накроешь. Да, это опасно! Да, могут пострадать безвинные! Но если на поверхность выйдут нелюди, выползет вся эта нечисть – погибнут все. Вот и выбирай. Одно было ясно – с ударом в ближайшие два дня ничего не получится. А там вторая ложа Синклита, «серьезные» могут нанести такой удар по России, что не о чем и говорить будет. Уж эти выродки никого жалеть не станут. Они так хлопнут дверью перед своим уходом, что земной шарик расколется.

Иван оттолкнул висящий глобус. Покачал головой.

– Все верно говоришь, министр. Все верно! Но есть логика мира. И есть логика войны!

– Нам никто войны не объявлял. И не посмеет объявить!

– Конечно, не посмеют. Вот и начнут без объявления... А мы поставим силовые барьеры, заслоны. Мы все объясним людям.

– Глубинный удар сметет все заслоны. Мы не наносим таких ударов даже в Дальнем Космосе. А по Земле лупить... нет, увольте!

Прав был министр. Прав по-своему. Но и выход находить было нужно. Взавшись за гуж, не говори, что не дюж! Отсчет времени идет на часы, на минуты.

– Ну а если экзотом? Новым оружием хваленым.

Голодов развел руками.

– Вырвать огромный кусок из земного шара, отправить в иное пространство? Мгновенно нарушится вся система, Земля сорвется с орбиты.

– Земля уже сорвалась с орбиты, – зловеще пробормотал себе под нос Иван. Но имел он ввиду нечто иное.

У виска противно звякнуло особым протяжным кодом. Внутренняя? Это мог быть только Кеша, прямо из Космоцентра Видеоинформа.

– Ну чего там?! – недовольно спросил усталый от бессонных ночей Иван. Включил мысленно связь.

– Тута знакомец наш отыскался невзначай, – прохрипел Иннокентий Булыгин, будто он сидел прямо в голове у Ивана, не поздоровавшись, не представившись. – Сердце неладное чует. Да и он грозитя, бубнит чего-то невнятное, видать, спятил. Иван, слагай с меня полномочия коменданта! Тут поумнее меня нужны и покруче!

– Да не мельтеши ты! – разозлился Иван. – Давай толком обстановку! Давай обзор!

Он переключил Кешу на внешнюю связь. Вывел на два больших экрана. Скрывать не от кого секретов – Голодов, охранники, спящий на диване прямо в кабинете Глеб Сизов.

Крежениа он сразу и не признал. На полу каюты сидело какое-то человекообразное, гадина какая-то волосатая с бессмысленно-животным лицом.

– Не-е, Иван, мы его не трогали, честное слово! – с ходу начал оправдываться Кеша. – Он сам сверзился. Талдычит невесть чего про конец, про взрывы какие-то. А толком ничего не может объяснить, одним словом, крыша поехала!

Иван похолодел. Только еще не хватало проблем с Космоцентром. Они все же не сдались! Они ведут свою игру! Уже провели. А он пока ничего не успел. Ну Крежень! ну негодяй!

– Почему не приняли мер! – заорал Иван, бледнея. – Ты что, не отдаешь себе отчета?! Ну, Мочила, гляди – дружба дружбой, а служба службой! Я с тебя за все спрошу!

Кеша промолчал. Обиделся.

– Немедленно осмотреть всю станцию! Обшарить сверху до низу!

– Шарят уже, – доложил комендант Космоцентра, – по десятому разу шарят!

– Ну и что?!

– Пока ничего. Прилетай сам, Ваня...

– Я тебе не Ваня! – процедил Иван. – Я тебе Верховный Главнокомандующий и Правитель Великой России!

Кеша втянул голову в плечи, поморщился. Что он еще мог сказать! Дела хреновые, совсем плохие. Но ведь и Иван разорваться не может – Федерация бескрайняя, это тебе не Видеоинформ, это посложнее будет, а ведь Иван-то обучения специального тоже не проходил, на Правителя экзаменов не сдавал, ясное дело, тяжело ему. Да никуда не денешься, назад поворота нету.

– Надо еще полк послать в усиление, – предложил Голодов, – заодно просмотрят каждый микрон.

– Не надо полка, – отозвался Иван, – не надо лишних жертв! Там дело серьезное! – Он замолчал на минуту в тяжелом и непростом раздумии. Долго длилась эта минута, свинцовой вечностью. Потом сказал: – Я вылетаю в Космоцентр. Через полтора часа. Все! С ударом спешить не будем. Эй, Глеб, просыпайся, остаешься за меня! А вы готовьте вооруженные силы, ни секунды передышки, чтоб полным ходом! Все должны быть наготове, ни одной законсервированной машины! Военные заводы на полную мощь! Короче, не мне вас учить! Все!

Иван уже знал, куда он пойдет перед вылетом.

Иначе нельзя.

Туда!

После полумрака кабинета огромный, возносящийся к синим небесам белый Храм ослепил его. Золотые Купола – Святые, величественные, уходящие в заоблачные, незримые выси. Да, подлинный полет здесь, на Земле – вот он, самый совершенный звездолет, самый быстроходный вселенский крейсер. И незачем отрывать свою смертную, грешную плоть и бежать куда-то, на край Мироздания. Достаточно воспарить духом, чтобы, не сходя с места, оказаться значительно выше... и ближе. Ближе? К кому?!

Иван умерил шаг. Под сводами было тихо и благостно.

Горели свечи. Много свечей под образами.

У самого иконостаса молился человек в длинных темных одеяниях.

Он стоял на коленях, осенял себя широким крестным знаменем и склонял седую голову к самым мраморным плитам пола.

Иван прошел вперед. Опустился на колени рядом с молящимся. Закрыв глаза. И мир растворился в небытии. Он остался один во Храме. Один во Вселенной. И он обращался лишь к Тому, кто растворен во всем и пребывает везде.

Господи! Дай силы, еще немного сил и времени. Не помочи прошу, не чуда. Только сил для благих дел, творимых за всех созданных Тобою и во Имя Твое. Не оставь на пути крестном! Услышь мя! Услышь, Господи!

Иван не открывал глаз. Ждал. Он помнил то необыкновенное чувство, когда силы просыпающегося духа поднимают к сводам, делают тело невесомым, парящим... нет, не тело, то душа сама воспаряет и единится с Духом, обитающим под этими сводами. Так было с ним. Было уже не раз. Отправляясь в Систему, на верную смерть, он забрел сюда. Нечто более сильное, чем разум, привело его во Храм. И он поднялся над собою. И он получил благословение.

Иди, и да будь благословен!

И он ушел.

И он вернулся. Вернулся из Иной Вселенной.

И он снова был в Храме.

И снова покидал его и Землю.

Он вернулся с планеты Навей, из Пристанища, из самой преисподней. Это было невозможно, из мира мертвых не возвращаются. А он вернулся.

И попал в земное Пристанище!

Господи, даруй же надежду и веру! Дай сил в последнем восхождении на мою голгофу! Не оставь!

Тяжесть давила на Ивана. Страшная тяжесть. Гнула к мраморным плитам. Не давала воспарить к сводам, обрести облегчение душевное. Он не хотел верить в страшное, не мог себя заставить поверить в это. Ведь сам Архистратиг Небесного Воинства, сам Архангел Михаил благословил его на подвиг и муки. И он взвалил на себя неподъемную ношу. Он отрекся от себя во имя всех остальных. Он взял грех на душу, чтобы иные очистились и вернулись к Богу, к жизни, к возрождению. Так почему же сейчас Дух, растворенный здесь, не приемлет его взыскующей души, не вбирает ее в себя, даруя покаянием и отпущением грехов?! И как ему идти дальше по страшному нуги выбранному?!

Лики. Лики. Лики, бесстрастные и сокрушающиеся, взирали сверху. Они были там, а он здесь внизу. И не оживали глаза, не наполнялись скорбью и печалью, напутственным теплом и состраданием.

– Чего ищешь, сын мой? – спросил молящийся подле.

Иван медленно повернул голову.

И встретился взглядом с глазами Патриарха, усталыми, скорбными, ждущими ответа. Почему он сразу не узнал его? Седой, исхудавший, кожа пожелтела – стареет Патриарх. Что же поделаешь, и прочие не молодеют, такова горькая участь смертных.

– Ищу напутствия доброго, – тихо ответил Иван.

Патриарх вздохнул. Отвернулся. Встал с колен. Иван тоже поднялся. Замер рядом.

– Горестные грядут времена, – промолвил старец, – и ты ускоришь их приход. Большую печаль несешь в мир.

Иван вздрогнул. Не таких слов ожидал он.

Болью сковало сердце.

И пришли из памяти слова старые, слышанные из уст этого старца, изреченные будто в другой жизни, когда его и старцем-то назвать нельзя было. «Боль вырывается наружу и порождает новую боль, обида – обиду, тоска становится неизбежной. Горя жаждой мщения, выплескивая обиду, принесешь Зло в мир, помни об этом. Тебе будет казаться, что борешься со Злом, что ты есть истребитель Зла, но истребляя его и обарывая лишь силой, ненавистью и мщением, будешь умножать его! И настанет день, час, когда ты перестанешь понимать, где кончается Добро и где начинается Зло. И сам станешь воплощением Зла! Это будет страшный день для тебя и для всех, страшный час, не дай Бог, чтобы настал он, ибо не помогут тогда тебе ни Животворящая Сила Креста Господня, ни добрые напутствия. Помни, в какой мир ни вознамерился вступить ты, чего бы ни содеял, не меч в него принести ты должен, не злобу и ненависть, вражду и раздоры, а одну любовь только. Помни об этом!»

Патриарх заглянул в глаза его. И кивнул еле заметно, будто только что повторил вслух слова свои прежние.

– Слишком много горя, слишком много смертей. И будет больше, сын мой. Пусть Бог простит тебя и благословит. Мне же грешному сие не под силу. Прощай!

Старец отвернулся, помедлив секунду. И быстрым шагом пошел прочь. Лишь черные развевающиеся одеяния в последнем порыве коснулись Иванова плеча.

Ушел! Не благословив?!

Иван стоял в оцепенении.

Пора вылетать, он сам назначил срок.

Но и уйти отсюда просто так нельзя.

Он поднял голову, повернул налево, направо – лики! лики!! лики!!!

Вот и Архистратиг.

Лицо иное. Глаза иные. Но это он. Он! Направивший его на путь воина. «Доселе ты был лишь странником – мятущимся, сражающимся, страждущим, ищущим, но странником. А теперь, пройдя через крути испытаний премногие и обретя себя в муках и битвах, да приидешь ты под длань мою! И наречешься отныне воином. Да будет так!» Это он! Сквозь олифу, старые краски, иконописные темные очи прорезались вдруг чудом неизреченным бездонно-серые, всевидящие глаза Небесного Воителя. И узрели Ивана. И вошли чудесные лучи, испущенные ими, в его глаза, и дали силу, веру и надежду. И ощутил Иван себя не одним. Он даже чуть обернулся назад, на легкий, пространный шум, на чистый небесный звон – и в глаза ударило ослепительным сиянием, сверканием золотых доспехов. То под альми, небесно-голубыми и золотисто-черно-белыми хоругвями и стягами стояли неисчислимые полки, пресветлые рати, тысячи и тысячи дружин. И он был впереди их. И они шли за ним!

– Подойди к Нему! – тихо прозвучало в ушах.

И Иван сразу понял – куда и к кому он должен подойти.

Нет, он не приблизился к Лику Спасителя. Наоборот, он отошел назад, на пять шагов, десять, двадцать. И тогда лишь он узрел воочию Его.

Слов не было.

Был лишь взгляд.

И во взгляде этом светилось само благословение.

Иди!

Иди! И да будь благословен!

Но прежде, чем выбежать из Храма, Иван застыл на миг, ощущая, как вздымается к высям его существо. И миг стал минутой, часом. Его вознесло под своды. И он растворился в океане пребывающего здесь Духа. И он сбросил свинцовую тяжесть усталости – вниз, во прах, во мрак земной и подземный. Он ощутил прилив сил. Как и тогда.

Он видел все – и Чудесный Образ, и всю Землю сразу, и миллиарды, миллиарды непогубленных душ людских, и океаны света, и малую свечу во тьме, и всю Вселенную, и Золотые Купола, сияющие в ней небесным очищающим сиянием.

Кеша подошел шаркающей походкой. Пожал протянутую руку.

– Хочешь потолковать с ним? – спросил он.

– Нет, – ответил Иван, – не хочу. У нас мало времени. Что нашли твои парни?

– Пока ничего, – смущенно протянул Кеша. – Может, ни хрена тут и нету, зря я только шухер навел?!

Иван похлопал его по плечу. И сказал:

– Готовь эфир. Срочно!

– Слыхали! – Иннокентий Булыгин повернулся к замам, помам и прочей братии, зудевшей вокруг него рою подобно. Кешу здесь слушались. Кеша был строг и справедлив.

Через восемь минут Иван сидел в студии. Еще десять ушло на оповещение всех служб информации по всем мирам во Вселенной, где бы они ни находились. Его обращение должен был услышать и увидеть каждый – каждый имеющий глаза и уши. Другого не будет.

И когда разбуженные, бодрствующие, оторванные от работы, застигнутые на лету, на бегу миллиарды землян притихли у вспыхнувших не по их воле экранов, вспыхнувших зеленой, мигающей и броской надписью «Экстренное сообщение!», когда вся Федерация, вся Вселенная растила в напряжении и тревожном ожидании слова Земли, Иван начал:

– Люди! Земляне! Соотечественники! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, Председатель Комитета Национального Спасения Великой России и Объединенной Европы.

Известие мое печально и безрадостно. Но человечеству, всем нам, не следует уподобляться страусу, прячущему голову в песок при приближении опасности. Я говорю вам о том, что есть. Недобрые силы Иной Вселенной готовят вторжение в наш мир – Вторжение страшное, беспощадное, всеуничтожающее. Мы не знаем точного дня и часа, но агрессия может начаться в любую минуту. Подготовительные операции силами зла уже проведены и проведены успешно – по своей обороноспособности человечество отброшено на сто пятьдесят лет назад, во все властные структуры внедрена и действует резидентура и агентура противника. Именно по последней причине в Великой России и Объединенной Европе, как вам уже известно, были проведены смены властвовавших режимов – те, кто способствовал иновселенским силам и готовил вторжение, смещены со своих постов, должностей и сурово наказаны. Сейчас все мы, все сорок восемь миллиардов землян, а также миллиарды наших собратьев по разуму в нашей Вселенной, стоим на грани полного уничтожения и исчезновения. Повторяю, никогда еще человечество не встречалось на поле боя с таким противником – сверхразумным, обогнавшим нас в развитии на тысячелетия, вооруженным сверх вся-

ких границ фантастической по нашим меркам техники уничтожения. Силы неравны. Но у нас нет выбора. Неумолимая и смертная орда идет на нас, чтобы обратить нас во прах и сделать наш мир своим миром. Ни о какой пощаде и проявлениях милосердия к побежденным не может идти речи. Мы имеем дело с негуманоидной сверхцивилизацией, для нее наша цивилизация всего лишь помеха, которую следует просто устранить. У нас мало шансов на победу – практически у нас их нет. И все же мы не дадим себя безропотно и покорно уничтожить, ибо мы люди, созданные Творцом по Его Образу и Подобию, а не двуногий скот, которому уготована бойня. Мы должны сделать все, чтобы встретить неумолимого и грозного врага во всеоружии. Нам много что надо сделать в эти оставшиеся дни, часы. Но главное, перед лицом смертной для человечества опасности мы обязаны – я повторяю, обязаны! объединить все свои силы, всю мощь и весь разум человечества! Мы обязаны превратить само понятие Федерация из пустого звука, не означающего ничего кроме сложившегося положения – существования в нашей Вселенной двух миров, двух образов жизни и двух соперничающих цивилизаций Земли, в единый боеспособный организм, готовый отразить агрессию извне.

Ныне не время размолвок и дискуссий, не время выяснения отношений. Вы прекрасно понимаете, что я мог бы обратиться к руководству Всеамериканских Штатов, к Комиссариату Синклита Мирового Сообщества по правительственным, дипломатическим каналам и предложить объединение, союзничество, предложить создание единого Штаба отражения иноселенской агрессии с неограниченными полномочиями. Но я не стал этого делать по двум причинам. Первая заключается в том, что каждый из вас должен знать о грядущем, знать о том, что сделано для спасения цивилизации и спасения лично вас. Не может быть никаких келейных, тайных переговоров. Пройшла пора подобной дипломатии. Пришло время открытых решений – и каждый должен знать с самого начала: вот враг! а вот друг! Каждый должен знать, кто тормозит процесс создания Единого Фронта! Есть и вторая причина, в Мировом Сообществе и поныне пребывают у власти лица, тайно работавшие на противника, готовившие Вторжение. Я не хочу огульно обвинять всех достойных людей в госструктурах Запада и Федерации. Но факт остается фактом – предатели и агентура противника остаются на своих местах. И поэтому обращение мое я прошу рассматривать как ультиматум! Да, ультиматум!

Время не оставляет нам возможности для долгих переговоров. Мы прекрасно понимаем, что Запад переживает сейчас не лучшие времена – стихийные бунты уже превратили большинство городов Южной и Северной Америки в развалины, в пепелища. Но выбора у нас нет. И потому я, как Председатель Комитета Национального Спасения Великой России и Единенной Европы, как Верховный Главнокомандующий и временно исполняющий обязанности Правителя Великой России, призываю руководство Мирового Сообщества, а точнее, его оплота, Всеамериканских Штатов до двадцати двух ноль-ноль завтрашнего числа сего года официально объявить о поддержке Комитета Спасения Федерации и передать в его штабы управление всеми наземными, воздушными, морскими, космическими и инопланетарными силами Сообщества. Повторяю, Фронт должен быть единым! Только объединение всего человечества даст нам шанс выжить.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. И ответственно заявляю, что не преследую в данной акции никаких личных или групповых интересов. Сразу по выполнении Комитетом, Единым Фронтом их задач, я обязуюсь вернуться на прежнее место службы в отделение Дальнего Поиска на ту же должность, что занимал ранее, и в том же звании. Но сейчас мы не можем тянуть времени, проводить выборы и заниматься прочими подобными игрищами.

Я повторяю прямо и открыто – наш ультиматум подлежит безоговорочному и своевременному выполнению. В случае отказа другой стороны от исполнения ультиматума, Великая Россия примет самые решительные меры для немедленного создания Единого Фронта и единого Комитета Спасения Земной Цивилизации!

Братья и сестры! Я призываю всех вас к спокойствию и единению. Чтобы ни произошло на Земле, мы будем едины. И мы отразим натиск агрессора! Не только Земля, не только Солнечная система, вся наша Вселенная – наше Отечество, мы рождены в нем. И мы имеем полное право на защиту его от внешнего врага. Мы обязаны встать на его защиту! Мы помним заветы наших легендарных предков. Кто придет к нам с мечом – тот от меча и погибнет! Наше дело правое, мы победим! С нами Бог, братья и сестры!

Иван откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза.

Теперь обратного пути нет. А когда он был у него, этот обратный путь? В Системе? Или в Пристанище? А может, на Земле?!

– Не слишком круто? – спросил тихонько подошедший Иннокентий Булыгин.

– Надо бы покруче, – посетовал Иван, – да я не мастер речи говорить. Бот подготовлен?

– Да.

– Тогда пошли. И дай сигнал – планомерная, спокойная эвакуация. Остается только минимальная охрана на внешних плавсредствах и самый необходимый техперсонал, понял?

Палуба студии качнулась. И Иван с Кешей, а за ними все остальные полетели на ребристую стену. Где-то вдалеке, за прозрачными экранами обзора полыхнуло заревом – стало светло будто и не в Пространстве, а где-нибудь на Земле в погожий денек.

– Поздно, – прохрипел Кеша, отплеываясь кровью. – Это диверсия!

– Ничего не поздно! – отрубил Иван. – Живо в бот! Эвакуация ускоренная! Но без паники чтоб!

Второй взрыв сотряс исполинский шар Космоцентра Видеоинформа, когда они оба, да вдобавок с оборотнем Харом и четырьмя «альфовцами» приближались к орбите Марса.

Булугин включил полную прозрачность. Доложил:

– Девяносто четыре процента личного состава Космоцентра эвакуировались по плану. Остальные... Бог их знает, что там с ними!

Полубезумный Крежень, связанный цепями по рукам и ногам, лежал в грузовом отсеке – с ним предстоял разговор особый. Хар беспоминутно чесался и зевал, нервничал. Но глаза у него были мутные, рыбы, без признаков тревоги, а стало быть, никаких новых сюрпризов не предвиделось.

Вполне хватало и этого одного, свершившегося.

Иван, не отрываясь, смотрел назад, во мрак вселенский, перемежающийся яркими вспышками, снопами, гроздьями рассыпающегося огня.

Колоссальное, непомерное сооружение, восьмое чудо света содрогалось от чудовищных взрывов, разваливалось, крошилось, вспучивалось и лопалось. Это была смерть титана.

Медуза Горгона Космоса умирала, издыхала в страшных судорогах и конвульсиях. И ее волосы-змеи, тянущиеся на тысячи верст во мрак, будто почуяв внезапную свободу, отрывались от уродливой, всесильной прежде и завораживающей головы, извивались, сбивались в клубки... и горели, полыхали, сотрясались в нервически-болезненной, паралитической дрожи. Это был конец Чудовища, властвовавшего над Хаосом и Космосом, простиравшего незримые щупальца на тысячи световых лет и державшего в них всю Вселенную-матушку. Это был конец прежней жизни, старой – жизни в мире и покое, в тихом гниении и вырождении.

И это было Началом.

Часть третья

Воин

– Они с ума посходили! – выкрикнул Глеб Сизов, генерал-лейтенант, командир альфа-корпуса, правая рука Ивана. Выкрикнул и замер с раскрытым ртом, будто рыба, выброшенная на берег. Глеб не понимал западников, отказывался понимать.

Спутники, висящие над Всеамериканскими Штатами, давали полную картину происходящего: и в панораме, и в деталях, и как угодно. Но глаз не выдерживал такого зрелища.

– Да-а, – задумчиво протянул бритоголовый начальник штабов, – мы им дали слишком много времени. Слишком!

– Они истребят всех! – мрачно изрек министр обороны Голодов. – За двенадцать оставшихся часов можно полмира превратить в пустыню. Такое трудно было ожидать!

– Трудно? – комитетчик сделал вид, что удивился. – А чего ж еще было ожидать! Я вам скажу, что будет дальше. Я уже говорил – они перебьют половину, даже две трети своего населения, покажут, что не в бирюльки играют, а оставшихся загонят на свои боевые базы, заложниками – и скажут нам, давайте, мол, лупите изо всех орудий! Так и будет. И, кстати, на большинстве крупных планет Сообщества происходит то же самое – управление идет из одного центра ... эх, мы! упустили возможность нанести упреждающий глубинный удар! – Он с раздражением поглядел на Голодова. И отвернулся.

Один Иван ничего не сказал. Он молча смотрел на экраны.

Изображение теперь было отличным – фильтры убирали все думы, клубы, копоть и гарь. И виделся с высоты орбитального полета уродливо-корявый городишко Чикаго, полыхавший, разгромленный, обезумевший. И виделись два бронированных кольца, сжимающих этот семнадцатимиллионный бедлам. И висели в воздухе боевые гравилеты карателей. И мutilи и без того мутные воды отравленного Мичигана десятки десантных кораблей, плоских, на воздушных подушках, похожих сверху на голубенько-сереньких клопиков. И все крохотные клопы эти, и наземные, и воздушные, и морские, время от времени извергали из себя огоньки, затайливые ветвистые молнии и облачка разноцветного газа. Все выглядело с высот благопристойно и даже красиво... все, за исключением самого убогого городишки.

Но стоило дать приближение, что и делалось на других экранах, как картина менялась. И становились видны невидимые прежде детали. В городе шла лютая, беспощадная резня. Шеренги бойцов-близнецов в одинаковых пятнистых десантных полускафах, паля из пулеметов и парализаторов, сгоняли пестрые и разношерстные толпы в одну огромную гомонящую, визжащую, разноцветную толпу – сгоняли так плотно, что люди лезли друг дружке на головы. Они сбивали их в немыслимый гурт, как не сбивают ни овец, ни прочую рогатую скотину. А потом сверху подлетал гравилет и очень методично выжигал толпу, где напалмом, где из бортовых шестеренных лучеметов. Каратели работали деловито и уверенно. Они давили бунт. Правда, значительная часть ребятишек в полускафах шустрила по разгромленным лавкам и домам да таскала туда-сюда смазливых девочек. Но судя по всему, это делалось в свободное от основной работы время и по договоренности с отцами-командирами, во всяком случае, никто им не мешал и внимания на них почти не обращал. Зато толпы горели дружно к эффектно, сотрясая воздух нечеловеческим визгом, бросаясь на карателей живыми горящими факелами... но

не добегая, падая. Каратели были в шлемах, им было чем дышать. А прочие раздирали себе рты, рвали глотки, падали, задыхаясь, корчась и застывая обуглившимися уродливыми куклами. Отдельные смельчаки и даже кучки беглецов выби- рались из города, бросались в бега, но тут же расстреливались с бронеходов и кораблей.

Кольцо сжималось. Видно, экипажам бронемашин тоже хотелось поучаствовать в веселых играх, а заодно пощупать местных девчонок и набить карманы. Жители города были обречены, это становилось ясным сразу. То же творилось в Филадельфии, Детройте, Ванкувере, Боготе, Буэнос-Айресе и еще тысячах и тысячах городах. Запад и впрямь сошел с ума.

– Но ведь пять дней назад, три, даже вчера еще они просто умиряли восставших, – будто сам с собой заговорил Иван, – а теперь они истребляют всех подряд, без разбора! Это бойня!

– Это ответ на наш ультиматум! – сказал Глеб.

Иван поморщился. Но не стал вступать в прения.

– Что скажет разведка? – спросил он. – Какие планы у наших друзей?

Начальник Главного разведывательного управления, седо- власый и румяный человек в штатском, привстал.

– Все те же три мобильные группировки. Больше никаких шагов Сообщество не предпринимает. Но...

– Что еще за «но»?!

– Заметно некоторое шевеление во внесоветских межгалактических соединениях. Например, некий вселенский консорциум, обозначаемый обычно под отвлекающе-дезин- формирующем названием Восьмое Небо, проводит большую чистку в своем аппарате и создает новые, усиленные воору- женные формирования. Мы не привыкли брать в расчет эти структуры, но они могут сыграть существенную роль...

– Надо срочно установить контакт с их... – Иван хотел уже было сказать «главарями», но тут же нашел слово иное, рав- нозначное по смыслу, – с их руководителями.

– Попытаемся! – заверил бодро главный разведчик держа- вы. – Совместно с коллегами, – он обвел взглядом всех при- сутствующих.

Ивану такой ответ не пришелся по душе.

– Попытаемся? – переспросил он с иронией. – Нет уж! Вы должны в ближайшие два-три дня обеспечить мне личную встречу с четырьмя боссами преступных мафий... ведь их че- тыре, самых крупных?

Разведчик развел короткими полными руками. Но тут же твердо дополнил:

– Не более!

– А всю мелочь и главарей средней руки – собрать без переговоров и церемоний! И сюда, в подземелья!

Иван выразительно посмотрел на Глеба Сизова. Тот скривился, помрачнел. Но кивнул.

Хук Образина опрометью проскочил улицу, извиваясь, изгибаясь, бросаясь навзничь и кубарем перекатываясь под градом визжащих, стучащих о камни и стены пуль, сквозь пламя и разрывы. С налету сбил с ног карателя в глухом непрозрачном шлеме, каблуком сломал ему грудную клетку и тут же, не теряя времени, уложил еще троих, поочередно превращая их в мешки с переломанными костями. Оглянувшись нервно, сдерживая судорожную дрожь. Потом сорвал с ближайшего поверженного заплечный баллон с маской, вжался в нее лицом, пустил кислород.

– Да иди ты сюда, Образина! – захрипел из развалин Арман-Жофруа дер Крузербильд-Дзухмантовский, потомок то ли польских панов, то ли онемеченных французских шевалье, загубивший свою жизнь сначала в десанте, а потом на старом космическом заправщике. – Живей канай, там пристреляно!

Хук вполз в какую-то черную, обугленную щель. Привалился спиной к стене. Промычал из-под маски:

– Сам себе не верю, Крузя! Чего творится! Год назад ежели б кто мне сказал, что вновь придется старое вспоминать да козлом скакать под пулями, ни в жисть бы не поверил, даже не смешно б было!

– Да заткнись ты! – Крузя мотнул головой на свет. – Надо переползти, у них радары ручные и прочая хренотень, засекут!

И они поползли вглубь руин, во мрак и копоть, поползли, зная, что сейчас любой паршивый снарядишко может обрушить на их спины и головы тысячи тони бетона и металлопластика, превратить эти развалины в могилу. Но деваться было некуда. Снаружи не первый день шел дикий, непонятный и какой-то нелепый своей первобытностью и жестокостью бой.

Каратели выбили и вырезали по Нью-Вашингтону и пригородам почти весь народ – несчитанные миллионы обезумевших в грабежах и попойках людишек. Они были легкой и беспомощной жертвой, стреляй, жги, калечь, насилуй, дави – не хочу! Но вот беда, среди этих десятков миллионов отыскались откуда-то единицы да сотни таких, кто давал отпор, кто брал оружие в руки, кто не хотел издыхать подобно тупой и загнанной скотине. Они-то и били карателей, которые сами одурели от бойни, спиртного и разгула, били беспощадно,

били изо всех дыр и щелей поверженного, разгромленного, сожженного и брошенного властями на произвол судьбы города.

– В Лос-Анджелесе было веселей, – просипел Хук.

Ползущий рядышком Крузя не ответил. Он и сам знал, там с утра до ночи врубали с бронеходов один и тот же шлягер Дона Чака «Пропади все пропадом, моя крошка!» От этой идиотской песенки многие сходили с ума и лезли в огонь гравилетов сами. В Детройте и Сан-Франциско морили газами, и потому там стояла жутчайшая вонь – тела не сгорали в огне, а просто валялись по улицам, домам, крышам, подвалам и медленно гнили под веселым жгучим солнышком. Похоже, всем было плевать на санитарные нормы. Хук и Крузя работали порознь, каждый шел своей дорожкой. Но в проклятом Нью-Вашингтоне их пути пересеклись. Хук говорил:

– Вот, Крузенька, мы и встретились – как две крысы с одного корабля на бревнышке. Корабль пошел ко дну, а мы еще трясемся наверху, мать их промеж глаз!

Крузя кряхтел и помалкивал.

В руинах на них напали – какие-то чокнутые, загнанные и озлобленные бедолаги. Переговоров начать не удалось. Пришлось всех семерых отправить досрочно на тот свет. И Хуку, и Крузе помогала давнишняя, вбитая сержантами Школы навечно, до самой могилы, выучка космодесантников – без нее гнить бы и их косточкам посреди камней да трупов бывшей столицы Штатов, а скорее всего, еще в тех городишках, что они посетили ранее. Оба прошли сквозь огонь и воду, чтобы встретиться здесь, как и было намечено по плану. Не такой представлялась встреча, совсем не такой! Да и Дила Бронкса с его ребятишками, с карликом Цаем чего-то не было видно.

– Лопнуло всё, Хук! Провалилось к едрене фене! – шипел Арман-Жофруа, размазывая скупую слезу по грязной щеке – слеза эта была не от излишних чувств, а от едкой и вонючей дряни, пропитавшей воздух. – Провалилось! И нам с тобою, двум дуракам старым, еще радоваться надо! Мы хоть и в дерьме по уши, но куда живехоньки! Вон, видал, чего делается? Дил с коротышкой, небось, в кандалах уже, коли и вовсе не в земле сырой – их первых спровадят, не то что нас с тобой, мелкую сошку! И Гуга давно обратно в каторгу пихнули, на Гиргею! Все провалилось, все прахом пошло. Не рассчитали чего-то! Ивана к вышке, это точняк! Скорей всего, шлепнули! Или обратно в психушку сунули! Накрылись мы, Образина, медным тазом! Да еще этим ублюдкам на руку сыграли. Да сейчас за нас свечки ставят, нехристи поганые! Они, не-

бось, уже по всему миру особое положение ввели, всю власть заграбастали – вона как народишко-то бьют – намертво!

Хук не отрывал маски от лица, сил у него оставалось мало, шел на старом заводе, по инерции. Но шел. Сейчас Хуку было плывать на теории и рассуждения ни о чем. Выбраться бы! Вылезть из дыры поганой!

– Зря мы сюда влезли, Крузя! – стонал он. – Зря! Надо выплывать! Рвать когти из города! В леса прятаться!

– Какие тут, на хрен, леса?! Это тебе Россия, что ль?!

Два карателя выскочили неожиданно. Навели лучеметы. Они не собирались предупредить, кричать: «стой! руки вверх!» Они собирались жечь ползущих. Но они не знали, с кем имеют дело.

– Вот это очень кстати, – обрадовался Хук, облачаясь в пятнистый скаф, натягивая шлем на голову.

Этих двоих они прибили очень тихо и аккуратно, боясь повредить одежду и выкладку, голыми руками давили, нежно, почти любя. Баллоны в скафах были полны – а это шесть часов легкого и чистого дыхания, будто на пляже под пальмой, а не в горящем бедламе. Два лучемета, два парализатора, всякая прочая мелочь.

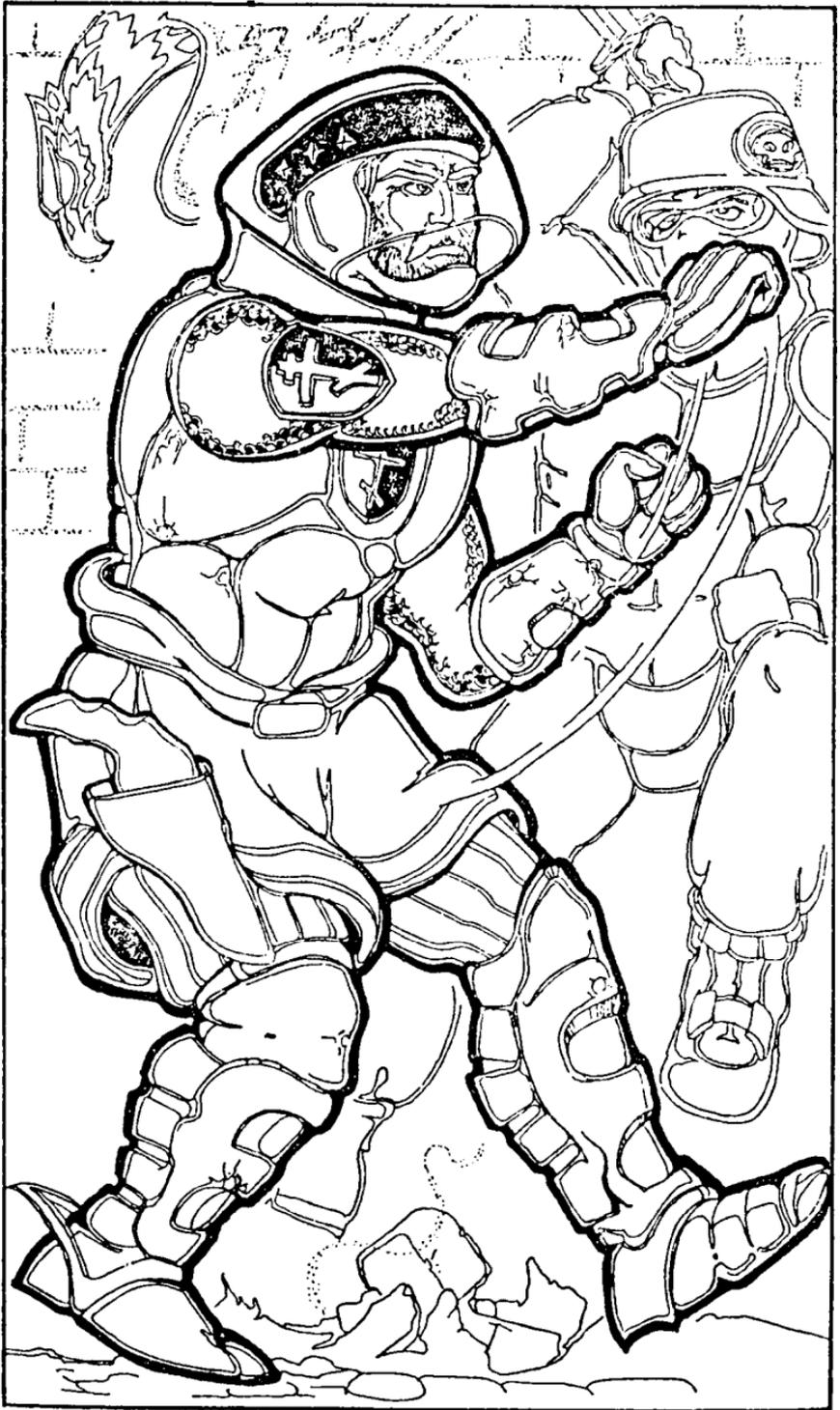
– Живем, Образина! – обрадовался и Крузя. Захлопнул шлемовый створ. – Как связь?

– Нормально! – отозвался Хук. И тут же испугался. По связи их могут и засечь, лучше помалкивать до поры до времени.

– Не бойсь! – расхохотался Крузя. – В такой кутерьме не до нас! Пошли наверх, надо оглядеться!

Хук не мог надыхаться. Он чувствовал нутром, как вливаются силы, будто всю кровь ему сменили – на молодую, здоровую, горячую. Он открыл грудной клапан скафа, нажал на синюю кнопочку – и прямо из трубочки у рта в губы ткнулся шарик стимулятора, потом второй, третий. Хук закатил глаза от блаженства. Ну, теперь можно и наверх!

Они выскочили на широченную площадь перед Форумом. И застыли на миг. Это место знали все на земном шаре и во Вселенной, его бесконечно показывали по Информу, тиражировали на красивеньких открыточках, обыгрывали со всех сторон в голофильмах. Форум возвышался колоссальным хрустально-прозрачным дворцом на полуторамильную высоту. Шесть возносящихся к небу вскинутых крыльев переливались гранями на все цвета радуги – в каждом крыле была своя служба, будь то Сенат, Конгресс или вездесущее Разведывательное Управление. Под стать искрящемуся, возносящемуся к солнцу Дворцу искрились и возносились в выси бессчетные

струи фонтанов, возносились, рассеивая мириадами мельчайших капелек алмазную водную пыль. Это было ошеломляющее зрелище, оно будоражило и подавляло. Сама площадь утопала в роскошной и густой зелени – исполинские гибриды лиственниц и пальм с Зангезеи высились посреди сказочно густых синих елей и папоротников агума-рума с планеты Ро. Форум был мечтой, ирреальной галлюцинацией, воплощенной в действительность.

Он был таким еще неделю назад.

Теперь все выглядело иначе.

– Ни хрена себе! – выдохнул Хук.

И он был прав. Вся зелень на огромнейшей, необъятной площади Величия и Процветания Объединенных Наций Мирового Сообщества была выжжена дотла. Лишь кое-где торчали вверх обугленными чертовыми пальцами черные страшные стволы. Слой грязно-серого, седого пепла метровой плесенью покрывал всё открывающееся глазу. И посреди этого застывшего ужаса высился черный, уродливо-гнетущий хищный зверь, раскинувший шесть черных, обугленных крыл. Да, это был не хрустальный возносящийся к Богу дворец, а будто спустившийся с адских кровавых небес огромный и мерзкий черный демон-стервятник, спустившийся и озирающийся во круг, выискивающий жертву, готовый сорваться с чудовищным клекотом и броситься на мир еще живых, еще надеющихся.

– Берегись!

Хук не услышал крика. Аркан туго захлестнул его шею. Сразу повалило, поволокло по битому кирпичу, по пеплу... И вдруг отпустило. Это Крузя, он спас. Хук приподнялся на колени, повернул голову. Крузя лупил из лучемета по развалинам – трое горящих размахивали руками, дергались. Еще четверо лежали обугленными трупами. Один убежал, втянув голову в плечи и волоча ногу.

– Пускай бежит, – милостиво просипел Крузя.

– Жаль их, – промычал Хук Образина, – такие же несчастные как и мы с тобой!

– Будем жалеть, сами сдохнем! – философически заключил Крузя. И махнул рукой на черный дворец Форума. – Надо идти туда.

– Потопали! – согласился с ним Хук.

С крыши Дворца можно было осмотреться, выбрать отходной путь, другой такой возможности не имелось. И потому стоило рискнуть.

Местами пепел был выше груди. Но гидравлика скафов работала отменно. Да и стимуляторы давали сил. Хук с Крузей продвигались вперед.

Дважды их останавливали, прятаясь за обугленными стволами патрули. И оба раза они их били на месте, без долгих слов. Было жалко армейских ребятишек, да что поделаешь – на войне как на войне.

Через полтора часа они выбрались к подножию исполинского демона.

– Ты, думаешь, лифты работают? – спросил Крузя.

– Ни черта я не думаю! – Хук нашарил в плечевом отсеке скафа микролебедку. Это было кстати, но подниматься на ней опасно, могут снизу подстрелить как цыпленка. Пешком по лестницам на эдакую высьотищу тоже не радость взбираться.

Внизу было тихо. Стояли два сожженных бронехода с тремя трупами прямо на броне. Валялся неподалеку сбитый, а может, и сам рухнувший армейский гравилет – искореженный до неузнаваемости. Здесь пепла было поменьше – раздуло ветрами.

– Пошли!

Крузя дернул Хука, засиживаться на одном месте опасно, наверняка с обеих сторон шуруют снайпера, им только подставься – в заварной шов скафа впячат сигма-иглу, и все, и труба!

По разрушенным, обвисающим лестничным пролетам, с опаской взирая в дыры изуродованных стен, они взбежали на тридцатый этаж, остановились. Прыть можно было поберечь для боя, для прорыва. Тем более, что время шло.

– Чего творится, Крузя! – прошептал Хук. – Глядеть не хочется!

Отсюда были хорошо видны сквозь клубы дыма и вздымающиеся тучи пыли и пепла останки западных кварталов огромного города. В мрачном багровом небе висели всего два гравилета, и то полицейские. Наверное, здесь каратели уже отработали, выполнили свою задачу. И все же и тут и там то и дело звучали разрывы бомб, мин, снарядов – кто-то бил по развалинам, кто-то огрызался, где-то короткими очередями и одиночными выстрелами добивали уцелевших.

– Выше надо!

– Придется рискнуть, – согласился Хук.

И первым вышел на широченный карниз, задрал голову вверх. Микролебедочный гарпун бьет на четыреста метров. Но лучше не спешить. Хук выбрал на высоте двухсот метров торчащую балку, нацелился. Выстрелил. Попробовал трос – держит. И его понесло наверх. Раза три сильно долбануло о

выступы. Один раз откуда-то сбоку пальнули. Но промазали. Хук успел ухватиться обеими руками за некогда прозрачные, полисмарагдовые, а ныне черные, обгоревшие перильца, подтянулся, спрятался за стеной. Вытащил из заплечного колчана лучемер, надо Крузю прикрыть. А как прикроешь, откуда знать, с какой стороны в него стрелять будут? Арман-Жофруа поднялся быстро, перевалился, упал на пол. Да так и остался лежать, передохнуть захотел.

Хук передернул плечами. Крузя лежал чуть ли не посреди полутора десятков трупов, разбросанных тут и там. Кем были эти люди, застигнутые смертью на своих рабочих местах? Рабочих?! Ну конечно. Сюда посторонних не пускали. Но почему же и их на распыл? Ведь они же клерки, чиновники, госслужащие. Какой смысл их-то убивать?! Хук Образина ничего не понимал. Но он знал, что без команды такие вещи не делаются.

Каждый второй труп был женским. Изодранные, изломанные, вывернутые неестественно, истерзанные – этих несчастных явно насильовали перед неминуемой смертью, издевались, мучили. Хук отвернулся. И увидел, как тихонько, в ужасе, дрожа всем телом, уползал от них какой-то седой старичок. Он еле двигался, оставляя за собой ручеек крови.

Хук убрал лучемер, подошел ближе, присел над раненым.
– Что тут было? – спросил он тихо.

Голова у старика затряслась, застучала по полу, глаза полезли из орбит. Изо рта потекла кровь. Он умер. Умер от ран, от страха.

– Да-а, порезвились на славу! – процедил Крузя. – Зря мы сюда полезли. Надо было сразу бежать на окраину и прорываться!

– К черту на рога? – спросил Хук. – Прямо на бронеходы?!

– А хоть бы и так. Видно, и нам пришло время сдохнуть!

– Если так рассуждаешь, проваливай! – обозлился Хук. Он вовсе не собирался помирать.

– Да ладно, – Крузя уже успокоился. – Ползели дальше.

На этот раз они дали из лебедок на полную. И чуть не погибли. Из соседнего крыла трижды открывали огонь. Разрывные били дождем, то чуть ниже, то чуть выше. Да, видно, стрелки были уже хороши, лупили с пьяных глаз.

Оба долго не могли отдышаться. Снова лежали на полу. И снова посреди мертвых, страшных, изуродованных очередями и огнем тел. Здесь почти всех жгли огнеметами – черные метки остались на полу, на рамах, их не слизал даже пожар, бушевавший позже – хлипкие языки пламени не могли зацепиться за что-то горящее, лишь лизали голые стены. Но это

было. А сейчас... Хук приподнял забрало шлема – в легкие ударила ядовитая гарь. Нет! Хватит на себе пробовать! Он прикрыл шлем. Теперь им оставался лишь один путь – по внутренним лестницам. Но здесь тоже на каждом шагу мог таиться враг. На каждой ступеньке могла поджидать смерть.

Все непомерно огромное здание Форума держалось на шести тысячах массивных на вид, но пористых внутри церризоновых столпах, способных выдержать дюжину термоядерных взрывов и не свернуться в спирали, не лопнуть, не свиться стружкой и не полечь. Такие столпы могли стоять до конца света. И фермы. И перекрытия. Но все прочее было искорежено основательно – скорее всего каратели били по Форуму с десантных гравилетов и боевых бронеходов. Били, выжигали, а потом впрыгивали в пробоины и наводили порядок, очищали помещения. И потому лестницы были местами сильно изуродованы, приходилось и прыгать, и ползти, и пускаться в ход лебедку.

На семьсот девяносто шестом этаже верхолазов поджидал сюрприз. В зале приличных размеров, прямо под здоровенной, покачивающейся на ветру хрустальной люстрой сидела веселая компания карателей – человек двадцать пять. Усталые, грязные, разодранные, многие без шлемов – они сидели и тихо-мирно выпивали. В углу, рядом с зияющей брешью лежали три связанные и тоже грязные, растрепанные и перепуганные насмерть девицы, они ждали своей очереди.

Хук вылез первым.

И тут же получил приглашение.

– Давай сюда, братва! – благим матом заорал стриженный малый в сером пятнистом скафе, замахал рукой с зажатой в ней черной бутылкой, заорал на новоанглийском с щелкающим акцентом, явно наемник. – Гулять будем! Имеем право!

Хук задумался.

А Крузя из-за его спины швырнул связку бронебойных гранат. Полдня таскал за собой, уже хотел было выбросить, да вот пригодилась. Пришлось открыть огонь из обоих лучеметов. Ребятки не ожидали. Это их и сгубило.

Девуц Хук с Крузей развязывать не стали. Им все равно – не жить, не одни, так другие достанут, нечего и времени тратить. Пошли дальше.

Но сердобольный Хук все же вернулся, перерезал путы.

– Бегите, девочки!

Девочки как лежали, так и остались лежать. Только затряслись сильнее.

Еще через полчаса вылезли под своды. Сели передохнуть. Отсюда ничего не было видно. Но стоит только выползти на

крышу... и они сразу поймут: куда, как, с какой скоростью бежать. Вот только минут пять отдыха, только пять!

– И все же я ни хрена не пойму, – задавал все один и тот же вопрос Образина, – ну зачем они свою малину спалили, зачем всех под корень? Какой такой смысл?!

Крузя сопел и не отвечал.

Наверху что-то гремело, звенело, лязгало – наверное, ветра гуляли по разодранным крышам. Хук сидел и думал – ну вот выберутся они из этого ада, ежели Бог поможет, подадутся в леса и пустыни, уйдут от карателей... а дальше? Обрато на заправчик? Опять беспробудная, кошмарная жизнь в глуши, в вечном похмелье и муках? Куда ему еще приткнуться! Дороги назад, в Дальний Поиск, нету, его списали полностью и безоговорочно, да и здоровышко уже не то. Афродита – единственное его пристанище на Земле-матушке – с Крузиной помощью отбыла в миры иные, а точнее, в самую преисподнюю, больше ее нигде и не примут. В Гугову банду податься? В Европе, небось, уже шмон навели, второй раз Гугу не повезет, нечего и надеяться. Так и плутать по жизни неприкаянным одиночкой?! Так и мытариться?!

Хук тяжело и горестно вздохнул. Ладно, жизнь сама покажет – куда и как.

– Хорош дрыхнуть, – он толкнул Крузю в плечо.

Тот проснулся. В короткой и смутной дреме ему привиделся зеленый садик и розовый домик в садике – это еще с детства осталось, это все грезы. Крузя знал, что в природе не существует никаких домиков с садиками, в природе есть войны, боль, унижение, драки, похмелье и тягомотина в промежутках, больше ничего! И потому он покорно встал. Надо было выползть на крышу.

Оба знали, что крыши Форума предназначены для прогулок, обзоров – не всех пускали, конечно, но те, кому повезло, могли насладиться прекрасным зрелищем с заоблачной высоты. Был еще центральный шпиль. Он торчал метров на пятьдесят вверх, и в нем располагались какие-то особые службы. Но туда лезть не было никакого резона. Шесть огромных крыш-площадок шести крыльев – они на одной из них – что еще надо, чтобы увидеть во всей нынешней красоте подлый и проклятый Богом Нью-Вашингтон, а заодно и половину света?!

От неожиданно яркого и синего неба, от проглянувшего сквозь мразь солнца заломило глаза. Фильтры замутили забрала шлемов. Первым выполз из большой и широкой двери Крузя. За ним Хук. Они ползли, чтобы не привлечь к себе

внимания случайных свидетелей их высотной прогулки, они знали, тут можно ожидать всякого...

Но такого они не ожидали.

Теперь становилось ясным, что это вовсе не ветра гремели и лязгали наверху. Совсем не ветра!

Хук привалился спиной к двери. Поднял руку, чтобы вытереть внезапно выступившую испарину. Ударился о броню шлема. Вздохнул тяжело.

Поначалу они увидели лишь пятнистые спины карателей, множество спин. Потом до ушей донесся дикий, нечеловеческий визг, стенания, вопли, ругательства, хрип, плач – такие страшные звуки могли извергать лишь обреченные существа, потерявшие от смертного ужаса человеческий образ, обезумевшие.

Хук приподнялся.

Теперь он видел лучше. Площадка была велика – целая площадь, на которой можно запросто разместить на стоянку тысячу бронеходов. За спиной, чуть поодаль торчал вверх огромный и толстый шпиль с узорчато-круглыми, непроницаемыми окнами. А впереди... каратели гнали к самому краю крыши большую толпу, тысячи три-четыре перепуганных, избитых, растрепанных и орущих людей.

– Ну-у, гады! – просипел Хук. И приподнял ствол лучемета.

– Спокойно, – остудил его Крузя.

Карателей было больше сотни. Они работали сноровисто и умело – шли реденькой шеренгой во всю ширину площадки и время от времени то один из них, то другой давал самым малым под ноги – металл раскалялся, стоять на нем становилось невозможно, и толпа отступала, пятилась, давя задних, тех, что должны были первыми полететь вниз с полуторамильной высоты. Эти задние не хотели умирать, они рвались по головам вперед, били, пинали передних, рвали их за волосы, раздирали ногтями лица, пытались ужами проползти под ногами, но получали удары и пинки от таких же обреченных, орали и рыдали.

Каратели шли молча.

Какая-то женщина, голая, тощая, избитая в кровь, вся сплошной синяк, выбилась вдруг из толпы, завизжала перекошенным рваным ртом, завизжала животным визгом, упала плашмя на покрытие, обожглась, заорала еще громче и рванулась влево, пытаясь обежать цепь, вырваться – но тут же подброшенная выстрелом, изломанно вскинулась, замерла на миг и полетела с крыши. Стенания и крики в толпе стали громче,

надрывнее. Каждый из обреченных уже видел, ощущал, как он сам падает, падает, падает.

На это огромное стадо, приговоренное к закланию, было невозможно смотреть.

– Пусти! – Хук вырвал ствол. – Поступай как хочешь, а я пойду!

– Ты просто спятил! Их больше сотни!

– Плевать! Они нас принимают за своих! Надо подойти ближе! – Хук кричал в открытое забрало.

И Крузя слышал его.

Но в шлемофонах вдруг проскрипело:

– Кто такие? Личные номера? Быстро!

Хук не отвечал. Но шел вперед. Он знал, сразу эти гады в них, одетых в форменные скафы, стрелять не будут. Надо выиграть время.

Еще четверо из толпы попытались избежать страшной участи, рванули вперед, прямо на шеренгу, отчаянно крича и ругаясь. И все четверо головешками повалились к ногам наступающих.

У кого-то не выдержали нервы и с душераздирающим ором он сам прыгнул вниз. Хук даже не понял – мужчина, женщина, юноша... нет, это было просто животное, без пола, без возраста, обезумевшее от страха животное. Толпа шаркнула вправо, раздались вопли задавленных, струйкой вытекла из-под ног кровь – теперь Хук видел и это. Две женщины с переломанными ребрами упали на колени, потом плашмя, вытягивая руки ладонями вперед, с мольбами о прощении и пощаде поползли к ногам карателей – вспыхнули свечками, замерли, обугленные, страшные, скрюченные.

– Отвечать немедленно! Ваши номера?!

Хук закивал, приветственно помахал рукой. Не помогло. Отделившаяся фигурка в сером шла ему навстречу с поднятым лучеметом. Сержант. А может, и лейтенант. Это он командует тут. Ничего, все будет нормально. Хук сделал еще три шага вперед, потом резко отскочил левее, вскинул лучемет и срезал фигурку. Упал, замер, давая возможность Крузе издали врезать по шеренге.

Теперь в толпе заревели все, это был дикий, звериный хор, поющий последнюю и страшную песню смерти.

Хук успел увернуться от четырех выстрелов. Перекатился, затаился за черной будочкой. Лишь через миг высунулся. Прямо к нему бежали шестеро. Человек двенадцать из шеренги валялись в разных позах на крыше. Но остальные неумолимо надвигались на беснующуюся толпу. И уже летели вниз,

истошно голося, первые несчастные, сброшенные самой толпой, се отступлением, давкой.

Крузя отчаянно матерился и бил из лучемета.

Упали еще четверо в скафах, потом еще трое, двое... И только тогда шеренга остановилась. Каратели бросились врассыпную – кто влево, кто вправо. Они не видели укрывшегося за дверями Крузю, они не понимали, что происходит, но они не хотели умирать.

На мгновение толпа замерла. Потом взорвалась ревом восторга. Тут же смолкла. И начала медленно отступать от края крыши.

– Ну слава Богу, – прошептал Хук Образина. Он был насквозь мокрый – весь в ледяном поту. Он скорее согласился бы сам сдохнуть здесь, чем далее наблюдать страшную картину.

И тут сзади диким треском затрещал пулемет, счетверенный, Хук сразу распознал, крупнокалиберный. Очереди ударили в передних, отбросили их назад, к краю крыши, снова погнали на смерть, теперь уже вместе с некоторыми растерявшимися карателями. Стрельба была дикой, беспощадной. Все решилось в две минуты. Лишь три десятка распластанных тел остались на краю крыши. Еще какое-то время не смолкал угасающий истерический визг сорвавшихся. Потом наступила тишина.

Хук повернулся.

И снова ударил пулемет. Теперь он бил прямо по нему. Это был конец. Хук обогнул будку и спрятался с другой стороны, подставляя спину растерявшимся карателям.

Он не заметил подлетевшей из кровавых небес тени. Он не услышал свиста снаряда.

Он лишь увидел, как медленно, будто в старинном кино, вылетают из основания шпиля огромные блоки, камни, кирпичи... как рушится сам пятидесятиметровый колоссальный шпиль, грозя всех погresti под своими обломками.

Только после этого стало тихо. И Хук обернулся.

Прямо на крышу, на распластанные мертвые тела, на обломки шпиля, в крошево, пепел, гарь и дым стальной крутобокой птицей, выдвинувшей из острых плеч шарообразную голову, спускался ошестинившийся десятками боевых ракет и снарядов, излучателями и дельта-шинами, могучий и огромный армейский бронеход с золотисто-черно-белым российским флагом на сверкающем боку.

– Ваш муж переведен в тюрьму для особо опасных преступников, мадам, – вежливо улыбнулся Таёке служащий де-

партаментов наказаний и казней Сообщества, – не беспокойтесь, через полтора часа его казнят на электрическом стуле. В таких делах длительного судопроизводства не требуется, всё и так ясно.

– Ясно? – Таёка тоже улыбнулась вихлявому, усатому пурториканцу, улыбнулась еще вежливее. – Мне ничего не ясно! Вы знаете, что творится сейчас в Штатах и во всем Сообществе? Возможно ли в такое время, когда льется кровь миллионов людей, без суда казнить еще одного?

– Вы правы, – глуповато ответил служащий, – сейчас всякое возможно. Решение принято. Обжалованию не подлежит.

– Где эта тюрьма?

– Разглашению не подлежит.

– Где эта тюрьма?! – зашипела Таёка. И стальными своими пальчиками ухватила усатого за нос.

Тот в мгновение стал багровым, застонал от боли, умоляюще завращал глазами. Боль была непереносимой.

– Я не буду больше повторять вопроса!

Усатый движением умирающего подтолкнул к ней пластиковую карточку. И вдруг обвис, потерял сознание.

– Ну и ладно!

Таёка быстро выбежала из бункера. Это был единственный в Штатах отдел госдепа, который еще работал, ей просто повезло, и сюда успела поступить информация. Это тоже везение. Значит, он проходит просто по уголовной статье, за бандитский налет... нет, всех бандюг без разбору амнистировали, и за прежние преступления, и за будущие, всех – они сейчас по обе стороны: и грабят, насилуют, жгут, и убивают, истребляют насильников – кого куда судьба забросила. Но почему же тогда ее Дила Бронкса хотят казнить?! Значит, есть за что! Таёка была мудра и спокойна.

У самого люка бота ее чуть не сцапали, сработала сигнализация или усатый очухался – теперь неважно, плевать!

Она втиснулась в мембрану. И сразу дала ход. Боевой десантный бот взмыл под облака. Ей снова повезло. Еще неделю назад на таком боте ее просто-напросто сбили бы при подлете к старушке Земле. А сейчас кавардак, беспредел, творится чего-то несусветное!

– Ну, поехали!

Она сунула карточку в приемник бортового «мозга».

Через двенадцать минут они зависли над огромной, бескрайней льдиной. Таёка включила прозрачность, огляделась и ей стало холодно – льды, заснеженные вершины айсбергов, метет метель – это видно и отсюда, холод, бр-р-р! Она поежилась. Неужто Дил где-то здесь?

– Казематы прямо под нами. Глубина – минус сто сорок, третий блок, – доложил «мозг».

– Он там?

– Там.

– Бортовые щупы работали отменно. Но Таёка все же дала сигнал на капсулу. Полчаса дела не решают. А береженого Бог бережет.

– Крайне мало времени для выполнения задачи! – забеспокоился «мозг».

– Не возникай! – поставила его на свое место Таёка. Задача у нее была одна – выволить муженька из заточения, устроить ему нахлобучку хорошую и быстро на Дубль-Биг-4. Там еще две капсулы охраны – это стопроцентная надежность, они запросто переживут любой Апокалипсис. Только бы его не казнили досрочно.

– У нас крайне мало времени! – стоял на своем «мозг».

– Капсула на подлете. Чего ты мне нервы портишь?! Откуда исходит угроза, снизу?!

«Мозг» ответил прямо:

– Угроза исходит сверху.

– Бред какой-то! – Таёка рассмеялась. Это был нервный смех.

Внизу работают все системы. Кроме системы противоздушной защиты, радары ничего не показывают. Но нет сомнений, что система выведена из режима готовности преднамеренно. Это очень странно. Это недопустимо для подобных систем и возможно только при переходе на новые типы защиты.

– Тогда надо идти вниз, не терять ни минуты! Капсула нас прикроет, она рядом. Даю команду! – Таёка села в кресло мыслеуправления.

– Угроза исходит сверху! – стоял на своем «мозг». – Оставаясь здесь, мы рискуем целостностью бота и вашей жизнью. Это запрещено!

– Что непосредственно угрожает нам? – Таёка спросила в лоб. Она не верила, что кто-то осмелится напасть на них сверху, с этого чистого и серого неба, тем более, из Космоса.

– Данные обрабатываются, анализируются. Ответ будет готов через полторы минуты.

– Тогда вниз!

Приказы обсуждению не подлежат.

Прямо на глазах льды под ботом потемнели, вспучились, стены пара взвились вверх. Машина стала медленно опускаться. Сто сорок метров – пустяки! Таёка была абсолютно уверена в победе. Долго выжидать нельзя, а капсула как раз

подойдет и зависнет над ними, вот без нее было бы опасно, очень опасно!

Они пробурили тридцать метров льда, вошли в скальную породу. Нет, на это смотреть было невозможно. Таёка отключила прозрачность.

– Только не перепутай! – напомнила она «мозгу».

– Саркофаг номер двести восемнадцать дробь икс, – подтвердил тот. – Казнь через тридцать восемь минут.

Так повелось уже давно – осужденных пихали в саркофаги, перемещали с места на место. А уж перед казнями и тем более их вытаскивали лишь за секунды до приведения приговора в действие: прямо из гроба на электрический стул, потом обратно в тот же гроб – и на хранение, авось, пригодятся для исследователей природы криминогенности хомо сапиенса.

Бот пробил толщу базальта. И с шипом опустился в центровом зале.

– Андроидов за борт! – приказала Таёка нервно.

– Уже давно за бортом, – доложил «мозг». – Ведут поиск. Сопrotивления не оказывается. Это очень странно. – Он вдруг умолк, щелкнул противно. И заговорил быстрее, суше: – Угроза сверху. Данные обработаны. Прямо над нами на высоте семисот миль находится российский космолрейсер глyбинного подавления. Удар может быть нанесен в любую секунду. Предупреждаю, надо немедленно выходить. Чрезвычайно опасно! Чрезвычайно опасно!!!

– Заткнись, подлец! – простонала Таёка, мертвой хваткой сжимая подлокотники. – Без Дила мы отсюда не уйдем!

– У нас нет защиты от крейсерской атаки! Чрезвычайно опасно!

– Где андроиды?!

Таёка была готова сама бежать в эти проклятые лабиринты, отыскивать своего ненаглядного, пропащего мужа. Она не верила, что русским зачем-то понадобится бомбить льдины, эту тюрьму, спрятанную под антарктическим покровом. Зачем?! Но «мозг» не мог врать! Крейсер – это не капсула. Их зря не подгоняют так близко. Что-то готовится, а она влезла. Она сама виновата.

Таёка стрелой вылетела из кресла. Пробила три мембраны. Выскочила наружу. Эти тупые андроиды! Разве они способны что-то найти?!

На бегу она вскинула бронебой, вышибла округлую дверь с буквой «лямбда» посредине. Ворвалась внутрь. Два малайца в синей форменке шарахнулись по сторонам. Это не то! Дальше! Она прожгла стену, сунулась в дыру. И наотмашь,

без приветствий и предупреждений, ударила по голове какого-то типа в белом. Тот отлетел к стене, упал.

– Где двести восемнадцатый?! – заорала она во все горло.

И долбанула прикладом сверху.

Человек в белом подполз к экранам, защелкал пальцами по клавиатуре. И Таёка своими глазами увидела раскрывающийся саркофаг... и черное, измученное, искривленное лицо своего мужа – это был Дил Бронкс. Его подвозили к «электрическому стулу», который лишь по привычке называли «стулом». На самом деле это был такой же саркофаг, только побольше, совсем прозрачный – там и творилась лютая и медленная казнь.

– Остановить! – закричала она еще громче. Но человек только руками развел.

– Автоматический, неподконтрольный и неуправляемый процесс, – прохрипел он.

И получил еще один удар – последний в своей гнусной жизни.

Таёка не знала, куда бежать, что делать. Она готова была в щепки разнести эту тюрьму, поубивать тут всех – от простых надзирателей до палачей. Дил! Ее любимый, единственный Дил! Через минуту от него останется лишь мумия. Нет! Это невозможно! Она убьет себя тут же, на месте!

Прозрачный саркофаг приближался. Сейчас должен был произойти переход тела. И тогда... И тогда в камеру смерти ворвались один за другим оба андроида. В последний миг один из них успел втиснуться между двумя саркофагами, развести их. Другой обрушил на что-то невидимое броней. И сразу стало темно.

Назад! Немедленно назад!

Когда Таёка влетела в бот, Дил Бронкс и оба андроида уже лежали в приемном отсеке. Она согнулась над ним, прошептала в лицо:

– Любимый!

– Таёка? – недоуменно прохрипел Дил. И открыл один глаз. Он был налит кровью. Второй оказался не лучше.

– Они тебя били?!

– Били! – сознался Бронкс.

– Ничего, плохо били, – сквозь рыдания прошептала Таёка, – я еще добавлю!

Она неожиданно сильным рывком взвалила мужа на себя, перенесла в рубку. Опустила.

– Наверх!

– Мы уже давно идем наверх, – ответил «мозг». И мрачно добавил: – Глубинная атака.

– Врешь!

«Мозг» промолчал. Он готовился исчезнуть навсегда в небытии.

– Ничего, пронесет, – успела шепнуть Таёка, прижимая к себе Дила Бронкса.

Не пронесло. Стена багрового огня поглотила бот, завертела его словно щепку в волнах водопада, швырнула в ад. Но еще прежде умирающий бортовой «мозг», последним, предсмертным усилием успел выбросить на недостижимую высоту, выбросить аварийной катапульты черный шар, в котором прижавшись друг к другу, сидели полуживые люди – Таёка и Дил Бронксы.

Шар поднялся выше облаков, когда его стал нагонять вторичный кроваво-черный смерч, всесжигающий язык глубинного удара. Шар уже прекратил движение, готовый рухнуть в ад преисподней. Но вынырнувшая из-за туч капсула мягко, будто ребенка, вобрала его в свое чрево и взмыла вверх.

Светлана смотрела на себя в зеркало. Нет, ничего не изменилось, точно такая же как и была, ну прическу сменила, ну форму бровей, а все остальное прежнее. Она дотронулась пальцами до щеки, провела вниз, потом ущипнула себя за подбородок. Все без обмана.

Прошло столько времени, а она никак не могла поверить, что вновь обрела плоть. Там она была бесплотной, там она была тенью. В Осевом. Или все только примерещилось, пригрезилось? Нет! Она все помнила... но вспоминать не хотела, боялась – призраки, белый туман, страшные и тягостные мысли, вечная разлука и короткие, почти сказочные явления Ивана – то ли было, то ли нет. Тогда ей казалось – только бы вернуться, каждый день станет праздником, раем на земле, только бы увидеть настоящее солнце, зеленую траву, деревья, живых людей, Ивана... больше ничего и не надо, ходить ежеутренне в Храм, свечи ставить да молиться под образами. Но вот она здесь, и все по-прежнему, будто и не уходила в мир теней, и праздник что-то уж слишком быстро пролетел, и снова все буднично, серо. И тревожно.

Да, именно тревожно. Самые счастливые деньки ушли. А были они в подземной психушке, рядом с Иваном. Сколько их было – пять, шесть? Она точно не помнила. Она жила им. И собою. Она ловила каждое ощущение, самое малое и слабое, она любила и упивалась любовью. Он принадлежал только ей. А она – ему.

А сейчас он принадлежит всем – России, Земле, человечеству. Он далеко, очень далеко. И не докричаться... хотя вон

он, сидит напротив, в кожаном темно-коричневом кресле на гнутых и массивных резных лапах. Сидит и смотрит – в пустоту, ни во что!

– Иван! – тихо позвала она.

Он не откликнулся.

– Иван?!

– Ты что-то сказала? – Он встрепенулся, словно разбуженный.

– Я видела вчера, как смыло Австралию. Ее просто смыло гигантской волной...

– Я тоже видел это, – сказал Иван сурово, будто давая понять, что разговор закончен.

– Но там были миллионы людей, – возразила Светлана.

– Они пережидали в убежищах. Многие поднялись в воздух, так что не переживай, мы предупредили за два часа, и они успели!

– Но все дома, вещи, даже собак, кошек... я все видела, их унесло в огромном водовороте! – Голос у Светланы дрожал. – Огромными льдинами разбивало вздыг здания, подвесные дороги, машины летели как осенняя листва. Там все смыло!

Иван поморщился, отвернулся. Светлана преувеличивает – цунами прокатило только по побережью, на двести миль вглубь материка, не больше. Они сделали, что смогли. Он пошел против самого себя, он умерил заряд, и теперь в гигантской воронке сгинул антарктический подземный дворец, но инкубаторы с проклятой нечистью остались целы. Он пожалел людей и он сыграл на руку выродам, теперь концы в воду – тайная ложа Синклита ушла, дворца как не бывало. Ну и что дальше?! Надо быть безжалостным, надо было бить в полную мощь! Да, погибли бы миллионы невинных. Но так их погибнет в сотни, в тысячи раз больше. Смыло Австралию! Бабий вздор. Вот когда начнется, тогда все вспомнят, все скажут спасибо, еще и упрекнут, мол, слишком жалостливый был. А ежели ничего не начнется? Ну, вдруг?!

Иван уставился на Светлану.

– Ты просто устала. Тебе надо отдохнуть.

– Нам обоим надо отдохнуть!

Иван улыбнулся.

– Мне это удастся сделать только на том свете, – мрачно пошутил он.

– Не каркай!

– Каркай, не каркай, а все уже закручено. Один гадюшник мы раздавили, как не было! – Иван с силой ударил кулаком по столу. – В Европе чисто. Сигурд, да и Семибратов тоже рвутся на Запад. А там бои, понимаешь, бои за каждый город, за

каждое вшивое поселение. Командование умотало, даже наша разведка не знает, где оно, а части бросило в огонь! Они же тупые, они думают, что демократию спасают – это перебив-то половину своего народа! Мы бы их накрыли за четыре часа, да там перемешались все, там сумасшедший дом, Света. Мы уже пятьдесят семь ракетных атак отбили. Тринадцать спутниковых баз уничтожено! Половина Пскова разрушена! Кельн в руинах, Мадрид снова горит, и Константинополь, ты представляешь, термоядерную сбили над самым городом, в вакуумный мешок, с выбросом, радиация не прошла, но волной полсотни небоскребов повалило, слава Богу Святой София устояла, молитвами нашими! Мы их бережем, щадим, сукиных детей, а они лупят и лупят! А нам беречь силы и запасы надо, понимаешь?! Для гостей из Системы, с ними похлеще придется, попомни мои слова!

– Там одни андрюиды, – Светлана сама осерчала, – нечего их жалеть, мы людей губим своих, а за них машины и нелюди воюют!

– Но в городах-то и люди еще живут, не всех поубивали. И возле каждого крупного, почитай, база! – Иван говорил медленно, будто разъясняя урок бестолковому ученику. – И базы эти нужны нам. Проще простого их уничтожить, в воронки километровые обратить. А с чем сами останемся? Ты помни, что не ради войны воюем, не ради славы и гонора идем на смерть, а чтоб Земля единой стала. Нам бы только успеть! И у выродков Системы и у наших выродков расчет простой, чтоб мы себя в усобице перебили, чтоб нас голыми руками взять да еще и потешаться над нами, мол, олухи, простофили, сами себя перебили, на распыл пустили! Нет! Не перебьем! Не ослабим силы Земли, а умножим! Вот так!

Иван говорил все верно. Но страх и тревога не проходили.

– Япония выжидала. Но ведь могла ударить в спину? Могла! Раздавить ее вооруженные силы, дело трех часов. Но так с каждым. А если подойдет Седьмая Межзвездная эскадра? А она может подойти. А если ударят разом три мобильные космические, околосистемные группировки, пока затаившиеся, выжидающие, но не принявшие ультиматума?! Эта непрекращающаяся бойня может стать затяжной, может обернуться кое-чем похуже любого разоружения или «переворужения». Нет, прочь сомнения!

Вчера к Ивану в кабинет привели бывшего президента Всеамериканских Штатов. В наручниках. Вид у него был помятый и жалкий.

– Почему не выполнили условия ультиматума? – поинтересовался Иван, заранее зная ответ.

Ну что, собственно говоря, мог сделать этот растрепанный, виновато улыбающийся человек в ярком галстуке и белых дурацких шортах?! Ни хрена он не мог. Миром, точнее, Западом, частью Федерации, и всем Мировым Сообществом правят несколько богатейших кланов, сказочно состоятельных семейств, да плюс еще «крестные отцы» ведущих мафий, что одно и то же с первыми, это и есть «тайное мировое правительство», это и есть заправилы, они везде – в синклитах, в синдикатах, в конгрессах, сенатах... везде, если и не они сами, то их денежки! А тот милый парень в галстуке и клоунских шортах просто пресловутая «баба на чайнике», и не больше. Ну чего с него спрашивать, и так вон стоит – дурень дурнем, рот белозубый раззявил. Ну чего он скажет!

– Не уполномочен народом, – ответил бывший президент.

Народом! Иван показал на экранах, чего там сейчас вытворяют каратели с народом. Парень в шортах сначала покраснел, потом побелел, потом отвернулся. Нет, он не причем. А причем Синклит. Только его главарей не достать! Причем Исполнительная Комиссия. Но это название, это форма организации. А кто конкретно, где фамилии, где имена, должности?! Перед внутренним взором Ивана встали холеные и нагловатые рожи «серьезных». Это они! Им принадлежал мир. И они ушли. А он глубинным зарядом, мощнейшим ударом с космокрейсера покрыл их делишки. Эх, тяжела ты, шапка мономаха!

– Ладно, ступай на все четыре стороны, – сказал Иван президенту. – И не показывайся больше на глаза мои! Выдать ему пособие на месяц... и штаны нормальные. Все!

Наручники сняли. Отпустили. На том и кончилось.

А бои все идут. Беспорядочные бои, бестолковые. Нет, так больше нельзя!

Иван встал, подошел к шторам, отдернул их. Величавые башни стояли молчаливыми стражами земли Русской. Стояли как и тысячу лет назад. С колокольни Ивана Великого звонили к обедне – золотой звон, чудный, проникающий в самую душу, бередящий, заставляющий плакать... плакать? Нет, не время плакать.

– Министра обороны и начальника штабов ко мне! – приказал Иван, не оборачиваясь.

Когда приглашенные вошли, он не предложил им сесть. Как стоял, от окна, бросил резко, в полуобороте:

– Мобильные группировки уничтожить! Упреждающим ударом! Не медля!

Вечно сомневающийся Сергей Голодов открыл было рот.

Но Иван прожег министра таким взглядом, что рот сам собою закрылся.

– Исполнять!

Уже в спины он выкрикнул:

– Стойте, это не все! Ровно в восемнадцать ноль-ноль всем силам, продолжающим сопротивление на Земле и планетах Федерации, передать коротко и один лишь раз следующее – передать дословно: час – свобода! два часа – каторга! три часа – смерть! Они поймут. Только так – решительно, жестко, бесповоротно. По-суворовски! Действуйте.

Иван повернулся к Светлане. Впервые она видела его таким. На окаменевшем и каком-то просветленном, одухотворенном небесными силами лице сияли два чистых, ясных серых глаза, и отражалось в них что-то нездешнее, неземное, могучее и праведное. Это было лицо пророка, подвижника, взвалившего на плечи тяжкий крестный груз и ступившего на свой путь, последний путь, осиянный Светом Свыше и усеянный терниями. Не лицо подвижника-мученика, готового покорно принять все истязания и оскорбления. Но лицо подвижника-воина, обнажившего меч и не ждущего пощады.

Да это был Воин!

Светлана не могла вымолвить ни слова. Она знала Ивана давным-давно, они прожили не один год, прежде чем она сгинула в Осевом, а потом будто заново народилась на свет. И всегда он был сильным, волевым, но вместе с тем добрым, даже слишком добрым, сомневающимся, уступающим всем и во всем, стесняющимся своей невероятной силы, ловкости, умения выживать везде и всюду... Да, он был другим, совсем другим. Он был просто человеком, землянином. Он входил в десятку лучших десантников-смертников, он в одиночку покорял планеты, миры, которые были не под силу звездным армиям и флотилиям, но он никогда не кичился этим, он всегда оставался в тени, полковник без полка, гроссмейстер «черного шлема», сверхчеловек... тихий, милый, любимый, скромный, молчаливый, понимающий.

Нет, это не он. Это другой! Светлана закрыла глаза, будто сиюсь вызвать из глубин памяти прежний, знакомый образ. Нет, не получалось.

Надо остановить его. Прекратить бойню... зачем эта жестокость? зачем лишняя кровь? Все само собою образуется, надо только переждать. Слова чуть не сорвались с ее губ.

Нет! Она не имеет права упрекать его. Не имеет! Она должна помогать ему, быть опорой, поддержкой. Или уйти прочь, не мешать. Все остальное – это палки в колеса несущейся кареты.

щейся колеснице. Тяжко тянуть одному, да еще в гору. А он тянет. Превозмогая все, тянет!

Она приоткрыла глаза.

Иван стоял у окна и смотрел в небо, смотрел так, будто видел там того, кого не видят иные.

Дил Бронкс, опомнившись и более или менее придя в себя, первым делом спросил у Таёки:

– Где мои парни?

– На том свете! – ответила Таёка и со всей силы врезала своей крохотной ладошкой по черной и припухшей правой щеке. – Копы их всех положили на месте, ясно?! – Она ударила другой рукой по левой щеке. – Твои авантюры дорого обходятся, понял?!

– Понял, – Дил Бронкс жалко улыбнулся.

Таёка успела сосчитать – трех зубов не хватает, и бриллианта тоже. Она в сердцах стукнула муженька кулачком в лоб. Заплакала.

– Ну хватит меня уже бить! – не выдержал Дил и тоже зарыдал. – Все бьют, понимаешь! Только очухаешься – сразу, хлобысь по морде!

– Заслужил – получай! – деловито ответила Таёка, и наотмашь хлестанула справа налево, потом слева направо – по щекам! по щекам!

Дил приподнял огромные черные ручищи, прикрылся. Еще не хватало, чтоб его прибила собственная женушка. Дил хорошо помнил, как она мутузила их с Гугом Хлодриком на Дубль-Бнге, как подвешивала их словно груши и колотила, хмель вышибала. Но там было за дело. Там можно было понять ее и принять побои, согласиться – по-справедливости. А сейчас-то за что?!

– Где Цай?! – спросил он, облизывая разбитые и опухшие губы.

– Откуда мне знать!

Дил Бронкс лежал прямо на черном пружинящем полу рубки, в своей десантной капсуле, той, что спасла их с Таёкой в последний миг, вынесла лихим конем из огня да полымя жестокой крейсерской атаки.

Жена стояла над ним и укоризненно покачивала головой. Теперь, когда жизнь мужа была в безопасности, маленькая и строгая японка могла отвести душу в назидательно-воспитательной работе. К ней-то она и изготовилась, предвкушая долгие часы вразумления и наставления на путь истинный.

Но получилось иначе.

– Он остался там! – Дил вскочил на ноги, будто не было бесконечных трех дней пыток, истязаний, битья, издевательств, трех суток без воды и хлеба, трех проклятых суток, тянувшихся век.

– Стой-ой! – закричала Таёка.

Но он нежно и ласково приподнял ее и посадил на кольцевой карниз, опоясывающий внутренность рубки на двухметровой высоте. Пускай посидит. А сам влетел в регенерационный отсек, выкрикнув «большому мозгу» капсулы:

– Курс обратный, на Землю!

– Ты с ума соше-е-ел!!! – завизжала сверху Таёка.

Но Дил ее почти не слышал. Его огромное черное тело, будто свитое из бугристых мышц-жгутов, омывали горячие и ледяные струи живительных растворов. Микроскопические иглы вонзались в вены – и уже текла в них новая, горячая и здоровая кровь, насыщенная черт-те чем, дающим мощь буйвола и ярь голодного рыщущего по лесам волка. Отсек делал свое дело. Содержимое внутренностей ослабевшего в заключении негра вымывалось, вытравливалось – и закачивалось тело новым, свежим, жгущим. Дил Бронкс оживал. Он превращался из выжатой мочалки в человека. И он был готов к драке, к бою, к чему угодно... только выбитые зубы не могли вырасти столь быстро, но это потом. А сейчас?

Дил выскочил из отсека черной сверкающей пантерой.

Подбежал к жене. Обнял ее, усмиряя град обрушившихся на голову кулачков, поцеловал, потом еще и еще... она размякла, затихла в его могучих объятиях.

– Любимая, – прошептал он почти беззвучно, – ты спасла меня! Спасибо.

– Да ладно уж, – отозвалась растаявшая в неге, растворившаяся в его объятиях Таёка, – чай, не чужой, свой, родимый.

– Но мы должны вытянуть и его!

– Кого еще?

– Коротышку.

– Этого страшного карлика Цая ван Дау?! – Таёка отстранилась, округлила свои узкие раскосые глаза.

– Да! – Бронкс закивал головой будто нервнобольной. – Понимаешь, мы вдрызг разругались перед делом, все видели! И все подумают, что я его нарочно подставил, понимаешь?!

Таёка все понимала. Особенно хорошо она понимала, что три раза подряд никогда не везет, и если они влипнут сейчас, вернувшись на Землю, то влипнут окончательно. И вообще, возвращаться плохая примета.

– Тебе непременно нужно притащить сюда труп этого карлика?! – спросила она с просыпающейся злостью.

– Он жив! – заверил Бронкс. – Нутром чую! Если ты боишься, я высажу тебя... да, на Луну или орбитальный спутник, переждешь, потом я заберу тебя!

– Нетушки! – отрезала Таёка. – Одну капсулу угробил, десятых парией на тот свет спровадил... Я пойду с тобой!

Черный пружинящий пол ушел из-под ног. Но они не упали, защитные поля успели поймать их в свои гамаки, уберечь – оба так и зависли в воздухе, посреди рубки.

– Чего там еще?! – заорал раздраженно Дил.

– Капсула остановлена, – доложил «большой мозг».

– Ты спятил?!

Дил ничего не понимал – кто мог остановить боевую десантную капсулу, эту черную и не знающую преград акулу Космоса?! Что еще за бред?!

– В данное время капсула вовлекается в приемный шлюз боевого всепространственного звездолета «Ратник», тип «черное пламя», масса – одиннадцать мегатонн, эквивалент суммарного боезаряда – полторы галактики типа Млечный Путь, базовый флагман Второго Межзвездного...

– Да заткнись ты! – в бешенстве заорал Дил. – На хрена мне все это знать! Откуда он взялся?! Почему радары молчали?! Почему ты, бездельник чертов, молчал?!

«Ратник» вышел в пространство пятьдесят восемь секунд назад. Поглощение капсулы произошло одновременно. По боевому уставу капсула не имеет права оказывать сопротивление флагманской матке.

– Чертовщина! Бред! – прошипел Дил Бронкс.

Матка! Флагман! Звездолет! Они все охренели! Да боевой звездолет типа «черное пламя» не имеет права здесь быть! Он не может вообще всплывать в Солнечной Системе! Его место у черта на рогах, за десятки и сотни световых лет отсюда. Скорее всего, «мозг» перегрелся после глубинного удара, после всей этой кутерьмы... и вообще, разве можно доверять боевую десантную машину женщинам. Дил с явным недоверием и настороженностью поглядел на Таёку.

Та уже хотела разразиться бранью.

Но в это время в рубке прозвучало бесстрастно:

– Полковник Дил-Алфред Бронкс-младший?!

– Полковник в запасе, – машинально поправил Дил, – он самый.

– Вы приглашаетесь для представления в адмиральскую каюту флагмана. Явка через две минуты. Вы готовы?

Таска вцепилась в рукав мужа.

– Не пущу!

– Готов, – понуро ответил Дил.

Он погладил шершавой ладонью черные блестящие волосы, согнулся в три погибели, чмокнул в щеку возле самого ушка. Шепнул:

– Ничего не поделаешь, надо идти.

Иннокентий Булыгин поправил ремень, приосанился, выпрямился и даже, вроде, ростом повыше стал. Потом поглядел свысока на Хара.

– Может, в дверях обождешь, неудобно с собакой-то к самому адмиралу?!

Оборотень жалобно заскулил и приподнялся, встал на задние лапы.

– Не-е! – Кеша испуганно замахал руками. – Так еще хуже, ты уж, корешок, лучше на четвереньках оставайся.

Белоснежная с золотыми завитками дверь распахнулась. И перед Кешиным взором открылся прекрасный, просто дворцовый зал – такой же белоснежный и золотой, с расписным потолком и хрустальными свисающими нитями бесчисленных светильников. Стены были увешаны огромными картинами в золоченых рамках. На картинах изображались морские и океанские баталии. Лишь на трех самых маленьких – метров по шесть длиной и высотой, горели какие-то звездные крейсера. Паркет был золотистый, светлый. И тянулся по нему узорчатый ковер, тянулся вдоль белого длиннющего стола, который упирался в стол покороче. Вот именно за последним и восседал сам адмирал, Командующий Флотом, седовласый, краснолицый и сердитый. Впрочем сердитым он мог просто казаться, густые и длинные седые усы скрывали рот, губы, переходили в густые бакенбарды, оставляя подбородок голым.

Кеша уже было оробел. Но тут взгляд его уперся в чернокожего детину, сидевшего возле адмирала, по левую руку от него – эдакого детину с другим не спутаешь.

– Дил, черт чумазый?! – еле слышно просипел Кеша вместо заготовленного приветствия.

Адмирал встал и пошел навстречу с протянутой красной рукой.

– Ну вот мне и комиссара прислали! – сказал он добродушно, пожимая Кешин протез.

– Комиссара? – не понял Булыгин.

– Словечко старое, позабытое, – заулыбался адмирал, щетиня усы и поглаживая баки. – Коли не слыхали, и знать вам не к чему, батенька. Будем знакомы!

Кеша представился.

– Прямо от самого?!

– От него.

– А это еще что за чучело?! – адмирал только увидел «зангезейскую борзую».

– Денщик, – пошутил Кеша.

Адмирал рассмеялся в голос и прикрикнул на Хара:

– А ну, денщик, на место!

Оборотень уныло поплелся к ковру, лег и свернулся калачиком.

– Умная, все понимает, – довольно заключил адмирал.

– Угу, – согласился Кеша.

Дело начиналось легко, с шутки. А это хорошая примета. Только бы вот этот Иванов дружок, негр-богатея, не напортил бы!

– А вы знакомы?! – полуутвердительно заметил адмирал.

– Знакомы, – прямо ответил Кеша.

– Полковника Бронкса подобрали вместе с капсулой, прямо здесь, на месте всплытия, – принялся отчитываться перед Кешей адмирал, – ничего бы особенного, но оный утверждает, что так же был лично знаком с Верховным Главнокомандующим, и что, дескать, даже выполнял особое задание, полученное лично от него! – Адмирал ткнул пальцем в расписной потолок.

– Было дело, – подтвердил Кеша.

– Значит, можно при нем?

– Можно, – покладисто прохрипел беглый каторжник-рецидивист. И начал о деле: – Задачу буду ставить поэтапно, как велено.

– Вас понял.

– Тогда слушайте. Первый этап – обеспечить прикрытие операции по уничтожению трех мобильных космических группировок Сообщества. Координаты таковых вам, надеюсь, известны?

Адмирал кивнул – еще бы, ему не держать под прицелом флагмана все боевые соединения в округе, да еще соединения Сообщества, и комиссар-то вроде бы не штатский, тертый малый, а такие вопросы задает, да видно, для разговору, для затравки. Адмирал еще раз кивнул, неспешно, с достоинством.

Но тут не выдержал Бронкс.

– Слушай, Кеша, мне надо на Землю! Позарез надо! – завел он, подымаясь со своего еще и не пригретого места.

Булыгин подошел вплотную, приобнял Бронкса, прижался щекой к щеке, по-братски, по-десантному. Хоть и горяч Дил,

резок на слово, а все ж они не чужие, одно дело делают... откуда он только тут взялся, может, сбежал?!

– Цая надо выручать!

– Да он жив ли? – Кеша занервничал. – Столько дней ни слуху, ни духу.

– Живой! В плену! – уверенно заявил Дил.

– Тогда и впрямь надо выручать, – заключил Кеша. И уставился на адмирала. – Вот только выполним боевую задачу, и сразу бросимся выручать.

Дил Бронкс перекопился, заскрипел остатками зубов.

– Поздно будет, – простонал он.

– Сядь и сиди! – отрезал железным голосом Кеша.

– Я одного в толк не возьму, – продолжал адмирал, будто ни в чем ни бывало, – от кого прикрывать будем?! Кроме этих трех группировок, насчитывающих сто сорок восемь кораблей и прочую мелочь, никого в системе нет.

– Вот в том-то и вся штука заключается, что нету, – ответил Иннокентий Булыгин, – коли б были, можно было бы сразу накрыть! – И повернулся к Дилу, сказал чуть не со слезами в голосе: – Не любит меня Верховный-то, как где можно голову сложить, так туда и шлет сразу, нет, не любит.

Дил жалобы не понял, у него свое болело. Но Булыгину некогда было с ним заниматься. Вторжение могло начаться в любую минуту, и почему бы первый шаг, точнее, бросок не ожидать во время проведения масштабных операций? Нет, у Ивана определенно голова варилась. Кеша все больше уважал Верховного.

– Пройдемте в рубку, – предложил он адмиралу.

– Нет необходимости, – ответил тот.

И почти сразу стена с малыми картинками исчезла, словно ее и не было. И появились на ее месте двенадцать огромных экранов.

– Присаживайтесь, – адмирал указал на шарообразное кресло.

И сам уселся в такое же, пропав в нем из виду.

– Вот отсюда вы и управляете флагманом? – поинтересовался Кеша.

– Мне нет необходимости им управлять. Команда работает, автоматика отслеживает... я вношу только кардинальные изменения в стратегию, даю вводные, и то редко. Я тут самый лишний, доложу вам по секрету, и бесполезный человек!

Кеша представил, как адмирал улыбается в свои густые усы и сам заулыбался. Скоро он перестанет шутить. Скоро будет не до смеха.

– Вот эти три точки и есть группировки?

– Они самые.

Световые точки на экранах приближались, росли, уже виднелись очертания крейсеров, переплетения ударных соединений, напоминающие кружева на черном столе, шаровые станции слежения и охраны.

– Они получили ультиматум? – спросил Кеша.

– Да, общий текст.

– Ну и что? Промолчали?

– Нет. Ответили, что обязуются хранить нейтралитет.

– Это несерьезно.

– Я тоже так думаю.

Кеша вздохнул, поглядел на свой ручной хронометр. В кресле было уютно, хотелось вздремнуть. Да разве тут вздремнешь! И еще этот пропавший Дил выискался, дурдом какой-то. И гнать его неудобно, и отпустить никак нельзя. Пускай посидит!

– Кто будет выполнять приказ, – поинтересовался адмирал, – Семибратов?

– Дался вам всем этот Семибратов, – отозвался Кеша, – ему и на Земле работенка найдется. – Потом спросил сам. – Обзор полный?

– Полный, полнее некуда.

Кеша достал из нагрудного клапана черный кубик.

– Так кто же будет выполнять приказ? – настаивал адмирал.

Кеша промолчал. Он смотрел на экраны. Теперь он представлял картину четко, четче не бывает. Все три группировки висели не в одной области, как показалось поначалу. Они очень хитро разбросаны по отношению к Земле, они держат ее на прицеле – это дураку ясно, смекнул Кеша. Эх, Иван, зятянул! Надо было их с самого начала громить, чтоб и опомниться не сумели, чтоб понять, откуда удар пришел, не смогли. Хорошо, что теперь-то спохватились!

– А это еще что? – спросил он, узрев вдруг серый дисконидный корабль, выплывающий из-за колец Сатурна.

– Эта посудина принадлежит Синдикату, – доложил адмирал, – хотя приписана как австралийский поисковик на Трансплутоне. Ходит далеко... да выныривает близко.

– Мы сможем его подавить?

– Без проблем, как мошку!

– Тогда трогать не надо, – предупредил Кеша. И добавил: – Скоро начнется!

Не успел договорить. Вздрогнул. Одновременно, без малейшего разрыва во времени изо всех трех боевых мобильных

группировок Сообщества вырвались ослепительные, тоненькие, ветвистые молнии. И исчезли.

– Что это?

– Что, что, – пробурчал адмирал, – они дали залп по Земле. Но я думаю, отвлекающий. Они опередили нас. Так кто же все-таки будет выполнять приказ Верховного?!

Кеша побелел. Он понимал, что ежели Земля не сможет защититься, то он будет во всем виноват, тогда крышка! конец! Но Иван четко сказал – не вступать, без вас разберутся! только прикрытие! только обзор... вот если оттуда пойдет, тогда и прикрывать.

– Их будут уничтожать экзотом? – спросил адмирал.

– Нет! – ответил Кеша. И вдруг обрадовался, чуть не выскочил из кресла. – Вот они! Наши!

Прямо из тьмы одновременно в трех местах высветились серебристо-серые тела трех плоских скатообразных кораблей. И пропали. И мгновенно появились в иных местах. Прыгуны. Кеша знал эту систему. Их невозможно взять на прицел. Они появляются и исчезают, тут же материализуясь за сотни тысяч километров от объекта. Но почему они? Это же игра на нервах! Это же разыгрывание спектакля! Кому это все нужно?! Можно было убрать группировки внезапно, сжечь их мощным прицельным ударом, даже опомниться не успели бы! Тут что-то не то, тут... Кеша понял, тут привлекается чье-то внимание. Чье?! Для этого его и послали!

Прыгуны делали свое дело. Эти хвостатые и неуловимые скаты явно не спешили, они выныривали из мрака, каждый возле своей жертвы, своей группировки – и жгли корабли, один за другим. Жгли эффектно, красиво, будто на праздничных маневрах. И даже когда эскадры рассыпались, стремясь уйти от скатов-прыгунов, тщетно пытаясь спастись, эти серебристые бестии успевали настичь каждого, настичь и уничтожить в ослепительно-сиреновой вспышке. Кеша залюбовался. И чуть было не забыл о главном.

– Пора!

Он сдвинул в ладони черный кубик ретранса.

И все сразу изменилось. Расцвели неземными цветами мохнатые, фантастические нити, заиграли в незримых лучах всеми неисчислимыми гранями исполинские, уходящие в нескончаемую бездну кристаллические структуры, зеленовато-желтый мох поплыл перед глазами, которые вдруг обрели способность видеть на миллионы верст. И просвечивали сквозь сказочные ответвления и наросты, сквозь решетки и волокна, нежные и прозрачные, не заслоняющие Мироздание, а напротив, открывающие его, просвечивали звезды – знако-

мые, здешние, свои. И вели бой скаты, но почему-то не серебристые, а ослепительно желтые, и они не проваливались во мрак, а носились туда-сюда молниями, лишь корабли группировок Сообщества висели все такими же светлячками, отстреливались ветвистыми разрядами, ползли, ползли, расплзались, горя, погибая, пропадая во мраке и холоде Вселенной.

– Что это?! – изумился адмирал и даже высунул голову из своего кресла-шара.

– Невидимый спектр, – ответил Кеша.

Дил Бронкс стоял за его спиной, тяжело дышал. Но он ничего не видел. Только черные экраны, только серебристые тела плоских скатов-прыгунов, только горящие штурмовики Сообщества.

– Сволочи! – выдавил он. – Вот гады!

Кеша не сразу понял, о чем там говорит Дил. Только чуть позже увидел раздувшееся вдруг тело ската, тот превратился почти в шар... и лопнул, растекаясь огненным шлейфом, оставляя последний свой след во Вселенной.

– Доигрались! – прохрипел натужно адмирал, – Тридцать шесть парней одним махом!

Кеша промолчал. Противник практически уничтожен. Погибли свои, плохо, горько, страшно... но это война! И он тут не виноват, он туг для другого, совсем другого. Он уже устал вглядываться в диковинные и чарующие, завораживающие переплетения Невидимого спектра, глаза болели, наливались кровью. Только отрываться нельзя. Ни в коем случае нельзя!

– Как там с первым залпом по Земле? – спросил он между делом.

– Погасили, – отозвался адмирал.

Он тоже не отрываясь, смотрел на невиданную картину и не признавал родной, ставшей даже близкой, своей, а теперь вдруг чужой, Вселенной. Ему казалось, что от перенапряжения начались видения, галлюцинации. Но ведь они начались с прибытием этого «комиссара»! Вот в чем штука. Адмирал был человеком серьезным и дотошным, он хотел во всем сам разобраться.

А Дил Бронкс рвал и метал. Там внизу, за миллионы миль отсюда, на Земле, в любую минуту могли прикончить карлика Цая. В любую! Если уже не прикончили. А они тут, понимаешь, сражение наблюдают! Они игрищами кровавыми тешатся! Нет, плохо все это, очень плохо.

Дил уже готов был выбежать самовольно из адмиральской роскошной каюты, как Иннокентий Булыгин, не видимый в своем кресле, заорал вдруг благим матом:

– Вон! Вон они!

– Кто?! – переспросил адмирал.

– Они!

Кеша явственно видел – за дальним сиреневым наростом, левее завершающегося боя градусов на тридцать, в переплетениях желтых и зеленых прозрачных мхов и лиловых волокон притаился уродливо-хищный, черный, ошетиненный тысячами острых и непонятных колючек-шипов корабль, огромный звездолет. Неземной звездолет.

Будто поняв, о чем идет речь и что им всем грозит, тоскливо и предвещая недоброе, на одном гиблом звуке завыл со своего места на ковре оборотень Хар.

– Вы можете определить координаты? – спросил Кеша, успокоившись.

– Все уже сделано. Какие будут команды?

– Его надо выпихнуть из нашей Вселенной!

– Выпихнем, – пообещал адмирал, – для того нам и вмонтировали, э-э... экзот этот. Не люблю, знаете ли, новинок всяких. Вот выпихиваем, а, спрашивается, куда? И откуда потом снова нагрянут?!

В такие премудрости Кеша не вникал, ну их к лешему! Голова человеку одна дадена, и надо се по возможности сберечь, как от внешних врагов, пытающихся ее оторвать или сшибить с плеч долой, так и от внутренних – сомнений да премудрствований, что еще гнуснее – вроде и на плечах остается головенка-то, а уже не та: или пустая, или набитая таким дерьмом, что лучше б вчистую срубили. Кешина забота – устранить чужих, вот и все!

– Но не сразу! – торопливо вставил он. – Нам нужно с них хоть чего-то содрать, хоть клоч, как говорится, с паршивой овцы!

– Для доказательства?

– Да какие еще, к черту, доказательства! – сорвался Кеша. – Вон же они! Щас как шарахнут – вот и будет вам доказательство!

– Не успеют. Смотрите!

Адмирал дал приближение. И Кеша, и впрямь, усмотрел по четыре стороны от незваного гостя четыре светящихся красных шарика. Шарика чуть помигивали, будто далекие звездочки.

– Это и есть, э-э... экзот, – пояснил адмирал, – вот они берут кусок пространства с этим суденышком, вырезают его из нашего мира...

– Погодите! Нашел!

Кеша четко видел на увеличенном, приближенном мощнейшей электронной оптикой боку чужака десятки подвесных

шаров, побольше и поменьше, это наверняка были боты и шлюпы. То, что и нужно!

– Вон! Самый маленький, левее, видите! Адмирал не ответил, а вдруг забурчал в своем кресле-мыслеуправителе, наверное, инструктировал соответствующие службы флагмана. Кеша на миг вырубил ретранс – и все сразу пропало: и невидимые решетки-структуры, и чужак, и четыре красных шарика. Что ж это за дьявольщина такая, Невидимый спектр?! Он снова сдвинул черный кубик – картина восстановилась. Шарики стремительно сходились, пожирая пространство, надувался меж ними тончайший переливающийся пузырь, и был в пузыре этом хищный, страшный звездолет, и уже оторвался от него черный шарик шлюпа, будто бусинка ртути скатилась вниз... Чужак не сопротивлялся, не пытался уничтожить своих красных губителей, даже не испустил ни единого залпа. Он исчез, выброшенный в иные измерения, в недоступные для человека миры. Но вместе с ним пропали и сами красные шарика – пропали, будто их и не было.

– Эт-то еще что такое?! – удивился адмирал. – Сбой?!

– Не-ет, – тоскливо протянул Иннокентий Булыгин, – он их просто утащил за собой. Но и мы кое-что утащили. Где сейчас шлюп?

– Скоро будет в приемнике, терпение, мой друг.

Адмирал отключил экран. Группировки противника уничтожены. Чужак выброшен из Вселенной. Флагман могуч и неприступен. А стало быть, Земля и Россия могут, как водится, спать спокойно. Он разгладил седые усы, встал и пристально посмотрел на чернокожего полковника – и не прогонишь, и не удержишь, куда его девать? Адмирал был стар и мудр, но никогда не думал, что доживет до той поры, когда воевать станут возле самой Земли. Уму непостижимо! Пригнать сюда, в Солнечную, эдакую силищу! И не один флагман. Еще семь боевых звездолетов готовы к всплытию, ждут его сигнала. Зачем?! Вон ведь, эти новенькие вертлявые скакты-прыгуны, как лихо они разгромили флотилии Сообщества – ничего не скажешь, новейшая техника, секретная. А все ж один подорвался, не уберется!

«Ратника» закладывали на стапелях Сигиморы в конце прошлого века. Сейчас таких не делают, разучились, мастера не те, думал адмирал. Дай Бог обоим, кораблю и капитану, дожить до конца века нынешнего. Но ведь не дадут, вон что творится на белом свете – флагман в Солнечную вызвали, это как океанскую субмарину в Язузу провести да во всей красе поднять наверх! Охо-хо!

– Надо бы поглядеть на улов, – намекнул Кеша.

– Поглядим, – кивнул адмирал.

И снова экраны ожили. Теперь срединный, самый большой, показывал приемный ангар флагмана, точнее, одну из его ячей. И висел посреди этой ячей круглый черный шар, малость оплавленный, ободранный, с торчащими будто у острого ежа колючками-шипами.

– Вскрывать будем?

– Обязательно! Только чтоб без сюрпризов, – испугался вдруг Кеша, – а то рванет как!

– Не рванет, меры приняты.

Адмирал был спокоен. Раз приборы молчат, значит, угрозы нет. А все дыры в шарике-шлюпе заварили сразу же, когда еще брали в гравитационные клещи.

Теперь и Дил видел все, что творилось в приемнике. Где-то точно в такой же ячейке, может, чуть побольше, находилась и его капсула с Таёкой внутри. Где? Этого экраны не показывали. А показывали они, как приближаются к оплавленному черному шару две сферы с двух сторон, как вжимаются в изодранные бока... Шар раскололся подобно грецкому ореху – две половины его бронированной скорлупы разъехались. И застыло прямо в воздухе, удерживаемое полями нечто страшное, чудовищное, трехглазое, пластинчато-чешуйчатое, с когтистыми птичьими ногами и звериными восьмипалыми лапами.

– Мать моя! – выдохнул в изумлении Кеша. – Не врал ведь Иван!

Взрывной волной Хука Образину сорвало с брони, подкинуло метров на десять в воздух и ударило о рассыпающуюся в пыль стену. Если бы не скаф, Хука можно было б вносить в списки погибших. Но он тут же вскочил на ноги, потерял равновесие, шарахнулся в одну сторону, потом в другую, выровнялся и с диким ором побежал вперед, в атаку.

– Ура-р-ра-а-а!!! – вопил Хук, паля из бронебоя и ни черта не видя перед собой кроме черных клубов дыма.

За эти два дня Хук Образина окончательно остервенел. Если прежде были бои да перестрелки, с передышками и перекурами, то теперь шло одно, выматывающее и доводящее до озверения, бесконечное и кровавое сражение. Хук чувствовал себя не человеком, а роботом, которого накачали всем, чем только можно, зарядили, завели и швырнули в бой. Нервы! Это все проклятые нервы.

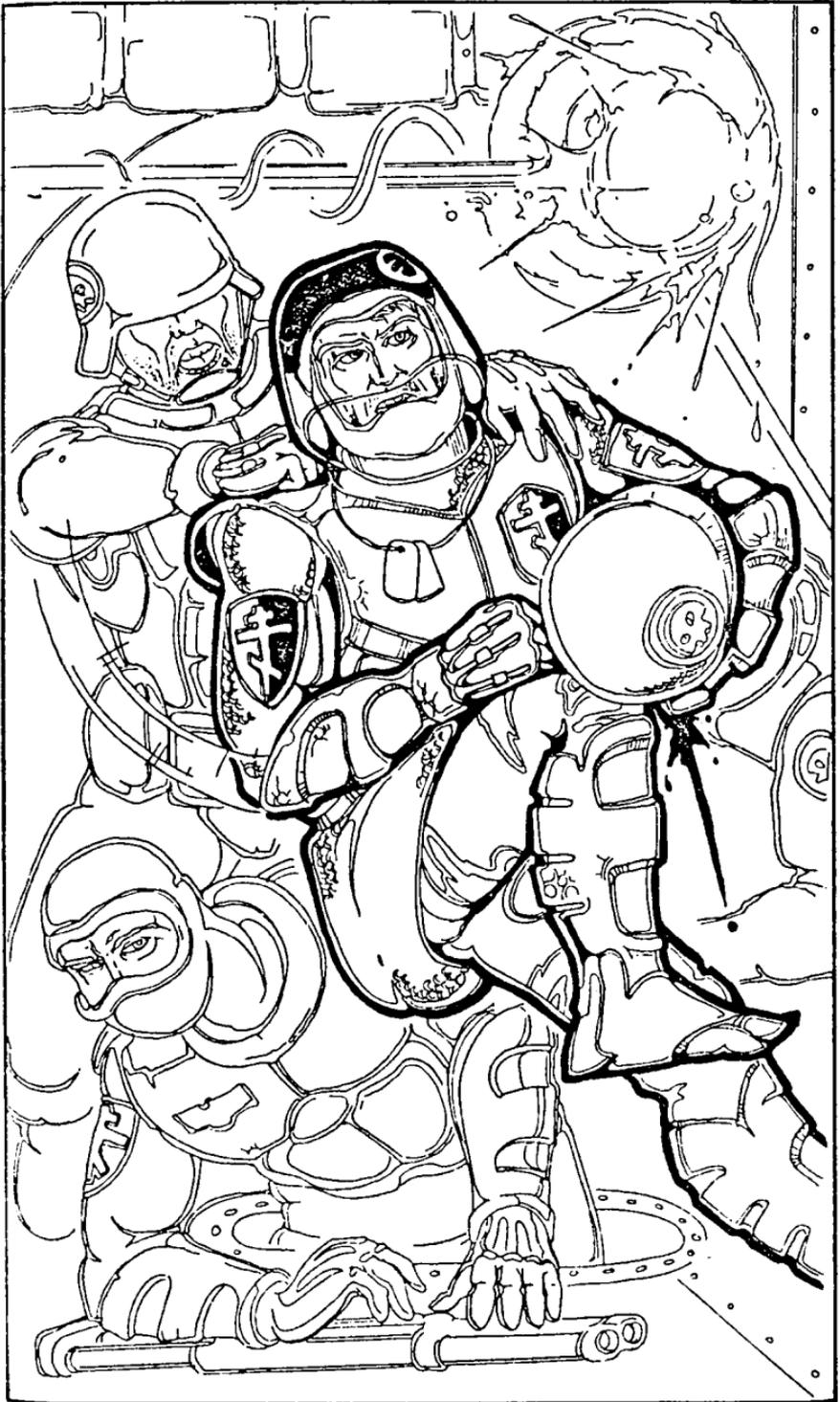
После того, как русская пехота на бронеходах опустилась на крыши полуторамильного Форума, вышибла всех карателей до единого без пощады и переговоров и подобрала их с

Крузей, прошла целая вечность. Их самих тогда чуть не пришибли, спасло одно – с бронеходов видели, что творилось на крышах, видели двух смельчаков, пытавшихся противостоять сотне карателей, спасти обреченных. Эх, спасают их только в кино, в жизни все проще и страшнее, ни один не выжил – все полегли на раскаленном металле, все, кроме тех, кто сорвался вниз и долетел до земли-матушки! А Крузе с Хуком повезло. Смелым да отчаянным всегда везет! Сержанты не долго слушали их рассказы об «особом плане», о каком-то русском Иване, не до болтовни было – обоих быстрехонько, по их же просьбе зачислили на место погибших, в одно отделение, в один бронеход. И понеслась веселая жизнь царицы полей и небес, трудяги войны – пехотушки. А ведь так и не успели разглядеть с высоченных крыш, где кольцо карателей потоньше. Так и помчались в самое пекло, обращая машины противника в кипящую пыль, в расплавленные лужи металла да жгучие брызги. Нью-Вашингтон задавили в три часа. Кто там пепел разгребал, да порядок наводил, Хук не знал, шли какие-то части, но их несло вперед, все время вперед, к побережью, будто огромным летающим броневикам, этому могучему рою, захотелось вдруг нестерпимо напиться морской водички, соленьюшкой, утоляющей жажду погони и битв.

Когда Хук узнал от русских, что в России все в порядке, что там новая, своя, родимая власть, он выскочил на броню из люка и будто осатаневший от ритуальных плясок индеец принялся скакать и прыгать, в довершение выпустил в воздух из полученного бронебоя целую обойму, упал на спину и заорал во всю мощь измученных легких, заорал, зажмурил глаза и наслаждаясь собственным криком. Ур-р-ра-а!!! За один миг все переменялось, от полного провала, ужаса, пропасти поражения до блистательной, ослепительной победы... и жизни! грядущей жизни! Арман-Жофруа встретил весть спокойней. Но и у него сердце рвалось из груди. Теперь все мысли о бегстве, о том, что надо скрываться по лесам да норам, исчезли бесследно. Теперь только бой! До полной виктории!

Два дня они шли стальным девятым валом по пустыням и городам Штатов, два дня они сметали все, что могло сопротивляться их движению. С огнем и мечом шли они. Но несли мир и жизнь. Из развалин за их спинами начинали выползать уцелевшие. Никто уже не громил – нечего было громить, никто не грабил – некого было грабить. Сдавшихся карателей толпами уводили в лагеря, им теперь восстанавливать разрушенное. Отвоевались.

А дивизия, в которую ненароком попали Хук с Крузей, шла к берегу океана. Время минуло, и уже не обращали вни-

мания на вопли о сострадании, мольбы о прощении, белые флаги. Три часа – воля! Давно прошли три часа, все, кто сдался – на свободе, отобрали у них оружие, дали по пинку под зад, иди, гуляй, служивый. Два часа – каторга! Сдававшихся с опозданием гнали на работы, не будут впредь тугодумами. Но и эти благословенные два часа давным-давно канули в Лету. Три часа – смерть! Дивизия планетарного базирования Великой России, а ныне Объединенной Федерации, одна из сорока дивизий, брошенных на Запад, добивала самых остервенелых шакалов войны и бездушных, выполняющих заложенную программу андроидов. Ни высшего командования, ни генералитета, ни даже старших офицеров ни на опорных базах, ни в фортах, ни в других местах по всем Штатам не было. «Удрали, сволочи! – ругался сержант, командир отделения, русоголовый парнишечка Коля. – Вот их бы покосить, стервецов!» Он был прав. Но косить приходилось тех, кто стоял на пути.

– Ур-р-а-а!!! – орал во всю глотку Хук.

Он первым ворвался в бронированный бункер, с ходу швырнул вперед связку сигма-гранат, долбанул двойным залпом из бронебоя, грохнулся наземь, сбитый обратной волной и шестью свинцовыми допотопными пулями, расплющившимися о скаф.

– Ур-р-р-а-а!!! – заревело сзади в десятки глоток, усиливаемое встроенными мегафонами, – Ур-рр-а-а!!!

И на Хука обрушились чьи-то бронированные сапожищи – через него прыгали, перешагивали, наступали – и неслись вперед, под огромный титановый колпак, почерневший от гари. Да, можно было все это хозяйство сжечь, не выходя из бронехода. Но приказ был – беречь! беречь базы, форты, все беречь! пригодится! Когда? где? зачем? Хук ничего не знал.

– Чего развалился?!

Арман-Жофруа дер Крузербильд-Дзухмантовский, десантник-смертник, пропойца и бунтовщик, а ныне рядовой российской армии, ухватил Хука за локоть, встряхнул, поднял, заглянул под тонированное забрало.

– Живой, что ли?

– Живой, – простонал Хук.

А пехота уже бежала назад, громыкала, сопела, материлась.

– По машина-ам! – ударило в шлемофоны. Значит, порядок. Значит, еще одно укрепление взяли. Значит, надо двигать дальше. Без остановки! Стальной лавой! Девятым валом!

– Ну, пошли, – Крузя перекинул руку приятеля через плечо и поволок его к бронеходу.

Хук успел очухаться, когда вдалеке, усеченный смотровой щелью, сказочный и необъятный, выплыл из-за гребней скал океан – синяя бескрайняя пустыня в седых бурунах, в тающей дымке убежавшего окоема.

– Хорошо-о, – протянул он. И сорвал шлем. – Дошли, Крузя!

Три неожиданных ракеты ударили со скал. Пропал синий и седой океан.

Вспыхнул кроваво-багровыми огненными валами океан смертный. Вспыхнул, затопил все в помутневшем небе, поглотил, и уступил место океану мрака, тишины, небытия.

Сигурд выровнял гравилет, ушел от встречного удара, и выпустил сразу семь «поющих» снарядов. Называли их так за мелодичный, завораживающий звук, издаваемый на подлете к цели, как бы предупреждающий: «иду на вы!»

Снаряды пробили брешь в стене, оплавляли рваные вывернутые края своим огненным содержимым, вытравили все внутри.

Гравилет вошел в дыру, будто его там ожидали – плавно и торжественно. Все! Можно передохнуть. Сигурд откинулся на спинку кресла, расслабился. Он заслужил отдых: за последние четыре часа восемь потопленных подлодок, два экраноплана, шесть полицейских дисколетов и один бронеход Сообщества. Прекрасно! Хотя, в общем-то, это не его дело заниматься такими мелочами, его дело сидеть в бункере и посылать на задание своих людей. Но Сигурд был молод, горяч, он не мог долго сидеть на одном месте, тем более рядом со слишком умным и везде сующим свой длинный нос «мозгом». Мало ли что Гуг с Иваном поставили его командовать, он сам больше любит драться – лоб в лоб, грудь в грудь!

Уже третий день он здесь, на Западе. В Европе и без него справятся, там комендант, там усатый Семибратов со своей Гвардейской бригадой, там огромное и вооруженное до зубов ополчение, там мощные боевые соединения Объединенной Европы – опамятавались, зализывают раны и верно служат новому режиму, одни со страха, другие поняли, куда дело клонится. И там все ждут. Чего, никто не знает. Но все ждут. Там сейчас мирно, спокойно... но тревожно. А здесь – эх, раззудись плечо, развернись рука!

Сигурд вышел из гравилета. Откинул шлем за спину, потянулся будто ото сна. Прошлепал по сырому, чавкающему полу к просвету. И замер, подставляя лицо солнышку – такому нежному и ласковому. Зажмурился.

Он стоял долго. Пока не почувствовал на лице холодок, видно, тень набежала. Откуда, на небе ни тучки?!

Сигурд приоткрыл глаза, уставился в небо.

Огромным черным блином, бесшумно и красиво, прямо на него опускалась десантная капсула. На Землю!

Сигурд потряс головой – видение не исчезло. Тогда он бегом бросился к гравилету. Впрыгнул в кабину. Но управление было заблокировано. Это она! Она, проклятая! Его взяли голыми руками. Кто?!

Он выбрался наружу, подбежал к пролому и сиганул вниз. Лететь пришлось метров двести – башня была хоть и наклонной, скорее похожей на древнюю коническую пирамиду, чем на башню, но достаточно высокой. И каким чертом его туда занесло! Единственная «высота» во всей Атлантиде, самая видная мишень – навигационная башня ВВС Сообщества, древняя старушка, краса и гордость... может, и не стоило спешить, бежать, торопиться?

Нет. Стоило!

Сигурд еле успел укрыться в какой-то воронкообразной трубе. Вниз полетели обломки титанопластика, пенокона, мрамора, всякая неопознаваемая дрянь, железяки, мусор... Капсула срезала почти весь верх пирамиды и уселась на нее будто какая-нибудь сумасбродная орлица на чужое гнездо. С ума можно было сойти. Хотя, чему удивляться, подумал Сигурд... и почувствовал, что его пригревает из трубы, даже печет, жжет со страшной силой, сквозь полускаф! Он снова выпрыгнул, полетел ниже, еле успевая притормаживать ладонями в бронированных перчатках. В конце концов налетел на затейливый бордюрик, стукнулся, перевернулся и покатился дальше кубарем.

– Эх, жизнь-житуха, прощай! – прохрипел в мельтешении закрутившегося в глазах белого света. Сердце сдавило до острой, гнетущей боли.

Теперь ему спасения не было. Полускаф не выдержит, голова тем более. За доли мига он успел увидеть печальное лицо матери. Ее убили шесть лет назад, убили зверски и подло. Но сейчас она смотрела на сына грустными глазами и шевелила тонкими бесцветными губами, силясь сказать чего-то, наверное, звала к себе, в лучший мир.

– Иду, мама! – просипел Сигурд сквозь слезы.

Долбанулся головой, потом коленом. И вдруг оторвался от мраморно-титановой облицовки, взлетел... и медленно поплыл вверх. Он замахал руками, закричал что-то несусветное и непередаваемое. Вытащил ушибленной правой рукой парализатор и принялся палить – не глядя, во все стороны. Через

две минуты выдохся. Еще через минуту понял, в чем дело – это все проклятая капсула, она его сграбастала, втягивает в себя гравитационным арканом. Значит, она успела засечь его, идентифицировать, черт бы ее побрал, и счесть нужным убедить от дурацкой смерти. Лицо матери последний раз расплывчатой тенью скользнуло перед глазами и исчезло.

Сигурд лежал на прозрачном полу, стонал от боли. А над ним стояли два человека: один очень большой и черной, другой очень маленький и желтый, женщина.

– А паренек-то знакомый, – сказал большой и черный.

Теперь Сигурд узнал его. Дил Бронкс – Гугов кореш, из одной десантной фляги спирт хлебали. Гуг иногда вспоминал его... а маленькая – Таёка, жена негра. Это они раздали его гравилет, это из-за них он сверзился с башни-пирамиды и чуть не сыграл в ящик. Благодетели, едрена капсула!

– Места мало, что ли?! – заорал Сигурд в раздражении. И привстал.

– Цыц, мальчуган! – успокоил его Дил. И добавил с улыбкой: – Теперь я сам вижу, наша верх берет – куда ни плюнь, везде свой браток, даже в поганой Атлантае. Но каждый браток, – он погрозил черным пальцем без перстня – все перстни содрали копы, – знай свой шесток! Ты чего залез на эту хреновину?!

Сигурд отвернулся. Они над ним насмеются! А за ним между прочим такая силища стоит, что сотню капсул раздолбать можно... нет, все бредовые мыслишки лезут, мутит чего-то в голове, это после боев, после падений, еще разок сверзиться – и вообще в богадельню можно заявление писать.

– Молчишь? – Дил Бронкс снова раззявил беззубую пасть. – Тогда скажи хоть, куда Буйный подевался, чего-то ни слуху, ни духу, может, в большие начальники выбился, зазнался?!

– Гуг в анабиозе, замороженный, – процедил Сигурд сквозь зубы, – его в бою искалечило.

Дил помрачнел. А Таёка тихо заметила:

– Все мы под Богом ходим.

С флагмана их выпроводили двенадцать часов назад. Напшиговали до отказа боеприпасами, подзарядили да и выплюнули в Космос. Иннокентий Булыгин пожал Дилу руку, просипел виновато: «Ты уж прости, рад бы с тобой на выручку Цаю идти, да не могу, служба, понимаешь, хуже каторги!» Таёка повесила Хару на ошейник золотистый колокольчик, растрогалась. Хар тоже пустил слезу. Адмирал пообещал, что флагман будет вести капсулу, а в случае чего прикроет – до Земли прикрытия хватит с лихвой, а там видно будет. На том и расстались.

– Мы, мальчуган, этот вшивый форт Видсток, где Комиссия эта поганая была, в щепки разнесли! – рассказывал Дил ободранному и измученному викингу. – Мы там вверх дном все перевернули, мы там все в кладбище превратили...

– Сейчас пол-Америки кладбище, – вставил Сигурд.

– Ага, – спокойно согласился Дил, – но коротышки там не было! Я взял за глотку последнего уцелевшего диспетчера «мозга», понимаешь, я его чуть не разорвал надвое, мы выковыряли из памяти этой гадины все за прошедшую неделю. Цая отправили в Антарктиду, ты представляешь?! А мы сами выдали, вот этими глазами, – Дил Бронкс ткнул пальцем в свой вытарашенный белок, потом в отшатнувшуюся Таёку, – сами выдали, как туда засадили глубинный заряд. И мы все равно полетели. Но что толку?! Там дыра на три километра в глубину во весь материк, ни хрена там не осталось! Сейчас льды заново нарастают, красиво, мальчуган! Но Цая нет, значит, прихлопнули?

– Значит, прихлопнули, – согласился Сигурд. Он ощущал себя не в своей тарелке. Там, снаружи уже все сражения завершены, сейчас уцелевшие гуляют, хвастаются подвигами, делят чины и награды заодно со шкурами неубитых медведей, там сейчас все решается... а он торчит в этой капсуле, выслушивает этого полуседого негра с выбитыми зубами. И вообще, какое ему дело до карлика Цая, до какого-то там наследного императора и беглого каторжника!

– А вот и нет! – торжествующе воскликнул Бронкс. – Адмирал-то седоусый не обдурил, он и впрямь нас вел. Мы еще из Антарктики не вернулись, еще надо льдами торчали в полном отупении, когда он прямой связью нам залепил: «мозг» не всю информацию выдал, скривил, мать его, это была обманка! На самом деле они прямо из форта рванули сюда, в Атланту, вот в эту башенку! И коротышку прихватили.

– Кто они?

– Скоро узнаем. Ты готов?

Сигурд был всегда готов. Вот только лучемет он обронил, когда летел кубарем. Парализаторы, правда, остались, висят по бокам. Дил горю помог, выдал запасной с тремя дисками.

И они пошли вниз.

– Если вас там пришибут, – крикнула в спины Таёка, – лучше не возвращайтесь!

Пирамида под капсулой была полой, рассеченной на множество отсеков и переходов, этажей и лифтовых шахт. Все это было безнадежно разрушено. Пришлось спускаться на лебедках.

– Надо было б шарахнуть во всю силу, – оправдался Дил.
– Но вдруг коротышка там? Сварится еще живьем. А Иван будет всем говорить, что я его специально сжег, счеты, мол, сводил.

– Иван так говорить не будет, – поправил Сигурд, болтающийся на тросе.

– Ну, пусть не Иван, но кто-нибудь скажет обязательно, Образина так скажет и другие!

С высоты метров в тридцать над титановым покрытием им пришлось сжечь троих андроидов – те уже вскинули парализаторы, да малость опоздали. А в целом, в пирамиде было тихо, как и повсюду сейчас. Странная стояла тишина.

Они долго бродили по лабиринтам, подземельям – броня, всюду броня, сейфовые двери-люки нараспашку, переходы, шлюзы, все брошено, все не успело покрыться даже тонким слоем пыли. Ушли. Причем, недавно ушли. Кто? Они!

Случайные, распрограммированные и оттого bestолковые антроиды шастали по ходам подземелья серыми безголосыми тенями, они не нужны, про них забыли. И снова лабиринты, снова спуски вниз, неработающие подъемники, тросы, броня, люки.

– Да здесь можно было сорок дивизий держать! – удивлялся Сигурд.

Дил помалкивал, охота шутить и балагурить пропала. Они спустились уже на двести семьдесят метров под землю, а картина была все той же.

– Вот он! – воскликнул вдруг Сигурд.

– Кто? Цай?! – дернулся было Дил Бронкс.

– Люк!

Сигурд стоял на двух половинах огромного раздвижного створа – грузового створа. Но прямо перед ним был люк с круглым старинным штурвалом, зажимами, кнехтами и тонким запутанным тросом.

– Ну и что? Таких тут тыщи!

– Нет, этот один, – не согласился Сигурд. – Надо попробовать.

Они навалились на штурвал-подъемник – он не был закручен, потянули – гидравлика скрипуче запела. Не закрыто! Но почему! Все бросали в спешке. Значит, им ничего уже на Земле не нужно?

– Да кому это им? – не сдержался Сигурд.

– Им. Выродкам!

Дил сунул голову вниз. И все понял – там в глубине огромного, полутемного машинного зала стоял невероятно большой торроид. Не прогулочно-туристический, и не де-

сантный... а военно-промышленный Д-макро-статор. Он дрожал легкой, поверхностной дрожью. Даже не отключили в спешке, гудит себе вхолостую. Дил выругался.

– Ушли, суки!

Да, эти выродки ушли. Они не хлопнули напоследок дверь, не раскололи земной шар на тысячи осколков. Они ушли тихо и подло, бросив спичку в сухую солому, и даже забыв выключить свет, прикрыть дверь. Почему? Дил сморщился от досады. Им просто все равно! им плевать! может, они давно хотели уйти отсюда, свалить, уехать с «этой Земли» – а теперь подвернулся удобный случай?!

Спецслужбы поработали неплохо. Перед Иваном в большом зале Измайловского подземного дворца-убежища, выстроенного еще в тревожные времена XXII века, да так и оставшегося почти без надобности до сей поры, стояли плотными и разномастными шеренгами двенадцать тысяч восемьсот сорок восемь головорезов со всего белого света. Да не простых бандюг, а все главарей и предводителей банд, «крестных папаш» и простых паханов, короче всех, кого Иван пренебрежительно отрекомендовал Глебу Сизову «мелочью», чьи группировки и шоблы, кодлы и банды не превышали тысячи голов. Стояли они смиренные и малость напуганные, чувствовали жесткую руку и потому бузить не осмеливались.

Вдоль стен с парализаторами в руках, один краше другого, в серых комбинезонах, перетянутые черными ремнями, замерли два взвода альфа-корпуса. Высоченные своды искрились отблесками невидимых люстр. За стеклами огромных окон цвели белым цветом вишни, зеленели кроны тополей и берез – но это уже была только видимость, там, за стеклами ничего не росло, там был трехметровый слой ферротитана.

– Ну что, господа рецидивисты, – обратился Иван к застывшим шеренгам, – погуляли на славу, верно?

– Верно! – выкрикнул один из смельчаков.

– Теперь и поработать можно – во имя Отечества! Иван хотел еще что-то сказать, но резкий вопль на новоанглийском остановил его.

– Где платят хорошо, там и отечество!

Кричал тощий длинный малый с двумя жидкими косами и багряной серьгой в ухе. Иван отыскал крикуна глазами, ткнул в него пальцем и коротко, но громко произнес:

– Повесить!

Малого выдернули из шеренги, проволокли к стене и вздернули на коротком шнуре, прямо под лепным круг-

лошеким ангелочком – светильник был хоть и декоративный, но мог бы выдержать еще троих.

– Впредь попрошу, господа мокрушники и медвежатники, не мести помелом чего ни попадя, не оскорблять добрых чувств добрых людей. Кому Отечество наше не по нутру, а Отечество ныне не только вся Земля, но и вся освоенная нами Вселенная, того можем отправить в мир иной, может, ему там лучше будет. Желающие, два шага вперед!

Шеренги содрогнулись, будто волны прокатились по телам столь разным – и корявым, и стройным, и тощим, и полным. Но вперед никто не вышел.

– Вот так-то, – продолжил Иван с железом в голосе, – все вы, даже самый последний негодяй из вас, сыны Отечества. Заблудшие, отбившиеся от рук, блудные, виновные и грешные, но сыны. И пришел срок вашего покаяния. Времени на раздумья не даю. Тут думать не о чем. Все вы со всеми вашими людьми отныне солдаты объединенных вооруженных сил Федерации. Вот это тряпье, что на вас, через двадцать минут будет в печах, вас отмоют, постригут, выдадут форму – армейскую пехотную форму. Вам самим здесь, вашим людям – на местах. Получите и оружие...

В шеренгах загудели, зашумукались.

– Да, армейское боевое оружие. Но если хоть один ствол будет направлен не в ту сторону, которую вам укажут, вся банда такового... прошу прощения, все отделение, весь взвод, а у кого-то – батальон, полк – будут расстреляны. За службу Отечеству – ордена, жалование, почет, честь и достойная старость. За возврат к старому, дезертирство и прочие грехи – вышка! Кто хочет возразить или дополнить?!

Гробовое молчание воцарилось в прекрасном огромном зале, даже дыхания не стало слышно, будто в шеренгах застыли уже покойники.

– Вы поняли, о чем я хотел сказать? – Иван откинул голову, чуть скосил глаз на окаменевшего и угрюмого Глеба Сизова, стоявшего по правую руку.

Сам Иван будто помолодел на десять лет – еще с вечера нашел после бесконечных мытарств полчаса, подрезал коротко бороду. Как ни жаль их было, убрал длинные русые кудри – мастер нашелся там же, в его резиденции нынешней, старый мастер, многих правителей переживший, но такого видевший впервые. Да, Иван был молод, силен. Он не чувствовал больше усталости, прожитых лет, будто все прежнее было не с ним, а с кем-то другим. Он стоял прямо, чуть раздвинув литые мощные и длинные ноги, развернув плечи – будто молодой, но опытный и умелый воевода перед своей

ратью... нет, это не его рать, его рать за ним – вся Россия, весь мир. Но и от блудных сыновей отказываться он не имеет права. Все должны сплотиться в последний час, грозный час.

– Вот и прекрасно, господа офицеры федеральной армии. Вы на всю жизнь запомните эти минуты, будете рассказывать о них своим детям и внукам, вы будете вспоминать их как свой звездный час. А теперь за дело!

Да, они будут работать на человечество, в интересах землян. Не может быть никаких сомнений, всю шваль вычистят быстро, за сутки, остальные встанут в ряды защитников Земли. С «мелочью» покончено. Бузотеров добьют в их «малинах». Пора браться за крупных рыбин, за акул и зубров преступного мира, за Синдикат...

– Ну что там у нас по расписанию? – спросил Иван.

Глеб покачал головой.

– Ты не передумал? – ответил он вопросом на вопрос. – Время ли сейчас устраивать зрелища?

– Самое время! – обрубил Иван.

Крытый ринг был давно подготовлен. Иван знал, что будут кривотолки, сплетни, что многим это побоище, ежели оно вообще произойдет, не понравится. И все же это было нужно. Он верил. Он знал.

– Не будь слюнтяем, пошли!

Глеб с силой сдавил его локоть.

– Ты так со мной не говори, – процедил он тихо.

– Ладно, – Иван улыбнулся, палку перегибать незачем.

Они прошли переходами в сферический зал поперечником в сотню метров, с высоким потолком и самим рингом. Ринг был просто большим помостом, овальной ареной с небольшими зубчатыми бортиками, и весь его куполом закрывали защитные поля, так было нужно.

Иван проследовал к ряду кресел на возвышении. Дил Бронкс уже ждал его там, сверкал новыми вставными зубами – не было только врезного бриллианта, а так не хуже прежних.

– Тебя и не узнать! – прогремел он басом. И обнял Ивана. Потом намного тише, склоняя голову набок и вращая белками, сказал: – Ну, знаешь, это и чудище, а я ведь тебе не верил, думал, ты все врал, выдумывал... или в бреду видал. Какой там в бреду! Ни в одном кошмаре эдакое чучело не увидишь! Неужто ты и впрямь цепью такого придушил?!

– Правда, – ответил Иван, – придушил, а цепь тебе привез, забыл?

– Никогда не забуду!

Еще бы Дил Бронкс забыл обрывок этой неземной цепи, этот чудо-металл, благодаря которому он стал втрое, вчетверо богаче.

Они расселись по местам. Иван, Глеб Сизов, Дил Бронкс, Голодов со своим главным армейским разведчиком, начальником штабов, замы по Комитету Спасения, еще два министра, комитетчик... Светлана наотрез отказалась, не пошла.

– Все готово, можно начинать, – доложил Ивану один из его помощников, тот самый, в чьем облиции он и явился к Правителю. Иван поглядел на него пристально – спокойный, держится с достоинством, этот будет работать на своем месте, еще и самого Ивана переживет, и следующих верховных, ну да ладно.

– Откажись пока не поздно, – зашипел в ухо Сизов, – достаточно его просто показать, зачем нам эта дикость, эти бои?! Не поймут люди!

– Поймут! – обрубил Иван.

Конечно, его могут обвинить и в варварстве, и черт-те в чем, разумеется, все это выглядит странно и страшно. Но когда-нибудь оно начнется – не убежать, не спрятаться, не вымолить пощады. Так пусть начнется с этого поединка... если он вообще будет, пусть все увидят. Они еще не осознали до конца, что ждет Землю, они сидят, улыбаются, перешучиваются. Так пусть они увидят то, что видел он много лет назад. Много? Нет, не так уж и много прошло, считанные годы, а вместились в них – несколько жизней. Да разве об этом расскажешь!

Иван встал.

– Прошу внимания, – начал он, поднимая руку. Можно было бы обойтись и без вступлений. Но сейчас он не мог молчать. – Три года назад я вернулся из Системы. Господь Бог даровал мне жизнь – я возвратился оттуда, откуда не возвращаются, из Иной Вселенной. Я видел своими глазами обитателей этого мира, говорил с ними, дрался, убегал от них, не понимая нечеловеческой жестокости Системы. Мне открылось многое. Но самое страшное – готовящееся Вторжение на Землю. Они не верили, что я когда-нибудь вернусь, они вообще не принимали меня всерьез – я для них был амебой, существом низшей космической расы, отставшей от них на миллионы лет... и поэтому от меня ничего не скрывали. Я видел армады боевых звездолетов, гигантские инкубаторы, в которых выращивали воинов, видел их сказочную технику, их вооружение... такого у нас не будет, нечего и надеяться. Но главное, сроки – они не скрывали, что Вторжение готовится, что оно вот-вот начнется. Я вырвался из жуткого мира негу-

маноидов. У меня не было ни одного шанса на спасение. И все же я вернулся на Землю. На восстановление ушло полгода. Почти столько же я бился в кабинеты, просиживал в приемных – я молил, грозил, объяснял, доказывал... Мне не верили. Меня принимали за сумасшедшего, а кое-кто способствовал упрочению этого образа. Вы понимаете, кого я имею ввиду. Но теперь многое переменялось. Еще неделю назад не было ни в одном из нас уверенности... – Иван медленно обвел глазами собравшихся, ища душевного отклика, сопереживания и веры, – не было уверенности, что мы уцелеем в битве за Землю, в битве не с самим вторгшимся инопланетным агрессором, а только лишь его агентурой на наших планетах. Сегодня мы взяли верх. Мы сильны как никогда. Впервые в истории человечества. Вы помните, что перед нашествиями самых разных орд губили нас не столько они, сколько наша же разобщенность, усобицы, распри. Так было. Но так больше не будет! Мы едины перед лицом внешней угрозы! Федерация готова к отпору! Враг сильнее нас. Но мы стоим на своей земле, уходить нам некуда! – Иван опустил глаза. Слишком уж много пафоса, надо проще, здесь собрались не болтуны трибунные, а люди дела, люди, не испугавшиеся встать за Россию, за все остальные земли. Они и так все понимают. – Короче, настало время поглядеть нам с вами на тех, кто придет сюда с мечом. Вы знаете, мы захватили шлюп с инопланетного корабля-наблюдателя, шлюп с негуманоидом – обычным воином, каких в Системе сотни миллионов. Сейчас вы увидите его!

Слева от сидящих, за защитными полями, прямо из помоста, с гнетущей неспешностью начал расти мутный кокон. Когда он поднялся на высоту двух с половиной метров, застыл и прекратил вращение, оболочка исчезла, будто опала вниз, закрывая дыру, из которой кокон вышел.

И открылся взором сидящих кряжистый широкоплечий двуногий монстр с ниспадающими на спину поблескивающими пластинами, с чешуйчатым телом. Негуманоид казался неживым, будто возникла на арене каменная, уродливая статуя, выставленная на обозрение. Огромные корявые руки свисали вниз двумя молотами. Ноги были скорее похожи па лапы ящера – на них не было обуви, толстые морщинистые пальцы заканчивались устрашающими огромными когтями, три торчали вперед, а один, как у птиц, назад. Короткие, чуть выше бугристых колен штаны из черного пластика почти сливались с блестящей чешуей, переходящей в пластины. Грудь была скрыта под таким же темным комбинезоном с короткими, выше локтей руками. Шеи вообще не было, шевелящиеся

пластино-жвалы нависали на вздымающуюся грудь. Но самое страшное впечатление производили глаза. Их было три, и под внешней бесстрастностью суженных трехгранных зрачков, застывших будто осколки стекла, таилась чудовищная, непостижимая, нелюдская злоба, переходящая в ненависть. В эти глаза невозможно было смотреть.

– Хоро-ош, – протянул еле слышно Глеб Сизов.

– Его надо было показать всем, – отозвался Дил Бронкс, – пусть видят!

– Покажем, – тихо отозвался Иван. – Но всем не удастся, ты забыл – Космоцентр Видеоинформа взорвали, у нас только спецсвязь да местные системы видения. Покажем... и дай Бог, чтобы они сами не показали землянам!

Застывшее изваяние вдруг ожило, чуть присело на расставленных толстенных ножищах, вытянуло вперед лапы, словно ожидая нападения, еще сильнее вжало в плечи уродливую массивную голову. Негуманоид почувствовал опасность, угрозу, исходящую с другого конца ринга-арены.

– Вот такой гад, – шепнул Иван Глебу, – разодрал обшивку моей капсулы, голыми лапами разодрал и вперся внутрь!

– Десантной капсулы?!

– Нет, тогда у меня была прогулочная. Но и она не из картона! Они выходят в пространство без скафов. Они несокрушимы и неуязвимы... Но я бил их, Глеб, понимаешь, бил! Надо только подавить в себе страх!

Глеб Сизов сам сидел каменной застывшей куклой, будто оцепенение, ужас сковали его намертво. Он был бледен и напряжен. Бледны и напряжены были все сидящие. Одно дело рассказы да описания, другое – когда вот он, рядом, непостижимо чужой, отталкивающий... и не зверь, и не человек. Монстр Иной Вселенной!

С правой стороны, так же как и первый, начал вдруг вырастать из помоста еще один вращающийся кокон. Именно он и насторожил негуманоида, на него уставились все три злобных глаза.

– Мы должны это видеть! – громко и жестко сказал Иван. – Должны! С одной стороны обычный, рядовой воин Системы – усталый, голодный, оторванный от своих и растерянный. С другой – самый сильный, могучий, ловкий человек Земли, которому нет равных, который своей мощью в десятки раз превосходит любого могучего бойца...

– Не человек, – тихо вставил Глеб, – а зверочеловек, гибрид.

Иван покачал головой, но в спор вступать не стал.

– Смотрите!

И тут сидящие зароптали:

– Это уж слишком!

– Мы не в Колизее! Еще нам боев гладиаторских не хватало!

– Нельзя! Нельзя допустить этого!

– Остановите...

– Нет!!! – оборвал всех Иван. – Вы должны смотреть! Вот он!

Кокон спал. И все разом стихли.

В правом углу ринга-арены стоял сам Верховный, Председатель Комитета Спасения... сходство было разительное, невероятное. Но все же это был не он – мимолетный единый вздох облегчения прокатился над креслами – не он, лицо его, глаза его, лоб, подбородок почти его, но выше, крупнее, мощнее. Двойник. Зверочеловек. Они знали про тайные работы – кто-то давно знал, кто-то недавно узнал. Вот он – результат долгих поисков ученых-вивисекторов, продажных правителей. Зверочеловек! Это из-за него не пришла Светлана, она знала о готовящемся поединке. И не пришла!

У Ивана ком подкатил к горлу, виски сдавило. Он и не ожидал, что так разволнуется, до дрожи, до липкого холодного пота. словно не зверочеловек стоял на помосте перед негуманоидом, а он сам и не здесь, далеко-далеко отсюда. И било в уши со всех сторон тысячеголос: Ар-рр-ах! Арр-р-р-а-ах!! словно его швырнуло назад во времени. Откат! Лестница, арена, усыпанная опилками, железный ошейник на горле, меч в руке. Вопли беснующихся зрителей – десятков, сотен тысяч трехглазых, орущих, визжащих, жаждущих крови – его крови, жаждущих смертей. И огромный, омерзительнейший чудовищный паук на шести лапах, мохнатый, с просвечивающим брюхом, с языком-арканом и скорпионьим жалом, паукомонстр-ург. Бой. Ар-р-ах! Ар-р-а-ах!! Ар-рр-а-а-ах!!! Лютый, смертный бой на потеху праздным жестоким зевакам. Год 124-й, Ха-Архан, будь он неладен, первый день месяца развлечений. Да, у них был такой месяц. Не в Системе, а в «системе». Они развлекались. А он изнемогал, умирал! Паук выбивал из него душу, он охотился за ним будто за мошкой... но у мошки была воля, был ум, был меч. А-р-рр-ааах!!! Тогда он был в шкуре негуманоида, если бы не яйцо-превращатель – смерть! он не выдержал бы той жизни! Арена! Кровь! Душе-раздирающие вопли! Арр-р-а-аах!!!

Никто не знал, что творилось у Ивана в голове. Все смотрели на ринг. На двух замерших перед схваткой бойцов. И если каждому из сидящих сейчас было тяжело, у каждого было

неладно и беспокойно на душе, то Ивану было втрое хуже, вдесятеро тяжелее, в стократ муторней и горше.

В какой-то нелепый миг двойник, озираясь по сторонам, увидал вдруг Ивана, вздрогнул, глаза его округлились. И он даже сделал несколько шагов к сидящим, наткнулся на защитный барьер, отпрянул, но взгляда не отвел.

Иван чуть заметно кивнул – не высокомерно, и не заискивая, а будто поддерживая, будто говоря – все в порядке, все будет хорошо, не робей. Он имел на это право, он вступал в единоборство и не с такими. А двойник сильнее, его руками буйволам хребты ломать, справится с чужаком, а главное, ... покажет, что и с такими чудовищами, с такими монстрами можно сладиться, только не поддаваться страху, не отступить.

Дил ошарашил вопросом:

– А почему ты считаешь, что они будут драться, Иван? – Он не улыбался, и был от этого совсем не похожим на себя, грустный Неунывающий Дил, нелепо, непонятно. – Этот монстр разумен, он будет искать контакта, попытается объясниться, вон, гляди!

Трехглазый, и впрямь, тяжело ступая, прямо и открыто, вывернув наружу серые пустые ладони, будто показывая, что безоружен, что нет дурных намерений, пошел на зверочеловека. Тот медленно пятился, не веря, даже не допуская, что эдакое чудовище может надвигаться с добром.

Негуманоид был страшен, один его вид наводил оцепенение.

Иван кожей ощущал беспокойство, страх сидящих вокруг него. Они уже сникли, уже заранее смирились с участью, будто старцы, оказавшиеся перед дикими зверями, бессильные и обреченные. И это было самым невыносимым, утрата воли! Они все разом поверили, еще до начала схватки, что человек, его двойник, обречен, что он станет легкой добычей монстра. Вот что по-настоящему страшно!

Трехглазый вывернул руку ладонью вверх, будто протягивая что-то. Зверочеловек остановился, прижавшись спиной к невидимому барьеру, теперь ему было труднее ускользнуть от монстра, пожелай тот броситься на него. Но тот не бросался.

– Включить переговорник! – приказал Иван. Он хотел, чтобы все слышали, что скажет негуманоид. Ведь не будет же он и теперь молчать, когда сам пошел на контакт, на сближение.

Послышался треск, щелканье, цоканье... и тут же перевод:

– Зачем вы бросили ко мне зверя? Это не человек. Зачем?

– Ты тоже не человек! – грубо ответил Иван.

– Я разумен, – сказал негуманоид.

– Разум разуму рознь. Зачем вы вошли в нашу Вселенную тайком, в Невидимом спектре?

– Я простой солдат. Я выполняю приказ.

– И что же это за приказ?

Все под сферическими сводами насторожились. Даже звечеловек подался вперед, будто ответ для него был очень важен.

– Приказа не было.

Теперь монстр смотрел прямо на Ивана, и ромбовидные прорезы его глаз горели золотистым огнем. Это был испытующий взгляд. Жертва или пленник так не могли смотреть. Иван вспомнил, как его били два негуманоида, два обитателя Хархана, Гмых и Хмаг, он помнил их имена, он никогда не забудет их, они били его зверски, беспощадно, поднимая после ударов, перешучиваясь, отдыхая и снова принимаясь за дело. Тогда он еще мало знал про этих жутких нелюдей, почти ничего не знал, и его убивала необъяснимая жестокость, но он терпел, он чудом выжил. А они истязали его и потом, подвешивали на железных цепях, в сырых и мрачных подземельях Хархана и снова били, били до потери сознания. Неужто они изменились, стали добренькими и вежливыми? Нет, Иван не верил в подобные превращения. Он смотрел в эти жуткие глаза, в которых стояла и черная ночная пропасть и свет слепящих золотистых, пылающих сверхновым пламенем звезд. А видел уже иное: две скрученные фигурки, белые и беззащитные, отца и мать, сожженных заживо на краю Вселенной этими тварями, сожженных просто так, для развлечения. Они кричали, звали его... он все видел своими младенческими глазами. Он забыл. И он вспомнил. Областной мнимоцентр, травма, потеря памяти – и обретение памяти. Он не придет мстителем! Он не умножит зла! Так кричала мать, она не хотела его гибели, прежде всего она желала жизни, свободы ему. Они оба погибли. Двести с лишним лет назад. А он выжил. Не для мести, нет. Не мстить пришел он в этот мир, не мстить! Но безнаказанным зло не должно оставаться. И пощады ему не будет. Нет! Ближнему своему он подставит левую щеку, после удара по правой. Ближнему. Но не чужому. Не этим убийцам с обжигающе-ледяным взглядом. Не будет им прощения! Не будет пощады!

И трехглазый понял все, он прочитал то, о чем думал человек, прочитал в его глазах. Пощады не будет? Хорошо.

– Вы все сдохнете. Слизни! – прощелкал и прошипел он. – Все!

И резко развернувшись, махнул когтистой лапой – Иванов двойник отпрыгнул, иначе ему была бы верная смерть, спасла отменная реакция, звериное чутье. Отпрыгнул, подскочил вверх на два метра и с силой ударил монстра в спину обеими ногами. Тот чуть присел, но удара будто не почувствовал, не шелохнулся. Двойник упал на бок метрах в четырех от монстра. Быстро поднялся. На скривившемся лице застыло недоумение.

– Вы все сдохнете! – прорычал негуманоид, снова повернувшись к зрителям.

– Нехорошо получается, – пробубнил Глеб Сизов. Голодов встал, собираясь выйти.

– Сидеть! – приказал Иван. – Вы не дома. Вы на службе!

Слабаки! Слюнтяи! Нервы у них, видите ли, не выдерживают! Излишнее благородство их, понимаешь ли, душит! И это с ними он взял власть в Великой России, во всей Федерации?! Иван был недоволен соратниками... Но он понимал их, они еще не висели в цепях, как висел он, их еще никогда так не били, как били его, они еще не с о з р е л и ! Но они станут такими как он, станут воинами, или погибнут. Победят или уйдут из этого мира, уступят его вот таким!

Тем временем трехглазый медленно, выставив когтистые лапы, надвигался на двойника. Ему достаточно было ухватить того, сграбастать – и поединок был бы закончен. Но зверочеловек уворачивался, выскользывал, отпрыгивал, не давался. Он не пытался бить сам, он уже пробовал это делать и приобрел некоторый опыт. И все же он исхитрился – в полупрыжке ударил пяткой в пластинчатый висок монстра. Тот отшатнулся, но не упал, лишь заскрипел непеременно и грозно.

Ответный удар попал в цель, негуманоид, отмахнувшись, сбил противника на помост, и уже прыгнул на него, грозя разорвать птичьей, могучей лапищей. Но зверочеловек извернулся, выскользнул. И снова ударил монстра пяткой в висок. Он нащупал слабое место, скорее всего, не настолько слабое, чтобы повергнуть негуманоида. В какой-то миг Иван поймал взгляд своего двойника – в нем было отчаяние.

– Надо остановить бой, – тихо, но сурово потребовал Бронкс. – Или я уйду от тебя, уйду совсем! Я не на службе.

Глеб сидел, уткнувшись лицом в ладони, по худому и жилистому горлу, торчащему из форменного ворота, нервно ходил кадык.

– Мы не вытянем против них, – просипел в оцепенении комитетчик.

Иван с силой сдавил подлокотники. Терпение! Терпение и спокойствие!

Избитый, окровавленный и слабеющий на глазах зверчеловек отступал, уворачивался, падал и поднимался снова, отскакивал, проскальзывал в миллиметрах от убийственных лап. Он уже почти и не пытался сам наносить удары. Даже барьер не мог заглушить его тяжелого, срывающегося дыхания и стонов. Это было избиение – страшное своей неотвратимостью и беспощадностью. Да, на ринге не было судей, не было передышек после коротких раундов. Борьба шла на смерть.

Дил приподнялся из своего кресла. Но Иван, даже не повернув головы, будто стальными клещами ухватил его за кисть, дернул, усадил назад.

– Вы все сдохнете, – снова взревел трехглазый, – сдохнете, как сдохнет сейчас это слизняк!

Шум, грохот, рев амфитеатра – того, невероятно далекого – ударил Ивану в виски. Ар-ра-ах! Ар-р-р-а-ах!! Сдавило горло, будто тогда, будто ошейником. Горько. Страшно. Безысходно! Но никуда не денешься... Отступления нет и не будет. Ар-ар-рр-а-ах!!! Тогда он был даже не странником, не скитальцем. Тогда он был игрушкой. Но он играл и свою игру. Он не боялся их... точнее, он их боялся, до судорог, до смертного ледяного пота, но он пересиливал себя, и всегда вставал против них грудью, не прятал лица. Он был слабее телом. Но не духом. Ар-р-рра-ах! Страшный враг, смертный враг. И снова он один. Они, друзья, соратники не понимают его. Не понимают, что от этого боя будет зависеть все! Или почти все! Встретят ли они Вторжение уже покоренными и слабыми духом, поверженными до сражения. Или обретут силу в самих себе, и встанут на пути нелюдей бойцами, воинами, готовыми биться до последнего смертного выдоха. Он воин, и они будут такими.

– Йа-а-аа!!! – взревел истошным, отчаянным ревом зверчеловек.

Мощный удар снизу подбросил его метров на семь вверх, закрутил, завертел, лишил опоры и... надежды. Негуманоид снова поджал свои кряжистые лапищи, выставил когти, собираясь нанизать на них падающую жертву

– Прекратите это! – закричал в голос Голодов.

Зверчеловек, немисливо вывернувшись, перекинувшись всем своим мускулистым и изодранным в кровь телом, сумел миновать убийственных когтей, упал за спиной трехглазого. Тут же вскочил на ноги, снова упал в бессилии. И пополз, пополз по помосту, оставляя бурый поблескивающий след.

– Прекратите!!!

Уже все повскакивали со своих мест, желая остановить жуткую расправу. Все! Но Иван опередил их на миг, на мгно-

вание – он сорвался с кресла будто выброшенный катапультай, в два огромных прыжка преодолел расстояние до барьера, пробил его – барьер был односторонним – вспрыгнул на помост. И замер.

– Слизняк! – прохрипел трехглазый и зашелся в тихом цоканье – он смеялся. Смеялся над смельчаком, над очередной жалкой и беспомощной жертвой – разве могут они, амёбы, недосущества, тягаться с ним!

В эти секунды Иван не видел никого, кроме врага – страшного, беспощадного, вкусившего человеческой крови, не слышал ничего, кроме его наглого, вызывающего смеха. Он погружался в себя, в собственное подсознание и сверхсознание, он готовился к битве. Он собирал в себе силы тысячелетий, сокровенными чарами рос-веда превращал себя в алмазную палицу Индры, славянского всепокрушающего бога-воина. Он отдавал годы жизни для того, чтобы выиграть сейчас мгновения, он до предела ускорял собственное время, входил в бешеный, губительный ритм одухотворенной и праведной машины смерти. И он уже жил в этом новом ритме. Он начинал видеть, как медленно, будто заторможенный до предела, ползет прочь умирающий зверчеловек, как со скоростью улитки, но с неотвратимостью парового молота тянет к нему лапищу трехглазый, как застыли за барьером статуями-манекенами с разинутыми ртами его соратники-друзья. Он не спешил. Он вбирал в себя энергию тысяч воинов-росов, ушедших из жизни за многие века, но не выпустивших из руки меча. Их рассеянная в пространстве мощь и воля становились его мощью, его волей. Он окружал себя барьерами Вритры, превращая собственную кожу в броню, а мышцы в гранит. Да, он превращался в несокрушимого, неостановимого бойца, каким были его давние предки, в одиночку бившие рати, а вдесятером – орды. Он обретал свою сущность, разнесенную по поколениям, но единую, необоримо-живучую, вездесущую, вековечную, заложенную в рос-ведов Творцом. Он один из немногих сынов Великой Славяно-арийской цивилизации богатырей-росов, внуков Стрибога – Старого Бога первовиллизации земной, умел это делать. И он это делал! Для всех – людей и нелюдей прошли две-три секунды, для него – часы. Но теперь он был готов. Теперь ему не было равных. Ар-рр-аахх! Арена! Он снова на арене. Но не паукомонстр-ург, тысячетонный убийца, противостоит ему, а лишь жалкий двулапый и двуногий монстр. Так пусть же свершится...

– Иди сюда, иди! – выдавил Иван.

Перехватил лапищу стальной хваткой, рванул на себя, отступил на полшага.

Будто в замедленном кино, переворачиваясь через голову, скидывая вверх задние лапы ящера, четырехглазый поплыл в тягучем, застывшем воздухе.

Иван, скрестив руки на груди, ждал – когда он упадет на помост. Не добивал. Пусть они видят. И этот пусть видит – он скошил глаза на уползающего полуживого зверчеловека, на двойника своего, свою кровь и плоть. Тот, вывернув шею, смотрел назад – и глаза его не были звериными.

– А-а-а-а... – гудело бессмысленно и нечленораздельно снаружи, звуки не складывались в слова, не успевали.

Иван дождался, когда трехглазый, ударившийся спиной о помост, вскочил, развернулся и, склонив голову, ринулся на него. Только тогда он подпрыгнул метра на полтора и обеими ногами ударил монстра в круп, ускоряя его движение – тот снова поплыл в тягучем воздухе, пластинчатой головой вниз, будто прыгал в воду. Опамятовавшийся зверчеловек, скаля выбитые наполовину зубы, столь же медленно неся на трехглазого, намереваясь добить его. Но Иван помешал двойнику, выставил руку, отбросил назад – поздно сводить счеты! теперь он сам разберется на смертном ринге. Он сам!

Монстр снова поднялся.

И нарвался на встречный прямой удар такой силы, что многопудовой тушей, подобно сверженному монументу, рухнул на спину. Он был силен, огромен, напоен злобой и он был готов драться! Но он не успевал поднять лапы, не успевал даже осмыслить ситуации, как снова летел на помост. Такое с ним творилось впервые.

А Иван не спешил добивать противника. Пусть все видят. Пусть знают, что и этих чудищ можно бить. Еще как можно!

Трижды негуманоид поднимался на ноги, трижды бросался на Ивана в слепой, нечеловеческой ярости. И трижды, отброшенный прямыми ударами, падал на помост, заставляя его содрогаться от тяжести своего огромного тела.

Глеб Сизов, Дил Бронкс, министр обороны Голодов и все другие, обступив ринг-арену, в изумлении, затаив дыхание наблюдали за поединком и ничего не могли понять. Для них время продолжало идти в привычном размеренном ритме – монстр был стремителен, резок, быстр, он в доли секунд после ударов вскакивал на лапы, бросался вперед... и получал новый удар от почти невидимого противника. По лицу окаменевшего Дила Бронкса крупными градинами тек пот, губы, толстые и синюшные, дрожали. Дил не верил своим глазам, хотя не раз видывал Ивана в деле. Он догадывался, что происходит, он и сам умел ускорять реакцию, движения тела... но не до такой же степени! Иван то застывал на арене непод-

вижным памятником, со скрещенными на груди руками, то почти исчезал в полуневидимом резком броске, в стремительном и неуловимом порыве – и после этого кошмарное чудовище опрокидывалось на спину, переворачивалось, катилось кубырем по помосту, будто ему в лоб ударяло двухпудовым снарядом. Молодец Иван! Страх перед пришельцем пропал. Можно! Их можно бить! Дил готов был и сам выскочить на ринг, помериться силушкой с монстром. Но ведь Иван не уступит места, ни за что не уступит!

Иван и не собирался никому уступать своего права повергнуть трехглазого. После очередного мощного двойного удара, опрокинувшего негуманоида, он решил, что пора с ним кончать, достаточно, хватит, много чести для этой иновселенской нежити биться с ней в долгом честном бою. И когда трехглазый застыл на короткие секунды, застыл, лежа на спине, широченной панцирной спине, от которой гудел помост, он резко взмыл вверх на три метра, намереваясь в падении сокрушить ударом ног непрошибаемую, выпуклую грудь чудовища, сломать ребра, чтобы их острыми осколками пронзить, продырявить черное сердце трехглазой гадины-ящера. Да, только так, иначе одолеть его было невозможно, только так...

Пятки с силой ударили в помост, заставив его отозваться натужным гулом. Иван не удержался, рухнул на колени, перевернулся через голову, тут же поднялся. Он был ошарашен – он не мог промахнуться! Но он промахнулся! Монстра не было на помосте. Его вообще нигде не было!

– Слизняк! – вдруг прошипело за спиной.

И сокрушительным, чудовищным ударом Ивана бросило на силовую преграду, чуть не расплющило, лишь барьеры черного божества Вритры спасли его, не дали превращенному в базальт телу обратиться в кровавый студень.

Он отключил болевые центры – не время предаваться ощущениям. Замер, собирая силы, приходя в себя, все еще не понимая, что же произошло. Потом осторожно шагнул вперед, еще шагнул, быстро развернулся, выставив вперед руки, будто принимая удар сзади, отпрыгнул.

– Вы все сдохнете! – прогремело под сводами зала.

Иван врожденным чутьем ощутил угрозу слева. И тут же его бросило вниз, на помост. Он успел перевернуться, откатиться – не напрасно, совсем рядом ударила в поверхностный пластик сначала одна незримая звериная лапа, потом другая... И тогда до него дошло, будто прожектором ослепило – Невидимый спектр! Да, этот гнусный монстр ушел в Невидимый спектр, и теперь именно оттуда достает своими убийственны-

ми ударами. Еще два, три, от силы четыре таких удара – и все будет кончено. Нет! Не для этого он прошел тяжкий путь от скитальца до воина, не для этого. Иван вскочил на ноги, отпрыгнул – преимущество во времени было за ним, а значит, не все потеряно. Он шарил по клапанам, искал. И одновременно прислушивался, пытался ощутить внутренним чутьем, где сейчас монстр, где?!

Очередной удар оглушил его, отбросил на противоположную сторону ринга-арены. Сознание уже покинуло Ивана, погружая весь мир во тьму, но тут же вернулось – он был не человеком, не простым смертным, он был воплощением воинов-росов, и он не мог уйти из осязаемого и зримого мира раньше своей смерти. На этот раз Иван с трудом поднялся на колени. Он не мог отдышаться. Но сквозь мельтешение черных кругов и точек перед глазами он видел, как мечется по арене зверочеловек, размахивая руками, пытаясь вслепую достать невидимого врага. Он видел застывшие лица за барьером – на них были боль, страдание, и непонимание. Он видел даже капли пота на черном лице Дила Бронкса. Он видел все.

Он не видел лишь монстра-убийцу.

– Вы все сдохнете! – прогремело, прохрипело, прорычало снова.

И зверочеловек рухнул вниз, будто ему перебили ноги. Рваная глубокая рана словно сама собою вскрылась на его груди, заливая помост кровью.

Значит, он там! Иван прыгнул вперед и, не глядя, молниеносно обрушил град ударов в воздух. Один из них достиг цели – что-то хрустнуло, защелкало, зацокало и повалилось. Но мешкать было нельзя. Рисковать тоже.

– Ты сам сдохнешь, тварь! – закричал Иван в гнев. И отпрыгнул назад.

Наконец-то! Наконец-то он нащупал ретранс в боковом набедренном клапане. Черный кубик скользнул в рассеченную, мокрую от крови ладонь. Иван сжал кулак.

И тут же очутился в нелепых и гнетущих переплетениях мшистых лиловых и желтых волокон. Свет померк, но зрение обрело непостижимую ясность, сквозь волокна, свивающиеся миллионами гирлянд, он видел на сотни верст – не было ни зала, ни арены, ни трибуны, ни зрителей, ничего, лишь фантастические, невероятные структуры Невидимого спектра. Так вот почему этот монстр был столь нагл и уверен в себе, он оставлял запасной выход, ему не страшны были барьеры, ринги, поединки, он мог в любой миг ускользнуть от землян в привычное для него и недоступное для них измерение Невидимого спектра. Нет! Не выйдет!

– Ты сам сдохнешь! – прошептал он себе под нос, неожиданно обернувшись.

И увидел страшное чудовище – полупрозрачное, многорукое, покрытое студенистыми отростками. Это был вовсе не трехглазый негуманоид. Это был кошмарный, наводящий смертный ужас оборотень Осевого... нет, это была все та же тварь иновселенская, просто в Невидимом спектре она выглядела так, именно так. Три мертвенно-зеленых, будто потусторонних глаза прожигали Ивана. Извивающиеся щупальца с бритвенно острыми, тонкими когтями тянулись к нему, суля лютую смерть.

Господи, спаси и укрепи, дай сил! Иван наотмашь рубанул ребром ладони – рука погрузилась в вязкую, омерзительную массу. Он еле успел выдернуть ее. Отступил.

Гадина медленно надвигалась на него.

Иван собрался. Теперь он не имел права промахнуться. Иначе все окажется напрасным. Иначе грош ему цена и вечное проклятие!

Он взвился вверх, насколько мог, насколько позволяли силы. Удар надо было нанести всем телом, всей массой. Ну, грозный и справедливый Индра, дай сил! Обрушь свою алмазную палицу на демона черного зла! Не оставь в праведном бою!

Прежде, чем сжаться в комок, в сгусток нечеловеческой, божественной мощи, Иван снова сдвинул в кулаке черный кубик – его мгновенно вынесло из Невидимого спектра.

И тогда он ударил! Будто вырвавшаяся из грозовой тучи стрела Перунова осветила мрак, пропала в пустоте... Нет, не в пустоте – ступни ощутили броню хитина, пробили ее, сорвали с невидимых плеч... Иван обессиленный, выдохшийся, еле живой упал на помост, скрючился от острой боли. Тело обрело обычную плоть, живую и ранимую, оно не могло больше выдерживать страшной нагрузки, оно дрожало рваной крупной дрожью, молило об отдыхе, покое, не повиновалось. Иван не мог даже встать на колени, он лишь приподнял голову, посмотрел назад мутным взглядом.

– Все, – просипел он, – кончено.

Прямо посередине арены валялся в уродливо-вывернутой позе безголовый труп иновселенского монстра. Он медленно выявлялся из прозрачного воздуха, обретал материальность, видимость. Из разодранной глотки ручьем вытекала густая зеленая жижа, наверное, кровь. Метрах в двенадцати от трупа лежала оторванная голова, но ни глаз, ни носа, ни жвал на ней различить было невозможно, все было разбито, вдавлено внутрь жуткого черепа.

Он не промахнулся. Удар попал в цель!

Иван входил в прежний, обычный ритм.

Теперь он явственно слышал, как кричат, как суетятся там за барьером люди, видел, как они тянут к нему руки, будто желая поскорее вытащить с этой проклятой арены, защитить, укрыть. Поздно, он сам себя защитил. Он одолел чудище. Но какой ценой?!

Он глядел в нервные, растревоженные, кричащие лица. Глядел будто сквозь них, не замечая, не видя их. Лишь глаза Светланы не горели диким, суетным огнем. Она сидела в дальнем кресле. Она пришла. Пришла под самый конец, под развязку. И она молча смотрела на него. Этот взгляд невозможно было вынести.

И все равно он победил. Он взял верх! И так будет впредь, так будет всегда. Он пробудит их от спячки, он заставит их защищать Землю! Изнежились! Размякли! Раскисли! Если бы их предки были такими, ничего бы не было – еще тысячи лет назад сгорели бы последние города и селения в пламени пожарищ, созидающие были бы уничтожены, вырезаны, выжжены, настал бы час, когда остались на пожарищах и в пустынях одни разрушители-убийцы... и конец их стал бы страшен – передохли бы все до единого подобно саранче в пустыне, опустела бы земля, обезлюдела бы Земля. Нет, предки умели не только дома строить да хлеб растить, когда надо было, они становились крепче кремня, они не толкли воду в ступах, не мудрствовали лукаво и изворотливо, они брали в руки мечи – и уже не знали ни боли, ни страха, ни пощады. Они были созидаателями. Они были воинами. Они сохранили, сберегли жизнь на планете-мученице. Но потом, века в неге, в пресыщении, в "общечеловеческом" парнике-цветнике... прав был ублюдок Правитель, прав, – они все вырождаются, все до единого, и самые умные, самые добрые, самые человечные – все на гибельной тропе в ничто, в ад крошечной и необратимой дегенерации!

Иван перешагнул чрез незримый рухнувший барьер.

Молчание было непонятным. Они глядели на него, будто он вернулся с того света. У Дила Бронкса тряслись толстые синюшные губы. Голодов был бледен как лесная поганка.

Первой подошла Светлана. Подошла и молча уткнулась лицом в плечо. Она видела тот мир, она знала Систему, и она все понимала... кроме одного, к чему этот нелепый, непонятный бой. Зачем так рисковать, не могла сна понять этого поженски, ведь он не только свою жизнь ставил на карту, он обрекал ее на муки и страдания, зачем такая жестокость?! На-

пряжение, сковывавшее ее, ушло, слезы сами потекли из глаз. Светлана рыдала – тихо, беззвучно, почти не вздрагивая.

– Прости, я был не прав, – будто через силу выдавил Глеб.

Иван кивнул.

– Мы будем их бить! – твердо и даже с вызовом сказал он, глядя поверх голов. – Да, именно вы будете их бить. Бить смертным боем! Бить всем нашим оружием, а когда его не будет, бить руками, ногами, грызть зубами, давить! Мы отстоим Землю! А кто собирается нюни разводить и самокопаниями заниматься, пусть проваливает сразу! Ну?!

Все молчали. Само существо человеческое не могло им позволить вот так сразу взять да и отрезать отходные пути, сжечь мосты за спиной... надежда на отход на отступление, она всегда должна теплиться, жить где-то с самого краешка в сознании, иначе... а что иначе?! И вообще, что же это за надежда?!

– Нам некуда отступать! – продолжил Иван. – Нам некуда прятаться! Ни шагу назад! Сегодня утром я подписал приказ – любое отступление с позиций, где бы то ни было, в любом конце Вселенной, – будет караться смертной казнью. И если дрогну я – стреляйте без жалости и снисхождения!

Он крепче прижал к груди Светлану. Уставился прямо в глаза Глебу Сизову. Тот не отвел взгляда. Иван облегченно вздохнул. Да, они не подведут его. Настанет час, и они все увидят сами, все поймут. Других нет. Рок отвел им слишком мало времени. Мало? Теперь он сам желал, страстно желал, чтобы Вторжение началось скорее, как можно скорей. Иначе он перегорит, иначе они все выдохнутся... Нет! Иван тряхнул головой, будто избавляясь от наваждения. Как тяжело ждать. Как тяжело!

Ласковое, нежное прикосновение вернуло жизнь и свет. Хук снова зажмурился. Но прохладная и трепетная волна накатила, омыла воспаленную кожу, остудила. Это было сказочно и прекрасно.

Хук со стоном перевернулся набок. И сразу увидел необъятную лазурную синь. Океан! Вот он и добрался до океана. Тихий, огромный, добрый океан. В его голубых толщах нет крови и боли, нет боев, нет сражений, нет смертей. В прохладе лиловых вод не горят смрадным багряным пламенем города, не вспыхивают крутящимися факелами людские тела, не грохочут траки, не лязгает броня. Там нет седых и черных пепелищ, нет стонов, воплей, смертного хрипа... там все тихо и благостно, там мир и покой, тишина... да, именно там, и только там само царствие небесное на земле. Прохлада и

тишь. Благодать. Растворение в большом, огромном, несуетном.

Соленые слезы текли из усталых полусомкнутых глаз Хука Образины и сливались с солеными водами океана. Единение, растворение. Ему неудержимо захотелось туда – в мрак синевы, в холод неспешных вод, в тишь и покой. У каждого есть свое пристанище. Не каждый знает о нем, не каждый догадывается, но оно есть. Эти воды укроют его, дадут главное – возможность забыться, уйти из той проклятой жизни, что репьем цепляется за изможденное, измученное тело. Да, только так, только здесь!

Хук приподнялся на локтях, уставился в бескрайнюю синь. Голова закружилась. Слезы потекли сильнее, неудержимей. У него не было сил проползти несколько метров, чтобы волны укрыли его с головой, чтобы подхватили, унесли с собой в благостные и добрые глубины. Он прополз лишь полметра, раздирая в кровь локти. И упал лицом в мокрый песок.

Еще недавно ему снился страшный сон. Снилось явь. Выжженное побережье. Выжженный материк. Черные непроглядные тучи. И воронье. Откуда оно взялось? Хук никогда не видал столько воронья. Тучи гари и тучи воронья в страшном апокалиптическом небе. Под этим багровым небом шла лютая бойня, и никто не считал убитых и погибших. А остались ли там, за спиною, живые?! Может, и не остались. Страх, ужас, смерть. И спасительный Океан. Они рвались к нему как к последней надежде. И вот – прорвались!

Избитый, израненный, умирающий Хук Образина лежал в полосе прибоя – и не знал толком, жив он или мертв. Здесь было лучше, чем в помойном баке, куда его бросили умирать в прошлый раз, намного лучше. Чтобы оказаться здесь, стоило пройти весь этот страшный путь. Хук ни о чем не жалел. Да и чего жалеть-то? Они укротили взрыв дикого, стихийного бешенства на Западе, укротили, усмирили... но какой ценой?! Он один из немногих знал, что ожидает Землю. Но другие-то не знали! И вот это побережье, эти волны. Благодать! А он умирает, и нет никого рядом... Как это нет?

Хук снова приподнялся на локтях. Попробовал сесть. С трудом, с невыносимой болью, но получилось. Крузи нигде не было видно, и сержанта, русоголового совсем молоденького Николая, тоже не было здесь, никого, ни души! Бронеход сбили над скалами, Хук точно помнил. Он обернулся – пики скал торчали рваными, иззубренными остриями вверх, как и положено им. Скаф разбит, разодран. Шлема и вовсе нету. Какие-то обломки и обрывки валяются позади. У Хука начи-

нало в глазах темнеть, но он до боли вглядывался в пространство. Рано еще помирать-то! Рано в лилово-голубую толщу! Может, в другой раз, не сейчас.

Хук зачерпнул в пригоршню набежавшей водицы, плеснул в лицо, протер глаза.

И тут же зажмурился, прогоняя нелепое видение. Контузило! От внезапной мысли сжалось сердце – ежели с головой nelaды, он никогда не выберется отсюда. Нет! Надо смотреть. Надо.

Хук осторожно приоткрыл один глаз.

Видение не исчезло. Прямо из пучины морской шагах в двадцати вылезал какой-то рогатый гад. Вылезал, вздев до самых ушей острые плечи, выставив вперед полусогнутые трясущиеся лапы, передергиваясь, будто пес, стряхивающий воду... И человек, вроде, и не человек.

Нет, это не видение. Теперь Хук явно видел облезлую, мокрую тварь, выходящую из вод. Он уже видал таких! Память ударила будто обухом по виску. Точно, видал, там, под землей, в проклятых притонах. Рогатая, полужвериная морда, шерсть... Рука потянулась к парализатору, нащупала рукоять.

– Не выползешь, гаденыш! – просипел Хук. – Я тя на свет-то Божий не пущу!

Он вскинул парализатор, дал по рогатому средним, упреждающим.

Тот дернулся, вскинулся, упал, поглощенный бурлящей водой. Но почти сразу поднялся и столь же слепо, выставив лапы пошел к берегу. Теперь его трясло еще сильнее.

– Ух ты, зараза! – прошипел Хук. – Никак промазал! Нет уж, не уйдешь! Получай, нечисть!

Он выпустил три заряда подряд. Он бил точно и метко, верняком.

Но рогатая гадина, упав, сгинув в волнах, вновь подымалась, и даже не поворачивая головы в сторону стрелка, шла вперед и вперед, она уже выбиралась на желтый песочек.

Хук ничего не мог понять. Были б силы – бросился бы на тварь, прибил, придушил. Но сил не было, лишь слезы текли по небритым колючим щекам.

Рогатый наконец выбрался, замер на мгновение, увязнув костистой лапицей в песке. Потом дернулся и сомнамбулически, будто зомби, побрел к скалам.

– Мерещится! – озлобился Хук. И стал яростно тереть глаза.

Совсем рядом с ним, в двух саженях, прибором выкинуло огромную студенисто-фиолетовую медузу. Хук поморщился, попробовал было отползти. Сил не хватило. И он застонал.

Медуза минут восемь лежала бездыханно, чуть подрагивая. Потом прямо из блеклого студня стали вытягиваться два шарика на стеблях, два глаза. Хука прошибло холодной испариной. Он снова потянулся к парализатору. Но омерзительная тварь не замечала его, страшные полупрозрачные буркалы были устремлены к берегу, к скалам.

Прошло еще немного времени, и вслед за глазищами из студия вытянулись четыре длинные членистые и прозрачные лапы, потом появились извивающиеся отростки, щупальца... и все это, колыхаясь и сотрясаясь, дрожа и переливаясь, поползло из воды к камням, к скалам.

Хука чуть не вывернуло от отвращения. Он не стал стрелять, не мог, руки тряслись, не слушались. Нет, океан-батюшка, не одну лишь прохладу ты рождаешь, не только тишь да благодать... это ж надо, какие гадины! Хука трясло неостановимо. Ежели из ласковых мирных толщ лезет эдакое, и впрямь нелады творятся! и впрямь пришли времена жуткие! вот он, настает все-таки Конец Света, и восстанут мертвые из могил и пучин, и лезут чудовища сатанинские, дьявольские! всему есть предел! вот он и пришел, не отвертись и не спрячешься!

Лодка опускалась медленно. Сигурд не спешил. Там и без него обойдутся, сейчас, после их победы, начальничков стало много, каждый спешит примазаться, вот и пускай поработают. А ему все понять надо, иначе никак нельзя.

За последние вылазки и самовольные выходы Иван врзал ему по первое число, устроил основательную взбучку и пообещал, что если еще будет самовольничать, в карцер загремит. Сигурд молчал, кивал. Защищать его было некому, Гуг лежит бездыханный в своем гробу-анабиокамере. А провинностей – то всего-навсего – две гигронные субмарины, затопленные Сигурдом вместе с экипажами по триста душ, расплавленная база космодесанта в Паломаресе и остановленный гиперторроид, тот самый. И черт дернул его заглушить! Но разве он виноват, разве он специалист по этим проклятым Д-статорам? Вот Иван так и сказал: не специалист, черт бы тебя подрал, так и не суйся, пока тебе башку не оторвали! Оказывается, он, сам того не желая, следы всех этих выродков замел, а заодно и следы карлика Цая ван Дау. Ну и ладно, дело старое, забудется со временем.

Сейчас Сигурд опускался на исследовательской подлодке типа «креветка» в антарктические глубины. Раньше тут был материк. А теперь ямища непомерная. Глубинный заряд оставляет не воронку, он оставляет провал на тот свет – будто и

не след удара, а новоявленная марианская впадина поперечником в сорок миль... нет, больше, значительно больше. Что ж поделаешь, думал Сигурд во мраке, русские Антарктиду открыли, они ее и раздолбали к чертовой матери. Загадочный народ! Зато там, внизу, что-то есть – это он знал наверняка, и сомневаться нечего.

Но пока ничего интересного на глаза не попадалось. Лишь раз семь или восемь всплывали вверх чьи-то скрюченные тела, трупы – странные, со вздымленными волосами, без одежды и будто мхом поросшие, наверное, такие шутки выкидывает с покойниками давление, ведь поднимались тела оттуда, со дна провала... А когда-то здесь был дворец. Тайный дворец! Никто не знал о его существовании, почти никто. Он и сам-то недавно узнал. Сначала не поверил даже. И на вот тебе – никаких следов! Нет, надо идти вглубь, нечего барахтаться у самой поверхности!

Сигурд откинулся в кресле, прикрыл глаза.

Лодка стремительно пошла вниз, во мрак и холод. Взбаламученная, непроглядная жижа все клубилась, вихрилась, не находила покоя, хотя прошло немало дней. Миллионы тонн воды! Исполинские всеразрушающие силы столкнулись здесь, чтобы погасить друг друга в бессильной титанической злобе. Испарившиеся льды через минуты и часы после удара водопадами обрушились на Южную Америку, Австралию юг Африки. А воды Тихого и Атлантического океанов ринулись в чудовищный провал... Даже представить себе невозможно эдакую мощь! Сигурд словно оцепенел в кресле. Таких катаклизмов на Земле не бывало за последние сорок миллионов лет. Чего же он ищет! Там ничего не могло остаться, там все уничтожено самим ударом, а потом и убийственным прессом океанских вод. И все же... вниз!

Он опустился на самое дно и теперь методично, последовательно обшаривал метр за метром. Собственно дна как такового и не было. А было страшное нагромождение валунов, искореженного, изодранного, вздыбленного металла и всевозможных обломков. Здесь можно было потратить полжизни и ничего не найти. Сигурд направил лодку к уродливым стенам воронки. Там было опасней – в любой миг мог обвалиться очередной непомерный обломок породы или конструкций, задавить, похоронить под собой. Лодку удалось раздобыть самую простенькую, «креветка» это не боевая субмарина, и даже не поисковик, а так, старье, полулюбительская посудина. Ни один нормальный человек не отважился бы на эдакой лоханке лезть в ледовитые моря. Но Сигурд не был нормальным. Он полез.

И он нашел. Дыра зияла в крошечном мраке, ее удалось нащупать радаром. Главное, что это не пещера, не естественное образование в толще материка, а именно дыра – тут был туннель, а может, просто здоровущая труба, используемая неведомо как, разорванная ударом. Повезло!

Сигурд повел лодку в темноту. Он Прекрасно осознал, что сам загоняет себя в мышеловку, что стоит случиться малейшему завалу позади, и никто и никогда его не отыщет, он станет узником мрачной тюрьмы, обреченным узником. И все же он шел вперед.

– Разберемся еще! – цедил он себе под нос. И смахивал пот со лба.

Внутренняя связь отсюда не срабатывала. Он уже пробовал – ничего не выходило. Значит, была блокировка – преграда, которую не смог разрушить даже глубинный заряд. Ну и плевать! Он обойдется и без внутренней.

Все чаще локатор засекал чужие тела. Откуда их столько бралось?! Сигурду некогда было жалеть утопленников, печаловаться об их судьбе. Но он отказывался понимать происходящее. Трупы всплывали отовсюду, будто некто незримый их вытаскивал из всех щелей. Да, он понимал, дворец был огромен, сказочно велик. И всякой обслуги в нем хватало, наверняка, одной охраны была целая армия... и все равно это переходило все грани.

– Ладно, поглядим, – проворчал Сигурд еле слышно, – пощупаем, чего это такое!

И выпустил манипулятор, захватил одного из мертвяков, втянул в шлюзовый отсек лодки. Дал полный обзор. И чуть не выскочил из своего кресла. Мертвяк был рогатый... и живой! Да, он открывал лупоглазые, бессмысленные глазки, тянул вперед когтистые нечеловечьи пальцы. Только этого еще не хватало!

– Нет уж, прочь! – прошипел Сигурд.

И вышвырнул мертвяка из отсека, только манипулятор черной тенью мелькнул во мраке.

– Примерещитесь же! – успокоил себя Сигурд. Он не боялся ни живых, ни мертвых. Но ему только не хватало еще воевать с какой-то нелепой и непонятной нечистью... впрочем, почему именно воевать? Ведь этот тип даже не пытался сделать чего-либо нехорошего он просто извивался червем в лапе манипулятора. Бред! Нелепица!

Сигурд вел лодку вперед, по извивам и изгибам огромной трубы. Вход в это чрево оставался далеко позади, в двенадцати милях. Но локаторы не нащупывали ни люков, ни переход-

ников, ни шлюзов. Лишь через полтора часа неспешного хода лодка уткнулась в титанобазальтовую стену.

– Ну вот и приехали! – обрадовано воскликнул Сигурд.

Он был уже в скафе, при полном снаряжении. Ни чутье, ни радары его не обманывали. Здесь вход, один из множества входов в антарктический дворец. Значит, часть его уцелела! Она и не могла не уцелеть. Тут строили надежно, надолго. Хозяева этого великолепного логова обустроивались в нем навечно, будто позабыв, что сами не вечные.

Полтора часа Сигурд угробил на заглушку, нещадно ко-режа ее лазерным резаком. Потом как-то разом, ее сорвало, подхватило струями и вместе с ним самим швырнуло внутрь. Спасло то, что автоматика шлюзов работала. Запасной створ опустился за спиной, вода сошла будто ее и не было, один за другим пооткрывались три люка-переходника. И он оказался в просторной камере с одной-единственной дверцей. Сигурд не стал разоблачаться, мало ли что! Он отворил дверь и побрел по длинному унылому коридору. Никто не препятствовал его продвижению, никому он тут не был нужен.

– Где эти негодяи? – не выдержал наконец-то Иван. – Где они?!

Комитетчик смотрел исподлобья. Глеб Сизов разводил руками.

Еще на вчерашний день была запланирована встреча с главарями мафий, с теми, кто возглавляет и Синдикат, и Восьмое Небо, и прочие супербанды вселенского масштаба. У Верховного было достаточно сил и средств, чтобы скрутить их в бараний рог, заставить подчиниться Комитету Спасения... или ликвидировать. Не до шуток. И пятеро из семерых дали согласие. Каждому отводилось по пятнадцать минут, поочередно, больше и не нужно, кто за эти минуты не способен принять решения, тот и за год не решится. Вторжение начнется со дня на день. И никто не должен стоять за спиной. Никто! Он не допустит этого, он пойдет на все! Только безумец не способен понять такой простой штуки. Или им мало опыта всех этих вырожденцев из Объединенной Европы, Штатов, Австралии?! Нет, не может быть, ведь есть же у каждого голова на плечах. Причем, одна, единственная!

– Где они?!

– Все филиалы, все базы на Земле и других планетах пусты, – повторил Глеб. – Они ушли разом, будто по команде. Они что-то знают, чего не знаем мы...

– Тем более их надо было достать!

– Мы можем их достать. В любую минуту, – доложил министр обороны. – Они все на прицеле: двести семьдесят семь межгалактических звездолетов, четырнадцать базовых станций – ни одного объекта в ближнем Космосе, все за пределами метagalктики. Достать можно...

– Так в чем же дело?!

– У них в лапах примерно пятая часть всей нашей совокупной мощи. Мы не можем и дальше уничтожать свой же боевой потенциал, пускай он и в руках бандитов. Они земляне, и они дали слово не противодействовать нам.

– Слово?! – Иван сжал кулаки. – Этот потенциал, как ты изволил выразиться, они всадят нам в спину, понял?!

– Не всадят! Они ушли по другой причине.

– Другой?!

– Они почувствовали какую-то опасность, но не говорят, какую. Они бежали с Земли и других планет, как крысы с тонущего корабля. Но они не нас испугались.

– Так кого же?! – не выдержал Иван. – Трехглазых, которые еще не пришли?!

– Нет, не знаю. – Глеб тоже почти кричал. – Для этого есть разведка, пусть отрабатывают свой хлеб!

– И все же надо их бить!

– Нет, – Голодов застыл перед Иваном с окаменевшим лицом. – Нельзя, ни в коем случае нельзя.

– Почему?!

– Мы угробим на них половину всего боезаряда.

– Всего? Половину всего боезаряда, имеющегося в наших вооруженных силах?!

– Да! Мы наполовину разоружим себя. Это недопустимо. И так уничтожена треть всех баз, мы слишком много отдали, чтобы стать едиными, чтобы собрать всех землян в один кулак!

– Это было необходимым!

– Да! Но факт остается фактом. Если мы израсходуем последнее, нам не с чем будет встретить пришельцев. На восполнение утраченной промышленности потребуется минимум год напряженной работы, да еще доставка, комплектация, прочие дела. Мы слишком много палили, стреляли, расходовали. Пора собирать камни.

Иван отвернулся. Они правы, ничего не попишешь. И нечего кричать, нечего зло срывать на невиновных. Надо работать в любых условиях. А ежели нужно, так и самому пойти на поклон к этим... Но почему они как огня страшатся Земли, почему бегут с нее?! Неспроста все это. Есть причина. Сначала ушли выродки, ушел Синклит со всей своей шушерой. Теперь

сбежали эти, слава Богу, не в другие пространства. Но почему?! Ведь не от него же они бегут, не от Комитета Спасения? Он их везде достанет, и они это прекрасно знают. Значит, есть еще кто-то. Но кто?!

Иван подошел к столу, уселся в кресло. Сосредоточился. Из-за резной ореховой панели за его спиной выплыла черная, матово поблескивающая сфера – правительственная связь.

– Я хочу говорить с главой Синдиката! – потребовал он.

Перед глазами вспыхнула зеленоватая надпись, лишь он один видел ее: "С организациями подобного рода и их представителями не принято устанавливать прямой контакт. Повторите запрос».

– Немедленно связать с главой Синдиката! – процедил Иван.

Новая надпись ударила в глаза: «Синдикат не имеет главы».

– Бред какой-то, – вырвалось у Ивана. «Синдикат не имеет главы!» – повторно высветилось перед ним.

– Но ведь кто-то же управляет им! Я не знаю, совет какой-нибудь или триумвират, выборные, черт возьми!

«Никто не управляет. Синдикат есть самоорганизующаяся система».

Иван откинулся на широкую и мягкую спинку кресла. Час от часу не легче. Век живи, век учишься, дураком помрешь! Ну почему он не знал об этом раньше? Почему?! Голова гудела. Ответа не было. Да и какой мог быть ответ – почему, собственно говоря, он должен был знать это, он что, специалист по мафиям?

– Ну ладно, хорошо, – проговорил он спокойней, – кто там у них осуществляет координацию действий, с тем и связать.

«Координацию действий осуществляет оперативный штаб четырех «больших мозгов» Синдиката. Подключено блокировано».

– Взломать блоки! – потребовал Иван. В нем начинало закипать возмущение. Кто он, в конце концов, бедный родственник, попрошайка или Верховный Правитель Федерации!

«Есть подключение!» – вспыхнуло зеленым.

И понесло, закрутило, завихрило в сумасшедшей, бешеной гонке видений, знаков, символов, звуков, наплывающих и пропадающих картин – бред ополоумевшего наркомана. Иван знал, что человеку не следует подключаться напрямую к «мозгу», тем более «большому» да еще и целому конгломерату «мозгов». Но ведь аппаратура правительственной связи по его желанию должна, обязана выбрать самое важное, необходимое даже сквозь все блокировки, не взирая ни на какие

шифры! Пересиливая головокружение, мельтешение линий, точек, кругов, тел, лиц, вихревых потоков и изнуряющих черных водоворотов, он выплеснул из себя с силой и твердостью облеченного приказывать:

– Слушать меня! Говорит Верховный Правитель Федерации! Слушать и отвечать!

За эти доли секунды оперативный штаб «больших мозгов» должен был узнать его, декодировать, подтвердить для самого себя, что говорит именно Правитель. И он это сделал. Мельтешение на время прекратилось. Мрак объял Ивана, будто его стало втягивать в черную воронку. Ох, эти саморегулирующиеся системы. Ежели так и дальше пойдет, то человек и вовсе не нужен будет. Нет, хватит философствовать, не время.

– Причина исхода с Земли?! Отвечать!

Они обязаны ответить ему. Но они не ответят, Иван уже знал это. Точнее, не ответят в привычном смысле слова, они не люди, у них свой способ общения: для подчиненных – команды, планы, оперативные карты, пакеты приказов, для себя, внутри – образы, символы и повторяющиеся в различных комбинациях точки.

И на самом деле ответа не последовало. Но зато он вдруг увидел посреди черного водоворота приближающуюся Землю, вращающийся в суетном ускорении земной шар. Он наплавал быстро, стремительно, заслоняя собою все. И когда наконец заслонил, застил и свет и тьму, поверхность его начала трескаться – и бурые материки, и синие воды, все вдруг покрылось сетью трещин. И полезло из них что-то мелкое, будто личинки, выбирающиеся из пор растрескавшейся перезрелой дыни. И ударило не в уши, а прямо в мозг: «опасность! опасность!! опасность!!!»

– Какая опасность?! – заорал Иван, сдавливая виски.

Три красных круга один в другом загорелись перед его глазами. Высшая степень опасности. Но почему он ничего не знает? Откуда исходит эта опасность? Кто ее несет? С ума можно было сойти! Все Пространство, от Земли и до самых дальних закоулков Вселенной прощупывается по микрону – никто не проскочит мимо, никто не пройдет незамеченным! Сама Земля полностью под их контролем. Что еще за опасность? Они просто издеваются над ним!

А тем временем личинки из щелей и пор все лезли и лезли, они были похожи на малюсеньких вертлявых и суетных члеников, они кишели, наползали друг на дружку, и все вылезали и вылезали.

– Что это?! – потребовал он ответа.

«Синдикат не знает», – полыхнуло зеленым в глаза.

– Черт с ним! – Иван вскочил с кресла. Уставился на Голодова. – Держать на прицеле! Малейший ненужный жест с их стороны – уничтожить! И без всяких сомнений! Заводы успеют дать нам заряды! Успеют! – Он твердил слова, будто заклиная самого себя.

С Восьмым Небом удалось связаться. Ответил один из шестерых совладельцев и долго клялся Ивану, Земле, Федерации в верности, заверял, что все как один сотрудники Неба встанут плечом к плечу... и даже примут на себя первый удар. Но на Землю? Нет! Ни за что!

– Нам темнить незачем, – напрямую ответил Дун Хагос, то ли и впрямь «совладелец», то ли «крестный отец», черт их там разберешь. – Вы сами знаете, Иван, вы там были – ваши кодоблоки в нашей памяти. Ядро Гиргеи, припоминаете?!

– Еще бы, – мрачно изрек Иван. Ему совсем не нравилось происходящее. И не столько тем, что с ним, Верховным, вели себя неподобающим образом, сколько своей бестолковостью и неизвестностью.

– Мы получили подтверждение прямо оттуда. Угроза нулевой категории, это похлеще, чем голышом в реакторе. Иван, мы тут все восхищаемся вашей смелостью, но никто из наших не пойдет на Землю. Это точно, даже если вы отдадите приказ отправить всех нас на тот свет! Не спешите! А мой вам совет, уходите сами пока не поздно!

Иван ударил кулаком по резной столешнице. Он был готов и расхохотаться и разрыдаться одновременно. В подобном идиотском положении ему еще не доводилось бывать.

– Вы можете толком сказать – в чем заключается угроза?! Сейчас не время темнить, Дун! Я обещаю, что никто вас и пальцем не тронет!

Хагос долго молчал. Потом начал виноватым тусклым голосом.

– Открылись какие-то туннели или воронки, я не знаю, я не ученый, я делец. Из них что-то идет на Землю. Нам известно одно, это смертельно и неостановимо. То же, только немного медленнее, происходит и на всех прочих планетах. На спутниковых и транссистемных базах этого нет, вот мы и ушли на них, понимаете? Не теряйте времени даром! У вас роскошные базы, у вас фантастический флот! Какого дьявола вы держитесь за эту прогнившую старую Землю! Да плевать на нее сто раз! Пусть получает, что заслужила – слишком уж много на ней дерьма накопилось! Да еще эта последняя война, такого ужаса мир не видывал. Я не ученый, Иван, но я вам скажу, я думал об этом – может, мы сами открыли эти про-

клятые туннели. Понимаете? Ведь не просто так все бывает, есть же причины?! Бегите, пока можно сбежать!

– Спасибо за совет! Иван отключился.

Ничего большего от этих скользких типов не разузнать. Надо всегда помнить, с кем имеешь дело. Но почему его службы молчат. Он сурово воззрился на начальника Главного Разведывательного управления, перевел тяжелый взгляд на комитетчика. Что они ему докладывали? Все спокойно, все в норме... притасили, правда, двух мертвяков, двух рогатых уродов-мутантов так Иван их и прежде знал. Правитель, чтоб его черти на том свете не забывали, называл таких сатаноидами, говорил, мол, чуть ли не серийное производство на Западе. Но это все ерунда. Сколько их там может быть – миллион, десять миллионов рогатых управляемых тварей? Пустяки! Зародыши-пауки заблокированы, да и не время им, не созрели еще... и вообще, все это не то! все это ерунда! опасность исходит из Пространства – Чужого Пространства, Иной Вселенной! И они уже показали себя! Вот чего надо бояться! На Земле все в полном порядке. Но тогда почему... А потому! Они, эти лицемеры, ведут двойную игру! Они скрывают главное, а может, они готовят что-то против него. Да еще заодно с дозрывниками – не даром он проговорился про ядро Гиргеи, выдал себя Дун Хагос!

И все же надо принять меры. Какие?! Какую задачу он перед ними всеми поставит?! Гоняться за бесплотными тенями? Ловить призраков?! Ивану до боли, до судорог в кистях захотелось реального, осязаемого противника. Но игра шла не по его правилам.

Только сейчас Сигурд абсолютно четко понял, что он влип, что ему никогда не выбраться из этого логова. Он сам сжег мосты!

В обитель владык мира не положено забредать чужакам. А он забрел. Мало того, он проник в святая святых – в хранилище информации, в закрытый блок Антарктического дворца, блок, чудом уцелевший, отрезанный ото всего мира, брошенный самими хозяевами, но блок, оберегающий себя, работающий в прежнем ритме. Все двери открывались перед ним, все ставни распахивались – здесь не было кодов и шифров, не было по той простой причине, что смертный снаружи никогда, ни при каких обстоятельствах не попал бы сюда. Блок имел внутренний, закрытый вход. И не имел выхода. Тут бесполезно палить из бронебоев и лучеметов. Это лабиринт смерти – бери все, сокровища пред тобою, бери сколько унесешь, но знай – нести тебе эти сокровища некуда, на них и помрешь,

под ними и сгинешь. И выручки не будет. Внутренняя не работает.

Первым делом он забрел в малый агатовый зал, где под низкими гранеными сводами стояло хрустально-прозрачное кресло. Больше ничего не было. Больше ничего и не было нужно.

Сигурд прямо в скафе плюхнулся на искрящееся сиденье, вцепился в подлокотники. Но почувствовал, что кресло отторгает его скафандр. Пришлось разоблачиться. И все пошло по-другому. Нега и тепло охватили его тело. Своды пропали. Стало белым-бело. Он даже не успел задать своего вопроса, только смутно ощутил его зарождение в мозгу, а система работала. Он видел! Бескрайние льды Антарктики, еще не потревоженные, не испарившиеся, прежние, и черные пики выступающих изо льдов скал. И всю толщу белых наростов, и толщу базальта и гранита подо льдом... а потом он разом узрел огромный, непостижимо-огромный подземный город: тысячи этажей-уровней, уходящих вниз, немислимое сплетение дорог-трубопроводов, колоссальные энергетические установки, фабрики, заводы, гигантские лаборатории... но все это по окраинам, внизу, сверху, а в центре – фантастическое сверкающее ядро сказочного дворца в ферралоготитановой скорлупе с алмазными гранями. Разум отказывался воспринимать все это великолепие.

– Так было, так было, – шептал Сигурд в полузабытьи, – этого уже нет, нет, нет!

Он был прав. Этого уже нет. Но оно было. Обиталище Синклита? Никто толком не знал, что такое Синклит. Но все догадывались, что миром правит несколько невероятно, непостижимо богатых семейств. Они не были самим Синклитом. Но Синклит подчинялся им и только им. Они меняли места своего обитания, у них во Вселенной было множество подобных городов-дворцов с миллионами слуг, с армиями охраны. И все они были родней, все принадлежали к одному роду, издревле поставившему себе целью собрать все богатства Земли, подчинить себе человечество. Они добились своего. Но они разом потеряли все... или почти все. И этот зал, и это хрустальное кресло – все было сделано для них, все принадлежало им. А он чужак, поэтому ему никогда не выбраться отсюда. Никогда!

Сигурд смотрел и запоминал. Вот оно изгибающееся, вьющееся ответвление трубохода, ведущее к хранилищам памяти, их наверное специально сделали на отшибе, а может, их не слишком часто посещали. Да и кто мог их посещать – едини-

цы избранных, вырожденки, как называл их Иван. Нет, этого постичь невозможно!

– Что ждет Землю?! – выкрикнул Сигурд во всю глотку.

Если он здесь не получит ответа на свой вопрос, то нигде не получит. За тем и шел сюда, за тем не щадил жизни. Тут все – все знания, вся память, все богатства человечества... уничтоженные богатства!

Ответа он не получил. Кресло в агатовом зале продолжало знакомить его с самим дворцом и всеми его залами, переходами, сегментами и секторами, знакомить с тем, чего уже не было.

– Нет, так не пойдет!

Преодолевая негу, Сигурд вырвался из мягких оков хрустального кресла. Дальше! Надо идти дальше.

Он уже не шел, его влекли самодвижущиеся лестницы, дорожки, он плыл в креслах, поднимался на ложах, его несло и переносило из зала в зал. В одном, пурпурно-алом, он задержался. В центре его стояло сиреневое ложе под ажурным балдахинном. И Сигурд рискнул, прилег – это было ошибкой. Дюжина ослепительно красивых женщин, полуобнаженных, сверкающих драгоценностями, обворожительно улыбающихся, изгибающих станы ползли к нему со всех сторон. От такого сулящего блаженство удовольствия невозможно было отказать. Сигурд тихонько застонал. Стоило лишь расслабиться, отдаться неге – и эти гурии подарят рай на земле. Но в голову ударило – фальшивка! Все это фальшивка, этого нет – просто игра полей, наведенные фантомы и возбуждение соответствующих центров в мозгу. Они так развлекались, они тут блаженствовали – максимум удовольствия, и никакого риска, никаких телесных болезней и душевных страданий... Прочь! Прочь отсюда!

Он вскочил с ложа. И все пропало. На миг Сигурд расстроился. Но тут же собрал волю в кулак. Не для того пришел он сюда, не для того обрек себя на смерть, не для того!

Искомое ждало его в черном зале с уходящим в невидимую высь потолком. Здесь стояло не кресло, а целый трон – огромный черный трон с полусферой над изголовьем. Черный трон посреди хрустального пола.

Сигурд, не раздумывая, уселся на черное сиденье, откинул голову. И поплыл – будто в ладье по широкой и неспешной реке. Спинка трона опустилась, тело выпрямилось, набежала сверху пелена, словно прозрачный покров, качнуло в одну сторону, в другую, омыло горячими струями... и ощущение рук, ног, бьющегося сердца, вздымающейся груди пропало, осталась лишь голова: мозг, кристально чистый и ясный, уши,

глаза. Это было невероятное ощущение, но оно не пугало, напротив – радовало, дарило отрешенность и мудрость. Сигурд понял, что именно сейчас он может выведать все обо всем, познать Мироздание и его законы. Теперь можно было задавать любые вопросы. И не затыкать уши, не кривиться в сарказме, заведомо не признавая ответов, нет, теперь лжи не будет, и фальши не будет, здесь не лгут.

– Что ждет Землю?! – прошептал он, еле шевеля губами.
«Гибель!»

Ответ прозвучал в мозгу бесстрастно и четко.

«Неминуемая гибель, неотвратимая и ужасная для оставшихся на планете, гибель предрешенная для всех двуногих...»

Двуногих? Сигурд не сразу понял, о ком речь. Но тут же усмирил себя – нечего психовать, отсюда на мир смотрели другими глазами, для них люди – двуногие животные. Не надо забываться, это там, во внешнем мире, выродки и их холуйствующая прислуга растекались елеем, источали мед красивых речей и посулов, там. А здесь, у себя они все называли своими именами. И такое дается не каждому, ему страшно повезло – побывать в шкуре одного из тайных властелинов мира, познать ведомое ему. И хватит дергаться! Хватит! Нельзя напрягаться, нельзя растревлять себя. Ведь он уже плыл, он начинал познавать... Снова! Все снова! Волны опять подхватили его, понесли, обожгли горячими струями и погрузили во мрак. Но не свинцово-беспросветный мрак, а в какой-то иной, дающий зрение во тьме и беспроглядности, будто в беззвездной ночи вспыхнуло вдруг черное солнце, вспыхнуло и осветило ночь черными лучами черного нереального света. Видеть во мраке? Значит, так надо, значит, есть такие, кто обладает подобной способностью. Главное, ничему не удивляться. Бескрайняя, необозримая ночь, черная бесконечная пропасть. И он в ней. И свет смертелен и страшен... Но почему?! Потому! Потому что он другой, потому что он – не он, а один из них. В голове ни с того ни с сего возникли два слова – Черное Благо. Знакомо, слышали, Сигурд почти не реагировал на слова, к нему начинали приходиться образы – более емкие и наполненные, чем эти жалкие, поверхностные и пустые словечки. И все же он помнил про Черное Благо – притоны, черные мессы, сборища полубезумных поклонников дьявола, оргии, шабашы... причем тут Синклит? Не причем. Все уплывало, и его несло в еще более черный мрак, в вездесущую и абсолютную Тьму. Она была не на Земле, и не в Космосе, она была сама по себе и повсюду, она и была тем беспредельным Океаном, что заключал в себе все вселенные и все измерения, черным океаном Мироздания. Тьма царила повсюду – и в

страшной бездонной пропасти, в которую падали миры, и в самих мирах, порожденных ею, тьма была в холодном, мерцающем под черными лучами льде безжизненных астероидов, и в термоядерном огне обезумевших сверхновых звезд, вспыхивающих смертным черным пламенем, тьма была повсюду, и в ней жили химеры, черные, бесплотные и вездесущие. Они жили во Тьме и Мраке, ибо и тьма и мрак Пространства не были пустыни и пусты для обладающих черным зрением в черных лучах черного внепространственного солнца. Океан смерти и холода был обителью черных незримых химер... Химер?! Нет, они переставали быть химерами, обретали плоть, и пустота заполнялась черными шевелящимися, копошащимися, снующими во мраке чудовищами, изгрызающими друг друга, пожирающими самих себя и нарождающимися вновь из той же вековой Тьмы. Да, мрачный и ледяной Космос не был пуст и мертв. Он жил своей жизнью – мертвенно черной, ужасающей и беспощадной. И среди всего этого черного и бесконечно-бескрайнего хаоса были две силы: несущие закон и порядок в черный мир мрака, порожденные им и переустраивающие Мироздание во имя Черного Блага, властелины всех миров и вселенных, хозяева бездонной черной Пропасти и логовищ Смерти, изгнанные и блуждающие, всесильные и ожидающие Часа Тьмы... и еще какие-то другие, мрущие во мраке и живущие при белом нелепом свете, населяющие крохотные, микроскопические пузырьки белого света, разбросанные в непомерных толщах мрака и черного бытия – чужие, обреченные, жалкие и немощные, вымирающие недосущества, белая смертоносная, изъедающая и гадкая слизь на исполинском черном теле, вирусы убивающей жизни и вместе с тем сама жизнь, непрекращаемо приносимая в жертву, наполненная жертвенной кровью, и существующая для ее уничтожения... Сигурду стало страшно. И одиноко. Хотя он сейчас был с ними – всесильными и жестокими, с носителями Черного Блага, не балаганно-земного, притонно-оргиевого, а подлинного, существующего вне Земли и помимо ее. Он был ожидающим исполнения Великого Предназначения и дождавшимся его, дождавшимся Пришествия. Он был словно поделен на три части: самой крохотной и жалкой была прежняя, человеческая, самой большой и давящей – та, вселенская, потусторонняя, черная и внереальная, а средней, промежуточной частью его нынешнего существа было и земное, человеческое, и то чужое и страшное, что стало вдруг своим. Да, они именно такие – они, правившие ими, но не бывшие людьми в полном смысле слова! Это они знали свою цель с самого начала, когда белые, копошащиеся на белом

свете двуногие недосущества еще рвали друг другу глотки, стравливаемые ими же и не понимающие своей роли стравливаемых диких животных, но проливающие жертвенную кровь и отдающие свои богатства им – отражениям высших, черных существ на Земле и в других пузырьках белого света во Вселенной. Они всегда были разными?! Нет! Было время, когда они еще не были ничем, но были едины. Потом одних коснулось дыхание света, а других – Тьмы! И стали одухотворенные светом жертвами, а посвященные в Черное Благо приносящими жертвы. И разделилось все в пузырьке света – и познали одни разделение, и стали сильны им, жестоки и беспощадны, и не познали разделения свершившегося другие и остались жалкими, беспомощными, игрушками в руках посвященных в Черное Благо. Когда это случилось?! Давно, очень давно... Но почему... Сигурд не успевал задаваться вопросами. Образы наплывали на него вместе с горячими струями черной незримой реки, открывающей черный подспудный мир. Да, это была и сила избранных Извне, и слабость. Они были сильнее своих прародителей – обитателей Океана Мрака, ибо они могли жить в пузырьках света и творить жертвоприношения, властвовать незримо и тайно над двуногими, заставляя их принимать их закон и существовать по их заповедям – во лжи к заповедям собственным. Но они были бесконечно слабы пред самими носителями Черного Блага, коим недоступно было проникновение в миры живых и обитающих при белом свете. И ждали Пришествия одни, и жаждали жертвенной крови другие. Но были целым, не щадящим друг друга и не могущим быть без друг друга. Черное Благо! Черные пустыни! Сигурда закружило, завертело, повлекло в пропасть чуждого, но ставшего близким мира. Пришествие! Сквозной канал?! Это начинает свершаться! Этого не было миллионы, миллиарды лет! Но Предначертанное Извне начинает сбываться... и не будет больше раздвоения – они уйдут из пузырьков света, они уйдут во Мрак, чтобы слиться с породившими их. Свершается...

Сейчас он стоял – а может, висел, или лежал, или плыл, он ничего не ощущал – меж ними, меж своими новыми собратьями и соплеменниками. И они касались своими черными, матово поблескивающими телами его тела, и они свивали свои скользкие щупальца с его щупальцами, и они дрожали все вместе в мерной лихорадочной дрожи благостного напряжения, предчувствия свершения. И высший над ними, большой, огромный, чудовищно великий и страшный вещал проникающим в каждую клетку тела зудом – заставляющим дрожать и благоговеть: «Во славу черного владыки нашего! Во

славу Вель-Ваал-иехава-Зорга и присных его во Черном Благе! Испита до края горькая чаша блужданий и изгнания! Грядут времена выхода нашего из небытия в бытие. Близится воплощение, и ждут его ждущие во избавление Великого Космоса от живородящей материи низших порядков. И уже идем мы, вездесущие и всепроникающие богочеловеки, соединенные узами Общего Вселенского Разума, идем на пастбища наши, ибо так было и так будет, ибо купались предшествующие нам в крови жертв наших и обретали силу и могущество во имя Черного Блага и свершения Предначертанного. Жалки, низки и червеподобны обитающие при свете, отбирающие у нас Тьму и хранимые от нас гонителем нашим, несущим свой омерзительный живородящий свет! Низки и подлы в сути своей, ибо сами открыли нам дорогу в недоступные прежде обиталища свои. И где были наши слуги и наши тени, там пребудем мы сами. Сверхпространственная воронка из миров Черного Блага сквозным каналом открыла нам пути к жертвам нашим. И мы уже идем! Слава владычествуемому над нами и непроизносимому, могущественнейшему и внесущему – черному пламени небытия, Вель-Ваал-иехава-Зоргу, отцу нашему! Тяжкий и священный жребий наш исполнен будет в изживании недостойных воплощений в бесконечном и многотрудном Великом Переустройстве! И едины станем пред черным господином нашим все: и те, что были предвечно, и блуждавшие сорок миллионов лет по иным вселенным, пребывавшие в Великом Исходе в пустынях Мироздания и обретшие дом свой, и те, что лишь тенями нашими были в мирах недоступных нам, и правили мирами этими, доказывая свою первосущность и свое избранничество не богов Черного Блага, но не воплощающихся и смертных высших двуногих, богоизбранной демоном Мрака расы. Не погнушаемся последними, ибо в воплощении станут равными нам, ибо трудом своим тяжким и праведным они открыли нам дорогу в мир белого света к жертвам нашим. И уже идем мы туда, идем! Отверзлись врата в Мироздание, и настает эпоха богочеловечества во всех измерениях и пропастях. Это вы – избранные! Это ваш Путь!» Неистовый зуд достиг пределов. И Сигурд, черный, извивающийся всеми сотнями змеиных членов своих, зудел со всеми богочеловеками-чудищами, зудел, обливаясь желтой жгучей пеной. Он был вне себя от неизбывного, невероятного восторга. Они у цели! Близится великий и долгожданный Час Тьмы! Воцаряется повсюду Черное Благо – благо сильных, беспощадных высших существ Вселенной! Он уже не помнил своего прежнего имени, не ощущал себя двуногим, ползающим при бледном белом свете. Он был велик,

могуч и страшен в лучах восходящего черного солнца. Он был один во мраке с его властелинами. Они идут! И они придут в светлый пузырь, где обитают жалкие недосущества, их жертвы – придут и наполнят заушные мешки-мембраны жертвенной горячей кровью. И станут еще непостижимей и ужасней в своих новых воплощениях, и будут жить вечно в еще одном из измерений Бытия! Пришел Час Тьмы!!! И нет предела торжеству, ибо нет предела череде воплощений! Теперь он пребывал одновременно в нескольких ипостасях, видел разные уровни Бытия, переливался, дрожал в десятках тел одновременно – и все они жаждали горячей, пьянящей жижи. Земля! Наконец-то они прорвут этот пузырь белого света, войдут в него, просочатся, проползут, пролезут... это будет царственное, фантастическое пиршество! И недаром веками, тысячелетиями там, в этом светящемся пузыре жили их тени, их предтечи... теперь они все вместе, и никто не отделен от другого, теперь настает час Пришествия!

В совершенном остервенении, в приступе умоисступляющего вожделения Сигурд зашелся в истерическом сладострастном визге. Сила! Мощь! Всевластие! И нет никого выше, сильнее, могущественнее, нет и никогда не будет тех, кто смог бы, сумел их остановить. Высшая раса Мироздания! Единственная раса! Все остальное – амобы, слизни, простейшие, жертвенные животные, двуногий скот! Он надрывался в истошном озверяющем стоне всемогущего, воплощенного в тысячи ипостасей богосущества... это было подлинным блаженством, это было бесконечно в сладчайшем томлении, в предвкушении пьянящего экстаза. На какой-то миг он даже утратил ощущение своих новых тел, растворился в безграничном мраке... И это бросило его назад, в исходное естество, в двуногое и двурукое тело, распластанное в троне-саркофаге под черными сводами. Он просто не выдержал нахлынувшего нечеловеческого, сверхчеловеческого счастья, он был слаб, ведь он был неизбранным, простым, низшим. И в этот миг он почувствовал, как напряглось все вокруг него, как ощетинилось полями недоверия, будто внезапно признавая в забредшем чужака, несущего предчувствие беды.

Он оттрнул поля от себя. Неимоверным усилием воли он выбросил из памяти, из сознания все человеческое. Он здесь свой!

И выкрикнул в голос:

– Как все это было, как?!

И снова его закрутило, бросило во мрак. Но мрак этот почти сразу рассеялся – и в глаза, а точнее, прямо в мозг, ударил дикий калейдоскоп времен и событий. История прокру-

чивалась с бешеной скоростью – века укладывались в минуты, десятилетия в секунды. Но вот чудо, он все успевал осмыслить, понять. Тени! Они на самом деле были тенями потустороннего мира. И они готовили Пришествие. Их жгли на кострах Святой Инквизиции, выбрасывали из городов и селений, но они пробирались снова, они опутывали доверчивых людей липкой паутиной, делали их зависимыми от себя, подчиняли... Кто? Они! Слуги мира Мрака, тени потусторонних носителей Черного Блага – по виду земляне, люди, но по существу нелюди, чей закон беззаконие, чьи заповеди – убей чужого, ограбь чужого, возобладай женой чужого и растли детей его. Они жили вне морали и чести, они гребли под себя все золото мира, его богатства и ценности, они шли к своей цели – они покоряли не приемлющий их мир. И они покорили его. Почти покорили. Они властвовали над полумиром. И недоступна им оставалась лишь Великая Россия, Святая Русь – ненавидимая ими до нервной дрожи, до спазмов, земная обитель Высшего Духа. Они, прячась за чужими спинами, бросали на непокоренную землю легион за легионом, орду за ордой. Они не могли взять ее приступом, силой, и тогда они пускали в ход свое золото, неисчислимое золото – они разъедали страну изнутри. И Сигурд видел все это их глазами – свет, ослепительно чистый небесный свет исходил из ненавистных земель, он жег, он просвечивал насквозь темные души, темный мир, утопающий в роскоши, богатстве и чудовищной грязи. Много раз они были близки к цели – и уже владели обетованной землей, и уже громили ее храмы и уже вырезали, изводили ее народ – оставалось добить, уничтожить этот источник Духа, загасить эту последнюю Свечу во мраке – и вот оно – Пришествие, воссоединение прообразов потусторонних миров и их теней на Земле, жертвенная кровь, водопады крови, и Вечное Царствие Мрака. Но полуубитая, разграбленная, измученная Держава Вседержителя, нищая, босая, умирающая восставала из пепла и вышвыривала слуг тьмы вон. Это было чудовищно для них, это было непостижимо, избранные не должны были терпеть поражения от неизбранных. А они терпели. А ненавистная земля крепла, росла, возвышалась и процветала – вольно, открыто, беспечно и радостно, даря благое всем ближним и дальним, рассыпая по Вселенной свет и добро. С этим надо было кончать. Сигурд видел в секунды то, что происходило за десятилетия, века. Он видел трехглазых монстров Иной Вселенной и рядом тени, он видел исчадия ада, выходцев из преисподней и рядом тени, он видел предавших, тысячи иуд в самой России, и ими управляли тени мира Мрака. Это была паутина. Это была страшная и хитро-

умная паутина, чьи нити плелись не годами, а веками, тысячелетиями... но сплелись в последние годы. И он узнавал знакомые по видеоинформе лица, рожи, морды известных политиков, дипломатов, актеров, писателей, банкиров, певцов и снова политиков, правителей – их руками, их языками, их мозгами творилось то, что готовило Пришествие. Они все работали на Черное Благо, они все работали на мир Мрака, на преисподнюю. Черные приходы и черные мессы были лишь малой частью большого и воистину черного "блага" – блага для нелюдей, царствующих в мире людей и готовящих смерть этому миру. И вот она уже шла, наплывала, выползала изо всех щелей – теперь Сигурд видел то, что происходило в глубинах планеты. Он видел тысячи, сотни тысяч рогоголовых гадин, лезущих из трещин в океанском дне, он видел страшное, неуловимое человечьим глазом черное сияние в провале под Антарктидой, под пробитым материком – это и была чудовищная, невозможная и оттого еще более страшная Сверхпространственная воронка. Сквозной канал! И он уже не просто понимал и ощущал, он совершенно четко знал, видел, как трескаются защитные невидимые барьеры Земли и других планет, населенных людьми, созданными по Образу и Подобию, видел, как в эти непостижимо огромные и вместе с тем крохотные пузырьки белого света просачивается черное, неостановимое зло. Да, теперь он был отделен от носителей этого зла, он не визжал от восторга вместе с ними, не бился в упоительном экстазе и сладких предвкушениях. Он видел мрак и темень. И в них не было света, в них не было солнца и лучей, ни черных, ни серых, ни пегих. Умирающая, пульсирующая словно живая Земля билась в агонии, сдавливаемая протекающим в нее Извне мраком... И все мелькали, мелькали знакомые улыбающиеся, хохочущие, подмигивающие лица гастролеров, президентов, премьер-министров, правителей, актеров и режиссеров, и снова правителей, и вертящихся рядом с ними, греющихся в лучах славы и власти, опьяненных властью и славой – сотни, тысячи лиц иуд, подонков, выродков, отдавших на поругание и гибель белый свет – весь огромный населенный миллиардами невинных и чистых душ белый свет!

На это невозможно было смотреть. Не хватало сил. Лучше было ничего не знать, оставаться в неведении, жить как и все эти миллиарды в забвении, в тумане, во лжи, восхищаясь кумирами и авторитетами, что ведут в пропасть, на закланье. Тысячи, тысячи холеных, ухоженных, довольных и сытых лиц, рож, морд с сияющими глазками и несходящими улыбками. Нет! Хватит! Сигурд не мог остановить сумасшедший

калейдоскоп. Как поздно он прозрел. Как поздно! Перед самой смертью! Да, этот трон-саркофаг, в котором он заключен, станет его гробом, последним приютом. Они распознали его, и участь чужака будет нелегкой. Но еще вертятся лица, кружатся... вот поганая рожа Говарда Буковски, Крежения, Седого, которому он поддался, чуть не сгубив Гуга Хлодрика, вот жирная харя комиссара из Европола, он посадил Сигурда на десять лет, но тот сбежал, да, да, все они работали на мир Мрака, на Черное Благо. А вот... неожиданно прямо перед глазами промелькнуло встревоженное, даже какое-то напуганное лицо Ивана. Нет! Не может быть! Это ошибка! И снова выплыло оно – в кутерьме, в нагромождении лиц бывшего Правителя, багроворожего военного, повешенного комитетчика, каких-то незнакомых, но отвратно-слащавых рож, странного полупрозрачного, просвечивающего лица не чело-века, а мохнатого лешего из страшных недетских сказаний. Но Иван?!

– Кто он?! – заорал Сигурд во всю мощь легких, не справляясь с собой. – Кто?!

На этот раз ответ прозвучал не в мозгу. Металлический голос ударил молотом в уши:

– Мы ответим тебе, чужак! Это разработка номер 18-18 дубль дзетта, понял? Разработка Черной Грани Синклита, Отдел Подавления Восточных провинций. Одна из наших удачных разработок, сыгравшую важную роль в разблокировке земных и планетарных барьеров...

– Нет! – закричал Сигурд, отчаянно вздевая руки, ударяя кулаками в прозрачную крышку саркофага. – Нет, этого не может быть! Нет!!!

– Может, – бесстрастно ответил голос, – очень даже может. И помни, мы не люди и даже не нелюди. Мы не ошибаемся. Нелюди ушли. Люди погибли. А мы остались. Мы остались, чтобы выполнить волю ушедших до конца. Ими созданы. По их слову погибнем. Отвечай, кто ты такой?!

– Будьте вы прокляты, падлы! Сволочи! – сорвался Сигурд. – Будьте прокляты!

Нет, он не мог поверить, что и Иван работал на них, не мог. Тогда все напрасно! Тогда все впустую! Столько жизней, столько боли, столько крови и тяжелого труда! И Гуг погиб зазря... Нет! Сигурд знал, что ему недолго осталось жить. Но он не хотел умирать обманутым. Не хотел.

– Молчишь? Не отвечаешь? Ну и не надо. Мы и так все про тебя знаем, Сигурд Халкнесс, профессиональный бандит и бунтарь. Все! Мы не дадим тебе последнего желания. Ты и так вдоволь натешился перед смертью. Прощай!

Две дюжины острейших игл одновременно вонзились в бока юного викинга, нарушившего приказ и обрекшего себя. Он узнал все. И теперь он умирал. Горячая молодая кровь заливала его серые ясные глаза. И он не видел, как в черный зал вползали мертвяки – рогатые, вздутые, трясущиеся, ожившие мертвецы.

Первые трое суток Цая прожигали ку-излучением. Четыре иглы вонзили в затылочные кости, по две в пятки, еще по четыре в коленные чашечки и локти, шестнадцать буравчиков вкрутили в позвоночник – от шейных позвонков до копчика. Жгли медленно, умело, не торопясь. Хребет у Цая превратился в воспаленный, пылающий, нарывающий нерв. Через каждые четыре часа его отмачивали в слабом растворе серной кислоты, накачивали кислородом, стимуляторами, свежей кровью... и начинали снова. От лютой, нестерпимой боли он терял сознание, проваливался во мрак. Но долго ему наслаждаться небытием не позволяли – через вживленные в мозг электроды пускали ток, и Цай пробуждался в адских корчах. Его наказывали за прошлые прегрешения и воспитывали на будущее. Ему не давали умереть. И Цай уже не помнил и не понимал, кто он такой, откуда, за что его пытаются, почему... Ему виделся в огненном бреду родной папаша – чернобрый красавец испанец, неудачливый звездный рейнджер и император-узурпатор Филипп Гамогоза Жестокий, ненавидевший его пуще всего на свете. Папаша дико хохотал и бил Цая трезубцем в хребет, бил будто заведенный, безжалостно, злобно и иступленно. А Цай в эти жуткие минуты столь же иступленно мечтал, чтобы трезубец пробил его сердце насквозь. Он не мог больше терпеть пыток. Но выбора у него не было.

На четвертые сутки иглы и буравчики выдрали. И распяли Цая вверх ногами на двойном кресте. Чтоб не сдох раньше времени, подвели шланги со всякой дрянью, подключили сердечные и легочные стимуляторы. Начинался второй этап пыток и наказаний. Но теперь карлик-мученик постепенно выплывал из бредового пламени кошмаров. И он видел, что попался в лапы отнюдь не серых стражей Синдиката, и не в пыточные застенки Восьмого Неба, которые ему были хорошо знакомы. Значит, его снова запродали – одна банда другой, одна мафия другой мафии. Что поделаешь, всем нужны хорошие мозги! И теперь ему явно давали понять – больше не сбежишь, голубчик, и не пытайся! отработывай свою жизнь и радуйся, что не спровадили на тот свет с еще более страшными мучениями!

Какой-то четырехлапый студенистый козел с двумя витыми шипами, торчавшими изо лба, все крутился вокруг да около, пронзал кисти и лодыжки подвешенного карлика острыми винтами, подкручивал их, затягивал, смазывал кожу заживляющими снадобьями-мазями... и кряхтел, сопел, зудел беспрестанно. Заговаривать с ним было бесполезно. Да и не мог Цай ван Дау сейчас заговорить – нижняя челюсть у него была раздроблена в шести местах, язык выдран с корнем, в пересохшей глотке шершавым кляпом торчал стусток крови и гноя. Цай не умирал лишь по двум причинам: он был не совсем человеком и ему не давали умереть. Голова была свинцово-чугунной от прилившей к ней крови, мысли ворочались внутри черепа тяжело и неуклюже. Память потихоньку возвращалась. Но ясности все равно не было. После неудавшегося захвата Исполнительной Комиссии в форте Видсток прямо из пыточного кресла управления его швырнули в грузовой отсек дисколета, потом выбросили словно полено – где, когда, зачем, Цай не знал. Били, выдирали ногти, рвали тело крючьями, и снова куда-то волокли, везли, перебрасывали из отсека в отсек, и снова били, рвали, пытали. Последнее, что запомнилось Цаю, был невыносимый надсадный гул гиперторроида... и все. Где он теперь – на Земле, в Иной Вселенной или у черта на рогах, Цай не имел ни малейшего представления. Да ему на это было и наплевать – какая разница, где корчиться от боли и мук!

На седьмые сутки в пыточную ввалился косоглазый Дук Сапсан-младший, главный специалист по внешним проводкам. Значит, все-таки Синдикат, мрачно подумал изнемогающий Цай. Он видел Дука изнизу, и оттого тот казался еще поганее и гаже. Расплывающаяся жирная рожа главного специалиста, вечно полупьяного и икающего, была блаженно-счастливой и даже радостной, будто он увидел старого и доброго друга после долгой разлуки.

– Не-е-ет! – замахал Дук обеими руками. – Я знаю, о чем ты подумал, малыш! Нет, я давно работаю на другую фирму... А теперь и ты тоже. Ладно, не расстраивайся, все плохое позади, скоро мы тебя вымоем, вычистим, надраим до блеску – и будешь ты у нас лучше прежнего!

Да, Дук был не просто поддатым, он был здорово пьян. Теперь Цай это видел явно. Но на четырехлапого козла главный специалист глядел с почтением и даже подобострастием, это Цай тоже заметил.

– Верно, малыш, – будто уловив его мысли, заговорил Дук, – верно! Они лучше нас, выше, умнее, благороднее и даже чище в чем-то! Поэтому они и пришли нам на смену! Я

тебе доложу по чести и совести, всегда, всегда я ненавидел и презирал жалких людишек, этих ублюдков, эту мразь! И поделом! Так и должно было случиться, малыш! На то есть высшая справедливость... не нами, Цай, не нами, а высшими силами, – он задрал палец вверх, – определяются пути земные и небесные! Такова, значит, была воля Всемогущего!

Кого Дук подразумевал под «всемогущим», оставалось загадкой, но то, что он в Бога не веровал и презирал людей, Цай знал прекрасно, такого подлеца и негодяя надо было поискать.

– Да ты ведь и не знаешь ни черта толком! – пьяно возопил вдруг специалист. – А я, понимаешь, перед ним тут расшаркиваюсь! Ты хоть слышишь меня, э-эй, Ца-ай?!

Цай закрыл свои бельмастые воспаленные глазища, потом открыл их. И с шумом вытолкнул, выплюнул из глотки шершавый комок.

– Слышишь, слышишь! – обрадовался Дук Сапсан-младший. – Сейчас я тебе покажу кое-что, малыш. И ты сразу все поймешь! Я тебе гарантирую, Цай, что от этих зрелищ ты возблагодаришь самого дьявола и примешься за работу с таким запалом, что никто тебя не остановит. Да, малыш, нам надо будет всем хорошенько потрудиться на благо... на благо наших новых хозяев! Мы еще им пригодимся! Ну, а теперь гляди, милый!

Двойной крест повернулся на невидимом для Цая ван Дау круге. И он принял нормальное для двуногих положение, головой вверх. С непривычки все закружилось, завертелось, волна мути и тошноты подкатила к горлу. Но шланги и вживленные электроды сделали свое дело – Цай пришел в себя, зрение его прояснилось, слух обострился. Вот только сказать он по-прежнему ничего не мог, мычал бессвязно, ругался.

А тем временем на большом и чистом листе обшивки метрах в пяти от него вспыхнул вдруг экран – будто окно, будто провал в беснующийся и реальный мир. Вспученные свинцовые воды, кипящие воды, пузырящиеся и клокочущие – на десятки, сотни квадратных миль. Вырывающиеся фонтаны кипящих брызг, ужасающие водовороты, крошечный водяной ад – казалось все это сейчас хлынет через провал экрана, зальет, затопит, погубит. Цай поневоле зажмурился.

– Это Антарктида, малыш, – довольно и назидательно осклабился Дук, его жирная рожа сияла масляным блином. – Там были льды, был материк, больше того, я тебе скажу, там был сказочный подземный дворец! А теперь там... теперь там ворота, большие ворота в наш подлый и продажный мир, чтоб он быстрее сгорел! Гляди!

Пошло приближение, кипящие воды будто стремительным набегом бросились в лицо, в глаза. И Цай вдруг увидел, что это не пена, не буруны, не клокочущие пузыри рвутся, беснуются, лопаются над кипящими свинцовыми водами, нет! Теперь он явственно видел тысячи, десятки тысяч медузообразных, полупрозрачных жутких существ, вырывающихся на поверхность, всплывающих из страшных глубин мертво-серого океана, которому не было даже названия. Ворота! Внепространственная воронка! Они открыли двери на Землю! Он сразу все понял, этого невозможно было не понять. Они лезли на Землю, они проползали, просачивались в мир людей из чудовищно далеких, почти несуществующих измерений. Но почему?! Как это могло случиться?! Вторжение должно было начаться далеко от Земли, невероятно далеко – в зоне непостижимых сверхчерных дыр, на границах с Иной Вселенной. А здесь бурлила и кипела земная вода! Нет! Это обман, фальшивка... ни у кого нет таких сил, такого могущества, чтобы отворить ворота нежити!

Но она всплыла – непостижимо омерзительная, жуткая. Цая пронзила мысль – подземные антарктические инкубаторы, это они! Это прет наверх новая раса, те, кого выращивали себе на смену и в услужение выродки человечества! Нет! Те были совсем другие, те были человекообразные, были и науки, черные, разумные. А это медузы, твари, аморфные, бесформенные чудовища. Было видно, как лопаются и рвутся их хлипкие тела, отрываются змеящиеся конечности, надуваются и опадают тянущиеся вверх щупальца. Цай в своей жизни повидал много всяких гадостей и мерзостей. Но такого он еще не видывал.

– Людишкам не останется места на Земле, – злорадствовал Дук, – хватит, двуногие скоты, пожилы всласть – теперь издыхайте, уступайте место другим!

Бурлящее месиво побежало, поплыло. И Цай увидел вдруг два боевых судна, зависших над серыми волнами на воздушных подушках. Они вели непрерывный, бешеный огонь из всех своих орудий, из всех излучателей. Они лупили снарядами, огнем, незримыми волнами прямо в медузье месиво, в студенистое кишение. Но всплывающих гадин не становилось меньше. Их становилось все больше – они рвались, расчленились, взлетали ошметками вверх, но тут же сливались в новые еще более уродливые существа. И жили, жили, жили! Они уже тысячами напозлали на корабли, студенистыми телами обволакивали броню, орудия, башни, мачты. Они просачивались, вползали внутрь, они выедали, выгрызали, вымертвляли все там, они прожигали металл... Корабли были обрече-

ны. Поодаль Цай увидел еще несколько подобных океанских штурмовиков. Их уже трудно было опознать, они представляли из себя огромные и нелепые комки слизи, они кренились, оседали в воду, минуты их были сочтены. Прямо с серого неба упали вдруг два тяжелых гравилета. Упали, облепленные полупрозрачной дрянью, и пошли на дно.

Картина была тягостной. И все же Цай видел – земляне, люди сопротивляются, они пытаются уничтожить эту мерзость. И уничтожат! Антарктика еще не вся Земля! Обязательно уничтожат! Ведь есть, в конце концов, мощное, смертельное для этих гадин оружие, есть!

– Это только начало, малыш! Дальше будет веселее! – заверил Дук Сапсан-младший.

И мрачные холодные воды пропали.

Восветился ясный погожий день, и каменные уступы, и корявые деревья, и двухэтажные хижины какого-то Богом забытого селения. Пыль, суета, бегодня, истерические крики, все непонятно, нелепо.

– Это Кордильеры, Цай. Народишко темный, безграмотный, а туда же, гляди-ка!

Какой-то малый в широченной шляпе палил из пулемета, не переставая, очередями, отступая назад, оскальзываясь на камнях, скаля белые зубы, ругаясь отчаянно. Но тот, в кого он палил, лишь трясся и беспрестанно дергался, откидывал странную рогатую голову, тянул вперед, к малому, трясущиеся руки. И шел, шел... Финал был страшен. Патроны закончились, малый прижался к скале спиной, принялся махать кулаками. Но от первого же удара рогатого руки его, переломанные, обвисли плетми, лицо исказилось ужасом. Цай увидел, как рогатый прильнул к малому, впился в шею... и стали вдруг у него надуваться за ушами багровые шарики, все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах, становясь большими, уродливыми, сотрясающимися пузырями.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок, – прокомментировал Дук.

Была бы возможность, Цай убил бы этого «специалиста» на месте. Но такой возможности не было. И он терпел.

А тем временем в деревушке шла самая настоящая бойня – несколько рогатых пришлецов, их можно было сосчитать по пальцам, истребляли всех, попавшихся им на глаза. Это были сущие дьяволы – и хотя движения их своей судорожностью, нелепостью и несоразмерностью наводили на мысль, что рогатые слепы, что они ориентируются в пространстве не при помощи глаз, а как-то иначе, уйти от них никому не удавалось. Они настигали несчастных, ломали им руки и ноги,

хребты и вгрызались в горло, высасывали кровь. Причем раздувающиеся за их волосатыми ушами, наполненные кровью пузыри почти сразу же опали, обвисали. Когда один из нежитей набросился на древнюю старуху, морщинистую, страшную, со вскинутыми в мольбе узловатыми высохшими руками, Цай закрыл глаза. Хватит!

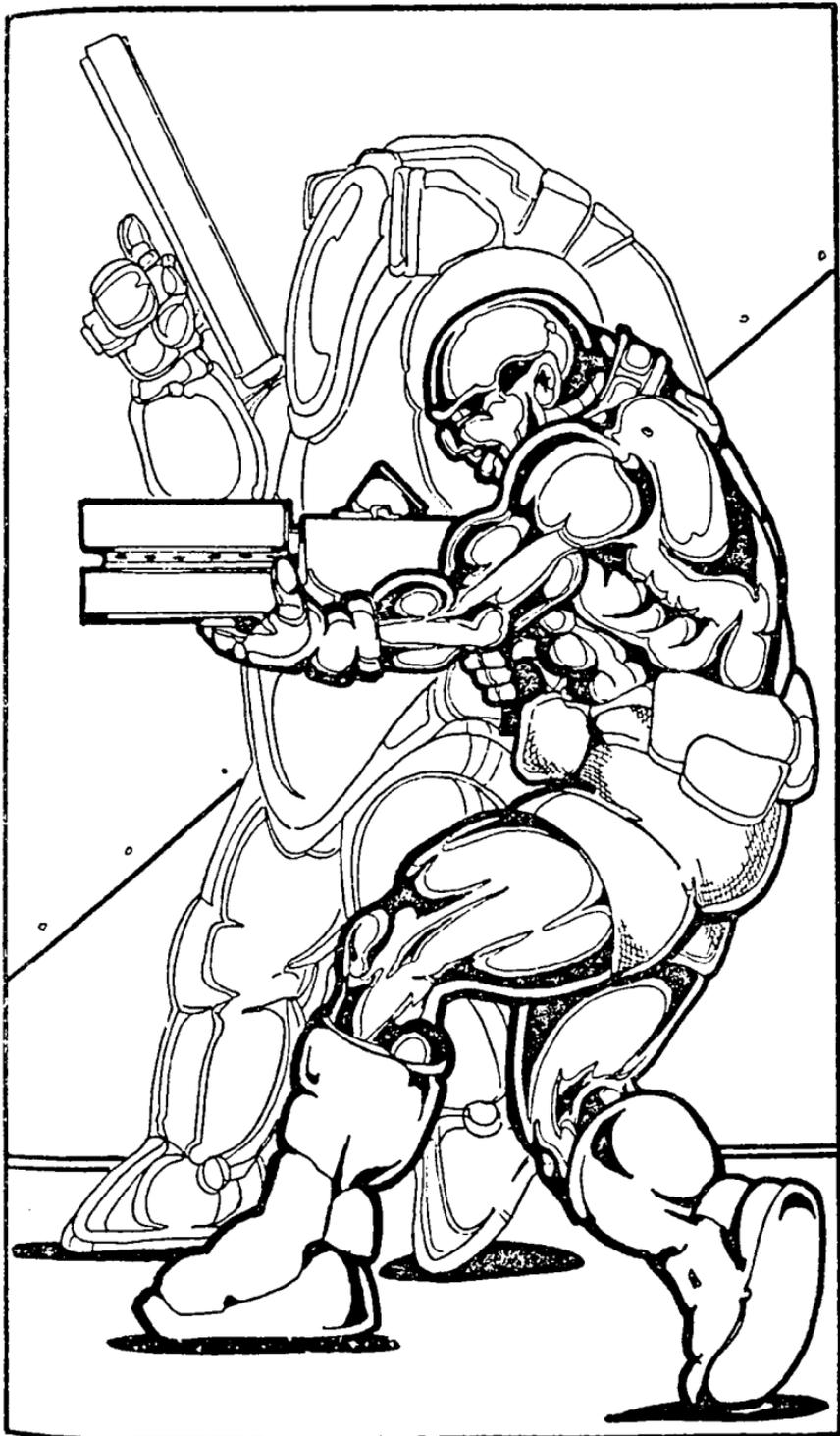
– Что, жалко стало? – захохотал жирный Дук. – Нечего жалеть этих слизней, малыш! У нас теперь новые хозяева, они сильнее прежних. С нами так не будет. Ты видишь все это? – Он развел руками. – Это все наше, земное, и им покуда еще нужны умельцы вроде нас! На наш век хватит всего! А там – да гори оно синим пламенем! Ты еще не видал их самих! Нет, эти рогатые не они, и медузы – тоже не они, это только тела, биокадавры, Цай. Они сами другие, они бессмертные и жестокие! Ах, как бы я хотел, малыш, быть хоть немного похожим на них!

В поселение вползал старенький танк. Где такой только откопали?! Цай воспрял. Они защищаются! Это главное, они не хотят быть безропотными жертвами! Ну, давай же! Давай, шархни хорошенько!

Земля содрогнулась от выстрела, танк будто присел на пыльной дороге. Двоих рогатых размазало по скале. А из-за полуразрушенного дома выползло вдруг студенистое многолапое чудище с выпученными глазищами. Оно стало подниматься, вставать на задние щупальцеобразные отростки... И тут ударил второй снаряд. Прямо в студень, прямо в брюхо гадины. Это был смертный удар, Цай увидел, как разнесло в клочья полупрозрачное тело. И еще он увидел другое – из дряблой, трясушейся головы чудища выскочил тоненький червь – желтовато-прозрачный, со злобными кровавыми глазенками и просвечивающим красным мозгом-мозжечком. Зрелище было гадким, отвратительным. Но в долю секунды червь перепрыгнул в самый большой ошметок студня... и все другие куски стали сползаться к нему, к большому. И уже через полминуты медузообразное чудище снова дыбилося, выставив конечности – живое и невредимое. Немыслимо! Гнусно! Они и впрямь бессмертны.

– Это еще цветочки! – ликовал маслянорожий холуй новых господ. – Ты погляди, малыш, что делается в городах! Это Рио!

Цай содрогнулся. Какой там Рио! Ему показывали груды обугленных развалин, остовы рухнувших зданий, горы пепла, а вместо прекрасной лазурной бухты – поганое болото, заваленное мусором, плавающими раздутыми трупами, перевернутыми суденышками и... студенистой слизью.

– Не-ет, развалины это не их рук дело, это сами людишки постарались в последней заварухе. Ты гляди на другое, малыш, глубже гляди в суть вещей!

Все было ясно и без слов. Суетно и бестолково бегали по развалинами и меж торчащих руин люди в камуфляже, солдаты, стреляли в разные стороны, пригибались, таились, снова выскакивали. Стрельба была беспорядочной и ненужной. Она не причиняла хлопот стаям рогатых, шерстистых уродов, которые сбивали обезумевших, визжащих горожан в толпы и бросались на них, не давая никому выскользнуть. Временами они настигали более ловких и увертливых, чем гражданское население, солдат и расправлялись с ними. Но самым гнусным и нелепым было то, что рогатые лезли изо всех щелей, изо всех трещин, они будто всегда жили в подземельях этого сказочного когда-то города. Цай сам видел, как на ровном месте, прямо посреди гитоновой дороги вдруг лопнуло покрытие, образовалась дыра и оттуда высунулась рогатая уродливая голова со свиным рылом. Эти твари были вездесущи!

Позвоночник невыносимо болел после пыток, после проклятого и изматывающего ку-излучения. Голова разрывалась. Сердце билось с надрывом. Но Цай смотрел, не отворачиваясь. Это была гибель Земли! Это и было самым настоящим Вторжением! Они ждали трехглазых воинов Системы. А пришли эти кровососы. Пришли неожиданно-негаданно. Правда, Иван еще раньше говорил что-то о том свете, о душах, которые будут погублены, о каком-то Пристанище, о преисподней... Но ему почти не верили, его рассказы казались бредом, сказкой. Теперь творилось и вовсе несусветное.

– И так везде! – Дук сиял. – По всей Земле-матушке. А есть места, где и похлеще! Гляди!

Перед глазами Цая ван Дау замелькали города, страны, искаженные ужасом лица, сатанинские рожи, кровавые пузыри, медузотельные чудища. Черное Благо! Его как током прожгло. Никаких медуз-студней не было. Но этих уродов они выращивали! Кто?! Они – выродки! Это они содержали черные приходы по всей Земле, по планетам Федерации, это они благословляли черные мессы... а потом дьяволопоклонники все куда-то подевались, пропали... Нет, они не пропали – это из них в подземных пристанищах создали неумертвляемых рогатых уродов, они получили то, чего хотели, они стали дьяволообразными существами, нечистью. Они не проникли в откывшиеся ворота, в страшную внепространственную воронку – через нее лезут иные, студенистые гадины с червями в прозрачных головах. А эти были здесь, они порождены Землей, ее выродками. И они убивают детей Земли, бывших со-

племенников... Каких там бывших! Цай зажмурился, его трясло от бессилия, от ненависти к таким как этот жирный ублюдок Дук. Горе! Страшное горе! И они, люди... он впервые в полной мере ощутил себя человеком, он, гибрид землянина и инопланетянки... они, люди, бессильны! Они обречены!

Арман-Жофруа дер Крузербильд-Дзухмантовский, двухметровый гигант, мастер «черного шлема», десантник-смертник, в просторечии и среди друзей Крузя, отбил два удара, встряхнул нападавшего левой рукой, чуть придержал и резко выбросил вперед окостеневшую литую ладонь – прямо в горло, под подбородок. Это был испробованный удар, смертельный, не оставляющий надежд. Такими ударами Крузя бил гохомров, панцирных полуразумных насекомых на планете Ара-Утан, никто не верил, что он справлялся с этими живучими тварями, а он их бил, отправлял на тот свет – и было за что, они крали и пожирали детей из земной колонии, у простых работяг-переселенцев, которые не могли себя защитить.

Сейчас Крузя ударил на совесть, не оставляя рогатому гаду надежд. Звериная, заросшая рыжим пухом голова сорвалась с разодранной, перебитой шеи, закинулась назад и повисла на какой-то тонкой жиле.

Крузя с отвращением отпихнул от себя труп. Это было невероятно, но он потратил уйму времени на рогатого, тот чуть не убил его. Такой живучести Арман-Жофруа еще не видел.

Уже третий день они отбивались от выползней. Батальон изнемогал. Лихие, родные парни, прошедшие огни и воды, очистившие Штаты от мрази и убийц, гибли один за другим. Днем они отбивали атаки выползней, сметали их ураганным огнем. Но по ночам эти гады вылезали прямо из трещин в земле, выползали из-под ног. И вгрызались в глотки спящим, караульным, всем, кто подворачивался под руку. Оказывавшиеся рядом не могли стрелять, они убили бы своего товарища, и они бросались на выползней с ножами, штыками, они резали их в лоскуты, но те успевали наполнить заушные пузыри и бросались в ночь и тьму с истошными визгами, все изрезанные, разодранные. Батальон таял на глазах. Облавы, карательные операции и прочие затеи не помогали. Выползли уходили к незащитным, убивали их, пропадали бесследно и тут же появлялись в иных местах. Это был сущий ад. Заматерелые в боях воины сходили с ума, накладывали на себя руки.

Крузя пока держался. Он знал от командиров, что подобное происходило и в других частях. Но он не собирался умирать. Он был счастливым, он чудом выжил, когда их бро-

неход разорвало на две половины. Погибли все. А он уцелел. Его подобрали и зачислили в другое отделение. Два часа они кружили над скалами, опускались и вновь поднимались. Они нашли тела всех, они подобрали умирающего сержанта, молоденького Колю – тот отдал Богу душу на его руках. Но Хука Образину так и не удалось отыскать. Наверное, он сгорел в пламени, думал Крузя. Царствие ему небесное! Хука было до слез жалко. Но сейчас, после появления рогатых выползней, жалость уходила и оставались лишь злость, остервенение. С подобной нечистью невозможно было совладать.

– Берегись! – дико заорал кто-то позади.

Но было поздно. Острые кривые зубы сомкнулись на затылке Армана-Жофруа дер Крузербильда-Дзухмантовского. Ожил! Ожил проклятый рогач! Такое бывало, он сам видел, и он виноват... но теперь поздно!

Крузя закинул могучие руки назад, за плечи, пытаясь сорвать с себя кровососа-выползня. Но силы уходили вместе с высасываемой кровью. Как в тумане он видел лица друзей-товарищей, бойцов, выживших, отчаянных. Они оттаскивали от него рогатого, они пропарывали гада штыками, выдавливали ему бессмысленно-выпученные глазища, рвали волосы, уши, отдирали... нет, жизнь уходила. Этот выползень успел, он восстал, ожил... надо было спалить его из огнемета, да теперь уже все, уже поздно, мгла застила глаза, все пропадало, даже боль уходила.

– Отомстите за меня, – чуть слышно просипел Крузя.

И упал в поникшую, желтую траву. Для него тревоги и мытарства земные закончились навсегда.

Светлана ухватила Ивана за руки, опустилась на колени. Она рыдала и оттого слова ее звучали бессвязно:

– Я умоляю тебя, бежим! Бежим отсюда!

– Нет! – мрачно ответил Иван.

– Нам надо бежать с Земли! Пока не поздно!

– Нет!

Мы все здесь погибнем, понимаешь?! Это бессмысленно! Ты живешь старым, все изменилось! Земля гибнет!

– Нет! Я погибну вместе с Землей!

Она замотала головой – бессильно, обреченно и зло.

– У нас есть космические базы! Мощные звездолеты! Там нет этих тварей, там наше спасение!

– Уходи куда хочешь!

Иван оттолкнул ее от себя. И Светлана упала в мягкий ворс зеленого неброского ковра. Она отказывалась понимать его. Все кончено. Надо бежать. Надо спастись тем, кто уце-

лел и спасать других уцелевших. Они отбиваются чудом. Но чудо не вечно. Иван просто спятил, просто сошел с ума. Надо его связать... да, надо сказать Глебу, Дилу Бронксу, Кеше. Они его свяжут, увезут, спасут. И ее спасут. Теперь осталось одно – бегство. Все свершилось столь быстро, в считанные дни, еще и недели не прошло, как качалось это безумие, да, первые сатаноиды начали выползать на Западе всего неделю назад. И вот – страшный итог... нет, еще не итог... они спасутся! А значит, не все потеряно. Земля – это еще не вся Вселенная, не вся Федерация!

Иван вышел из комнаты отдыха, жестом подозвал Глеба Сизова.

– Как проходит эвакуация? – спросил он.

– Задействованы свободные от ведения боев средства... – начал было командир альфа-корпуса, ближайший заместитель Правителя.

Но Иван оборвал его:

– В первую очередь все ценности, все исторические реликвии! Лично ответишь!

Глеб грустно улыбнулся, скривив измученное, серое от недосыпания лицо.

– Эти дворцы и храмы, звонницы и башни мы не вывезем, – тихо сказал он.

– За наши храмы и очаги мы будем драться здесь, на Земле, в России!

– Драться?! – министр обороны вскочил со своего места. Он был взвинчен до предела, даже руки тряслись. – Как мы будем драться с ними?! Да, у нас есть оружие, которым можно их испелить, обратить в ничто, в воздух... но они не группируются дивизиями и армиями, они выползают из щелей там, где наши люди. Что, прикажете жечь вместе со своими?!

– Не прикажу! – отрезал Иван. Он и сам понимал, что обычными, старыми приемами с этой нечистью не навоюешь. Тут каждый должен быть в поле воином, каждый обречен биться один на один! Они уже пробовали применять оружие серьезное, мощное – Арктику выжигали с орбитальных баз, воды закипали, испарялись, поднимались вверх... и несли студенистую заразу на материки, расщепленная, разодранная в ничто слизь выпадала с дождями в Африке, Америке, Азии, и уже через несколько часов после жутких ливней слизь скатывалась в комки, обращалась в студенистых омерзительных тварей – и ползла в селения, города, везде, где обитали люди. И начинались боины, начиналось истребление всего живого.

Никогда эти твари не собирались в кучу! Никогда не становились удобной мишенью. А если и становились, то издыхали ненадолго. От них было невозможно избавиться, как невозможно избавиться загнанному в тайге лосю от туч гнуса, избравшего его своей жертвой. Но бедное животное могло найти реку, болотце, озеро, спрятаться хоть на время в спасительной воде... От этих тварей на Земле негде было укрыться. От них можно было уйти лишь в пустоту, в Космос, там они пока не объявлялись.

Иван подошел ближе к Глебу.

– Светлану отправь с очередным рейсом, – угрюмо сказал он.

Глеб кивнул, он все понимал.

Невозможно было отправить за пределы планеты всех россиян, всех землян. Люди становились беззащитными жертвами... Последним приказом Иван рассредоточил две трети всех бойцов по городам, по кварталам, домам, улицам на защиту несчастным. Но бойцы гибли один за другим, а нечисть все прибывала, ее становилось больше и больше.

– Дайте обзор! – потребовал Иван.

Вспыхнули одновременно двенадцать экранов. Россия. Москва. Сейчас Верховного интересовали только они. Все остальное было безвозвратно утеряно. Как пришло, так и ушло – в считанные дни. По всем землям, по всем материкам отбивались от слизистой гнуса и рогатых выползней отчаянные, обезумевшие от непрекращающейся резни одиночки. Управление силами планетарного базирования было полностью утрачено, да и некем было управлять, выжившие сражались каждый сам по себе, сражались за себя, в полубезумном бреду, в яростной горячке. Но и они выдыхались. Такого Земля еще не знала.

На экраны было больно смотреть. Дальний Восток, Курилы, острова трясло в непрекращающемся землетрясении, трещины в земной коре раздирали, разламывали все – дороги, здания, космодромы. Из дыр лезла слизистая нечисть, она превосходно себя чувствовала на сотрясающейся поверхности и в беснующихся недрах. Сибирь горела – страшно, безысходно, всеми бескрайними лесами. Над тайгой стояла черная завеса, сквозь которую временами прорывались и лизали мутные небеса огромные языки пламени – рвались и горели хранилища. Людей не было видно.

Иван молча повернул голову к начальнику штабов.

Тот протер платком багровую лысину, он все понял без слов.

– Бегут! Кто мог, уже сбежал. Орбитальные станции переполнены, боевые корабли превращены в богадельни, забиты до отказа, там можно сойти с ума. Сейчас разворачиваются резервные модули...

– Как Луна, Марс, другие планеты?! – перебил Иван.

– Везде лезут эти твари, повсюду! – ответил начальник штабов. – Не осталось ни одной планеты в Федерации, где бы они не появились.

Иван сжался, отвернулся и выговорил через силу:

– А трехглазые?

– Ни одного появления не зафиксировано.

Это было поражением. И виноват он, Верховный! Иван готов был закричать и броситься на стенку с кулаками. Бессилие! Что может быть страшнее?! Он ничего не способен изменить. Он не понимал происходящего.

А на экранах творилось страшное. Города были охвачены невиданной, ужасающей паникой. Люди тысячами сходили с ума, выбрасывались из окон, бежали в леса, пустыни... но где бы они не появлялись, всюду настигали их выползши и полупрозрачные гадины. Командующие армиями, флотами не выдерживали, пускали себе пули в лоб. Командиры дивизий, полков, батальонов с оружием в руках бились плечом к плечу с рядовыми, их опыт, их знания были не нужны, они не могли управлять и командовать, все было разрушено, нарушено, прервано... На центральном экране какие-то смельчаки в зеленых скафандрах с огнеметами и дельта-излучателями лезли в канализационные подземелья прямо на Лубянке, у Петровки, возле Красных Ворот – жгли, выжигали студенистую и рогатую нечисть. Они все были в ошметках слизи, разгоряченные, усталые, злые.

– Смотрите! – Голодов ткнул пальцем в экран, показывавший оцепление у Красной площади.

Все произошло быстро. Камни брусчатки словно вышибли изнизу, булыжины градом взметнулись вверх, опрокидывая, валя с ног двоих крепких парней в черной форменке поверх скафов. И тут же полупрозрачная, студенистая цепкая лапища высунулась из провала, ухватила третьего, здорового малого с лучеметом, втянула его в дыру. Оттуда полыхнуло пламенем. Трое бросились на выручку. И замерли. Они не могли стрелять в провал. Не могли!

– Добрались! – мрачно изрек Глеб Сизов. Он нервно сжимал и разжимал кулаки, будто сам собирался броситься в драку.

Иван промолчал. Он не мог сосредоточиться. Глаза бегали с экрана на экран. Крым. Черное море. Пустые пляжи. Прямо

из воды лезли рогатые, их было много, сотни. Какой-то черный, полуобгоревший бронеход бил и бил из единственного уцелевшего орудия в прибой, в волны, бил неприцельно, впустую, скорее всего, внутри уже не оставалось живых. Агония. Страшная, необратимая агония! Черные острые пальцы кипарисов, развалины, гарь, пепел, одуревшие галдящие чайки. Повсюду смерть и ужас. Прибалтика. Пустыня. Голая, брошенная, какая-то неземная. И уже серые мертвые воды. Там кончено, там прошелся смертный смерч. Только небурные дистрофичные трупы и бездомные облезлые псы. Дальше! Дальше! Киев – огромный могильник, стрельба, дым, суэта и дикие, истерические крики, бой у Святой Софии – беспощадный, лютой бой. Последние бойцы, их всего восемь или девять, отбивают натиск гадин. Смертники! Они обречены. Лица отрешенные, неземные. Кровь. Стоны. Они даже не догадываются, что камеры с орбитальных станций сейчас выхватывают их из огня, дыма, запечатлевают перед уходом в мир иной, показывают тем, кто далеко отсюда, в Москве. Нет! Хватит!

– Они выдохнутся! – прохрипел Иван со злостью, даже ненавистью, будто заставляя самого себя уверовать в свои же слова. – Это не может продолжаться долго!

Паркет у выхода из кабинета вдруг вспучился, вздыбился, разлетелся. И с отвратительным скрежещущим сипом из пролома полезла такая жуткая трясущаяся желеобразная гадина, что на миг все опешили, растерялись. И только когда сразу шесть извивающихся щупалец протянулись в разные стороны, грозя захлестнуть ближайших людей, охранник из "альфы" вскинул дельта-излучатель – и все потонуло в сиреновом мареве, кипящая слизь потекла в пролом, что-то скользкое, мелкое, вертлявое, юркнуло вниз.

– Взять! – заорал Иван. – Взять немедленно! В силовые поля! – он кричал в голос, кричал по внутренней, сейчас его слышали все в здании, и внизу, и вверху, и по бокам. Там было подготовлено, он предупреждал. Нельзя упустить! Нельзя!

Они пробрались и сюда. Для них нет преград. Как? По "воздушкам"? Иван не знал. Да и не столь это важно. Важно другое, что они вездесущи. Они проникают в такие дыры, куда и муравей не пролезет. Они растекаются по всем порам, трещинкам, каналам и канальцам, они пропитывают своей слизью все материалы и породы, лишь металл им недоступен, они пролезают везде. Но почему? Откуда взялась эта напасть?! Если поначалу ему казалось, что все дело в подземных заводах и лабораториях выродков, где выращивали сатаноидов и дьяволоидов, то последние дни Иван начинал отчет-

ливо понимать – все сложнее, все значительно сложнее. И страшней! Дьяволоиды были только пусковым механизмом... нет, они были катализатором, чем-то начальным, запускаемым для разогрева. Пусковой механизм сработал до них... Иван отогнал нехорошие, черные мысли. Нет, он тут не причем, просто так получилось. Да, так получилось. И эти твари скоро выдохнутся! Не век им творить зло!

– Здорово, мужики!

Дверь, пнутая сапожищем, распахнулась, затрещала от удара. На пороге появился взъерошенный и небритый Иннокентий Булыгин. Охранник в черном пытался приостановить его. Но остановить Кешу было невозможно.

– Не суетися, малец, – беззлобно сказал он и отодвинул охранника.

Иван махнул рукой, чтобы пропустили. И Кеша, как был – грязный, потный, измочаленный, так и вперся в кабинет. За собой он волочил какое-то чучело волосатое.

– А это еще чего?! – изумился он, чуть не сверзившись в дыру. Таких дыр в кабинетах иметь не полагалось, Кеша даже растерял немного былую уверенность.

– Добрались и до нас, – пояснил Глеб Сизов, не сводя глаз с чучела и начиная нервничать еще больше. – Какого черта ты притащил этого мертвяка?!

– Притащил, стало быть, надо! – мудро отвечивал бывший каторжник и ветеран. И оглянулся на оборотня Хара. Тот сидел в дверях, как и положено зангезейской борзой, и тихо поскуливал.

– Отвечай! – потребовал Иван.

Он уже понимал, почему Кеша притащил сатаноида. Тот был дохлый! Они впервые видели дохлого выползня. Эти твари не издыхали, по ним можно было прокатиться пять раз бронеходом, но все равно через какое-то время раздавленные, изничтоженные ткани соединялись, срастались, стягивались – и выползень вставал на ноги, оживал, брел на поиски новой жертвы.

– Вот так с ними надо! – сказал Кеша. И пнул дохляка сапогом.

– Серебряной пулей, что ли? – насмешливо поинтересовался Глеб Сизов. – Или осиновым колом?!

Кеша поглядел на вопрошающего сверху вниз. Потом перевел взгляд на Хара и заявил вполне серьезно:

– Это он его укусил.

Кривые улыбки сошли с лиц, их место заняло недоумение. И надежда. Иван подошел ближе к дохляку. Был тот небольшой, метра на полтора, весь покрытый реденькой сизой шер-

сткой, колени и локти выступали острыми розовыми проплешинами, ножки сами по себе были тонкими и кривенькими, зато живот расплзался бурдюком. Уродливая голова увенчивалась двумя выгнутыми рогами, один был обломан, видно, выползень вволю успел покуролесить. На получеловечью-полузвериную морду глядеть не хотелось – сплошные морщины, рыло, остекленевшие пустые глаза. Глотка у сатаноида была перегрызена от уха до уха.

Перегрызть да перерезать глотки этим тварюгам – дело нехитрое, коли б они не заживали тут же, не срастались. У этого не срослась, значит, что-то есть в слюне у оборотня, значит, надо срочно провести химическую экспертизу, выделить эту самую составляющую, синтезировать в массовых объемах... Ивана даже в жар бросило. Но он почти сразу охладел. Где синтезировать? Все разрушено, народ разбежался, многие погибли. На орбите?!

Кеша подошел к нему вплотную.

– Видал, – сказал он полупшепотом, положив руку на плечо Ивану, – не одних трехглазых можно бить. Этих тоже! Не боись, прорвемся, бывало и похлеще!

– На экспертизу! – приказал Иван, и кивнул в сторону оборотня. – И его заодно! – Он хотел пнуть выползня, но отвел ногу, побрезговал.

Ерунда. Все это ерунда! Дело зашло слишком далеко, на Земле сейчас сотни тысяч, миллионы рогатых тварей и миллионы слизистых гадин. Кеша молодец, он вдохнул в них во всех надежду... но поздно, слишком поздно!

Дверь снова распахнулась. Вошли трое. Средний держал в руках стеклянный шар, похожий на аквариум. Но это был не аквариум. Иван ткнул пальцем в столешницу длинного резного стола.

– Успели?! Хорошо, очень хорошо!

Он медленно подошел к "аквариуму", присел на ближайший стул. За бронестеклом и незримыми переплетениями мощных силовых полей что-то шевелилось. Прозрачный червячок, совсем крохотный – тонкий шнурочек с просвечивающими беленькими позвонками и раздутой кругленькой головкой, два красных глаза-бусинки, бледный клювик и розовый мозжечок за студенистой пленочкой... Пристанище! Иван окаменел на стуле. Ему было тяжело, несказанно тяжело – будто накапливавшиеся годами боль, усталость, страдания, муки навалились на него многопудовым грузом, придавили, прижали к земле, расплющили. Да, недаром черные предчувствия грызли его, не зря! Пристанище безгранично и вездесуще, это Вселенная вселенных и аура Мироздания. Земля лишь малая

часть Пристанища... Как он мог забыть? Как он мог забыть-ся?!

Сейчас все они, и Голодов, министр обороны без армии, и суровый Кеша, и вымотанный, падающий с ног Глеб Сизов, и багроволицый начальник штабов, и комитетчик, и охранники, и даже Светлана – когда она успела выскользнуть из потаенной комнатухи! – все вглядывались в стеклянный шар, все пытались понять хоть что-то, узреть и осмыслить. И ничего они не видели, кроме жалкого червячка с кровавыми злобными глазенками. Ничего! А он видел все сразу: сектор смерти в закрытом пространстве, чудовищное притяжение Черного Карлика – Альфы Циклопа, страшный многоярусный гипермир, планета Навей, лес-утроба, лабиринты, потом другой лес, Поганый, и странный леший с неуловимым лицом, сквозь которое просвечивали деревья, ветви и гнусное небо, Рон Дэйк, нагрудный номер ХС 707320, отряд "Сигма-II", проект Визит Вежливости... и выскользнувшая из лешего светливая змейка с полупрозрачной головой и красными выпуклыми глазками, даже не змейка, а скорее, омерзительный, гадкий червь, невероятно быстро скользящий по хвое, оставивший сырой след... он бросил тогда меч вдогонку, попал в след, а сама увертливая гадина пропала в черной норке, только голый хвост мелькнул, и потом... Нет! это было прежде – фиолетовый лишайник, стадо ожиревших четырехглазых чудищ с лопатообразными языками, чудищ, извергавших из огромных утроб отвратительный писк, набухшая и лопнувшая кожа на лбу чудища, и высунувшийся из разверзшейся дыры трехглазый червь-паразит, мягкий трясущийся клювик с алыми ноздрями, зеленоватый пух, болезненная ухмылка и гипнотический сип: "В Пристанище никто не умирает, хотя убивают тут всех!", непостижимое Предназначение, воплощения и перевоплощения, бесконечная цепь воплощений! черви в телах, тушах, монстрах... повсюду! черви и змеи в Чертогах – да, кишмя кишевшие скользкие гадины! Чертоги Избранных! а потом огромный, немислимо огромный и страшный Авварон Зурр бан-Тург в Шестом Воплощении Ога Семирожденного, он впервые видел его таким, но он поразил его, он убил беса, Иван помнил, он как сейчас видел голого розового червя, выскользнувшего из-под балахона, тот был еле живой, он извивался, сворачивался в кольца, сверкал горящими красными глазками, а у Ивана не хватало сил подняться, встать, раздавить червя, не было сил, он умирал, и он начинал осознавать, что его заставили играть чужую черную игру без правил, его обрекли, и не его одного. Прозрачные черви. Воплощения.

Пристанище! Нет, они сейчас смотрят в шар, но они ничего не понимают! И он не сможет им ничего объяснить.

– Какая мерзость! – прошептала Светлана.

Ее надо срочно вывозить с Земли, подумал Иван, иначе будет плохо, очень плохо, она близка к срыву. Но ведь упрямая, страшно упрямая, попробуй сладь с ней. Земля часть Пристанища! Так не было, врал Авварон. Но так стало. Тяжесть гнула, давила Ивана. Он смотрел в горящие красной ненавистью глазенки и видел тот смертный, потусторонний мир, из которого еле выбрался. Пристанище. Полигон! Доигрался, проклятые выродки! Но сам Полигон-Пристанище лишь тень кувшинки на черном непрозрачном зеркале исполнинского бездонного болота. Имя тому болоту – преисподняя. Да, они еще не понимают до конца, что произошло. Это конец... Нет! Нет!! Иван большим усилием отогнал мрачные мысли, он не имеет права так думать, он воин, он православный, для него уныние и отчаяние тяжкий грех, самый тяжкий из всех! Кого Господь любит, того и испытывает. Это лишь очередное испытание, которое надо выдержать. Надо устоять! И он не имеет права бежать с Земли. Другие имеют. А он нет!

Иван снова перевел взгляд на экраны. На Красной площади жгли из лучеметов нечисть. Но она лезла и лезла. Прямо на брусчатке лежал раненный в разодранном скафе, его будто вспороли изнутри. Раненный стонал, пытался встать. И некому было помочь, цепи смешались, все перепуталось... но никто и не думал бежать. Ребята дрались насмерть, до последнего, изнемогая, переходя в рукопашную. Нет, он не имел права бросать их. Ни живых, ни мертвых. Если это конец, значит, он умрет с ними, значит, это будет и его конец. А Светлану – на флагман!

– Глеб, – обратился Иван к Сизову, – не надо медлить, ты помнишь мою просьбу?! – Он скосил глаза на жену.

Тот отвернулся. В кабинет ворвались трое из его корпуса, вызванные по беззвучной внутренней связи. Они подскочили к растерявшейся Светлане, подхватили на руки.

– Нет! – закричала она в лицо Ивану. – Ты не смеешь! Ты не смеешь!!!

– Смею, – ответил Иван тихо. – И не хорони меня раньше времени. Ну все, Света, пора, до встречи! – Потом встал, сказал резче, ни на кого не глядя: – Все свободны!

Кешу он придержал за руку. Тот провожал взглядом альфовцев, несущих будто оцепеневшую женщину в сером комбинезоне и виновато улыбался, как мог улыбаться только он. Кеше надоело сигать через "барьеры", он устал, выдохся. Ему хотелось выйти на площадь и бить, крушить, рвать зубами,

топтать, убивать, пока есть силы, пока не остыла кровь. Сдохнуть – так с музыкой! Вот только жаль бедолагу Хара, без него он пропадет, совсем пропадет в этом жестоком мире. Но Хара тоже увели, его будут, видишь ли, исследовать и изучать! Поздно. Иннокентий Булыгин, ветеран аранайской войны и беглый каторжник-рецидивист, припомнил вызолоченную адмиральскую каюту, тяжело вздохнул – только, понимаешь, начали в три этапа выполнять задуманное, только разохотелись с усатым и важным стариком-адмиралом, а его снова выдернули, отозвали... все Иван! Ну, да Ивану виднее! А ему, стало быть, пришла пора Богу душу отдавать. Так и не повидав родных местечек, земелюшки родимой. Ну ничего, Господь простит, он мудрый и жалостливый. Кеша вздохнул совсем горестно и побрел вслед за Верховным.

В комнате отдыха стоял полумрак. Перед опустошенным и потому выглядевшим странно аквариумом сидел Дил Бронкс. Он зажал голову ладонями и мерно покачивался, в такт какой-то неслышной, внутренней музыке. На Кешу Дил даже не взглянул. Он думал сейчас о Таёке – она в безопасности, на Дубль-Биге. Но все равно было как-то тревожно. Цая так и не выручили. Все парни, с которыми начинали, сгнули. На Земле сущий ад. Плохо!

Иван поставил стеклянный шар с червем на столик у стены. Сам подошел к окну, отдернул тяжелые шторы – башни величавыми стражами охраняли Кремль. В соборах служили службу, спокойно и размеренно, будто и не творилось ничего ужасного. Пастыри просили за свою паству, уничтожаемую нечистью, просили перед Святыми Ликами. Но, видно, велики были грехи рода человеческого... или молитвы их не долетали до Создателя. Иван задернул штору. Присел на диван рядом с Кешей.

Тот мрачно изрек, глядя в пол:

– Видел бы все это старина Гуг, придушил бы нас собственными руками!

– Причем здесь мы? – не понял Иван.

– Притом, – коротко ответил Кеша.

– Притом, притом! – эхом повторил Дил Бронкс. И добавил: – Я бы и сам себя придушил с удовольствием.

– Ну хватит сопли распускать! – сорвался Иван. – Что делать будем?!

Дил поглядел на него большими и грустными глазами.

– Совета спрашиваешь?

– Спрашиваю.

– Ты же такой умный, Иван, ты ж наперед все знаешь, все растолковать можешь. Вот сам и скажи.

– Скажи, – повторил на этот раз Кеша. – Сам скажи.

– Веселый у нас разговор получается!

Иван встал, подошел к стеклянному шару. Червь смотрел прямо на него, глаза в глаза. Он уже не дергался, сообразив, что силовые поля крепче стальных цепей. Сколько таких червей просочилось сквозь незримые щели на Землю?! Иван знал, ответа не будет.

Разговора не получалось – никакого, ни веселого, ни грустного. Они начинали это нелегкое дело вместе. Остальных растеряли. Теперь теряли и саму Землю. Иван гнал прочь простое и чудовищное решение. Он не собирался говорить о нем вслух.

Но сказал Дил Бронкс. Он будто проснулся, глаза ожили.

– Надо всем уходить! Туда! – Дил указал пальцем вверх. – Землю придется уничтожить, выбросить в другое измерение, экзотом! Иного выхода нет!

Иван закачал головой.

– И не будет! – настаивал на своем Дил. – Мы обязаны уничтожить Землю и все жилые планеты, куда пробрались эти твари! Обязаны! Тогда хоть что-то уцелеет. И можно будет начать все сначала на других планетах, их полно во Вселенной!

Кеша ехидно прихмыкнул и вставил:

– Эти суки придут туда вслед за нами, Дил. Младенцу ясно!

– И все равно, надо дело делать! Какого дьявола мы сидим, сложа руки?!

– Они выдохнутся! – истово, с верой в невозможное сказал Иван.

– Надежды юношей питают, – просипел Кеша. – Это мы выдохнемся и после сдохнем. А они прут...

Из-за стекол, с улицы раздались крики, натужный визг, пальба.

– ...вон, уже и сюда пролезли! – заключил Булыгин. – Вы как хотите, а я пошел туда. Пускай сдохну, но хоть парочку спроважу обратно, в преисподнюю. Пока!

– Стой! – закричал Иван. – Никто тебя не отпускал! Стой!

Кеша обернулся в дверях и пристально поглядел на Верховного, на Правителя, на Председателя Комитета Спасения Федерации и Великой России. Во взгляде его были усталость, боль и снисхождение.

– Не кричи, Ваня, не надо, – промолвил он душевно и тихо, – поздно кричать-то. И приказывать поздно, перед смертью каждый сам себе командир. – Он как-то неумело и воро-

вато перекрестился, глянул в потолок, потом наоборот, потупился. – Не поминайте лихом. Бог вам судья!

И вышел.

Дил Бронкс бросился к Ивану, встряхнул его за плечи.

– Ну?! Решайся! Другого выхода нет!

– Не могу.

– Сейчас счет на минуты, понимаешь? Нам не простят нерешительности, Иван! Ты же воин!

– Воин не станет жечь свой дом...

– Если в него пробрался враг и беснуется в нем – станет!

– Нет, не могу!

– Ты будешь сидеть тут, отгородившись ото всех и ждать, когда они придут к тебе, когда они высосут из тебя кровь и отпихнут твой труп?! Или, может, ты уже нашел с ними общий...

Дил не успел договорить. Он рухнул прямо на ковер, сбитый резким и сильным ударом в челюсть.

– Не надо так говорить! – Иван подошел к пустому встроенному аквариуму, к самому стеклу. Когда-то за ним в зеленоватой толще змеились, поводили острыми плавниками клыкастые гиргейские гадины с кровавыми прожигающими буркалами. Теперь там не было никого, там не было ничего, даже воды. Но Ивану мерещились серые призрачные тени – будто промелькнули, одна за другой, оставив рябь и муть в глазах. Наваждение!

– Ну, как знаешь, – Дил Бронкс медленно поднялся с ковра, потрогал челюсть.

И только теперь Иван заметил, как тот изменился, как постарел за эти месяцы, обрюзг, поседел еще больше, ссутилился, даже огромные выпученные белки глаз стали желтыми, почти старческими. Нет, не надо было бить, не надо было обижать его, сорвался, хотя и тот слишком многое себе позволяет, да как он смел заподозрить его, Ивана, как у него язык мог повернуться!

– Я тоже ухожу, – прохрипел Дил. – Зря ты меня втравил в это дело, Иван. Я не боюсь отдать концы, мне уже все равно, но я хотел бы умереть с чистой совестью... теперь не получится. Мы все виноваты!

– Ну и куда ты пойдешь?!

– Не знаю. Прощай!

Дверь хлопнула. Иван вздрогнул, по спине пробежал холодок. Они бросили его! В самый трудный час. Бросили! Гуг Хлодрик никогда бы не поступил так. И Хук Образина тоже. И Глеб. Но что теперь толку, теперь уже все равно. Они обречены!

Иван сбил ногой со столика стеклянный шар. Тот покати́лся в угол, ударился, замер. Всех гадин не заключишь в такие шары! Что толку?! Иван был в полнейшей растерянности. Он прекрасно осознавал, что именно сейчас все ждали его команды, все ожидали решения, они были готовы. А он нет! Погубить Землю, планету, давшую жизнь всему человечеству, не только сорока восьми миллиардам нынешних, но и тем миллиардам, что жили прежде, что оставили на Земле бесценные сокровища, богатства тысячелетий?! Нет! Это невозможно! Да и нет никакой гарантии, что такой отчаянный ход прервет страшную игру, остановит вторжение нечисти, вторжение из Ада. У них нет оружия против жутких гадин. Но Земля должна сражаться, она должна биться до последнего солдата и Земля и все заселенные планеты, и только тогда, может быть, уцелеют, выживут те, что ушли в Космос, на базы, на спутники, на звездолеты и пространственные станции. Да, спасется Светлана, другие... а он погибнет здесь, и Глеб погибнет здесь, и Кеша, и Голодов, и все, кто помогал ему, альфовцы, ребята из прочих наземных соединений, все бойцы, все, кто может держать оружие и убивать, убивать, убивать неубиваемых тварей! Им и не нужны никакие команды, им ни к чему приказы, они уже бьются, они уже умирают.

Иван бросил взгляд на резную дубовую панель шкафа, где стоял его боевой скафандр, где хранилось оружие. Его словно магнитом потянуло к панели, да, надо идти! Надо умереть с честью, не отсиживаться за спинами. Кеша прав, нынче уже нет ни командиров, ни подчиненных, кончилось время приказов. Надо идти к людям. Смерть на миру не страшна.

Иван собирался встать с дивана. Но взгляд его коснулся вдруг мутноватого стекла, уходящего под потолок. Он встряхнул головой, проморгался, не веря глазам своим, и почувствовал, как по спине потек ручейком холодный липкий пот. Такого давненько не случалось, даже стало забываться, но... Иван почувствовал, что нижняя челюсть у него начинает мелко и противно дрожать, сжал зубы. Этого еще не хватало!

За стеклом, прямо на пыльном мраморе, сгорбившись и втянув голову в сутулые приподнятые плечи, в своей черной грязной сутане и надвинутом на глаза капюшоне сидел гнусный и подлый колдун-крысеныш, лучший друг и брат, злой дух черных миров и самой преисподней, вислоносый и слюнявогубый Авварон Зурр бан-Тург в Шестом Воплощении Ога Семирожденного.

Сидел и мерзко ухмылялся, перебирая крупные черные четки.

Оторопь, охватившая Ивана, схлынула, и он уже собирался зорать на незванного гостя, прогнать, выставить вон.

Только тот опередил его, раззявил отвратительную пасть и глумливо спросил:

– Ну что, Ванюша, доигрался?!

От такой наглости Иван опешил, одеревенел, крик и ругань застряли в горле. Подлый крысеныш дождался своей минуты, своего звездного часа и явился по его душу. Явился, когда его не ждали... Ну что ж! Человек предполагает, а располагают совсем иные силы. Придется принимать на себя и этот удар.

– Что надо?! – грубо спросил Иван.

– А ничего не надо, – беспечно прогугнил Авварон, – так вот как-то, мимо проходил, дай, думаю, зайду, проведу старого доброго приятеля, друга и брата, потолкуем по душам, как живет как может, чай, не чужой человек... да и величина немалая, уважения требует. Вот я, ничтожный и сирый, и заполз с поклоном! Челом, стало быть, бью!

– Хватит паясничать! – сорвался Иван. – Не до тебя! Сам видишь, чего творится. Говори, зачем пожаловал? Кристалл нужен?!

Авварон высверкнул базедовым глазом из-под капюшона. И ответил прямо:

– Ничего мне от тебя не нужно, Ванюша. Все уже наше. И дать ты мне ничего не можешь, нету у тебя ничего.

– Врешь, собака!

– Врут людишки. Собаки не врут. А я, Иван, и не то, и не другое, сам знаешь.

Узловатые, грязные пальцы не переставали тереть черные шарики четок. Мерзкие капли сочились из вислого носа, прямо на синюшную губу. Жалок и противен был нечистый, и только гугнивый голос да высверкивающий нагловатый глаз выдавали злорадное торжество.

– Да, Ванюша, сколько раз я тебе говорил, что простота хуже воровства. А ты мне все не верил. Вот и теперь все никак понять не желаешь, родимый, что пришли мы. Пришли! Эхе-хе, а ведь сколько я на тебя времени поистратил, сколько раз я тебе разобъяснял все да по полочкам раскладывал! Ведь мы с тобой, Ванюша, считай, что полжизни рука об руку прожили, последним делились, вызволяли друг дружку из бед всяких, – Авварон пустил слезу, расхлюпался, зашмыгал носом, даже голос у него стал дрожащим, проникновенным, – ведь любил я тебя как брата и опекал будто дитяtko родимое... А все, получается, впустую. Так ты ни хрена и не понял!

Оцепенение и оторопь схлынули с Ивана. Он уже знал, что от нечистого в этот раз просто так не отделаешься, что пока всю душу не вымотает, не отстанет. Но протягивать не то что руки, а даже пальца этому подлому словоблуду Иван не собирался – оторвет, заманит, затаяет в сбою нечистую трясины и сожрет.

– Не брат ты мне, Авварон, и не друг, – недобрым голосом начал Иван, – бес ты, вот кто! И всегда бесом был! Это ты кружил меня, сбивал с пути, бросал в пропасти смертные, ты изводил меня везде и всюду, погибели моей жаждал! А теперь почуял конец мой, заявился. Не спеши! Неизвестно, как еще обернется-то!

Колдун-крысеныш хихикнул, утерся рукавом поганой рясы. С деланной обидой прогундосил:

– Грубый ты, Иван, грубый и несправедливый.

– Какой есть!

– Это верно. Сколько тебя припоминаю, столько ты и грубил дядюшке Авварону, пользуясь его добротой и отходчивостью. Попрекаешь ты меня, Ванюша, хулишь и стыдишь, а ведь я к тебе не с хулой и руганью пришел, а с добрым словом, с благодарностью большой и чистосердечной...

– Чего-о?! – Иван привстал с дивана. Но тут же вновь встряхнул головой, будто бы желая избавиться от наваждения, потом трижды сплюнул через плечо, перекрестился мелко, шепнул под нос: – Сгинь, нечистая, сгинь!

– Ну-у, зачем же так-то! – протянул Авварон. – Думаешь, я тебе мерещусь, Ванюша? Обижаеть. Не мерещусь я тебе... бестолковый ты очень, потому и понять не можешь – пришли мы, родимый. Пришли!

– Врешь!

– Мне врать не к лицу! – истово заявил Авварон, лжец, подлец и негодяй.

– Докажи!

Авварон покряхтел, поерзал, потом сунул четки под сутану, встал, подковылял к пыльному стеклу. И прошел сквозь него, будто никакой преграды и вовсе не было. Минуты полторы он простоял у стеклянного шара с червем, укоризненно и горестно покачал головой, потом ссутулился еще больше, неспешно подошел к дивану, влез на него и уселся со стонами и оханьем на широкий кожаный валик всего в полуметре от Ивана.

– Можешь потрогать.

Иван протянул было руку, но трогать не стал. Они пришли! Они уже здесь, какие еще доказательства?! То, что происходит за этими стенами, самое лучшее доказательство!

Только пока не ясно, кто вторгся на Землю – демоны самой преисподней, или всего лишь обитатели Пристанища... да только об этом расспрашивать бесполезно, крысеныш не скажет правды – бесы юлят, крутят, сбивают с толку, путают, но правды не говорят. Или все же говорят иногда?!

– Говорят, еще как говорят, – прошипел колдун-телепат, – ты ж мне не чужой, Ванюша. Я тебе всю правду расскажу, хоть и глупый ты и недоверчивый. Ты умишком-то своим убогим тужился все истины мира понять да мой интерес разгадать, все с Кристаллом как насадка с яйцом носился и меня, горемычного, по себе мерил, своим аршином. А мне Кристалл-то этот уже и не нужен был после Пристанища-то, смекаешь?! Ты мне нужен был, Ванюша. Кто твои поручения выполнял, а? Кто тебя и твоих спящих красавиц от смерти спасал, припоминаешь?! Позабыл, Иван, что из лучшего друга и брата, обратился ты в раба моего – сам! по своему хотению, не неволил я тебя.

– Удавкой ты был на глотке моей! – мрачно процедил Иван, глядя в пол. – Лучше б мне пришлось сдохнуть в Пристанище!

– Еще сдохнешь, Ванюша. Не печалься о былом. О грядущем подумай!

– Отслужил я тебе! – Иван стиснул виски ладонями. – Отслужил свое рабство, неволю свою, все, чего требовал, исполнял! Чего еще хочешь, нечисть?!

Аварон снова захихикал, утробно, плотоядно. Потом пригнулся поудобнее, зачесался под рысой и уставился в Ивана тяжело, мрачно, в оба глаза.

– Исполнял, говоришь? Это дело десятое, дела делать да исполнения исполнять. Видать, не все ты понял, Ванюшенька. Ты впустил меня в себя, и стал я твоим хозяином и господином. А до того был лишь поводырем да наставником. Вот так-то, милый! Кристалл при тебе был. А я внутри тебя! Я и сейчас внутри тебя, в тебе самом, Иван! Не сразу я из Кристалла нужное-то вытянул, не сразу, все вживался да приглядывался, не мог дотянуться до него изнутри тебя. Да только ведь ты сам раскрылся, сам вразнос пошел, родимый ты мой, без принуждения, без попреков. Ты думал, сердешный, что эдак-то маяться, скитаться, метаться из мира в мир, а потом все вверх дном переворачивать можно запросто так? Нет, Ваня, нетушки! Ты меня тешил, меня ублажал... да ненароком и раскрылся, сам того не заметив. Своим ты стал для всех нас, родным и близким – и координаты Сквозного канала через тебя узнали, и дороженьку из Пристанища в Систему, а из Системы в вашу епархию земную, все через тебя. От прыти твоей замеш-

кались даже, думали, когда еще к канальчику сквозному дверочка найдется, когда еще воронка-то приоткроется, ведь для этого потрясения нужны ого-го какие, катаклизмы, Ванюша, как говорят люди необразованные и простые, без них-то никак! А ты удружил, услужил пуще прежнего – такую заваруху учинил, так шарахнул по Земелюшке, что вот она, дверца-то – и открылася!

– Все врешь! – взъярился Иван. Теперь его трясло от гнева, от злости. Авварон, подлец, перешел от намеков к прямым обвинениям. Нет, все не так, все это ложь! Нечистый явился поизмываться над ним, поиздеваться перед смертью. Неминуемой, страшной и... бесчестной смертью. Бесчестной? Да, надо признаться самому себе, чести мало, он не спас Землю, так получилось. Но не он ускорил ее погибель, не он! И нечего возводить на него напраслину. Этот бес глумится над ним, хочет, чтобы он не просто погиб, сражаясь, с верой, с убежденностью в правоте своего дела, а чтобы он сломался перед смертью, превратился из человека, из воина в кусок падали, в тряпку, в дерьмо. Нет! Не будет этого! Все было правильно! Иначе нельзя было поступать, все верно! Большого, чем он, Иван, и его товарищи, сделали для Земли, для всех людей, сделать было просто невозможно. А все остальное от лукавого! Этот гад опять морочит его, напускает морок! Хотя и есть в его словах доля... доля истины, есть что-то верное... есть? Нет! Нельзя ему поддаваться! Ни на миг нельзя! перед внутренним взором Ивана встали первые мученики, которых он видел своими глазами, две корчащиеся на поручнях фигурки. Страшное пламя освещало их... и сжигало. И голос, пронзительный голос, звучащий изнутри: «Он не придет в этот мир мстителем, не придет!» Так было. Это жестокая правда, которую не перекроишь, не изменишь. Но он никогда не мстил! В нем не жила месть! Он вершил справедливый, праведный суд. Иди, и да будь благословен! Такими напутствиями не бросаются! Суровый, но добрый лик заслонил всеуничтожающее пламя. Глаза, в нем жили глаза. И золотились доспехи, вились в лазури стяги, блистали зеркала и шлемы. Да, иначе быть не могло, он вершил Добро и только Добро! Сгинь, сгинь, нечистая! Пусть смерть! Пусть гибель! Пусть забвение и даже позор! Но совесть его чиста!

Иван резко выбросил влево руку, намереваясь отшвырнуть от себя гнусного гаденыша, сбросить его с дивана. Но рука рассекла воздух.

Авварон, как ни в чем не бывало, сидел на красивом резном столе у окна. Сидел, чесался под рясой, сопел, хлюпал. И поглядывал искося.

– Убирайся прочь! – потребовал Иван.

В руке у него, на ладони, лежала рукоять – только сожми, и вырвется, засверкает всеми цветами радуги харалужное лезвие меча – непростого меча, рассекающего живую и неживую плоть. Иван смотрел на рукоять и ждал. Что поделаешь! Опять эта комната. Опять лютый враг в ней. Так уже было. В прошлый раз он вышел победителем из жестокой схватки, он сумел отправить в ад бывшего министра обороны, выродка, предателя, подонка, убийцу. Что будет сегодня?

– Горячий, горячий ты, Ванюша, – просипел негромко и укоризненно Авварон, – а ведь я к тебе, повторяю, ты, небось, запамятовал, с добром и благодарностью пришел. Ты хоть выслушай спервоначалу... ну, а потом, – нечистый вздохнул совсем горестно, страдальчески, утер рукавом набежавшую слезу, – потом секи долой голову мою, не жалко!

– Паяц! Скоморох! – Иван криво усмехнулся, думая, а стоит ли об эдакую гадину поганить добрый меч. Там, снаружи, гибли люди – добрые, умные, честные, чистые. А он тешил беса, он не мог изгнать его ни из этой тихой комнатушки, ни из себя самого.

Авварон понял, что рубить его и вообще обижать пока не будут. И снова уставился на Ивана двумя желтушными выпученными глазами-сливинами, уставился, будто захотел заворожить, подавить тяжким, свинцовым взглядом.

– Не скоморох я, Ваня, – заговорил он без обычной гугнивости и картавости, – не скоморох. И ежели кого мечом сечь собрался, так секи самого себя. Ты во всем виноватый. Ты! Ты был разработкой особого отдела Синклита, тебя забросили в Пристанище неспроста, понимаешь? Не делай вида, что ты совсем бестолковый, сейчас ты все понимаешь. И тогда ты кое-что понимал! Ты помнишь тех людей подо льдами? Ты звал их про себя «серьезными», ты думал, они и есть тайные правители мира... Да, они вершили большие дела, но правили миром другие, те, кого мало кто видел, а ежели и видели, так принимали совсем за других. А «серьезные» были подставкой, марионетками. Серьезными, солидными, весомыми, но марионетками. Смекаешь? И сама разработка, по которой тебя, Ванюша, на мытарства обрекли да закинули к черту на рога, другими была подброшена в особый отдел, нами, Ванюша, ежели говорить попросту. Они на скелетик только мясца нарастили, технически подработали да запустили. И все, мой милый друг и любезный брат, пойми это, все, что с тобой приключилось от тех дней стародавних и до дней нынешних, с тобой и с вашей колонией земных слизней, все было спланировано, запрограммировано от начала до конца. Ты

тогда поверил, будто бы вложенная в тебя сверхпрограмма – это всего лишь Первозурга ликвидировать да кой-чего из Пристанища уволочь. А все было сложнее, Ванюша... Тихо, тихо! Не ерпенься ты, не дергайся, родимый, вот дослушаешь, тогда и махать своим кладенцом будешь. Или правда глаза колет?! Слушай! Слушай, Ваня! Другой тебе вот так, начистоту, не выложит всей правды-матки! Ты шел по наводке! Были всякие непредусмотренные мелочи и сбои, это ерунда, говорить не об чем, но в основном ты шел по наводке, по плану – шел вот к этому самому дню! Ты был нашим биороботом, родимый. Ты был великолепным зомби! Иногда тебе даже давали волю – пошалить малость, показать удаль молодецкую... вот ты и давал шороху! Это была операция, каких ни тот, ни этот свет не выдывали! Блестящая операция! В несколько жалких лет мы сломали все земные барьеры! Мы пришли сюда! А ты, Ваня, нам не просто помогал, это ты нас вел, ты, родимый! Вот за это тебе в ножки и кланяюсь! За это поклоны и бью, терпя несправедливость и оскорбления. Но только не зазнавайся, не впадай в гордыню, Иван. По глазам вижу, избранным себя ощутил, избранным! А это нехорошо! Разработка ты отличная, и ребятушки из сектора Подавления Восточных Провинций расстарались, и ты сам не оплошал. Но запускали, уж не обессудь, не одного тебя. Никто ведь знать не знал, что именно ты героем-то окажешься, наверх вылезешь. Запустили сразу и поочередно по разработочке этой сто сорок семь добрых молодцев, Ванюша, подобных тебе, да-а, именно столько со старта ушло, чтоб на финише один-единственный всю земную шаругу вашу раздолбал в пух и в прах да нам дверцу открыл...

– Молчи, паскудина!

Иван вскочил на ноги. Сверкающий, переливающийся огнями меч взметнулся над черным уродцем, восседавшим прямо на столе. Ивана трясло неудержимо. Он был близок к истерике. Но он не мог ударить. Не мог. Он пыл будто заморожен, околдован. Бред! Это все бред! Туман плыл перед его глазами. Если колдун-крысеныш, поганный бес, вновь одолевший его, не врал хотя бы на тысячную долю, он, Иван, не заслуживает ни малейшего прощения, это конец! страшный конец! в стократ хуже, чем просто смерть, чем самая ужасная и страшная смерть!

Авварон тяжелых глаз, в коих открылась вдруг сама черная потусторонняя бездна, не отвел.

– Чего ж молчать-то теперь, – проговорил он скорбно, себе под нос. – Молчи – не молчи, а работа сработана, Ваня. Так было, историю не перепишешь. Да ты ведь знал двойников

своих по разработке, и Рона Дейка из проекта Визит Вежливости, и Рогова из Осевого, и еще кой-кого... каждый сломался на чем-то, из полутора, почитай, сотен на Землю вернулись шестеро: трое на Западе, двое в Европе да ты. Тебе повезло, ты оказался покруче остальных пятерых. Ты прошел до конца. Ты привел нас на Землю, Иван. Ты!

Меч сверкнул ослепительной молнией. Старинный дубовый стол ручной работы развалился на две половины. Иван резко обернулся, будто ожидая удара в спину. Но удара не было.

Черный и согбенный Авварон вновь сидел за пыльным, мутноватым стеклом аквариума. Сидел и печально покачивал головой.

– Зря ты так, Ваня, зря. Ну чего ты добьешься зарезав еще одного своего брата, ну чего?! Ты оглянись вокруг себя – на любые земли и страны. Ведь это ты завалил их горами трупов, это ты загубил миллиарды братьев по всем обитаемым земным мирам, а особливо на самой Земелюшке многострадальной. Разве не так?

– Ты все врешь, нечисть, – еле слышно ответил Иван. Он снова сидел на диване, сидел, не глядя в сторону навязчивого беса, зажав уши руками, сотрясаясь в крупной, рваной дрожи. Ему было тяжело, несказанно тяжело. Почему все вдруг обрушилось на него, на него одного?! Где остальные? Где его друзья-соратники? Где они?! Или за все придется отвечать ему и только ему? Перед кем отвечать?! Перед собой... перед Создателем. Невыносимо тяжело!

– Да, да, Ваня, ты устроил бойню людишкам, еще до того, как мы пришли сюда, ты умножил зло, его стало в тысячи крат больше. Ты, родимый, так шарахнул по южному полюсу, что Земля содрогнулась и платформы материков полопались. Ты ведь знал, что ты делаешь... ну, сруби еще одну голову! Вырви язык, говорящий правду! Утешься!

– Заткнись!

Иван сомнамбулически подошел к стеклянному шару, поднял его. Потом вместе с ним опустился прямо на ковер. Снаружи, с улицы и со стороны кабинета, доносился шум. Наверное, бой шел уже там, совсем близко, да, они пришли, они пришли на Землю, они добрались и до него. Это гибель. Это конец цивилизации. Это конец всему!

– ...пусть тебе не жалко было людишек, мне их тоже не жалко, двуногий тупой скот. Но ведь ты знал, Ванюша, не скрывай, знал, что за многие века те, кого ты называешь выродками, скупили и захапали все сокровища вашей земной культуры, все картины, статуи, подлинники рукописей, бес-

ценные шедевры... все, что создало человечество за тысячелетия, скупили и вывезли в свой антарктический подземный дворец-город. В прочих городах и музеях остались только копии, копии – везде, повсюду. И ты одним ударом уничтожил достояние человечества, то, чем вы гордились, что берегли веками, из столетия в столетие! Ты разрушил города по всей планете, ты сеял ужас, смерть, голод и мор! Твой путь был выстлан горами человеческих костей и залит морями крови. Ты ненавидишь тех, кто пришел следом, ты ненавидишь нас, тех, кто насыщается ныне жертвенной кровью низших существ по всей вашей Вселенной?! Но ты сам разбух от нее, ты сам поглотил ее столько, что нет меры поглощенному. Ты пролил ее больше, чем любой из них! – Авварон ткнул корявой рукой в сторону окна, за которым шла бойня. – Ты один из них. Да, Иван, не пеняй на зеркало. Свершилось Предначертанное Извне. Оно и должно было свершиться. Пристанище вошло на Землю. И ты стал одним из нас. Да, мой любезный брат, я не зря тебя так величаю, ты заслужил право называться так, ты из разряда низших и подлых предсуществ переходишь в разряд иной, высший. Тебя ждет Воплощение!

Иван почти не слушал страшного демона преисподней, гнусного и жестокого Авварона Зурр бан-Турга в Шестом Воплощении Ога Семирожденного. Он сидел на полу, сосредоточенно вглядываясь в стеклянный шар и ничего не видя внутри него, кроме мути силовых полей, из которых невозможно выбраться.

– Где этот червь? Где эта гадина?! – глухо, будто у самого себя, спросил он. Ничто внешнее уже не проникало в его уши, в его мозг.

Ответ прозвучал столь же глухо и безнадежно:

– Он внутри тебя.

Эпилог

Уход

Нет выхода сильному духом из самого себя. Ибо только он сам себе и тюрьма, и каторга. Трудно бежать из таких застенков. Исступленно мечется узник во мраке своего заточения, ощупывает изодранными в кровь ладонями угрюмые, холодные стены, бьется грудью о камни, стенает и ропщет. Открыто перед ним множество щелей, змеятся тропки, выются лазейки... Но нет выхода, не всякая щель выход. Ибо не может встать на колени, предать себя и верящих в него, не может пасть на брюхо и червем выползти в щель. Сильный духом. Человек!

Три миллиона лет роду: человекообразных, три миллиона лет бродят по планете двуногие, от коих выводят родословную свою прыткие антропологи-человековеды. Видно, и

впрямь произошли они от тех гоминидов, что рыскали давным-давно по саваннам Африки. А человек нынешний, не человекообразная двуногая особь, а именно человек, появился на Свете Божьем лишь сорок тысяч лет назад, будто с неба свалился. И нет меж двуногими человекообразными и ним, человеком, ни мостика, ни звена. Уж на что бились-старались неутомимо-бесноватые, ретивые «гуманисты», пытаясь определить людям в праотцы и праматери обезьяну, да так ничего и не добились, лишь сами уподобились ей в суетности и богомерзости. Тщились связать свой род, человекообразных, с родом человеческим, да ничего и не связали; оставив в недоумении простодушных и изуверившись во всем. И правы они были. И не правы. Ибо разгадка всему проста, как просто в жизни настоящей истинное и доброе. Два рода обитают на Земле многие тысячелетия, обитают смешиваясь и разделяясь, переплетаясь в миллионах сочетаний и все же оставаясь несочетаемыми и несоединимыми – те, что путем эволюции сбросили шерсть зверино-обезьянью, поднялись на задние конечности и уподобились людям, и те, что рождены были людьми, что явились на Землю неожиданно-негаданно сорок тысяч лет назад, когда дыхание Божие, пришедшее из миров неведомых пучками жестких космических лучей, создало их без «мостиков» и «звеньев» – сразу людьми, создало по Образу и Подобию, чтобы испытать изгнанием с Неба на землю, из сфер высших в болото животного произвола, болото борьбы за выживание среди четвероногих и двуногих, души имеющих. В этом разгадка всей Истории человеческой и нечеловеческой, разгадка происхождения, возвышения, стремления ввысь, к Богу, и падения в пропасти адские, к дьяволу. Проста разгадка, как все великое и истинное, и недоступна, сокрыта нагромождениями лживых и велеречивых мудрствований, сбивающих с толку и заводящих в дебри теорий, гипотез, умствований пустопорожних, но многословных. Сложно все. И неизреченно просто, когда не в потемках бродишь, ведомый лжеповодырями и бесами, сбивающими с дороги, а открытыми глазами смотришь на мир, смотришь сам, просветленный Творцом твоим, а не копошась вокруг тебя «учителями» премудрствующими – за миллионы лет двуногое существование своего изощрились они во лжи, не просветляют, а затуманят глаза доверчивого, увлекут в мрак и грязь от света и чистоты.

Во испытание человека и духа его поселены на планете Земля были не одни лишь люди, сотворенные по Образу и Подобию, но и двуногие, бездушные двойники их. Ибо все растет, возвышается и созревает во Вселенной, лишь преодо-

левая сопротивление. Особое испытание было ниспослано человеку, суровое и тяжкое. Страшно жить в мире, где властвуют привычные к нему, миллионы лет грызущие друг друга, и ближних своих, и дальних, поднаторевшие в борьбе за выживание, в убийении объявившегося рядом, в хитрости и ловкости, в подлости и изворотливости, в жадности и недоверчивости. Страшно обладающему душой жить среди не имеющих ее. Страшно, ибо не отличишь с первого взгляда одних от других, живущих при свете от рыщущих во мраке, потому что одинаковы внешне, потому что и мрак и свет не снаружи, а внутри них, под черепными сводами. Попробуй, узри!

Тридцать тысячелетий люди жили в тщетной борьбе за место не во мраке, но под солнцем, тридцать тысячелетий не могли преодолеть гнета человекообразных, тянущих в дикость и тьму. Но на исходе тридцатого начали подниматься, обретать свой, человеческий уклад, отрываясь от грешной земли, взирая на звезды и волоча за собой непомерный груз уцепившихся за них, присосавшихся к ним двуногих. Только десять тысячелетий понадобилось человеку, чтобы подняться от топора каменного к всевластию над звездами и галактиками, от наскальных тотемов к высокой и одухотворенной живописи, к музыке, уловленной из высших, недоступных сфер, к отрешению от земного и слиянию с Небесами – незримому, нетелесному, но великому. Тяжкие и горькие были эти тысячелетия. В смешениях и разделениях человек и человекообразных текли столетия, полыхали войны, свирепствовали моры. За грехи были посланы испытания эти и наказания. За страшное грехопадение человека, свершенное им первоначально еще сорок тысяч лет назад, и свершаемое с той поры постоянно и повсеместно, и не с себе подобными грехопадение, а с двуногими. Ибо отделены были и не имели звеньев и мостков, родства и близости. И так бы и шли по жизни веками, эрами – разделенные, чуждые, как нынешние разумные и нынешние обезьяны. И был бы на Земле век бронзовый, век серебряный и век золотой. И велик был бы человек, светел, чист, всемогущ как созданный по Образу и Подобию и идущий к прощению и возвращению в сферы высшие. Но свершилось чудовищное, трагическое, определившее кровавый ход Истории, вырождение и гибель рода человеческого. Свершилось с приходом человека на Землю грехопадение его – кровосмешение с чужими ему, бездушными, лишь внешне похожими – с полуразумными животными гоминидами, миллионами лет до того, блуждавшими по саваннам и лесам в дикости животной. И привел человек в семью свою, в род свой зверя. И разделились роды. И пошли они друг на друга,

ведомые не людьми уже, а порожденными от кровосмесительного греха нелюдьми, двуногими вырожденками. И оставалось в одних больше человеческого, а в других родах больше звериного. И переставали они понимать друг друга, разбредались по Земле, чтобы при встречах убивать друг друга, и красть жен друг у друга, и отнимать накопленное друг у друга, ибо было в них уже не одно лишь людское, человеческое, но и животное... Нет ничего страшнее под Солнцем, чем животное, наделенное разумом! Тяжек был грех смешения, ужасен и страшен. Ибо наделил человек одухотворенный разумом зверя бездушного, дал ему силу и власть над собой. Из-за минутной слабости-похоти, а может, и по другим причинам. Нам не дано знать, как случилось это грехопадение: то ли сам человек, один из первых, не устоял, соблазнился дикой красотой двуногой, но бездушной самки – и породил с ней первого разумного зверя, то ли похотливый зверь-гоминид выкрал из семьи-рода людского женщину и в пещере своей насильно, грубо овладел ею... за тысячелетия было и так, и эдак, повсюду. Не защитил себя человек. Не защитил. И тем обрек на горе, страдания, войны, пытки, муки, вырождение, власть вырожденков-нелюдей над собой... и конец рода своего. Да, поднимаясь вверх по ступеням, ведущим к Небу, он тащил за собою и порожденного собой разумного зверя, коего нет страшнее в Мироздании, тащил, готовя страшный и лютый конец всем – и людям, и нелюдам. Не зверь отвечает перед Богом, даже если он наделен способностью мыслить, не зверь, а Человек. Ибо он дал зверю мощь и силу, которой у того никогда не было и никогда бы не стало! Он сделал зверя, приспособленного и живущего миллионы лет, зверем вырождающимся, утратившим свою сущность и оттого безмерно страшным, безжалостным, жестоким в вырождении своем.

Сорок тысячелетий назад, лишь появившись на Земле, род человеческий обрек себя на гибель. И уже с тех пор не оставляло его сумрачное предчувствие конца века. Конец Света. Не просто конца и гибели людского рода, а именно конца Света. Ибо Свет во Вселенную нес только человек, для того и созданный Свыше носителем души, носителем Света. Уйдет он, изгубив себя неразумием своим, и погаснет последняя Свеча во мрачном океане Тьмы. И настанет новая эра – эра черного мира, черного солнца, черных тварей, обитающих под ним, эра, несущая благо рожденным во мраке дьявольских пропастей и бездн, эра Черного Блага!

Но зажжена была свеча во Вселенной! Был свет! И ответит по делам своим тот, кто должен был хранить этот Свет, поддерживать горение Свечи, но не исполнил предназначенного

ему, а напротив, способствовал угасанию огня, приходу мрака. Он виноват! Ибо он Человек! Не легионы разумных зверей, не тьмы коварных, злобных и хитрых вырожденков, разрушающих все вокруг себя, несущих хаос, смерть, голод и морок. А только он! Ибо не звери и выродки облечены были высшим предначертанием, одухотворены и избранны Творцом, а только он, Человек! Тяжело суд Божий. Тяжело, страшно, но справедлив.

И потому нет сильному духом и наделенному душою выхода из тюрьмы, выстроенной своими руками, нет! Бьется он, мучается, мечется, раздирает в кровь ладони в поисках двери, щели... но не находит их. Выползть же из темницы своей совести змеей, червем, исхитряясь и ловчая, елозя в пыли брюхом, не способен он. Ибо наделен тем, чего нет у животных, чего никогда не будет у разумных зверей. Ибо Человек!

Огромная, сотрясающаяся студнем гадина ворвалась в комнату, выломив дверь, раздирая стену, истошно зудя стократно усиленным зудом навязчивого гнуса. Сразу три членистых длинных лапы потянулись к Ивану.

И тут же сгорели в лиловом снопе, извергнутом из лучемета. Иван нажал на спуск машинально, он был в полной прострации, словно в другом, тихом и безмятежном мире. Его тело – глаза, нервы, пальцы, мозг работали сами по себе – выучка космодесантника, накрепко вбитый навык.

Гадина попробовала было захлестнуть жертву жирными прозрачными щупальцами. Но с тем же успехом. Студенистая жижа каплями стекла на изгаженный паркет. Третьим выстрелом Иван выжег оба мутных глаза на толстых выдвигающих стеблях, а потом раскроил желеобразный череп. Червь выскользнул молнией, никакие лучи, никакой огонь его не брал. Ну и плевать! Иван вышел в пролом, даже не взглянув в сторону панели шкафа, за которой стоял его боевой скафандр. Плевать!

Прямо посреди огромного кабинета, возле стола два омерзительных дьяволоида пытались опрокинуть Глеба Сизова. Тот не давался, ломал длинные лапы, вдрызг разбивал тянущиеся к нему нечеловечьи рыла, увертывался. Дьяволоиды были слабей его, драться они не умели. Но эти твари не знали усталости, не щадили себя, и все у них заживало прямо на глазах, они лезли и лезли, неостановимые и страшные своей неостановимостью. Глеб уже изнемогал. Но он не кричал. Дрался молча.

– Чего на помощь не зовешь? – хрипло выдавил Иван.

Первым ударом он снес напрочь голову ближайшему дьяволоиду. И чтоб тому было неповадно, подобрал ее, вышвырнул в разбитое, изуродованное окно. Второго он разордал наполам и тоже, одну половину зашвырнул подальше, так не воскреснут, не срastутся!

Глеб ошалело поглядел на Ивана, вытащил платок, начал вытирать лицо, но платок сразу весь вымок, побурел от кровищи. Глеб бросил его под ноги.

– Нечего с ними цацкаться! – сказал Иван без выражения. И добавил: – Остаешься за меня!

– Куда ты? – спросил Глеб срывающимся голосом, не в силах усмирить прерывистого дыхания. – Там ни одного бота, ни одного гравитана! Все на орбите. Дежурная капсула придет через полчаса.

Иван криво усмехнулся. Слова командира альфа-корпуса, который почти весь лег костями на Красной площади и в самом Кремле, долетали до него словно сквозь вату. Ему было все равно, мозг оцепенел. Но намек он понял.

– Думаешь, я бежать собираюсь? – проговорил он с расстановкой, выделяя каждое слово. – Ошибаешься, Глеб.

– Так куда же ты?!

– Пойду пройдуся.

Ворвавшего в кабинет сатаноида Иван сбил ударом ноги, потом приподнял за шкуру левой рукой, правой поочередно сшиб оба рога, и вышвырнул в окно. Сатаноиды были пушечным мясом нечисти, их не жалели, бросали тысячами на лучеметы, бронебои... Так чего ж он их будет жалеть?! Нет! И нет никакого червя у него в голове. Этот подлец Авварон врал. Он издевался над ним! Но теперь Ивану было все равно, теперь на душе у него лежал такой черный и неподъемный камень, с какими на белом свете долго не живут.

Им надо было сразу уйти из Кремля, и вообще из Москвы, уйти на какой-нибудь пустырь. И тогда древние здания, все памятники, резное дерево, росписи, филигранные полы... все бы уцелело, ведь нечисти нужны люди, только люди, их кровь, их тела. Все бы уцелело. Но для кого?!

Это он привел их сюда. Это он открыл им вход на Землю! В голове у Ивана гудело, будто она была полой, будто внутри бил размеренно и гулко набатный колокол. Он преступник. Страшный, неорошаемый преступник! И если бы люди, вот эти несчастные, что погибают сейчас повсюду, знали бы о том, они разорвали б его в клочья собственными руками. И правильно бы сделали. Он поглядел вверх, на лепной потолок. Больно! И невыносимо тяжело. Он хуже Иуды. Тот хоть нашел в себе силы повеситься. А он ходит, поганит землю. Негодяй!

Иван скрипел зубами. Сердце у него оборвалось и полетело куда-то вниз, наверное, в самую преисподнюю. Иуда!

– Всех оставшихся посадишь в капсулу, – бросил он Глебу уже из дверей, – уходите с Земли! На флагман!

– А ты?! – Сизов не понимал.

– А я... пойду пройдуся. Не переживай за меня. – Иван умолк. Потом тихо выговорил: – И не забудь, теперь ты за главного, теперь ты за всех отвечаешь. Ну... прощай! Береги Светлану!

Он не подал руки. Не кивнул.

В приемной два охранника резали студенистую гадину сигма-скальпелями, получалось ловко и здорово, лучше, чем дельта-излучателем. Иван не стал им мешать, сами справятся. Зато на лестнице шел настоящий бой. Семеро одеревенелых и трясущихся дьяволоидов слепо лезли вверх по ступенькам. Их сшибали кулаками, опрокидывали выстрелами из парализаторов, лучеметов. Но они поднимались и снова лезли. Теперь Иван явно видел – они слепы, они вообще ничего не видят, не слышат, не чувствуют. Они прут будто зомби, как заводные, ожившие манекены. Движения судорожны, прерывисты. Глаза остекленелые, застывшие. Мертвяки! А ведь каждый был человеком, живым человеком, ходил на черные мессы в черные приходы, доводил себя до умопомрачения, терзал очередную жертву и упивался своей силой, безжалостностью, жестокостью... и одновременно дрожал, боялся до потемнения в глазах, ведь в следующий раз жертвой мог стать он сам. Они упивались ужасной, дикой игрой. Они подражали своему господину. И они стали такими же... почти такими, только не господами, а слугами, мертвечиной, пушечным мясом невидимых владык. Они лишь на какое-то время оживают после высосанной из жертвы крови, приходят в себя, но потом кровь из их заушных пузырей уходит... куда? никто не знает, но уходит, это только накопители-передатчики, кровь уходит к подлинным и опять-таки незримым, но присутствующим здесь кровососам, а эти снова бросаются слепыми и неостановимыми мертвяками на поиски жертвы. Нелюди!

– Уходите! – бросил в горячке Ивану ободранный и задыхающийся паренек в сером полускафе наружной охраны. – Здесь не пройти!

– Пройдем, браток! – Иван похлопал его по плечу. Забросил лучемет за спину, пускай отдохнет, повисит немного. – Ну-ка, ребятки, дайте дорогу старику!

За три минуты всех семерых выползней он превратил в одно большое, хлюпкое и гадкое, расплзающееся месиво, из которого торчали обломки желтых острых костей. Страхнул

ошметки с рукавов, брезгливо поморщился. Путь на улицу был свободен. Охранники наверху застыли с разинутыми ртами, такого они еще не видели в своей жизни.

А месиво уже сползлось, пушилось. Из него тянулись лапы, звериные когти.

– Чего стоите, подогрейте их маленько! – посоветовал Иван.

И вышел на свежий воздух.

Прямо у Красного крыльца выползень прогрызал затылок полной и немолодой женщине в цветастых шортах. И откуда она здесь взялась в такое время?! Иван вытащил из кармана старенький, почти допотопный пулевой пистолет, подарок Гуга Хлодрика, любителя старинного оружия и прочего антиквариата. Выстрелил в раздувавшийся красный пузырь за ухом у сатаноида. Пузырь с чавканьем лопнул... но ни капли крови из него на землю не пролилось.

Точно, это передатчики-трансляторы, машинально отметил Иван. Армейский усатый майор переломил выползню хребет, отскочил. Но женщине это уже не могло помочь, она запрокинулась, упала на спину.

Иван прошел мимо. Каблуком размозжил отекающую морду поднимавшегося выползня. Тот снова распластался... а потом снова поднимется, Иван знал. Но он прошел мимо. Тут и там гремели выстрелы, вспыхивали огни, зарева. Надо было идти под стеной, так безопасней. Только ему было все безразлично. Убьют? Пусть! Затем он и выбрался из покоев дворца. Чем раньше, тем лучше.

Иван искал смерти. И не находил ее.

Под колокольной Ивана Великого толпилось не меньше взвода внешней охраны. Кричали, гомонили, вскидывали вверх стволы.

– Что там?! – спросил Иван.

Ответил капитан с кровавой повязкой на лбу и синяком под глазом.

– Да вот, десятка три мужиков и баб из персонала залезли наверх, черт их побрал бы, а гадины рогатые следом. Лестницы трупами завалены, не пробиться. Да и стрелять, мать их, не выстрелишь! Сами себя губят!

– Чего с головой-то?

– Рогом ударил!

– А ты?

– А я ему рога вместе с башкой сшиб! Вот этим штык-ножом глотку напрочь перерезал... вон, падаль, в кустах валяется!

Иван еле заметно улыбнулся, прихлопнул капитана по руке.

– Значит, можно бить гадов?

– Можно! – капитан только теперь признал Верховного, вытянулся в струнку.

– Вот так и бейте!

Иван отвернулся. И почти рядом, в метре от его ноги грохнулось что-то тяжелое, сырое, брызнувшее жижей.

– Пропади все... – дико прогремело над головами. И оборвалось с упавшим телом, вторым. Это с самого верха колокольни выбрасывались загнанные, обьятые ужасом жертвы.

Взвод побежал внутрь. На штурм.

Всех перебьют, подумал Иван мрачно. Но может, и спасут кого-то, а коли стоять, тогда точно, не спасешь, тогда точно, всем погибель. Нет, нельзя было выждать, нельзя было стоять с опущенными руками! Все врет проклятый Авварон... Все, да не все! Камень надавил тяжелее, к горлу подкатил комок.

Ну что ж, надо идти туда. Больше некуда! Больше ему никто ничего не скажет. А там, скажут?! Ивана пронзило острой внутренней болью. Нет, не от жалости к себе резануло по нервам, не от жалости. Просто дошло вдруг – вот он, последний день, не его, всего народа земного! вот он конец света, пришел – грязно, кроваво, буднично и серо. Без величавых и бесстрастных ангелов в белоснежных одеяниях, без громгласных золоченных труб, без апокалипсических всадников с их красочными свитами и без торжественной музыки горних сфер... Буднично, некрасиво, обыденно. Вон, даже багровых небес с черными тучами нету, не то что гласов заоблачных. А проглядывает сквозь марево солнышко, как оно проглядывало тысячи, миллионы лет. Чуть накрапывает дождичек, но ливня не будет, тучка идет себе стороной.

В белую стену за Ивановой спиной ударила граната, выпущенная из бронебоя. Он даже не вздрогнул. Канула в вечность еще одна секунда. А ведь именно она могла стать последней, окажись он на полметра левее, поставила бы точку, и дело с концом! Проклятье!

Иван вышел за ворота. Охраны не было. Зато кто-то отчаянно бился с двумя рогачами сразу у стены. Смелый малый, сноровистый! Иван подошел. Хотел помочь. Но, приглядевшись, понял – тут справятся и без него, свой браток, космодесантник, из молодых, но умелый. И чего его на Землю занесло? Сейчас самое время в Дальнем Поиске какую-нибудь очередную гадру или гиргею геизировать!

Он свернул, побрел вниз, отсюда стена на заслоняла Золотых Куполов. Но Иван не глядел на них. Голова не подымалась, не отрывалась от выбитой, разбросанной повсюду брусчатки, от вывороченных кустов, обломанных деревьев. Он шел медленно, перешагивая через поваленные столбы, через трупы. На мосту из кривой и глубокой трещины высочил было дьяволоид, огромный, взъерошенный, размахивающий ручищами. Но Иван его тут же отправил в свинцовые воды, через перила – пускай охладится. Заодно посмотрел вниз, стиснул зубы покрепче. Неспешное течение Москвы-реки несло сотни тел – раздутых и усохших, изуродованных и почти нетронутых, голых и одетых, страшных, обезображенных смертью! Иван еле сдержался, чтобы не перевалиться через перила... ему надо было только расслабиться, и ничего больше, а огромный черный камень, что лежит на душе, утянет на дно. И все! И конец всем печалям... До самого суда Господня. Никуда от него не уйдешь, никуда не денешься. Нет, нельзя, пока нельзя, не время. Надо назад.

Иван, еле волоча ноги, побрел к Храму. Там, там его примут, там будет ответ – правдивый и праведный, там он развеет сомнения, там сбросит черный камень с души. Иди, и да будь благословен! Вот он и идет, вот он и возвращается. Блудный сын.

Купола горели ярко и чисто, Неземным Огнем горели. Будто и не случилось ничего, будто Господь все так же оберегал Землю, хранил свою обитель на ней – Великую Россию, единственную во Вселенной пристань Духа, озаряющего мрачные толщи Мироздания светом, теплом и верою – Святую Русь. Господи! Дай силы выдержать и это испытание! Иван воззрелся на величавые кресты, прижал ладонью к груди малый крест нательный. Не благ прошу и не помощи, только лишь сил терпеть страдания и лишения, сил преодолевать их! Ноги становились тяжелее с каждым метром, будто белые высокие стены Храма отталкивали его, отвергали. Нет! Это только кажется...

Метрах в сорока, слева от ступеней лестницы, три прозрачных гадины теснили к граниту кучку измученных людей. Двое армейских отбивали несчастных, удерживали нечисть. Тут дела были плохие. Иван сомнамбулой побрел к кричавшим, перепуганным донельзя людям, заслонил спиной. Слизистая лапа, будто четырехметровый прозрачный и хлипкий крюк, нависла над ним.

– Ну, ладно, сволочи! – просипел он.

Лезвие меча вырвалось из рукояти хрустальным лучом, превратилось в рассыпающийся искры веер. Крики сразу стихли. Даже армейские оторопели.

– Это вам не кровь сосать из беззащитных!

В считанные секунды Иван изрубил гадин в капусту, в лапшу. Тут же повернулся, заорал со злостью:

– Чего стоите! Чего ждете!! Расшвыривайте обрубки, да подальше! Или опять хотите?!

Они стояли, не понимали, жалко улыбались, трясли головами. Только армейские раскидывали сапогами слизь. Эти были потолковее.

– Ну ладно, как знаете.

Иван отвернулся, пошел к Храму.

На этой лестнице ему была знакома каждая ступенька. На ней он стоял, когда вернулся из Системы, стоял и слушал голос сверху. Может, тогда ему все почудилось? Может, и не было ничего?! Он шел неспешно и тяжело. Давил камень, давил тяжко и безысходно. Шаг. Еще шаг... Горят Купола, горят. Их золотые огоньки, их блеск освещал ему путь за тысячи парсеков от Земли, во мраке бездонной пропасти – той самой, в которую падали все миры бескрайних вселенных, все, кроме мира этого – мира Святой Руси, увенчанного Золотыми Куполами Храма Христа Спасителя. Русь не падала в бездну, она была над ней, она парила надо всеми безднами и пропастями Мироздания... И сейчас парит?! Иди, и да будь благословен! Как же так? Теперь все они падают в пропасть, страшную, черную, бездонную, смертную пропасть. И виноват он, только он, облеченный и избранный, взваливший на себя тяжкую крестную ношу всех землян, всех христиан... Нет! Неправда!

Перед Храмом никого не было, ни души.

Иван подошел к огромным великолепным дверям. Они были закрыты. Постучал. Пока ждал, мелькнула горькая мысль, он здесь теперь лишний, ему во Храме нет места, вот и закрыто... Но служитель приоткрыл двери впустил.

Иван спросил сразу же:

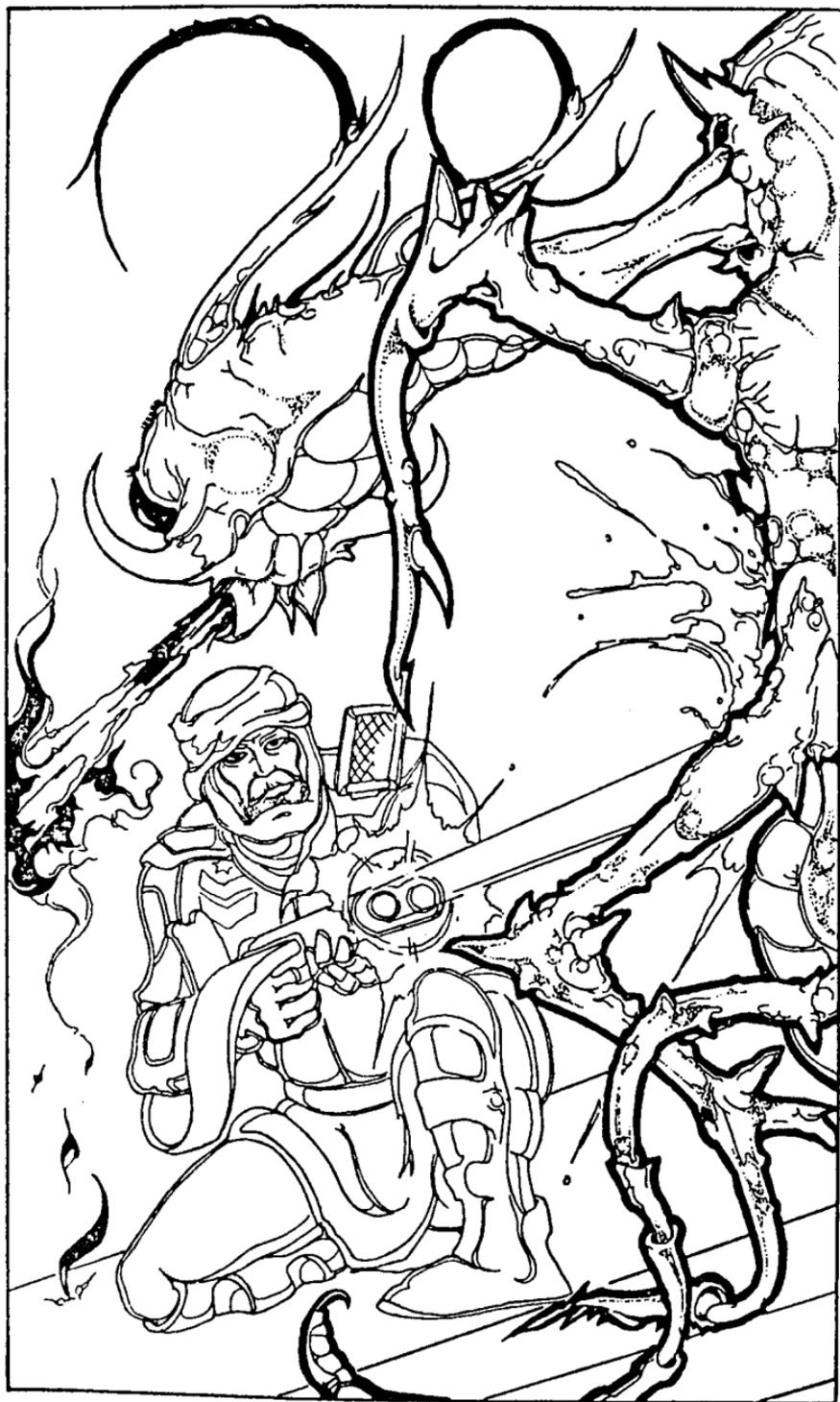
– Они лезут сюда?!

Служитель, молодой еще человек с русой бородкой и печальными глазами, весь в черном, покачал головой.

– Нет, во Храме Божиим им нет места. Вы кто будете?

– Грешник я, – после некоторого раздумья ответил Иван, – и преступник, коему нет прощения.

Господь всемилоостив.

В Храме было пусто, лишь пять-шесть смутных силуэтов различил Иван во глубине его. И все же, прежде чем пройти далее, спросил еще:

– Здесь можно укрыть тысячи людей. Почему же двери ваши закрыты?!

Служитель в черном ответил смиренно, без раздражения:

– Двери наши для всех открыты, вы только что убедились в том. Час назад здесь было очень много людей, больше двадцати тысяч. Их вывезли на космобазу к Сатурну. Через полтора часа придет очередной корабль. Но людей остается все меньше, город опустел...

Будто нож вонзился в сердце Ивана. Город опустел. Опустела Земля Русская, города и веси, равнины и доли, не слышно уже ни смеха, ни плача, повсюду царят запустение, смерть и страшные гадины Пристанища. Иван вздохнул тяжело. Пристанища или преисподней? Подлый крысеныш так и не ответил. Бес!

Он прошел вперед, к образам.

Он ожидал, что придет облегчение. Но оно не приходило. На душе становилось еще муторней, еще тяжелее. Так не могло долго продолжаться, всему есть предел. Иван был на грани. И он ждал слова...

Патриарх стоял перед ликом Спаса. Стоял спиной. Это просто чудо, уже третий раз он застаёт его, пастыря всех православных, того, чье слово есть утешение. Иван рванулся вперед. Колыхнулось пламя свечей.

Старец обернулся. На лицо его набежала тень, глаза сверкнули.

Иван поднял руку, моля о слове, одном коротком слове, подался всем телом, душою... Но было поздно, патриарх резко развернулся и пошел прочь. Он узнал его. Узнал! Но он не захотел его видеть, говорить с ним! Значит, это правда. Значит, неискупимый грех лежит на нем. У Ивана потемнело в глазах, ноги подогнулись.

Служитель с русой бородкой успел подхватить его под локоть. Прошептал в изумлении:

– Чем вы могли его так напугать?! Никогда, никогда я не видал святейшего таким!

Иван отстранил руку.

И опустился на колени. Сейчас он смотрел прямо в глаза Тому, от Кого ждал ответа. Все отказались от него, все отвернулись, кроме беса-погубителя, завладевшего его душой, вкравшегося в нее. Все! Ну и пусть! Патриарх облечен саном, но и он лишь человек на грешной земле, человек! Перед Иваном все плыло, качалось, он еле удерживал себя на кромке

сознания. Чернота и темень наплывали на него, застили лик Спасителя. На какой-то миг он даже уронил голову на грудь, уставился в мраморные плиты, и сразу набежала тьма, а из тьмы выплыло блудливое лицо, омерзительная харя Авварона. «Прочь! Прочь! – мысленно приказал Иван. – Уходи, бес!» Крысеныш ослабился, обнажая гнилые черные зубы. «Я уйду, Иван. Но и ты уйдешь отсюда. Ты чужой в этом храме, чужой...» Ивана вновь затрясло. «Не смей! Не смей так говорить! Ты вообще не можешь здесь быть, в Святом Храме, в Доме Господнем!» Авварон отозвался не сразу и будто издалека: «Как же не могу, Ваня? Ведь ты же там, верно? А я в тебе! Стало быть, могу! Еще как могу! Это ты убирайся вон из храма этого, проваливай из дома того, кого ты называешь своим господом! Проваливай!! Прочь!!!»

Иван согнал наваждение. Но его не переставало трясти. Чужой? Он здесь чужой?! Сознание возвращалось к нему. А с ним возвращались боль, горечь, стыд и тяжесть, страшная тяжесть в груди.

Господи! Прости меня, Ты ведь всемилостивый! Дай мне сил искупить свою вину... Нет, вначале ответь мне – виновен ли я?! Или только бесы изводят невинную душу мою?! Не говори ничего, только взгляни как прежде, я пойму, дай мне знак Твой, Господи! Страшно! Страшно мне, и горько! Вот я весь перед Тобою! От Тебя ничего не скроешь, Ты все видишь и все знаешь. Ответь же, есть ли моя вина в том, что смеркается белый свет над Землею и застит ее тьма лютая, ответь! Ведь Ты и опричь Тебя стоящие направляли меня. Иди, и да будь благословен! Не слова ли то Твоих вершителей?! Значит, Ты не бросал меня, не оставлял без руки Твоей... Или в гордыне пребывал я, смущенный бесами?! Или не Ты вовсе был водителем моим?! Ответь же! Любой муке, любому страданию предел должен быть положен. Ты же милостив, Боже!

Иван вглядывался в лик Спасителя, до боли в глазах, до ломоты в затылке. Но он не видел очей Его, лишь черные, зеленые и красные круги плыли перед ним, и таял сам лик в мутном мареве, уходил, расплывался, будто отворачивался.

И не воспарял ищущий ответа под сводами, не растворялся духом своим в царствующем здесь, во Храме, Духе Святом. Гнуло к земле его, давило, жало к плитам, будто отяжелело тело его. Тяжко ему было, тяжело. Но не тело болело и страдало. А душа.

Горючие слезы текли по щекам. Напрасны, напрасны мольбы и молитвы. Господь не приемлет его. Прав Авварон, этот Храм не для него. Он тут чужой. Нет! Иван встал, подошел к иконе Богоматери, прижимающей к сердцу своему То-

го, Кому еще только предстояло пройти крестным путем и принять муки страшные.

– Матушка! Заступница! – прошептал Иван. – Не отринь...

Он был на пределе. Он не мог уйти ни от себя самого, ни от тех, в кого верил, под чьей рукой шел на смерть и на муку, нес свою крестную ношу.

– Заступись! Помогите!

Он протянул к ней дрожащие руки. И услышал вдруг за спиной злобный тихий смех, знакомый, старческий. Нет! Только не здесь!! Нет!!!

Святой лик Богоматери потемнел, будто тучей грозовой его закрыло. Отвернулась? Отказалась!? Ивана словно окатило арктическим холодом. Зубы застучали, ноги свело, выворачивающая боль пронзила позвоночник... и он медленно повернул голову.

Позади, будто в порыве сокрушительного урагана, в развешенных, бьющихся черных одеждах, злобная и торжествующая, стояла черная фурия, злой дух ненавистной планеты Навей.

– Вот и сбывается черное заклятье, Иван! Ты узнаешь меня?!

– Не-е-ет!!! – закричал во всю мощь легких он. Но даже сипа не вырвалось из его рта.

– Я вижу, ты узнаешь меня! – шипела ужасная, сморщенная, высохшая старуха в черном балахоне. Изогнутая сучковатая клюка содрогалась в ее птичьей костистой руке. – Тебе ли не узнать своей брошенной возлюбленной, своей Прекрасной Елены?! Ты помнишь меня! И ты очень хорошо помнишь о черном заклятии! Загляни же мне в глаза! Загляни!!

Иван вскинул голову вверх, к высоченным белым сводам. Но не увидел их – тьма застилала все, рваные черные клочья разорванных ураганом туч неслись поверху, в багряном страшном небе. Да, это была она, его Алена, Аленка, его любимая, которую он оставил в Пристанище, которая восстала из своего хрустального гроба, которая ждала его вечность в ином времени, не дождалась и прокляла! Петля времени! Черные проказы Вселенной! Но в ней были и другие – в ней собралось все зло планеты Навей, вся ненависть... и она стала духом зла, духом чудовищного многоярусного гипермира, в который он пришел чужаком, неся горе, смерть, страдания и несбыточные надежды. Да, надежды! Она поверила в него. Она родила ему там сына. Тот стал оборотнем. Она стала злой навью. а он остался прежним, чистым, светлым, безгрешным?! Иван обхватил голову и затрясся в горьких рыданиях.

– Виноват! Я виноват во всем! – хрипел он сквозь слезы.

И уже не ждал слова, не ожидал прощения. Не будет его. Не будет. Пристанище больше Земли, и Земля лишь часть Пристанища. Но ему нет места ни в преисподней навей, ни на Земле, у него нет и не будет своего пристанища.

– Прости! Прости меня! – застонал он.

– Нет ни виноватых, ни безвинных! Ты зря пришел сюда с покаянием, в поисках прощения, напрасно! – дребезжащий старческий голос убивал мозг, сушил душу. Оглушительный, истерический вой-хохот пронзал насквозь, леденил, мертвил. А слова били наотмашь. – Черное зло Мироздания вечно и неистребимо, оно перетекает из души в душу – и нет границ ему и нет предела! Черное заклятье лежало на тебе. И предал ты породивших тебя и благословивших. И выполнил ты Предначертанное, ты открыл ворота черному злу! Ты вернулся в Пристанище!

Иван отшатнулся будто ударенный. Что? Что за бред?!

– Смотри мне в глаза! Смотри же!!!

Он собрал остатки сил и воли, поднял голову. Теперь ему нечего было бояться. Теперь он отвечает только за себя.

Страшная, уродливая ведьма хохотала прямо ему в лицо. Жуткий вой-хохот, истерический и надрывной, сводил с ума. Но черные глаза фурии не смеялись. Они были мертвы и пусты. Это была сама пропасть, Черная Пропасть Мироздания, в которую падало все, живое и неживое, светлое и темное, черное и белое, злое и доброе, это была Пропасть Смерти. И чем дольше Иван в нее вглядывался, тем сильнее притягивала она его, всасывала, манила, тащила, вцепившись невидимыми смертными крючьями. Мрак. Ужас. Пустота. Вход в Пристанище! Вход без выхода.

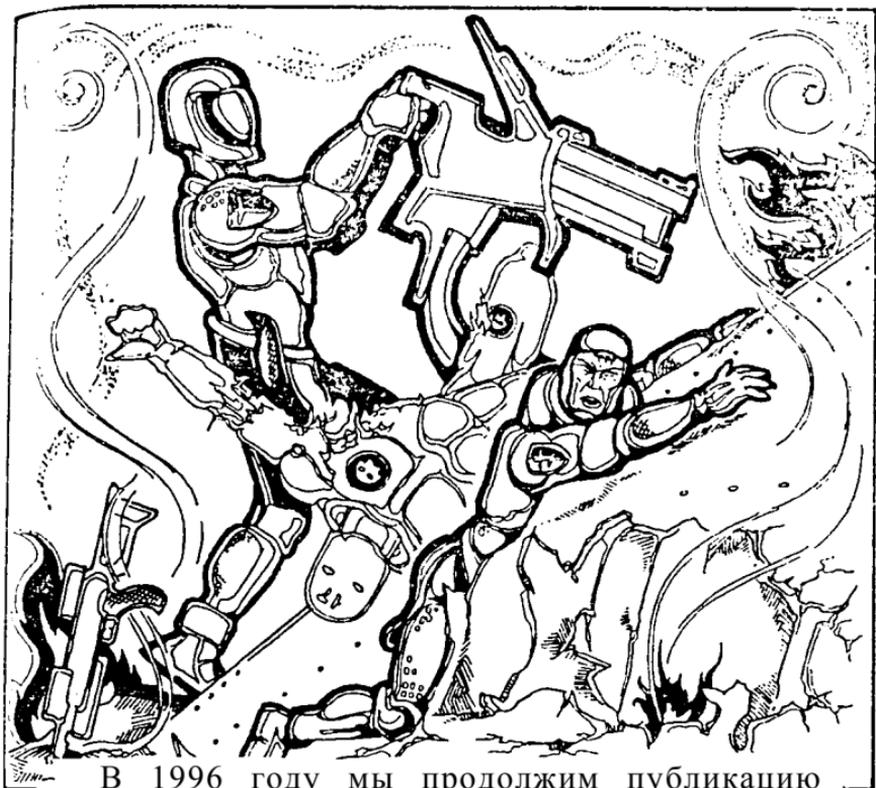
Нет! От отпрянул от страшной безумной старухи. Он не уйдет в мир Тьмы. Он останется здесь. И пусть у него нет выбора. Но сейчас решать будет он, только он!

Ужасающий хохот стал тише, отдаленней, фурия растворила в проступающей белизне стен и сводов. Да, он решает сам. Он имеет право на это.

Медленно, очень медленно Иван вытащил из кармана пистолет, тот самый. Разорвал рубаху на груди, приложил ладонь к сердцу. Оно билось натужно, надрывно, измученно. Он вдавил ствол в горячую кожу, поднял глаза к сводам. Нажал спуск. И повалился с пробитым сердцем, замертво, повалился под просветленными, добрыми ликами, взирающими на него с мольбой и страданием.

" Звездная Месть "
Фантастико – приключенческий
роман – эпопея

В 1996 году мы продолжим публикацию фантастического романа Юрия Петухова "Звездная Месть". Читатель вновь встретится с любимыми героями романа на страницах заключительной Пятой Книги эпопеи – "Меч Вседержителя" (Напоминаем, что каждая книга романа является самостоятельным романом). Общий объем эпопеи – 2300 страниц. Многослойность "Звездной Мести" делает это произведение интересным для всех: юноша найдет в нем сверхострый сюжет и яркие динамичные образы, зрелый интеллектуал – сложнейшие переплетения сюжетных линий и изощренную игру ума, перед философом откроется мир, которого он еще не знал, ибо по глубине своей "Звездная Месть" – философский роман – трагедия, осмысление которого – дело грядущего.

ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО

Фантастический рассказ

Светящееся ровным, ослепительно белым светом Облако неподвижно висело в пустоте. Где-то в неизмеримой дали лениво струились щупальца газовых туманностей. За миллионы миль вспыхивали замысловатые кляксы Сверхновых.

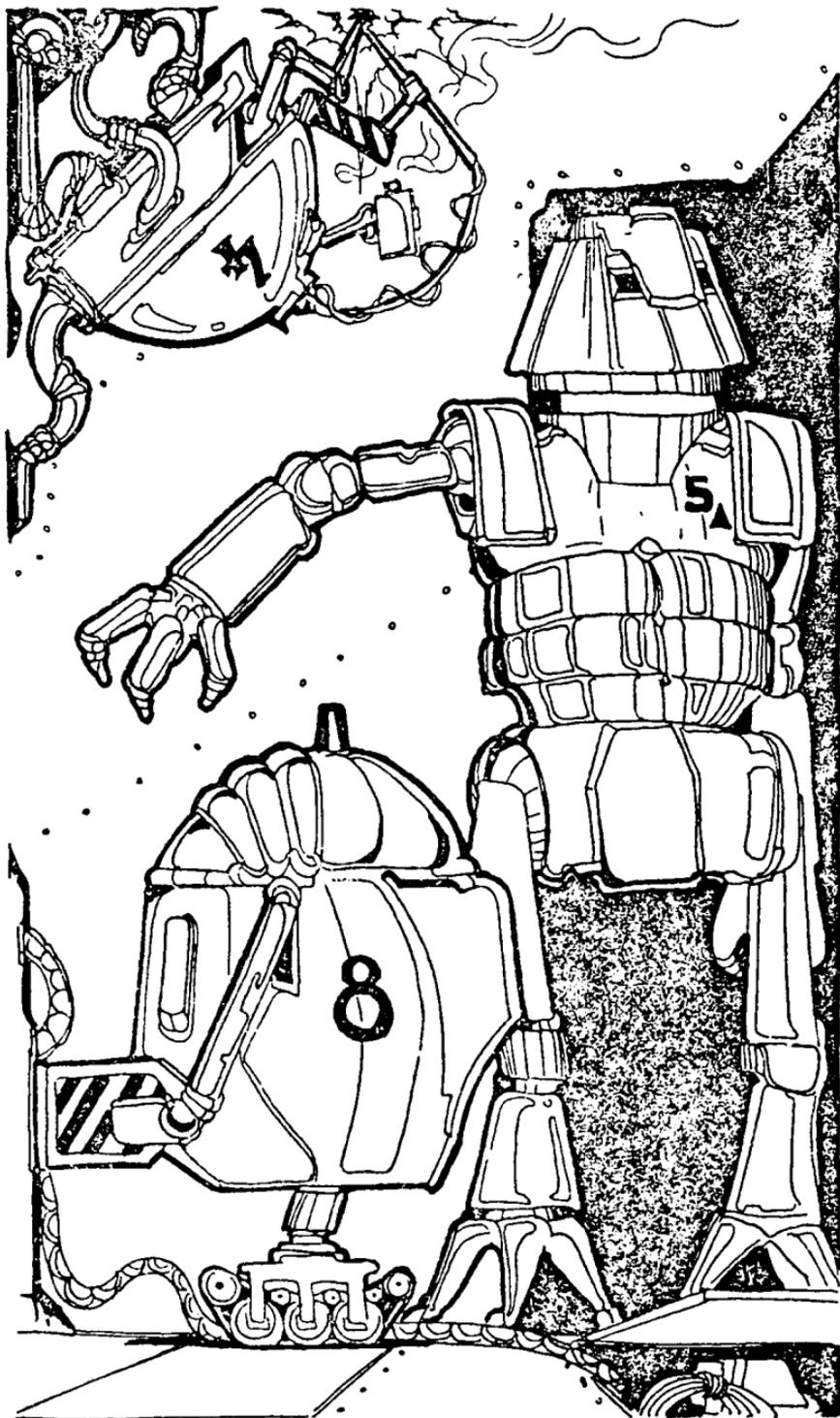
Невидимые причудливо изогнутые крылья полей тяготения огибали сверкающий клубок, световые лучи отражались и безразлично уносились куда-то в темную глубину. Облако медленно вращалось и пустота восхищалась им, но Облако не было ее порождением, а было оно заодно с ней и вместе с тем само по себе.

Медленно текли года, собирались в столетия, Облако сияло ровным светом, переливаясь и озорно перемигиваясь с далекими звездами. И однажды, однажды вечером в 20.34 по времени, установленному здесь Облаком, рядом с ним появился странный предмет – галактический звездолет класса «А» – «Нелей», вернее то, что от него осталось в результате аварии, он был покинут экипажем, мрачен и темным пятном отчетливо был виден на сверкающем фоне Облака.

Так буднично и неинтересно произошел Контакт, о котором и не мечтал потрепанный звездолет. Контакт между нечеловеческой данностью Облака и мертвым творением рук человеческих. Но все что попадало в зону влияния Облака, оно просто так не отпускало. И в молчащих уже целую вечность динамиках корабля прогремело могучее – «Остановись!» – и корабль замер, вопреки всем законам космической динамики.

Двигатель его был мертв, Облако притягивало его, и двигаться он был обязан по законам сэра Исаака Ньютона, но остановился. И это было странно, но удивляться на корабле было некому. И потому Облако прodelывало с ним уж совсем невероятные вещи:

В пыльной рубке замигал и погас один пульт, другой, проснулся экран и отразил часть сверкающего совсем рядом Облака. То здесь, то там звякали и пытались двигаться ремонтные роботы, брошенные в коридорах как попало. В заснувших коммуникациях побежали сигналы, бортовые тревожные огни осветили рубку. Корабль изящно развернулся – Облако игра-

ло им. Оно ударило по кораблю жгучим световым пучком, мягко погладило помятую обшивку – внутри ремонтные роботы поднялись и стали продвигаться к нескольким рваным дырам в верхней части грузовой палубы.

Постепенно странная нечеловеческая жизнь заполнила корабль. В пыльных отсеках тревожно перемигивались роботы-секретари, отмечая непривычное отсутствие управляющих ими людей. Вспыхнули сварочные аппараты, дыры в обшивке аккуратно заварили. Облако оживило корабль, поиграло им еще немного и ударило световым лучом – корабль как пушинка, кувыркаясь от Облака, в блестящей чаше главного двигателя вспыхнуло пламя – он натужно взревел и покинул пределы Облака.

А оно все так же сияло в чернильной темноте, рассвеченное кое-где яркими блестящими Сверхновых.

Странная жизнь внутри корабля наладилась. Пробежали суетливые машинки-уборщицы, стирая накопившуюся за столько лет пыль. Роботы-ремонтники растаскивали искрившие кабели, работа так и кипела. В главной рубке роботы-навигаторы недоуменно вращали сферическими колпаками голов, не понимая, почему нет привычных звуковых команд. Динамики запищали, кто-то кашлянул в них и сказал, отдуваясь:

– Ну, что, ребята, головами крутите. Надо же, новости какие, совсем от работы отвыкли. Эй, Эр-КУ 47-13, если голова не в порядке, вертится без перерыва, сходи к ремонтникам. Итак, исходные курсовые данные...

Бойко маневрируя, корабль опровергал своими перемещениями, вызванными вполне осмысленными действиями роботов привычную истину, что жизнь есть способ существования белковых тел. Электронные структуры, даже и преобразованные Облаком, белковыми не являлись. Корабль, полный странной жизни, уверенно двигался по неизвестному никому из людей маршруту.

Туман плотно закутал поросшую колючим кустарником равнину, густые заросли недалеке. Где-то в тумане спал небольшой геологический поселок, да тихонько журчала за белесыми космами река. Кусты затрещали, и со стороны леса показалось какое-то темное пятно. Оно медленно двигалось, и вскоре стало видно, как из тумана выползают нечеткие конуры старого разведывательного глайдера. Он остановился, чуть наклонившись, задевая носом песок. Люк открылся и на небольшую площадку перед смотровыми отверстиями вылезли два

робота-разведчика. Изнутри послышалось недовольное ворчание:

– Ну-ка, помогите мне выбраться!

Роботы нагнулись и осторожно поставили на площадку робота-смотрителя. Он представлял собой толстый цилиндрический бочонок, с тускло мерцающей полусферой наверху, коротенькие ручки торчали по бокам. Он глухо проговорил:

– Все, точно, на месте. Эти строения где-то рядом. Сбегайте, посмотрите на месте и быстро назад. Через десять минут связь с кораблем, вызовем остальных и начнем!

– А ты не волнуйся, Стивен, не волнуйся! Пойдем ко мне в кабинет, там прочтешь, поговорим обо всем. Не беготня это, не суматоха, ребята все правильно делают, принимают грузовые глайдеры.

На орбитальной станции в длинных ее коридорах царила полная неразбериха. Стивен Янг недавно вернулся с дальнего поиска и все происходящее на станции оглушило его. Он с трудом после одиночества глайдера привыкал к такому обилию людей в узких коридорах.

Стюарт усадил его в своем крохотном кабинете, положил перед ним на стол папку темного цвета, а сам умчался распоряжаться, командовать покрикивать на людей, перетаскивающих куда-то на грузовых платформах ящики и тюки.

Стивен расстегнул тесный воротник рубашки и раскрыл папку.

Едва только он появился на посадочной палубе, сразу же ощутил атмосферу тревоги и понял, что внизу произошло что-то необычное. Слухи о пожарах и взрывах переполняли станцию на орбите. Стивен углубился в чтение, – отчет скупой, сухой казенным языком сообщал о сильном взрыве около четырех утра по местному времени, который уничтожил несколько домиков в центре геологического поселка и вызвал сильные пожары в строениях рядом. На запросы по радио поселок не отвечает, глайдеры, посланные на разведку, обратно на станцию не вернулись. В папке имелось также сообщение о разведочном глайдере, возвращавшемся около шести утра в поселок, который успел передать, что никакого движения около поселка не наблюдается. Поселок заволкло клубами дыма, видимость была плохая.

После того как глайдер подошел поближе, лучевым ударом с поверхности планеты был подожжен и взорвался в воздухе. Всем разведывательным глайдерам было приказано возвращаться. Боевую тревогу по станции капитан Стюарт Росс объявил в 6.30.

Стивен захлопнул папку, отложил ее в сторону, мысли его прыгали с одного на другое. То вспомнилось ему о незаправленных аккумуляторах своего глайдера, то о неизвестно где валяющемся в каюте бластере, между тем как в Уставе Космофлота ясно указано, что бластер после объявления боевой тревоги должен находиться на поясе у владельца.

Дверь отворилась и вошел капитан Стюарт. Суета совершенно выбила его из колеи, говорил он обрывками, на лице выступил лихорадочный румянец. «Ну, еще бы, – спокойная планета, – и на тебе», – промелькнуло в голове у Стивена.

– Ну, как, – прочитал? Вот, тебе теперь ясно... Да, грузовые глайдеры почти все вернулись, что на палубе делается, некуда ящики ставить! Так о чем я, – да, что ты обо всем этом думаешь?

– Я еще полной картины себе не составил, но думаю – что-то с нашими славными нейронными помощниками.

– А может это – Они, – произнес как-то странно Стюарт и показал пальцем куда-то вверх.

– Нет, дорогой капитан, это не пришельцы, и вероятность, что инцидент вызван ими, очень мала. Ты же знаешь, я был тогда с группой Цанева, когда с кем-то люди все же встретились. А знаешь, капитан, я, пожалуй, слетаю туда с моими ребятами и мы постараемся на месте разобраться.

Стюарт устало опустил в кресло.

– Ты хочешь, чтобы по возвращении с меня голову сняли за то, что я угробил легендарного героя космоса Стивена Янга?

– Возвращение... Когда мы теперь вернемся. Ну пойми же, в конце концов сюда могут прийти штурмовые глайдеры, так они просто сожгут все вокруг поселка дотла, останутся только груды развалин. И тогда уже никто не расскажет, почему же начался пожар.

– Формально я не могу тебе приказывать, Стивен. Но это же явное самоубийство!

– Ладно, решим с этим позже. А теперь позволь, я помогу разгрузить от контейнеров палубу. Знаешь, они там все вперемяшку навалили и чуть не уронили баллоны в трюм.

Рослая фигура Стивена мелькала по всей станции, он распоряжался, толкал вместе со всеми застрявшие контейнеры, ругался и балагурил на всех палубах. Через несколько часов контейнеры расположились в относительном порядке и неутомный Стивен сколотил команду в дополнении к своей для вылазки в поселок.

Стоя у почти снаряженного глайдера, Стивен беседовал со встрепанным от бессонницы Стюартом:

– Вот, все почти загрузили. Что вы, капитан, это будет просто пикник. Смотрите, какие все веселые!

– Ты не балагурь, Стивен и зря голову не подставляй! Ты же знаешь, что со мной из-за тебя сделаю. Поэтому я тебе вполне серьезно говорю, – покрутитесь там и сразу назад.

– Да, понял, понял, – жди к обеду. Знаешь, Стюарт, я ведь задешево в болоте валяться не стану. А не пойти туда не могу, – все уже решили! Ну, пока! – и Стивен, поправил ремень с тяжелым бластером и легонько хлопнул Стюарта по плечу. Повернулся и зашагал к трапу.

Часа через два Стивен уже успокоил своих молодцов, обстановка внутри глайдера несколько разрядилась. Шли легко – в иллюминаторах виднелось темно-зеленое море леса, изредка разрываемое протоками и темными пятнами озер. Иллирия, – планетка довольно скучная. Климат ровный, хищников особых нет, леса, горы да болота. В дела аборигенов они не вмешивались. Но вот ископаемые кое-какие имеются, это их и привлекло.

– Ну, как вам озеро, – нагнулся Стивен к пилоту.

– Я думаю, командир, поселок за дымом обойдем, справа.

– А может побродим рядышком?

– Можно и рядышком, я знаю местечко, здесь недалеко. Зеленое море покачивалось, косо проваливалось под глайдером.

Когда с опушки по глайдеру ударили из бластера, Стивен ощутил как все стремительно куда-то опрокидывается, его швырнуло к стенке, перед глазами вспыхнула яркая звездочка, и он потерял сознание...

В голове шумело, что-то жарко чадило рядом и взрывы следовали один за другим. Стивен ощутил, что лежит на мокрой траве, рядом кто-то кричит и вообще – нормальная атмосфера боя где-нибудь на Островах. Он встряхнул головой, набрал воздуха в грудь, – да, это ему не почудилось, несколько человек в тяжелых защитных шлемах лежали на склоне оврага в густом лесу, а двое пытались подползти к ярко горевшему глайдеру, крыло которого нелепо торчало из зарослей у озера. Периодически что-то в нем вспыхивало и рвалось.

Над ними то-то склонился и спросил:

– Командир, как вы себя чувствуете?

– Да ничего, голова только ноет. Скажи пилотам, чтобы возвращались. Больше они из глайдера никого не вынут. Сколько осталось в живых?

– Семь человек.

«Вот так, – подумал Стивен, – вот так итог, семь осталось из двадцати».

– Раненые есть?

– Карла царапнуло, да у Родни плечо задето, а серьезных – нет.

– Да, сильно они нас.

Стреляли с опушки. Там пока никакого шевеления. Кристи и Карл у леса в зарослях.

«Это же надо, глайдер разбит, всех почти ребят оставили в этом болоте, и с кем сражаемся, – никто не знает.»

– Так, – сказал он, пробуя подняться, – трое на опушку, а трое со мной, встречаемся вон там, – он показал на видное издалека старое черное дерево. С трудом вытаскивая ноги из мокрых мхов, они потащились по лесу, становилось холодно, ночь здесь наступала быстро. Сзади в лесу что-то грохотнуло, видны стали синеватые вспышки бластеров.

«Так, – промелькнуло у него в голове на бегу, – история, мы что же, все здесь останемся и никто ничего не узнает. Нет, так не...» Дольше додумать он не успел, перед глазами вспыхнул яркий свет, бешеный жаркий ветер сшиб его с ног, мысли прервались, вязкая тьма охватила его...

Первым ощущением после выстрела было чувство онемения в левой руке. Он открыл глаза и понял, что валяется возле могучего дерева, комбинезон на плече разорван, и страшно болит голова.

Кое-как он поднялся и оглядел всю поляну, убедился подойдя поближе, что всех его парней навечно оставили в этой забытой всеми дыре.

Он долго стаскивал их вместе и прикрыл тяжелыми, как камень, толстыми сучьями. Опираясь о стволы деревьев, мотая гудящей головой он потащился через лес и вскоре выбрался на унылую, поросшую высоким кустарником равнину. Затем он медленно потащился вперед, выбрав за ориентир небольшой холмик вдаль. Восстанавливая в голове карту, он вспомнил, что где-то в этом направлении должна быть деревенька переселенцев.

Что-то блеснуло за кустом впереди. Стивен тут же повалился на землю и откатился в сторону. Правая рука его привычно нащупала кобуру, но она была пуста. Из-за куста показался как-то странно пританцовывающий и что-то бормочущий робот-охранник. Стивен замер. Робот повертел головой.

– Эй, – услышал Стивен его странный, как бы охрипший голос, – эй, человек, чего ты там валяешься, вылезай, я тебя не трону! Эй, ты не слышишь? – Стивен в изумлении приподнялся, – на его памяти даже занимающие целый отсек интеллектуальные машины последней модели не могли так свободно обращаться с речевыми конструкциями. И что самое странное, в голосе робота Стивен уловил явные эмоции, но это он отнес за счет своей контузии. Он встал и подошел к роботу. Тот совершенно по-человечески наподдал ногой камешек:

– Не знаешь, где тут можно пристроиться? Надоело болтаться по лесу без толку!

– Да разве на побережье, только на чем туда доскачешь!? А где ты так выучился болтать по-нашему? – не вытерпел и спросил Стивен.

– У нас на корабле побудешь – чему хочешь выучишься.

– На каком корабле?

– Да как тебе сказать. Когда-то – звездный крейсер «Нелей», а теперь...

И странный робот, поскрипывая на ходу, потащился рядом со Стивеном по унылой равнине, по дороге он рассказал о страшном происшествии со старым крейсером.

Через некоторое время оба сидели на огромном почерневшем от времени и непогод бревне, которое валялось на обочине огибающей лес дороги.

– Да, чего только на свете не бывает! Выбросило нас обоих из привычной колеи. Неизвестно, что там на орбите творится?

– А ничего не творится. Тишь да гладь, я даже позывных крейсера не слышу. Последнее, что я перед десантом уловил, собрались атаковать вашу станцию, радио орет, – «Вперед, расшибем эту коробку железную». Взбесились все, что ли!

– Да не может этого быть! Вот доберемся до первой станции связи... Тьфу, – какие тут станции. Ввязался я в эту чехарду! Я такого и не слышал – и победы-то никакой, все сожгли, разбили, ни корабля, ни станции.

– Ну не ввязался бы, валялся бы теперь в бурьяне.

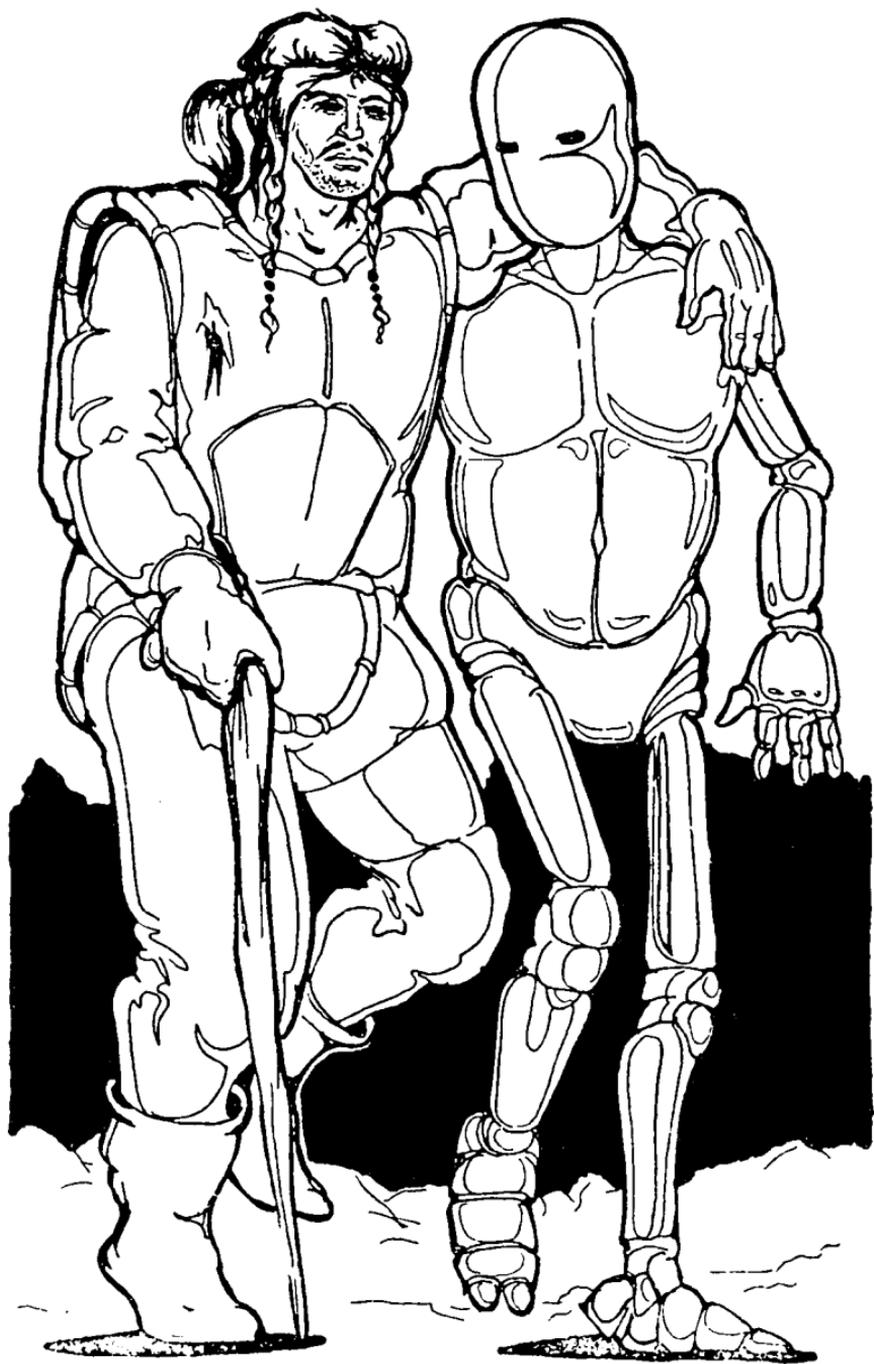
– Да какой тут бурьян... Ни кола у нас теперь, ни двора. Бредем, как две собаки. Тебя как звать-то?

– Никак. Серийный номер только да радиопозывные.

– Ладно, я – Стивен Янг, младшего брата у меня зовут Мур, так что если не возражаешь...

– Да какие там возражения, Мур – так Мур!

И Стивен с Муром потащились по разбитой тележными колесами дороге в поисках деревеньки, так как на этой планетке все разработки геологических месторождений велись

без всякого разрешения местных властей, ввиду их полного отсутствия.

Стивен не мог сосредоточиться. Голова ныла после контузии там, в лесу. Страшным было потрясение от такой перемены в жизни. Не один год занимаясь межпланетными сообщениями, он прекрасно понимал, что следующий корабль такого класса, на каком они попали на планетку, вряд ли соберется сюда еще раз. Сколько раз он сам был свидетелем активизации местных жителей, имеющей трагический исход, – земные службы никогда не вмешивались. Да и месторождение это было неперспективное, значит, надо им самим выбираться. Безразличие овладело Стивеном. А тут еще пошел дождь, – нудный, холодный дождь.

Наконец за небольшой рощицей показался робкий огонек костра. Стивен и Мур подошли поближе, – под большим раскидистым деревом сидели у костра два мальчика-подпаса. Они с удивлением уставились на пришельцев, особенно на Мура. Стивен немного знал местный язык, он с заминкой выговорил:

– Здравствуйте, ребята!

– Здорово! Откуда бредете?

– Это далеко, мы тут случайно. Вы ничего утром не слышали?

– Да у нас тут глухомань такая, слышали вроде гром, зарницы мигали, больше ничего.

– А корабли не пролетали по небу, большие такие?

– Какие корабли! У нас во всей округе кораблей нету, разве у старика Сэррэта из нашей деревни лодка есть, он на ней за солью по реке спускается, а так – какие же здесь корабли!

Стивен со злостью сплонул на траву. Даже безразличный ко всему Мур и тот приуныл. Оба они страдали от сырости.

К вечеру завернулись в предложенные мальчиками грубые плащи и прилегли на охапку сена под деревом. Вскоре оба крепко спали. Овец мальчишки заперли в овчарню и улеглись спать сами и вскоре только большая черная собака подслеповато пялилась на потухающие уголья костра. В лесу слышалось только падение капель, белесый туман, тихо ступая по траве, обернул поляну кисеей. В ней утонули овраги и болотца, кустарник и дорога, только верхушки высоких деревьев торчали кое-где из белого киселя.

– Уфф, – Стивен выпрямился и стер ладонью пот со лба. Он и Мур рыли для местного фермера узкую, глубокую канаву. – Ну и работка. Спину ломит.

– Да, – глухо произнес Мур, отбросил лопату и сел на край канавы, свесив ноги вниз. – Надо будет отсюда выбираться, от такой работы мы скоро совсем ноги протянем.

Уже три недели они выполняли всякие тяжелые работы, никакой надежды на какую-нибудь транзитную оказию не было. Вчера они с Муром шли по пустоши за деревенькой и заметили вдали черный остов, пошли смотреть.

Подойдя ближе, Стивен не сразу узнал в переплетении изломанных обгоревших металлических труб остатки орбитальной станции. – Это – ваша? – спросил Мур.

– Да.., – тихо сказал Стивен, – как они нас... вон, по всей равнине железки валяются.

– Где-то и наш вот так же валяется. Говорил я им, но вбили в голову, вот надо им – и все!

– Да уж, им бы тебя послушаться. Ну, ладно, теперь ничего не поправишь.

И оба побрели по унылой пустоши назад. После этого случая Стивен искал любую возможность вырваться. Но деревенька была всеми забыта, ни о каких крупных городах там и не слышали, а особого внимания местных управляющих Стивену привлекать не хотелось, так как тут же последовало бы выяснение, а что они собственно здесь делают и как сюда попали. Жизнь медленно тянулась в пелене тумана пополам с дымом, растекающимся из покосившихся печных труб.

– Знаешь, Мур, надо вечером сходить в харчевню на перекрестке. Мальчишки говорили, там всякие люди бывают.

– Сходим, сходим. Давай еще поковыряемся тут и в деревню пойдем, а то дождь собирается. Стивен согнулся и вонзил лопату в мокрую красноватую глину.

Поздно вечером они шли по пустынной дороге, которая вилась между невысоких холмов. Наконец вдалеке замигали слабые огонечки, они подошли поближе. Харчевня была старая, бревна потемнели от времени, обросли мхом. За узкими окнами слышались голоса.

Стивен толкнул скрипучую дверь, они с Муром вошли в темноватый зал с грубо сделанными столами и стульями. Слева сидело несколько деревенских стариков, они молча курили и попивали темную брагу.

Хозяин – седой, сумрачный мужчина в серой рубаше и штанах, заправленных в сапоги и кожаном фартуке, принес вареное мясо в миске, лепешки, зелень и кувшин с брагой. Старики поглядывали на блестящее металлическое лицо Мура. Он сурово глянул на них, – они отвернулись и окутались густым дымом из коротеньких трубок. Густая тьма стеной стояла за окнами. Старики допили брагу и потихоньку вышли

за дверь. Хозяин помрачнел еще больше, подошел к ним, проговорил:

– Ребята, вы, верно, нездешние?

– Мы из такой дали попали, да и застряли здесь.

– Парни вы здоровые, может и договоримся, поможем друг другу в чем-нибудь.

– А что надо сделать?

– Да я сегодня один в доме, стражников носит где-то, а время неспокойное, из леса могут пожаловать.

– Кто?

– Лихие ребятки, есть тут такие, Фред-Борода у них главный. Вместе мы, может, их и отвадим. А я вам каких-нибудь перекладных лошадок достану. – Хозяин подмигнул им. – Под самые облака увезут.

Стивен подумал, что он и в самом деле может помочь. В деревне о нем говорили много плохого, всякое за ним водилось, но сидеть больше в этой дыре у них с Муром никаких сил не было. Они быстро договорились, что кому делать и положили на соседние стулья короткие дубинки. Хозяин положил за стойку, рядом с собой длинный нож.

Напряжение уже стало томить Стивена, когда за дверью послышался топот, голоса и в дверь ввалилась пестрая компания, – грубые заросшие щетиной лица, все были в теплых кафтанах и темных плащах, на боку у некоторых висели тесаки. «Так, – подумал Стивен, – человек шесть. Как бы нам не надорваться». Компания без лишних слов двинулась к хозяину. Огромный бородач в высоких сапогах о чем-то тихо заговорил с ним. Хозяин несколько раз отрицательно мотнул головой.

Стивен внимательно следил за его рукой, та подбиралась к кинжалу за поясом. Развития событий он дожидаться не стал, кивнул Муру, они с грохотом опрокинули стол на двух стоящих рядом парней. Те с руганью повалились на пол. Мур кинулся к бородачу, тот отскочил к стене, в руке его блестело узкое лезвие. Стивен ударил дубинкой поднимающегося из-под стола парня, второй успел вскочить на ноги и с ножом бросился на него. Стивен не выпускал из виду нож – парень надвигался, Стивен чуть отшагнул в сторону и когда парень бросился, выставив нож вперед, дал ему возможность промчаться мимо и с силой ударил его дубинкой по затылку. Тот по инерции пробежал еще несколько шагов и с грохотом врезался в стену.

Мур уже пробрался к стойке и ухватил бородача за руку, сильно рванул его на себя, тот охнул, повалился на колени и ударился о железный корпус робота. Один из бандитов под-

скочил к Муру сзади, отвел руку и ударил ножом в спину, лезвие со звоном сломалось. Мур развернулся, правой рукой сшиб бандита за спиной, тот, как тряпка, отлетел к стене. У стены один из парней взмахнул рукой – тяжелый нож ударился в бревно над Стивеном. Тот, не долго думая, бросил в него тяжелый кувшин. Попал все-таки Стивен, – парень у стены, закрывая руками разбитое лицо, зашатался и упал на пол, тесак его отлетел в сторону. Стивен схватил его и двинулся на троих бандитов оставшихся в зале у стены. Те выставили перед собой клинки, один неожиданно бросился за стойку – послышались удары, страшный хрип. Хозяин, зажимая рукой окровавленное плечо, отбросил от себя заколотого бородача.

Двое бросились к выходу, увидев такой разгром. Стивен обозначил прямой удар в грудь, бандит попытался отвести его, Стивен отшагнул чуть влево и навстречу резко ударил его ножом в бок, тот с криком повалился на пол, дернулся и затих. Последнего, который пытался проткнуть Мура тесаком, оглушил ударом кулака.

За дверью зацокали копыта. Стивен вопросительно взглянул на хозяина – тот успокаивающе кивнул и сказал:

– Стража. Вовремя, ничего не скажешь!

Хмурые стражники молча вышли в зал, отблески огня заиграли на железных пластинах их панцирей. Они тихо переговорили с хозяином, тот успел уже перебинтовать чистой тряпкой раненую руку...

Стивен, Мур и стражники таскали тела тяжелых, как мешки бандитов во двор. Трое были без сознания и их, связав, стражники увезли с собой. Для остальных Стивен и Мур рыли до утра глубокую яму на опушке леса. Хозяин, бледный от потери крови, все приговаривал:

– Вот гиблое место! Так и заводится тут всякая дрянь! А стражники всегда к шапочному разбору поспевают, сколько им баранину не вози... Эх, хорошо, что Лиззи у тетки, а то и не знаю, что бы вышло. Фред был парень горячий, чуть что – сразу ножом махать, все золото у меня просил, а какое у меня золото, так – по мелочи!

Часа через два приехали два брата хозяина – молчаливые, крепкие ребята. Хозяин о чем-то поговорил с ними, затем отвел Стивена с Муром в уголок темноватой кухни и тихо сказал:

– Я, парни, знаю, что вы ищите. Сегодня вечером должны ко мне гости пожаловать, не сюда, а на полянку. Я вас туда выведу, но только гости мои вида странного, держать себя с ними надо спокойно, очень уж они пугливые. Мы им мяса,

поднесем и я их попрошу вас с собой взять. Куда они отсюда отправятся, я не знаю, скажу честно. Но это уж – как повезет. Кораблик у них особый, как взлетает, – столбы огненные от него идут, так что вам подойдет. Пока отдохайте, я вам скажу, когда выходить...

В сумерках все трое карабкались с двумя тяжеленными кулями в самой чаще по поваленным огромным стволам. То тут, то там среди леса выглядывали из травы огромные валуны. Местность была изрезана густой сетью оврагов, пробирались еле заметной тропкой в густых колючих кустарниках.

Вскоре выбрались на уютную полянку, здесь на поверхности выходила каменистая осыпь и мирно журчал ручеек. Стивен с Муром сбросили с плеч кули. Хозяин уже возился с каким-то столбиком посередине поляны, чем-то звякая. Мур тихонько сказал Стивену: – Это он маяк там наладил. По зывным от него и прилетят.

Они отошли к деревьям. В небе зажглись яркие звезды. Стало прохладно, вечер был тихий, только стрекотали в кустах какие-то насекомые. Стивен, не отрываясь смотрел в сторону возможного захода глайдера на посадку, но над лесом неожиданно, скачками, зависая в воздухе, меняя на лету траекторию движения, появился странной формы глайдер – приплюснутый, окруженный мерцающим зеленоватым светом, он замер над поляной и из него к земле потянулись столбы переливающегося пламени, но оно совершенно не давало жара, даже трава только пожелтела, но не обуглилась.

Хозяин совершенно спокойно подошел к опускающемуся трапу, вскинул руку вверх, и неожиданно тонко что-то проверещал, в ответ раздалось ответное верещание, с какими-то прищелкиваниями и на трапе появились небольшого роста фигуры, укутанные в просторные светло-коричневые одежды.

Если местный язык Стивен и Мур кое-как понимали, то прищелкивания совершенно ими не воспринимались. Они вышли из тени деревьев, подошли поближе к глайдеру. Сияние вокруг него померкло, стоял он на широко разведенных опорах, блестящим блином нависая над поляной. Увидев их, фигурки зацокали и что-то пропищали. Хозяин, смешно морщась, запищал им в ответ, указал на кули, потом достал какой-то мешочек, потрянул им. Странные фигурки приблизились к ним, мешочек взяли, развязали тесемки, в их коричневых лапках засверкали молочно-белые камешки. Хозяин облегченно вздохнул и сказал:

– Берут они вас. Только в грузовом отсеке, у них там теснота.

Заглянув под капюшон, Стивен улыбнулся, – прямо на него уставилась забавная мордочка, напоминающая немного тюленью, большие глаза настороженно и как-то грустно смотрели на него.

– Ну и компания! Пусть везут, где хотят, а куда они летят?

– А я с ними не летал, откуда мне знать, ну а вам-то что, – привезут, может, там ваша станция есть, свяжитесь со своими! Решайте быстро, а то они сейчас фыркнут и – поминай как звали!

– Ну, что, Мур – полетим?

– Полетим, не в этих же болотах пропадать. Нас тут никто искать не станет!

Человечки передали хозяину какой-то длинный серый ящик, – обмен у них, по всей вероятности, шел довольно бойко. Помахав на прощанье хозяину, пригнув головы, Стивен и Мур вошли внутрь низкого коридора. Пахло вроде бы собачиной, человечки указали на дверь в узком переходе – вскоре они разместились в обтянутом тонкими полосами металла помещеньце. Они улеглись на мешках – сильно трянуло, глайдер дрогнул, чуть накренился, глухо завывли двигатели, движение стало более плавным – они поудобнее устроились на мешках и крепко уснули...

Проснулся Стивен от голода, сел на мешках и Мур, глайдер сильно болтало, Стивен сказал:

– Знаешь, Мур, куда-то они нас приволокли!

Корабль дрогнул и застыл в неподвижности. Дверца открылась, существо в капюшоне зацокало.

– Ну чего ты пицишь да щелкаешь, – проворчал Стивен, – лучше б поесть дал!

Они поднялись и вслед за смешным существом пошли к выходу. Глаза сразу заболели от яркого дневного света, – трап спускался в высокую густую траву, глайдер стоял на небольшой полянке, рядом – зеленая стена густых зарослей, где-то невдалеке шумел океан. Местность напоминала Стивену земные тропинки.

– Что, Мур, – весело сказал Стивен, взглянув на небо покрытое легкими облачками, – нравится тебе здесь! Вот так местечко!

Они помахали странным людям-тюленьям, корабль втянул в себя трап, легко завис над поляной и взмыл в небо, и вскоре пропал из виду за облаками. Они взвалили на плечи тощие мешки с пожитками и побрели по узкой тропинке в перепутанных лианами зарослях, долго пробирались, раздвигая ветки, покачивались над их головами диковинные цветы самых неожиданных расцветок и очертаний, перепархивали пестрые

птицы с высокими гребнями и Стивена посетило странное чувство, как будто он уже видел этот необычный мир и что через некоторое время они должны увидеть небольшую деревушку на холмах у самого океана, когда же они в самом деле увидели соломенные крыши над зарослями, Стивен понял, что давно мечтал попасть именно в такое тихое место, где можно улечься на дно лодки, пахнувшей рыбой и сквозь огромные надорванные по краям листья пальм бездумно смотреть в бездонное небо над головой. И поплывут белые облака под солнцем и день за днем беззаботно полетит время...

– Эй, Мур, вон какая, смотри! Что ты стоишь – накрой ее сачком! – прошептал Стивен и бросился с большим сетчатым сачком вперед, пытаясь поймать огромную бабочку с синим в белых пятнашках причудливым узором на крыльях.

Уже месяц ловили они для жителей деревеньки удивительных, величиной с земного голубя, насекомых, те выменивали их на съестные припасы. Из крыльев бабочек в здешних местах готовили лекарственные снадобья. Низкорослые желтокожие жители деревни очень неплохо отнеслись к странным существам, и долго еще мальчишки тучами носились за Муром, пораженные его необычным видом. Стивен и Мур довольно сносно понимали их певучий язык, напоминающий Стивену некоторые из известных ему наречий.

С рассвета, когда солнце огромной красной рыбой выныривало из спокойных вод, и до обеда они болтались в джунглях, а потом ловили рыбу, валялись на горячем песке, дремали в тени пальм. Жизнь тянулась бесконечным солнечным днем, Стивен называл себя и Мура «лотофагами» и путано объяснял ему, чем похожи они на забывчивых героев Гомера.

Старенький деревенский колдун повадился водить с ними компанию и часто приносил с собой полную здешнего опьяняющего напитка флягу из какого-то дерева, теперь иногда по вечерам их до хижин дотаскивал Мур. Однажды старик принялся сбивчиво рассказывать им о якобы находящихся совсем рядом с деревенькой развалинах удивительного храма.

– Слышишь, Мур, – сказал Стивен, – что болтает старик?

– Да он совсем с ума спятил, вы как к вечеру наберетесь, вчера только еле-еле чуть ли не из костра вас выудил, вам еще и не такое померещится!

– Да нет же, о, Мур великолепный, мы еще с утра ничего не пили. Чем тут валяться зря, пойдем сходим?

Мур недовольно пробурчал что-то, а старик, трясая скудной бородкой и поминутно вытирая слезящиеся глаза, возбужденно что-то залопотал, указывая на Мура.

– Видишь, – примирительно сказал Стивен, – он говорит, что без тебя никак не справится, твоя невероятная сила, о, Мур...

– Ну, хватит ерунду болтать, если поедете, собирайтесь, а то позже по жаре я не пойду!

Через час все трое с трудом пробирались в густых зарослях к северу от деревни, где-то высоко над их головами пронзительно орали какие-то птицы, рядом фыркало какое-то животное. Старик уверенно продвигался вперед, время от времени прикладываясь к горловине сосуда висящего на поясе. Мур недовольно ворчал по этому поводу:

– Да, заведет он нас в болота, к змеям, если так часто прикладываться будет! Эй, старик, – прибавил он на местном наречии, – ты бы пил поменьше, тут заблудиться ничего не стоит!

Старый колдун со страхом посмотрел на гневающегося металлического человека, которого сильно побаивался и еще быстрее зашагал по упругому ковру из гниющих листьев. Заросшую тропу впереди пересекла огромная пятнистая змея. Стивен вздрогнул и внимательнее стал осматривать заросли.

Наконец добрались до небольшой поляны – впереди виднелось какое-то здание из грубых валунов, полускрытое под опутывающими его лианами. Но узкий вход был свободен от живой завесы и воздух дрожал около него как у раскаленной печи. Старик развел костер, намазал лицо красной краской из мешочка, который принес с собой и принялся, выкрикивать что-то дрожащим визгливым голосом, метаться по поляне.

– Что это с ним? – удивленно спросил Мур.

Просит, чтобы великий Гох-Чау приоткрыл завесу и впустил нас в свое святилище.

Да какой там Чау, это же шлюзовая система с силовым замыканием на входе. Сейчас прикину, как нам туда попасть. Какой у нее может быть режим? Старик зря мечется – так, так, – да, судя по всему, скоро откроется.

Раздался хлопок, смутно темнеющее отверстие входа стало видно отчетливо, старик принялся истошным голосом звать, благодаря духов. Стивен взял его под локоть.

– Хватит, хватит, – пойдем, а не то опять захлопнется, – и подтолкнул его к отверстию. Они подошли совсем близко и на них пахнуло прохладой. Вскоре троица во главе со стариком ступала по вырубленным в скале ступенькам. По узкому проходу прошли в темноватый зал, по краям его слабо освещали овальные отверстия, откуда струился зеленоватый свет. Старик объяснял, что находятся они в жилище могущественных духов.

– Да, странное место, – казал Стивен. – Станция – не станция, законсервировали надолго, а для чего?

Они обратили внимание на небольшой ящичек в углу. Крышка его была плотно закрыта. Мур, что-то нашептывая, присел рядом с ящичком, ощупал его, сунул руку куда-то под днище, чем-то щелкнул там, крышка отскочила и в слабом свете стало видно два продолговатых предмета. Мур достал один из них, Стивен взял другой – внезапно раздался странный треск – Стивен обернулся, – из торца удобно лежащего в ладони Мура предмета бил толстый синеватый луч на длину чуть больше вытянутой руки, оканчиваясь мигающими искорками.

– Я видел такую штуку как-то раз, осторожно, Мур, – это световой клинок, убери его в рукоятку. Страшно дорогая штука, надо с собой прихватить, пригодится может.

Старик в страхе опустил на колени, поглядывая на странные трубки в их руках. Они подошли к запыленным экранам в углу. Мур повозился с ними, насколько он разбирался в таких вещах, это была аппаратура связи и наблюдения, но запитать ее он не смог, они побродили еще немного по залу и вернулись по коридору на поляну. Костер догорал, старик опять немного побегал по поляне, благодаря духов, ему удалось незаметно стянуть в святилище несколько блестящих кристаллов. Они отправились обратно.

Через несколько дней Стивен и Мур брели по песчаному склону собирать моллюсков, море лениво шумело у берега. Внезапно где-то высоко над их головами послышался странный шум, Стивен взглянул на небо, приставив ладонь козырьком ко лбу. От солнца, блестя в лучах, подлетала юркая стрекоза пятнистой окраски. Рубя винтами воздух, она опускалась все ниже и наконец тяжело плюхнулась на песок, оттуда выпрыгнули несколько молодчиков в шлемах с короткими антеннами, одетые в темную форму, с небольшими автоматами в руках. Они заорали на языке жителей побережья:

– Эй, ребята, подойдите-ка сюда!

Мур настороженно переводил взгляд с одного парня на другого.

– Пойдем, что зря на пулю нарываться, – сказал ему Стивен и они, бросив корзины, пошли к вертолету.

Через пару часов они были уже далеко от благословенной бухты под пальмами. Небольшие группки знати к северу по побережью непрерывно воевали друг с другом. И каждый стремился набрать себе армию внушительнее других. Поэтому каждый рослый мужчина на побережье находился под пристальным вниманием. А среди невысоких жителей трост-

никовых хижин Стивен и Мур, безусловно, представляли собой ценную находку.

Вертолет доставил их на сборный пункт армии Солнцеликого Заринома, владельца Турчина и Огбы. Деваться им было некуда и вскоре, зачисленное в особое штурмовое подразделение, они были размещены в столице. Турчин представлял собой скучный маленький городок, но Стивен не терял надежды выбраться с планеты именно отсюда. Солдаты разного цвета кожи проводили свои дни, шатаясь по предместью, напиваясь до бесчувствия и устраивая драки во всех местных увеселительных местах. Стивен с Муром стараясь разорвать общий опупляющий ритм такой жизни, слишком часто в общих попойках участия не принимали. Стивен вспоминал свои давние занятия фехтованием, когда-то в молодости и они с Муром на пустыре за казармами часто скрещивали лучевые клинки, острые лучи с треском ударялись, стайками слетали с них искры, лениво подрагивали в сумерках лохматые листья деревьев в тени за покосившимся забором, а на деревянной колоде у ворот сидели двое смуглых парней в пятнистых комбинезонах. Бессмысленными взглядами они уставились на трещащие искры, на скачущих из стороны в сторону Стивена и Мура, время от времени они икали, прикрывая рты ладонями...

Один день невозвратно уходил вслед за другим и вереница их исчезала в пурпуре закатов.

Предрасветный тот час был ничем не примечателен. Джунгли вдалеке тонули в серой пелене, птицы в кронах деревьев уже начали привычную возню, но внезапно мирные звуки заглушил треск автоматных очередей.

В военном городке замечались фигурки в пятнистых комбинезонах, Стивен с Муром, увешанные оружием, бежали к бронированному колпаку на северной стороне заграждений. Мур яростно ругал все эти полуночные метания, всех правителей на свете и идиотскую обязанность волочить все эти железки. Стивен плюхнулся на мешки с песком и, скользнув взглядом по полоске джунглей, сразу же отметил два урчащих пятнышка, отрывисто бросил Муру:

– Смотри-ка, у них броневики, сгрузи все тут, а сам беги к колпаку, скажи, чтобы срочно поддержали штурмовыми вертолетами, прорыв будет именно здесь.

Робот затопал по бетону, от вышки в углу потянулся прерывистый пунктир трассирующих пуль куда-то за броневики, оттуда плюнуло огнем и тяжелый взрыв прижал Стивена к земле. Рядом уткнулся в мешки ввернувшийся Мур. Он приподнял голову и сказал деловито:

– Слушай, если выкатить установку из укрытия, можем сшибить броневика!

– Если они нас раньше не подожгут! Ну, давай, только быстро!

Пули противно завизжали где-то сбоку и над головой. Оба они рванулись в сторону, долго тащили тяжелый лафет по склону укрытия, укрепили его опоры наверху. Стивен долго вглядывался в окуляр прицела, подкручивая маховик, ближе, еще ближе, еще, – установка подпрыгнула и выплонула обе ракеты, те понеслись к броневика, он развернулся в тучах пыли, блеснуло короткое пламя взрыва, раздался тяжкий глухой удар, броневик осел на бок и зачал. Стивен принялся разворачивать установку в другую сторону. Подбежал наконец ее штатный расчет, Стивен и Мур вернулись за мешки с песком. Впереди по равнине бежали кучки солдат, они вытащили тяжелый пулемет и Стивен, поймав в прорезь прицела бегущие фигурки, нажал на гашетку. Фонтанчики песка от разрывов взметнулись совсем рядом с ними. Фигурки вдалеке попадали на землю, в ответ ударили автоматы с холма. Пули повизгивали над их головами.

Урчание броневика послышалось теперь откуда-то сбоку. Стивен чертыхнулся, они выглянули из-за мешков – внезапно тяжелый удар разметал мешки слева, заорали солдаты, установка рухнула на бок, одно колесо ее беспомощно задралось и медленно крутилось. Стивен подхватил пулемет, Мур – остальное и они побежали в сторону взрыва. Начальство, видимо, отсиживалось под бронеколпаками.

Грохот двигателя раздался совсем рядом. Громада броневика выросла перед ними. Стивен похолодел – пули рвали ткань мешков и комбинезоны убитых. Он расстегнул сумку на боку, достал тяжелый цилиндр гранаты. Мур рванулся в сторону, заметив солдат слева, Стивен ударил по ним из пулемета. Мур взмахнул рукой и плашмя бросился на землю.

Взрыв качнул Стивена. Броневик завертелся на одном месте, взрывая землю разорванной гусеницей, башни его зло плевались огнем. Их качнуло еще раз и броневик окутался дымом. Стивен видел, как Мур, привстав, поливает из автомата все живое вокруг броневика. Где-то рядом закричали солдаты – в окопы за мешки с песком прорвалась вражеская пехота. Стивен взгромоздил пулемет повыше и стегал очередями по окопам, пока темные фигурки не поползли назад. Над их головами раздался тяжелый гул, по полю взметнулись грибы разрывов, вертолеты заметались над полем, джунгли впереди вспыхнули белым ярким пламенем, – с вертолетов ударили зажигательными ракетами. Разрывая воздух винтами, они сте-

гали по земле трассерами тяжелых пулеметов, впереди все дымилось.

– Что, Мур, отбились! Сейчас подкрепление подойдет.

Мур пробурчал что-то себе под нос, прихлопнул тлеющий угол мешка перед ними, на люках броневика перебегали яркие огоньки, в воздухе стоял удушливый запах гари. Мур скривился:

– А пошли бы они все, Стивен... Подкрепление... Надоело все, когда только кончится!

Стивен положил горячий от стрельбы автомат на землю, тыльной стороной ладони вытер потный лоб, ему смертельно хотелось спать...

На плацу выстроен был весь их отряд. Высокий мужчина с седоватыми волосами и печально повисшими усами, в полевой форме, обходил строй, вглядываясь в лица. Стивен и Мур с любопытством смотрели на Солнцеликого – это был именно он. Увидев их, Зарином подошел поближе и сказал Стивену:

– Я знаю – вы храбро дрались. И я хотел бы иметь таких воинов в охране дворца!

Он похлопал Мура по плечу и негромко пробормотал что-то еще.

Стены поднимались позади строя, – старые, с глубокими выбоинами, они высоко поднимались к небу, впереди были стены пониже, за ними виднелись дворцовые постройки из белого камня, – высокие и легкие тянулись они вверх как невиданные деревья с пышными кронами ажурных крыш на башенках.

Строй поражал несхожестью лиц, редкостью был здесь только белый цвет кожи Стивена, да металлический отблеск фигуры статного Мура.

Наряду с угольно-черными, зеленовато-желтыми, встречались синеватые и даже фиолетовые цвета. В охране дворцового комплекса собрались наемники из всех, пожалуй, обитаемых местностей планеты. Перед строем в развевающихся просторных одеждах соловьем разливался начальник охраны:

– ...Я верю в вас, ребята, в это трудное время вы покажете чудеса стойкости, как не раз бывало, и не подведете. И вновь...

– Завел шарманку! – недовольно проворчал Мур. Они со Стивеном находились здесь уже месяца три. По сравнению с пригородом их положение здесь было гораздо лучше – они жили в небольшой отдельной комнатке с узкими окнами во двор. Еда была отменная, вина – превосходные.

Мир прошлого далеко отошел от Стивена. Где-то в глубинах памяти остались триумфальные космические рейды, даль-

ние разведки и сражения. Они привыкли к образу жизни наемных солдат. И только иногда, душными короткими ночами, воспоминания о прошлом мучили Стивена.

Подчиняясь резкой команде, строй распался, наемники потянулись в разные стороны темного крепостного двора. Только один сухощавых тщедушный человек остался стоять, что-то нащепывая и тихонько взмахивая руками.

– Не пойму я, зачем этого типа они тут держат?

Мур неопределенно пожал плечами:

– Я слышал, он не то маг, не то провидец.

– Ну и компания у нас с тобой! – печально заявил Стивен. И оба зашагали к мрачному зданию казарм.

Ночь стояла тихая. Где-то далеко, за озерами выли какие-то твари. Мур прохаживался по дорожке возле крохотных деревьев, покрытых белыми цветами. Стивен повернулся к нему и в это время небо сзади раскололось грохотом, их сильно трянуло и над стеной у главных ворот медленно занялось малиновое зарево. Оба бросились к внутренней стене прямо по клумбам, мимо изящных белых беседок, – дальше, дальше... Внизу, в черном провале между стен которого лаяли автоматы, басовито огрызались пулеметы, языки пламени ласково облизывали кладку стен в глубоких выбоинах от осколков. По хриплому разговору попискивающей рации у бронеколпака, они поняли, что бронегруппа прорывается у западных ворот, которые ей удалось взорвать. Два броневика подожгли у стены, теперь бой идет у внутренних ворот, пока подойдут вертолеты и бронетехника, надо блокировать их между стенами. Стивена и Мура начальник послан на усиление группы левого бронеколпака.

Они быстро натянули кирасы бронезилов, массивные шлемы со встроенными переговорными устройствами, перетянулись ремнями с подсумками, приладили запасные диски. В длинный карман по шву сбоку каждый вложил матовый цилиндр лучевого клинка Экипировку довершили автоматы с толстыми короткими стволами. Тяжело топя сапогами Стивен, Мур и еще несколько наемников бросились в направлении массивных, сваренных из броневых листов внутренних ворот...

Через четверть часа Стивен отбросил уже второй пустой диск автомата. Едкий дым застилал площадку у взорванных ворот. Мур примостился рядом, чуть левее дымились развалины бронеколпака, разрушенного прямым попаданием из броневика. Метрах в тридцати от них уткнулся стволом в землю с треском горящий броневик. От ворот изредка постреливали, со стены короткими очередями, сопровождающимися

гулким эхом, отвечал пулемет. Под аркой, у поваленной створки ворот Стивен заметил какое-то шевеление и понял, что пока там не накопилось слишком много десантников для новой атаки, надо попытаться выбить их оттуда.

Где-то за ними уже минут пять, тот тщедушный человек, о котором они говорили как-то с Муром на плацу, приплясывал и что-то бормотал под нос. Стивен уже запрашивал о нем по радию. Ответили: – «Не мешать ему, он вас поддержит!» «Песенку споет, что ли», – подумал Стивен. И опять переключился на возню под аркой. Вскоре он взглянул на него еще раз и долго не мог отвести взгляда.

Разумеется, стоя на виду, темнокожий колдун рисковал быть убитым наповал, но вглядываясь, Стивен заметил, что его окутывает туманная дымка и пули, злыми шмелями свистящие по двору, высекая искры, ударялись о пелену, с визгом рикошетят, но не пробивают ее. «Да, вот это поддержка», – Стивен не верил своим глазам, но тут ударил снова пулемет со стены и пришлось отвернуться. Они перебросились по радио отрывистыми замечаниями с Муром. Тут поддержал его идею. Но первым решил пойти сам, обеспечить его огневой поддержкой должны были со стены, Стивен и наемники справа от ворот. Он подтянул к себе массивную трубу гранатомета, достал из ящика рядом снаряд для него, вставил его в ствол и тихонько выдвинул дуло из-за бетонного гребня, навел на темную массу за поваленной створкой и нажал на спуск. Назад вырвалась огненная струя, он опустил голову, а когда поднял ее, уловил силуэт Мура, мелькнувший в желтой мути разрыва, затем, стреляя на бегу, он бросился за ним, – рванулся от горящего броневика дальше, – Мур, прижимаясь к каменному выступу, палил поверх поваленных створок, Стивен поддержал его огнем, по двору бежали какие-то фигурки. Вдруг Мур бросился плашмя на землю и через мгновение язык пламени ударил прямо над ним, разметав подбегающих наемников. Из-под арки, тяжело урча, раздвигая, будто фанерные створки ворот, лязгая гусеницами, выполз танк, Стивен сорвал с пояса тяжелый цилиндр, сорвал чеку и метнул его под гусеницы, тяжело ухнул взрыв, но танк по-прежнему легко двигался на него. Стивен, как во сне, медленно бросил взгляд на ящик со снарядами для гранатомета, но тут на броне танка вспыхнул огненный шар, танк завертелся на месте, люки не открывались, кто-то из гранатомета ударил почти в упор. Железная громада вздрогнула, башня приподнялась на мгновение и из щели между нею и корпусом плеснуло пламенем, раздался оглушительный взрыв...

Стивен и Мур, вжимаясь в бетон, подпустили набегающую пехоту поближе и разом ударили из автоматов – первые уткнулись как бы в невидимую проволоку, цепь за ними застряла.

Затем две волны солдат сшиблись в узком дворике, слышались глухие удары, хриплые выкрики, – Мур и Стивен, вытащив на бегу лучевые клинки, бросились в гущу свалки. Стивен чуть повернулся, чтобы выпустить из рукоятки острый луч, Мур срезал двух первых солдат, в стороны брызнули осколки бронжилетов, Стивен развернулся, луч, затрещав, располосовал кого-то в темном балахоне, в плечо его сильно ударило, он отмахнул клинком, – и еще одно тело мягко, как ватное, повалилось к его ногам. Свалка у ворот затихала, когда огненная волна просто смела его – на минуту Стивен потерял сознание, а когда с трудом разлепил обожженные веки, то понял, что валяется, все еще сжимая трещащий лучевой клинок, у самых гусениц горящего танка, в самой неудобной позе, левая рука не чувствовалась совершенно и как-то странно была вывернута назад, а из ворот выползал, то и дело выплевывая струи пламени, броневик с огнеметом, перед ним дымилось какое-то тряпье.

Затем Стивен как-то отвлеченно видел, как худенькая фигурка в пелене защитного поля сложила руки над головой, закружилась, постепенно ее контуры исчезли, под пеленой вспыхнул ослепительный свет, раздался гул, как будто взлетал тяжелый глайдер и невероятно быстро гудящая стена пламени понеслась прямо на броневик. Стивен прикрыл глаза, закрыл рукой лицо и попытался откатиться за танк, его что-то ударило по ноге и сознание померкло...

Очнулся он от слабого попискивания в наушниках шлема, как бы издалека слышал он свои позывные и с трудом разжав губы, прошептал:

– Здесь, здесь у танка, жив я.

Язычки зыбкого пламени танцевали на броне, провал ворот заволакивался густыми клубами желто-серого дыма, где-то в глубине под аркой что-то ярко, рассыпая искры, догорало. По всему дворику кучками тряпья валялись наемники в пятнистых комбинезонах и шлемах.

В дыму Стивен смутно различил чью-то длинную фигуру, она брела прямо к нему. Он попробовал сесть, левая рука вся горела, кривясь от боли, он сел, прислонясь к катку танка – сапог на правой ноге был разодран, но когда он попробовал ей двигать, она действовала, хотя и тупо ныла.

Порыв ветра отнес дым в сторону, теперь Стивен узнал Мура, тот был покрыт копотью, только луч по-прежнему вы-

рывался из рукоятки, весело потрескивая. Мур тяжело опустился рядом, они молчали. Стивен взглянул вверх, – разрывая клубы дыма над ними пронеслись вертолеты в пятнистой маскировочной окраске. Стивен закрыл глаза и безразлично повторял в микрофон:

– Мы у ворот. У ворот...

В огромном зале ярко горели светильники. Одежды самого немислимого покроя отливали золотом, вспыхивали на них разноцветными огнями драгоценные камни. По случаю торжеств Стивен и Мур облачились в парадные темно-синие мундиры. Гости с любопытством поглядывали на них.

Наконец полированные темные двери распахнулись и появились Солнцеликий в сопровождении пышной свиты, все замерли в поклоне. Заринам выглядел усталым, глаза его западали. Увидев Стивена и Мура, он сейчас же подошел к ним и отрывисто сказал:

– Знаю, знаю, как вам хочется бросить старика желтокожим на растерзание! Ну, ладно, – раз уж я обещал, значит, так и сделаю! Но на сегодняшний вечер вы все же мои храбрые солдаты!

За столом Стивен напился, и Мур еле дотащил его до постели, а на рассвете вертолет доставил их в пустынную область на юге. Стивен опустился на теплый песок, хлопнул по борту железной громадины и заорал:

– Эй, прощайте, суровые мои!

И они с Муром не спеша побрели по холмам к указанному ориентиру – старому засохшему дереву. Вертолетчики во все глаза смотрели, как бесстрашные существа шагают к проклятому месту. В небе сверкнуло, гром прокатился по холмам, дисковидная тень скользнула из-за облака:

– Эгей-гей, Мур, – кричал Стивен, – чтоб тебя, – это же глайдер!

Он, прихрамывая, побежал по песку. Мур привычно опустил правую руку на рукоятку лучевого клинка и зашагал следом.

"Звездная Месть"

Фантастико – приключенческий
роман – эпопея

В 1996 году мы продолжим публикацию фантастического романа Юрия Петухова "Звездная Месть". Читатель вновь встретится с любимыми героями романа на страницах заключительной Пятой Книги эпопеи – "Меч Вседержителя"

Юрий Петухов
"Вторжение из Ада. Уход.
Фантастический роман

